

DOI: 10.21209/1996-7853
DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4

ISSN 1996-7853 (Print)
ISSN 2542-0038 (Online)

ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕКТОР

Humanitarian Vector

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Забайкальский
государственный университет»

672039, Россия, Забайкальский край,
г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30

АДРЕС РЕДАКЦИИ

672007, Россия, г. Чита,
ул. Бабушкина, 129, каб. 126
Телефон: 8 (3022) 35-24-79
Факс: 8 (3022) 41-64-44

FOUNDER AND PUBLISHER

FSBEI HE
“Transbaikal State University”

30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita,
Transbaikal Territory, Russia, 672039

EDITORIAL OFFICE ADDRESS

Office no. 126, 129 Babushkina st.,
Chita, Russia, 672007
Phone: 8 (3022) 35-24-79
Fax: 8 (3022) 41-64-44

E-mail: zab-nauka@mail.ru

<http://www.zabvektor.com>

Том 19. № 4
2024

Vol. 19. No. 4
2024

Журнал зарегистрирован

Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС 77-71267 от 10.10.2017

Журнал входит в Перечень ведущих

рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук:

- 5.6.1. Отечественная история (исторические науки);
- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки);
- 5.6.3. Археология (исторические науки);
- 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки);
- 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки);
- 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки);
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки);
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (исторические науки);
- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки);
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки);
- 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки);
- 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (философские науки)

Направление номера журнала

Филология. Медиакоммуникации и журналистика

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях; высказываемые взгляды могут не отражать точку зрения редакции

Языки издания: русский, английский, китайский

Редакция журнала руководствуется положением Гражданского кодекса РФ по авторскому праву, международным стандартом редакционной этики, лицензией Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Подписной индекс журнала в «Пресса России» **42407**

Редакционная коллегия

Главный редактор

Ерофеева Ирина Викторовна, доктор филологических наук, доцент, Забайкальский государственный университет (г. Чита, Россия)

Ответственный секретарь

Седина Елена Витальевна, кандидат культурологии (г. Чита, Россия)

Размещение и индексация журнала

Научная электронная библиотека, CrossRef, DOAJ, Index Copernicus, Ulrich's Periodicals Directory, Citefactor, JIFACTOR, Journal Factor, Google Scholar, WordCat, Соционет, Знаниум, БиблиоРоссика, Арбикон, ИВИС, КиберЛенинка, Университетская библиотека онлайн, IPRbooks.

Редакционная политика журнала ориентирована на исследования, в которых рассматриваются ценностные ориентиры современного общества – новые и традиционные, значимые не только для личности и конкретного социума разных регионов, но и для мировой культуры в целом в условиях вызовов и угроз технологической революции, кризиса культур и их ценностных оснований, тотальной цифровизации мирового сообщества. В контенте номера представлено осмысление социокультурных проблем и аксиологических практик в рамках русской и зарубежной филологии, аксиологии медиадискурса, языковой картины мира и поэтики текста.

Материалы журнала будут интересны широкой научной общественности, преподавателям и учащимся, деятелям культуры и образования – всем, кто обеспокоен вопросами гуманизма в его исконном и фундаментальном статусе, проблемой сохранения культурного многообразия общества, интересуется ментальной картиной мира, знаковыми реалиями разных социумов.

© Забайкальский государственный университет, 2024

Редактор А. А. Рыжкова, редактор перевода В. М. Ерёмина, технический редактор Г. А. Зенкова

Подписано в печать 16.12.2024. Дата выхода в свет 19.12.2024.
Формат 60×84 1/8. Бумага ксерографическая. Гарнитура "Arial".
Способ печати цифровой. Заказ № 24044.

Усл. печ. л. 19,6. Уч.-изд. л. 17,1. Тираж 1000 экз. (1-й з-д 1–100 экз.).
Цена свободная

Отпечатано в ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, Россия, г. Чита, ул. Александровская, 30

The journal is registered

by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)

Registration certificate

ПИ № ФС 77-71267 of 10.10.2017

The journal

is in the list of the leading refereed scientific journals and editions which publish the main results of dissertations for academic degrees of doctors and candidates of sciences:

- 5.6.1. National history (historical sciences);
- 5.6.2. Universal history (of the corresponding period) (historical sciences);
- 5.6.3. Archeology (historical sciences);
- 5.6.4. Ethnology, anthropology and ethnography (historical sciences);
- 5.6.5. Historiography, source study and methods of historical research (historical sciences);
- 5.7.7. Social and political philosophy (philosophical sciences);
- 5.7.8. Philosophical anthropology, philosophy of culture (philosophical sciences)
- 5.9.1. Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation (philological sciences);
- 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences);
- 5.9.9. Media communications and journalism (philological sciences);
- 5.9.9. Media communications and Journalism (philosophical sciences)

Journal Issue direction

Philology. Media communication and journalism

The authors are fully responsible for the selection and presentation of the facts contained in their articles; the views expressed by them may not necessarily reflect the views of the editorial board

Publication languages:

Russian, English, Chinese

The editorial board is guided by the provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Copyright, International Editorial Ethics Standards, Creative Commons license "Attribution" ("Attribution") 4.0 Universal

Subscription index of the journal in "Press of Russia" **42407**

Editorial Board

Editor-in-chief

Erofeeva, Irina V., Doctoral Degree (Philology), Associate Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia)

Executive Secretary of the Editorial Board

Sedina, Elena V., Candidate of Culturology (Chita, Russia)

Journal placement and indexing

E-library, Crossref, DOAJ, Index Copernicus, Ulrich's Periodicals Directory, Citefactor, JIFACTOR, Journal Factor, Google Scholar, WordCat, Socionet, Znanium, BiblioRossica, Arbicon, IVIS, KiberLeninka, University library online, IPRbooks.

The editorial policy of the journal focuses on the studies which examine the values of modern society – new and traditional, significant not only for the individual and specific society of different regions but also for the world culture as a whole in the face of challenges and threats of the technological revolution, crisis of cultures and their value bases, and the total digitalization of the world community. The content of the issue presents an understanding of sociocultural problems and axiological practices within the framework of philology. The issue covers the studies in Russian and foreign philology media discourse axiology, linguistic picture of the world and text poetics culture.

Materials will be interesting to the wide scientific community, university lecturers, students, workers in culture and education, everyone who is concerned about humanism in its original and fundamental status, the problem of preserving the cultural diversity of society, and everyone who is interested in the mental picture of the world, sign realities of different societies.

© Transbaikal State University, 2024

Editor A. A. Ryzhkova, Editor of the English Translation V. M. Eremina,
Technical editor G. A. Zenkova

Signed to print 16.12.2024. Date of publication 19.12.2024.
Format 60×84 1/8. Xerographic paper. Headset "Arial".
Printing method digital. Order No. 24044.

Conv. quires. 19,6. Ed.-print quires 17,1. Circulation 1000 copies. (First impression 1–100 copies).
Free price

Printed by FSBEI HE "Transbaikal State University"
30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, Russia, 672039

Члены редколлегии

- Алеврас Наталия Николаевна**, доктор исторических наук, профессор, Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия);
- Ардашев Роман Георгиевич**, доктор философских наук, кандидат юридических наук (Иркутск, Россия);
- Афанасьева Эльмира Маратовна**, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия);
- Базаров Борис Ванданович**, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия);
- Батмаз Вейзель**, доктор наук, профессор, Стамбульский университет, заведующий отделом методов исследования, факультет коммуникаций, кафедра связей с общественностью и рекламы (Стамбул, Турция);
- Бернюкевич Татьяна Владимировна**, доктор философских наук, доцент, Московский государственный строительный университет (национальный исследовательский университет) (Москва, Россия);
- Богуславская Вера Васильевна**, доктор филологических наук, доцент, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия);
- Буржо Андре**, доктор социальных наук, академик, Национальный центр научных исследований Франции (Париж, Франция);
- Ванчикова Цымжит Пурбуевна**, доктор исторических наук, профессор, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия);
- Воронченко Татьяна Викторовна**, доктор филологических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Гомбоева Маргарита Ивановна**, доктор культурологии, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Гончаров Юрий Михайлович**, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия);
- Граля Хероним**, доктор исторических наук, Варшавский университет (Варшава, Польша);
- Дербишева Замира Касымбековна**, доктор филологических наук, профессор, Кыргызско-Турецкий университет Манас (Бишкек, Киргизия);
- Диев Владимир Серафимович**, доктор философских наук, профессор, Институт философии и права НГУ (Новосибирск, Россия);
- Жуковская Наталья Львовна**, доктор исторических наук, Центр азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия);
- Захарова Елена Юрьевна**, доктор философских наук, доцент, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Зубарева Вера Климовна**, доктор филологических наук, профессор, Пенсильванский университет (Филадельфия, США);
- Изухо Масами**, доцент, Токийский столичный университет (Токио, Япония);
- Иизука Фуми**, доктор антропологии, Калифорнийский государственный университет (Калифорния, США);
- Камалова Алла Алексеевна**, доктор филологических наук, профессор, Варминско-Мазурский университет в Ольштыне (Ольштын, Польша);
- Карасик Владимир Ильич**, доктор филологических наук, профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия);
- Келли Бэрон**, доктор наук, профессор факультета театральных искусств университета Луисвилля (штат Кентукки, США);
- Ковтун Наталья Вадимовна**, доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева (Красноярск, Россия);
- Константинов Александр Васильевич**, доктор исторических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Константинов Михаил Васильевич**, доктор исторических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Корконосенко Сергей Григорьевич**, доктор политических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия);
- Костырченко Геннадий Васильевич**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН (Москва, Россия);
- Куликова Елена Юрьевна**, доктор филологических наук, доцент, сектор литературоведения ИФЛ СО РАН (Новосибирск, Россия);
- Лига Марина Борисовна**, доктор социологических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Маслова Валентина Авраамовна**, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет (Витебск, Беларусь);
- Мисонжников Борис Яковлевич**, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия);
- Новиков Александр Николаевич**, доктор географических наук, доцент, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Петров Александр Юрьевич**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН (Москва, Россия);
- Пименова Марина Владимировна**, доктор филологических наук, профессор, Институт иностранных языков (Санкт-Петербург, Россия);
- Розов Николай Сергеевич**, доктор философских наук, профессор (Новосибирск, Россия);
- Романова Екатерина Назаровна**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН (Якутск, Россия);
- Саймонс Грег**, доцент, Центр российских и евразийских исследований (Уппсала, Швеция);
- Сидоров Виктор Александрович**, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия);
- Сонг Чжон Су**, профессор, университет Чжунг-Анг, Институт зарубежной филологии (Сеул, Корея);
- Стровский Дмитрий Леонидович**, доктор политических наук, доцент (Ариэль, Израиль);
- Сяобин Чжао**, доктор литературы, доцент, Хэбэйский университет (Баодин, КНР);
- Цзэмэдийн Цэрэндорж**, доктор исторических наук, доцент, Институт истории, этнографии АНМ (Улан-Батор, Монголия);
- Цэцэгма Жамбалын**, доктор исторических наук, профессор, Международный университет Их Засаг (Улан-Батор, Монголия);
- Черникова Ирина Васильевна**, доктор философских наук, профессор, Томский государственный университет (Томск, Россия);
- Шапошник Вячеслав Валентинович**, доктор исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории (Санкт-Петербург, Россия);
- Шевцов Вячеслав Вениаминович**, доктор исторических наук, Томский государственный университет (Томск, Россия)

Editorial Board

- Alevras, Natalya N.**, Doctor of History, Professor, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia);
- Ardashev Roman G.**, Doctor of Philosophy, Candidate of Law (Irkutsk, Russia);
- Afnas'eva, El'mira M.**, Doctor of Philology, Chief researcher, the Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia);
- Bazarov, Boris V.**, Doctor of History, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia);
- Veysel, Batmaz**, Doctor of Science, Professor, Istanbul University, Faculty of Communications, Head of Research Methods Branch, Public Relations and Advertising Department (Istanbul, Turkey);
- Bernyukevich, Tatiana V.**, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Moscow State University of Civil Engineering (National Research University) (Moscow, Russia);
- Boguslavskaya, Vera V.**, Doctor of Philology, Associate Professor, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia);
- Bourget, Andre**, Doctor of Sociology, Academician, French National Center for Scientific Research (Paris, France);
- Vanchikova, Tsymzhit P.**, Doctor of History, Professor, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia);
- Voronchenko, Tatiana V.**, Doctor of Philology, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Gomboeva, Margarita I.**, Doctor of Culturology, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Goncharov, Yuri M.**, Doctor of History, Professor, Altai State University (Barnaul, Russia);
- Grala, Hieronim**, Doctor of History, Warsaw University (Warsaw, Poland);
- Derbisheva, Zamira K.**, Doctor of Philology, Professor, Kyrgyz Turkish Manas University (Bishkek, Kyrgyz Republic);
- Diev, Vladimir S.**, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia);
- Zhukovskaya, Natalya L.**, Doctor of History, Head of the Center for Asian and Pacific Studies, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
- Zakharova, Elena Yu.**, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Zubareva, Vera K.**, Doctor of Philology, Professor, University of Pennsylvania (Philadelphia, PA, USA);
- Izuho Masami**, Associate Professor, Tokyo Metropolitan University (Tokyo, Japan);
- Iizuka Fumie**, Doctor of Anthropology, California State University (California, USA);
- Kamalova, Alla A.**, Doctor of Philology, Professor, University of Warmia and Mazury in Olsztyn (Olsztyn, Poland);
- Karasik, Vladimir I.**, Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Social and Pedagogical University (Volgograd, Russia);
- Kelly Baron**, Doctor of Sciences, Associate Professor, University of Louisville (Kentucky, USA);
- Kovtun, Nataliya V.**, Doctor of Philology, Professor, Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University (Krasnoyarsk, Russia);
- Konstantinov, Aleksandr V.**, Doctor of History, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Konstantinov, Mikhail V.**, Doctor of History, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Korkonosenko Sergey G.**, Doctor of Political Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia);
- Kostyrchenko, Gennady V.**, Doctor of History, Chief researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
- Kulikova, Elena Yu.**, Doctor of Philology, Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia);
- Liga, Marina B.**, Doctor of Sociology, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Maslova, Valentina A.**, Doctor of Philology, Professor, Vitebsk State University (Vitebsk, Belarus);
- Misonzhnikov, Boris Ya.**, Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);
- Novikov, Aleksandr N.**, Doctor of Geography, Associate Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Petrov, Aleksandr Yu.**, Doctor of History, Chief researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
- Pimenova, Marina V.**, Doctor of Philology, Professor, Institute of Foreign Languages (St. Petersburg, Russia);
- Rozov, Nikolai S.**, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia);
- Romanova, Ekaterina N.**, Doctor of History, Ethnography of the North-Eastern Russia's Peoples Department, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia);
- Simons Greg**, Associate Professor at Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies Box (Uppsala, Sweden);
- Sidorov, Viktor A.**, Doctor of Philosophy, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);
- Song Chon Su**, Professor, Chung-Ang University, Foreign Philology Institute (Seoul, Korea);
- Strovsky, Dmitry L.**, Doctor of Political Science, Associate Professor, Ariel University (Ariel, Israel);
- Xiaobing Zhao**, Doctor of Literature, Associate Professor, Hebei University (Baoding, People's Republic of China);
- Tsegmed Tserendorj**, Doctor of History, Associate Professor, Institute of History and Ethnology, Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaator, Mongolia);
- Tsetsegma Zhambalyn**, Doctor of History, Professor, 1st Vice Rector, Ikh Zasag International University (Ulaanbaator, Mongolia);
- Chernikova, Irina V.**, Doctor of Philosophy, Professor, Tomsk State University (Tomsk, Russia);
- Shaposhnik, Vyacheslav V.**, Doctor of History, Associate Professor, Department of History, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);
- Shevtsov, Vyacheslav V.**, Doctor of History, Tomsk State University (Tomsk, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРНЫЕ УНИВЕРСАЛИИ В ЛИТЕРАТУРЕ

<i>Вайрах Ю. В., Казорина А. В.</i> Мифологема «земля» в романе В. С. Гроссмана «Жизнь и судьба»	8
<i>Гаврич Вукашин.</i> Проблематика «русской идеи» и «Косовского завета» в компаративистском исследовании творчества Ф. М. Достоевского и П. П. Негоша	20
<i>Романов И. А.</i> Интертекст и гипертекст как средства передачи идеи жизнеутверждения в стихотворении Н. Моршена «О звёздах»	31
<i>Коста Эрика.</i> Марина Цветаева в интерпретации Кикки Гальярдо: расширение рамок русско-итальянских литературных связей	39

МЕНТАЛЬНОЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ДИСКУРСА

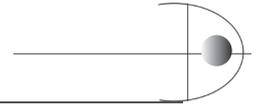
<i>Марьина О. В., Краева В. Ю.</i> Ключевые слова как маркеры образа жизни людей в алтайских частушках 1930–1950-х годов	49
<i>Прольгина И. В.</i> Библиографические сочинения Галена как источник по истории римской книжной культуры	60
<i>Розов Н. С.</i> Информационно-ментальный и социально-эволюционный контексты динамики войны и мира	69
<i>Романцова Т. Д.</i> Авторская художественная и нехудожественная проза в системе нарративов литературного музея	80
<i>Суслов И. В., Тихонова С. В.</i> Феномен советских ностальгических дискуссий в российском медиaprостранстве	91

АКСИОЛОГИЯ МЕДИА

<i>Аргылов Н. А., Храмовская К. А.</i> Репрезентация темы феминизма в российском медиaprостранстве: авторы и сюжеты	100
<i>Гордеева Е. Ю.</i> Медиакритика как форма репрезентации ценностных ориентиров редакции дореволюционной газеты (на материале «Нижегородского листка» начала XX в.)	110
<i>Сидоров В. А.</i> Историческая память в медиадискурсе о Специальной военной операции	120
<i>Ерофеева И. В., Михалёва Л. И.</i> Аксиологический потенциал эмоционального интеллекта военного журналиста в медиадискурсе	132

РЕЦЕНЗИИ

<i>Ильченко С. Н.</i> Экранная культура и литературная мифология массового сознания (два «Онегина» – 1999 и 2024 гг.)	141
<i>Корнилова Е. Н.</i> «Многострадальный» Одиссей в видеоиграх XXI века	151
<i>Шихалиева С. Х.</i> «Язык как он есть»: сборник трудов	162

CONTENTS

CULTURAL UNIVERSALS IN LITERATURE

Vairakh Y. V., Kazorina A. V. Mythologeme “Earth” in the Novel “Life and Fate” by V. S. Grossman	8
Gavric Vukasin. The Problems of the “Russian Idea” and the “Kosovo Testament” in the Comparative Study of the Works by F. M. Dostoevsky and P. P. Njegosh	20
Romanov I. A. Intertext and Hypertext as Means of Conveying the Idea of Life-Affirmation in N. Morshen’s Poem “About the Stars”	31
Costa Erika. Marina Tsvetaeva Interpreted by Chicca Gagliardo: Expanding the Scope of Russian-Italian Literary Ties	39

MENTAL AND LINGUACULTURAL SPACE OF DISCOURSE

Maryina O. V., Kraeva V. Yu. Keywords as Markers Indicating Lifestyle of People in Altai Ditties of the 1930s–1950s	49
Prolygina I. V. Biobibliographical Works of Galen as a Source for the History of Roman Book Culture	60
Rozov N. S. Information-Mental and Socio-Evolutionary Contexts of the Dynamics of War and Peace	69
Romantsova T. D. Author’s Fiction and Non-Fiction Prose in the Narrative System of the Literary Museum	80
Suslov I. V., Tikhonova S. V. Methods and Results of the Study of the Phenomenon of Soviet Nostalgia in the Russian Media Space	91

AXIOLOGY OF MASS MEDIA

Argylov N. A., Khramtsovskaya K. A. Representation of Feminism in Russian Media Space: Authors and Narratives	100
Gordeeva E. Yu. Media Criticism as a Form of Representation of the Value Orientations of Editorial Staff of a Pre-revolutionary Newspaper (Based on the Material of “Nizhegorodskiy Listok” of the Early 20th Century)	110
Sidorov V. A. Historical Memory in the Media Discourse on the Special Military Operation	120
Erofeeva I. V., Mikhaleva L. I. Axiological Potential of Military Journalist’s Emotional Intelligence in Media Discourse	132

REVIEWS

Ilichenko S. N. Screen Culture and Literary Mythology of Mass Consciousness (two “Onegin” – 1999 and 2024)	141
Kornilova E. N. Sufferer Odysseus in Video Games of the 21st century	151
Shikhaliyeva S. Kh. “Language as It Is”: Collection of Works	162

КУЛЬТУРНЫЕ УНИВЕРСАЛИИ В ЛИТЕРАТУРЕ

CULTURAL UNIVERSALS IN LITERATURE

Научная статья

УДК 81'27

DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-8-19

Мифологема «Земля» в романе В. С. Гроссмана «Жизнь и судьба»

Юлия Викторовна Вайрах¹, Анна Владимировна Казорина²

¹Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

²Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

¹vayrakh@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9811-525X>

²anna-kazorina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6751-8539>

В статье рассматриваются аспекты внутреннего мира, ментальные образы, возникающие в связи с осмыслением художественного мира писателя. Дается анализ мифологема «земля» («мать-сыра-земля, родина, родная земля, природа»), образная структура которой представлена в художественном пространстве романа В. С. Гроссмана «Жизнь и судьба». Языковые средства выражают мифологическую и символическую образность в художественном произведении. Цель исследования – проанализировать образы «своего», «родного» и «чужого», «неродного» мифологема «земля» в индивидуально-авторской картине мира В. С. Гроссмана. Выделение концептуальных связей мифологема «земля» отражает представления В. С. Гроссмана и его индивидуально-авторской картины мира, обнаруживает лингвокультурные смыслы национальной языковой картины мира. В исследовании мифологема «земля» рассматривается как индивидуально-авторское образование в художественном мире В. С. Гроссмана. Мифологемой «земля» представлено многомерное авторское понимание образов земли (образ родной земли, образ «мать-сыра-земля», образ родины, образ природы) как родовых маркеров метафорической образности мифологема земля. Они обнаруживают связь гроссмановского авторского мировидения и художественного мира произведения, в котором родовая связь поколений, защищающих матушку-землю, актуализируется во множественных контекстах. Поднимаемая тема в научной литературе не представлена, что определяет новизну исследования, в ходе которого применялись аналитический (анализ художественной образности произведения), дескриптивный (выделение в тексте языковых контекстов употребления слова «земля») и интерпретативный (истолкование смыслового универсума мифологема «земля») методы. В ходе исследования выделяется четыре семантических блока контекстов, систематизирующих родовую образность мифологема «земля»: образ родной земли, образ «мать-сыра-земля», образ родины, образ природы. Исследование образности мифологема «земля» посредством выделения родовой и мифологической образности представляется научно обоснованной необходимостью и перспективой дальнейших исследований индивидуально-авторской картины мира В. С. Гроссмана.

Ключевые слова: мифологема, мать-сыра-земля, земледelec, жница, родина-мать, родная земля, природа

Original article

Mythologeme "Earth" in the Novel "Life and Fate" by V. S. Grossman

Yuliya V. Vairakh¹, Anna V. Kazorina²¹Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia²Irkutsk State University, Irkutsk, Russia¹vayrakh@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9811-525X>²anna-kazorina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6751-8539>

The article examines aspects of the inner world, mental images that arise in connection with the comprehension of the writer's artistic world. The study analyzes the mythologeme "Earth" ("mother moist earth, motherland, native land, nature"), the figurative structure of which is presented in the artistic space of the novel "Life and Fate" by V. S. Grossman. Linguistic means express mythological and symbolic imagery in a work of art. The purpose of the study is to analyze the images of "one's own", "native" and "alien", "non-native", which actualize the mythologeme "Earth" in the individual Grossman's picture of the world. Highlighting conceptual connections in the text shows the ideas of V. S. Grossman and his individual author's picture, reveals the linguocultural meanings of the national linguistic picture of the world. In our study, the mythologeme "Earth" is considered as an individual author's formation in the artistic world in the novel "Life and Fate" by V. S. Grossman. The mythologem "Earth" represents the author's multidimensional understanding of the images of the earth (the image of the native land, the image of "mother moist earth", the image of the motherland, the image of nature) as generic markers of the metaphorical imagery of the mythologem earth. In turn, they reveal the connection between Grossman's author's worldview and the artistic world of the work, in which the ancestral connection of generations protecting Mother Earth is actualized in multiple contexts. The topic raised is not presented in the scientific literature, which undoubtedly determines the novelty of the study, during which analytical, descriptive and interpretive methods were used. In the course of the study, four semantic blocks of contexts are identified that express the generic taxonomy of the imagery of the mythologeme "Earth" (the image of the native land, the image of "mother moist earth", the image of the motherland, the image of nature). The study of the imagery of the mythologeme "Earth" by identifying generic, mythological, theomorphic, ritual, ritual metaphors seems to be a scientifically based necessity and a prospect for further research into the individual author's picture of the world.

Keywords: mythologeme, mother moist earth, farmer, reaper, motherland, native land, nature

Введение. Статья посвящена описанию родовых образов мифологемы «земля», воплощённых в художественной картине мира. Исследователи сосредоточены на решении трёх задач: 1) проанализировать родовые образы мифологемы «земля», используемые В. С. Гроссманом; 2) выявить способы вербализации образности мифологемы «земля», которые есть в описании хода войны в художественном тексте; 3) соотнести образы земли, созданные В. С. Гроссманом, с существующими в русской лингвокультуре. Объектом исследования в статье выступают родовые экспликации образа земли: земли-матери, древнего образа «мать-сыра-земля», земли-родины, земли-природы. Предмет исследования – способы вербализации мифологемы «земля» посредством создаваемых образов.

Методология и методы исследования. В работе применяется аналитический (анализ художественной образности произведения), дескриптивный (выделение в тексте языковых контекстов употребления слова «земля») и интерпретативный (истолкование смыслового универсума мифологемы

«земля») методы. Материалом исследования послужили языковые контексты произведения «Жизнь и судьба» В. С. Гроссмана.

Роман В. С. Гроссмана «Жизнь и судьба» находится в центре внимания литературной критики. Большая часть исследовательских публикаций была посвящена изучению философии свободы в произведении. В литературно-критических работах по творчеству В. С. Гроссмана помимо осмысления мировоззрения писателя изучается конфликт автора романа «Жизнь и судьба» с идеологической системой, его отношение к редакционной политике изданий («Знамя» и «Новый мир») и особенности стиля В. С. Гроссмана.

А. Бонола отмечает, что лингвистический подход к тексту романа «Жизнь и судьба» оправдан тем, что «главная тема романа – борьба между отдельной личностью и тоталитарным государством, но одно из основных средств такой борьбы, как уже отмечено многими российскими и зарубежными исследователями (M. Głowiński [1], V. Klemperer [2], J. W. Young [3]) как раз коммуникация: в тоталитарном государстве

статус слова... тесно связан с властью» [4]. Литературная критика посвящена философскому осмыслению понятий: судьба, жизнь, свобода, нравственный выбор в произведениях В. С. Гроссмана (А. Popoff [5], М. Anissimov [6], F. Ellis [7], J. Garrard, C. Garrard [8], A. Beevor [9], Zh. Zhalieva [10], N. G. Elina [11]).

В критической оценке исследователей отмечается, что философия писателя близка философии экзистенциалистов XX в. (М. Хайдеггер, А. Камю), и обнаруживается влияние творчества Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого на мировоззренческую концепцию писателя. Среди исследований романа В. С. Гроссмана «Жизнь и судьба» сравнительно мало работ, посвящённых поэтике произведения. В диссертации С. Н. Абдуллаевой «Особенности жанрово-стилевой репрезентации авторской позиции в романе В. С. Гроссмана «Жизнь и судьба»» анализируется речевая структура произведения: функции изобразительно-выразительных средств, контраст и парадокс как основа авторской позиции [12]. Н. Л. Карпичева в работе «Проблематика и поэтика поздней новеллистики В. С. Гроссмана в контексте русской малой прозы 1950-х – первой половины 1960-х гг.» обращается к анализу образно-смыслового поля рассказов В. С. Гроссмана в контексте проблемы тоталитарного государства и личной свободы человека [13].

Почти 30 лет роман В. С. Гроссмана «Жизнь и судьба» шёл к своему читателю, так как текст произведения в середине 1970-х гг. был вывезен за границу, а роман по крупицам восстанавливался из уцелевших фрагментов и был опубликован в 1980 г. в Швейцарии. В России роман был напечатан в 1988 г. в журнале «Октябрь». Грандиозная панорама народной жизни в период Великой Отечественной войны требовала от автора большого внимания к слову.

Индивидуально-авторская картина мира автора включает духовные концепты культуры и философские категории, размышления автора о судьбе, жизни, смерти, свободе и нравственном выборе. Многими учёными рассматривается художественный концепт как единица «индивидуального сознания, авторской концептосферы, вербализованной в едином тексте творчества писателя». И. А. Тарасова в исследовании «Специфика индивидуально-авторского концепта в современной научной парадигме (на приме-

ре коротких рассказов американского писателя Д. Чивера)» рассматривает вопросы поэтического идиостиля; С. В. Манджиева в работе «Специфика индивидуально-авторского концепта в современной научной парадигме (на примере коротких рассказов американского писателя Д. Чивера)» выделяет специфические черты индивидуально-авторского концепта [15]; А. А. Адамчук в статье «Концепт и художественный концепт как лингвокогнитивные категории» анализирует художественный концепт [17].

По мнению лингвокультурологов, «язык осуществляет семиотизацию культурных смыслов, берущих начало в глубине веков, но когнитивно релевантных современному языковому сознанию» [22]. Согласимся с тем, что традиционно лексика обнаруживает взаимосвязь языка и культуры: «слова с особенно выразительной и обязательной «культурной нагрузкой» описываются под названием ключевых слов, культурем и лингвокультурем, а также культурных концептов» (подробнее об этом см.: [23]). Мифологема архаична, символична, образна и определяется как «часть мифа, утратившая чёткие черты в связи с забытостью исходного образа, сохранившая в фольклоре наиболее устойчивые признаки символа, восходящие к определённому сюжету или персонажу» [24, с. 131].

Цель исследования – описать образность мифологемы «земля» в романе В. С. Гроссмана «Жизнь и судьба». В работе М. В. Пименовой, Е. А. Мошиной выделяются значения мифологемы «мать-сыра-земля»: «1. Земная жизнь на этом свете. 2. Аграрная деятельность человека (пахота). 3. Семья – земная и небесная. 4. Ритуальная практика (клятва, ладанка; горсть / щепотка земли, перевозимая в новый край). 5. Смерть – похороны. 6. Рождение и возвращение в землю» [25, с. 138–151]. Е. А. Мошина опирается на индоевропейскую и общеславянскую природу концепта «земля» при описании концептуальных признаков: низ, пол/поверхность, носить на себе, обрабатываемая земля/почва. На основе этих признаков можно выделить и другие смыслы: место расселения, народ, род, войско, страна, государство, буква старославянского алфавита, мир и др. [26].

Экспликация родовых образов мифологемы «земля» впервые подвергается всестороннему анализу. Родовая образность

мифологемы «земля» воплощается в значении «защита земли», «защита родины», «защита земли-матери».

Результаты исследования и их об- суждение. Панорамное изображение гибели родной земли, родины, природы, народа, живущего на этой земле, требовало от автора романа сосредоточенности, ёмкости выражения смыслов, скрытых образов, мотивов, аллюзий, реминисценций и элементов авторского мифа. Внимание к языковой многослойности определило выбор концептуального анализа текстовой структуры.

Анализ мифологемы «земля» позволя- ет выделить в художественном тексте об- разные блоки родства:

Образный блок родства 1. «Родная земля, родное/неродное простран- ство». В мифологеме «земля» реализуется значение «поверхность», «низ», зафиксиро- ванное словарями и представленное в ро- мане. Лингвокультурный код мифологемы «земля» обнаруживается в составе лексем со значением «поверхность»: «над землёй стоял туман», «над поверхностью земли»¹. С признаком связан мотивирующий признак «почва»: «земля на рассвете стала влаж- ной», «вздыхались комья земли и глины», «клубящиеся земляные облака», «присыпал землёй», «Под землёй слышался гул назем- ной бури»². Авторское представление зем- ного пространства читается в локусе «Цар- ство Божье»: «труд приведёт к Царству Божьему на земле»³. В. С. Гроссман исполь- зует фразеологизмы: «ходить по земле», «жить на земле». Земля мыслится как род- ная земля, родное пространство, которое во время войны воспринимается как чужое или, наоборот, как близкое и родное, требу- ющее защиты.

В тексте В. С. Гроссмана родная «зем- ля» в символическом значении «простран- ство» реализуется через изображённые то- посы (Россия, Сталинград, Крым, Севасто- поль, Москва, Казань, Украина, немецкий лагерь, лагерь Дальстроя, Казахстан и др.); а также объекты природы (лес, луг, сад, тай- га, степь). Родную землю как обжитое про- странство в романе воспринимают Иконни- ков (*Эта была его давняя мечта, он верил, что сельскохозяйственный коммунистиче-*

ский труд приведёт к Царству Божьему на земле»)⁴ и Чепыжин в разговоре с Штрумом (*Возникнет преобладание живой массы Земли! Затем оживут планеты*)⁵. И Чепы- жин, и Иконников мечтают о преобразении мира, которое Иконников видит в созидани- и, а Чепыжин – в количественной эволю- ции человечества, которое скоро заполнит пространство земли и будет вынуждено ос- ваивать подземные пространства (*Человек, заселив пустыни, Арктику, станет ух- одить под землю, всё углубляя горизонты подземных городов и полей*)⁶. В утопических мечтах Чепыжина воссоздаётся ритуалема второго рождения по аналогии с существую- щими инициационными практиками.

Образность мифологемы «земля» в значении «родная земля, родное простран- ство» объективируется в образе Города. За- щитники Сталинграда в образе обороняю- щегося города объединяют все города, кото- рые необходимо защищать: Одесса, Сева- стополь, Москва. Сталинград – город-миф, обобщённый город, вобравший в себя при- знаки города-героя (*«Дремота смешала в памяти Крылова севастопольские и одес- ские бои, крик штурмующей румынской пе- хоты, мощённые камнем, поросшие плю- щом одесские двory и матросскую красо- ту Севастополя»*)⁷.

В. С. Гроссман пишет о Сталинграде: *«Мировой город отличается от других го- родов не только тем, что люди чувству- ют его связь с заводами и полями всего мира. Мировой город отличается тем, что у него есть душа. И в Сталинграде войны была заключена душа. Его душой была свобода»*⁸. Называя город на Волге мировым городом, автор создаёт душевный, очеловеченный и свободный город-миф: *«И в Сталинграде войны была заключена душа. Его душой была свобода»*⁹. Военный Сталинград представлен в романе как про- странство ада, потустороннего мира, про- странство смерти. Описание жизни и смер- ти в сражающемся Сталинграде передано через образы «кипящего чёрного котла», «огненной реки», «густой смоляной тьмы», «мрака», «оврага». В этом «потустороннем» мире воин похож на кузнеца: *«Он снял фу-*

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹ Гроссман В. С. Жизнь и судьба. – М., 1989. – 740 с. – URL: <http://lib.ru/PROZA/GROSSMAN/lifefate.txt> (дата обращения: 10.03.2024). – Текст: электронный.

² Там же.

³ Там же.

ражку, провёл рукой по волосам и стал похож на потного деревенского кузнеца; искры прыгали над его курчавой головой»¹. В мифологии кузнец наделён сверхъестественными способностями колдовать и заговаривать. Отметим образ чертыхающегося Чуйкова, похожего в пламени Сталинграда на кузнеца, который орудует в адском пространстве.

Образный блок родства 2. «Мать».

В обзоре исследований о мифологеме «земля» обнаруживается преемственность теоморфных образов, которые восходят к поклонению Великой Богине-матери. Богиней земли и урожая считали Макошь (Мокошь), имя которой включает корень ма-. Позднее имя богини запрещалось произносить, и все именовали её Параскева-Пятница. В пятницу нельзя было пахать землю, так как в этот день отмечался священный праздник поклонения богине «Макошь». Табуированная форма имени «мать-сыра-земля» появилась в народном обиходе позднее в значении «прародительница», «мать-прародительница». М. В. Пименова определяет значение персонажа «мать-сыра-земля»: «В славянской мифологии известен древний персонаж Мать-сыра-земля. Сравнение земли с женщиной основано на том, что земля, подобно женщине, воспринимается как воспроизводящая сила природы, дающая урожай, кормящая людей, помогающая продолжать род и т. д.» [25]. В XX–XXI вв. образ матери семантически выражается в словах «родина», «родная земля». Концептуальное содержание метафорического образного ряда «мать – «земля» / нива / пашня» выражается земледельческими образами: образ земли-матери: «жательница», «жница», «жнея»; образы отца и сына: «землепашец», «пахарь», «сеятель», «жнец», «земледелец», «севец». В словаре Д. Н. Ушакова даётся определение понятия «севец» – «тот, кто сеет, кто занят севом чего-нибудь, сеяльщик»². Анализируемые образы земли-матери и отца-земледельца тесно связаны с образом земли-родины, на защите которой стоят сыны отечества и отцы. Сыны отечества стоят на защите родины и воюют на ратном поле.

¹ Гроссман В. С. Жизнь и судьба. – М., 1989. – 740 с. – URL: <http://lib.ru/PROZA/GROSSMAN/lifefate.txt> (дата обращения: 10.03.2024). – Текст: электронный.

² Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. – М.: Дом Славянской кн., 2008.

В. С. Гроссман в романе безысходности и смерти противопоставляет любовь матери. Горе Людмилы Штрум духовно преображает и её: она живёт двойной жизнью, ожидая возвращения сына и не желая принять его смерть. Память матери становится соразмерной Вселенной: Людмила вспоминает свою работу в Астрономическом институте, о том, как она изучала метеоры. Но теперь эта научная деятельность не имеет никакого значения. Она, глядя на пронесившиеся в небе метеоры, загадывает, чтобы сын был жив.

Образ скорбящей матери имеет черты рождающей матери и матери – охранительницы, берегини, защитницы. Скорбящую мать отличает чувство скорби по тем, кто умер, и тем, кто ещё жив, но обречён. Писатель, используя аллюзии, противопоставляет жизнь женщин, переживших одинаковую трагедию. Образ страдающей матери обнаруживается в письмах матери к сыну: «Знаешь, друг мой, я всегда приучала тебя говорить мне правду, сын должен всегда говорить матери правду. Но и мать должна говорить сыну правду»³. Образ матери противопоставлен всему роду человеческому: «Все люди виноваты перед матерью, потерявшей на войне сына, и тщетно пробуют оправдаться перед ней на протяжении истории человечества»⁴.

Материнское отчаяние совершает чудо воскрешения: «Живое стало неживым. Живым во всём мире был лишь Толя»⁵; «Её отчаяние, подобно Богу, подняло лейтенанта из могилы, заполнило пустоту новыми звёздами»⁶.

Образный блок родства 3. «Убежище – родной дом». Мифологема «земля» в романе «Жизнь и судьба» образует ассоциативный ряд: жизнь, спасение, дом, защита, Родина. Характеристики земли реализуют идею защиты жизни, её сохранения: во время вражеского обстрела защитники Сталинграда прижимаются к земле; живут в землянках или подземельях. Блиндажи и окопы защищают землю от разрушения и смерти. Антропоцентричность образа земли подчёркивается в романе образами окопов и блиндажей, которые в войну заменяют человеку дом и начинают ассоциироваться

³ Гроссман В. С. Жизнь и судьба. – М., 1989. – 740 с. – URL: <http://lib.ru/PROZA/GROSSMAN/lifefate.txt> (дата обращения: 10.03.2024). – Текст: электронный.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

с человеком, который в нём нашёл убежище. *«Когда говорили о человеке, говорили и о его блиндаже»*¹, – пишет автор. Земля и «дом в земле» (окоп) говорят о человеке больше, чем черты его лица, поведение, привычки и слова. Очевидно, что война уничтожает привычные смыслы. В хаосе обороняющегося города человеческое видно в том, как человек обживается в бесчеловечных условиях: *«Толково сегодня Батюк поработал миномётами на Мамаевом кургане... И блиндажик, между прочим, у него: дверь дубовая, толстенная, как в сенате, умный человек»*²; *«А случалось, говорили о ком-нибудь так: – Ну что ж, потеснили его ночью, потерял ключевую позицию, связи с подразделениями не имел. Командный пункт его с воздуха виден, плащ-палатка вместо двери – от мух, можно сказать. Пустой человек, от него, я слышал, жена до войны ушла»*³.

Блиндаж становится символом жизни, условием выживания, вследствие чего требует от человека жизнеспособности, сопротивляемости, готовности к борьбе: *«Не для тепла и не в пример потомству строились сталинградские блиндажи. Вероятность встретить рассвет и час обеда грубо зависела от толщины блиндажных накатов»*. Блиндаж (выкопанная яма для живого человека) сравнивается в романе с ямой для погибшего – могилой, например: *«На переднем крае хоронили погибших, и убитые проводили первую ночь своего вечного сна рядом с блиндажами и укрытиями, где товарищи их писали письма, брились, ели хлеб, пили чай, мылись в самодельных банях»*⁴. В блиндажах и землянках идёт жизнь (родимцевский штаб, блиндаж у Батюка, рассказ про Жолудева). Автор вводит образ «журчащей реки крови», которая разливается в ямах, окопах, в земле: *«Никогда она не думала, что кровь бывает такой поразительно красной под солнцем. ...из ямы слышалось журчание крови, – она бежала по белым телам, как по белым камням»*⁵. Земля как последнее пристанище для погибших, так как они в условиях войны находятся рядом с живыми.

Живые торопятся не похоронить, а засыпать землёй умерших. Из-за вынужденной спешки у героев возникает чувство вины и стыда, однако такие похороны – единственное, что могут дать живые мёртвым, а *«те, что погибли в бою, в лесах, болотах, в овражках, в чистом поле, – тех, случалось, и не находили похоронщики, их хоронил песок, сухой лист, метель»*⁶. Это растворение человека в природе и исчезновение из памяти живых связывается с утратой земли, потерей возможности вернуться к ней и невозможностью воскрешения.

Мотив воскрешения проходит сквозной нитью в романе и связывается с мифологемой «умирающее и воскресающее божество», которая впервые была разработана в работе Д. Дж. Фрэзера «Золотая ветвь». По мнению Д. Дж. Фрэзера, она произошла из аграрных культов (смерть и возрождение растительного мира) либо из ритуалов инициации. Смерть в мифах об умирающем и воскресающем божестве рассматривается как переход к обретению бессмертия, божественного духа, обновлению. Обряды, реактуализующие момент рождения, в народной среде использовались для исцеления человека. В романе В. Гроссмана есть пример такого исцеления: мальчик Давид узнаёт, что человека, поражённого молнией, можно откачать, засыпав землёй (*«В прошлом году Дебора поехала гостить к сестре в Кодыму, и её во время грозы ударило молнией; её откачивали, засыпали землёй, и она два часа лежала, как неживая, а этим летом родила ребёнка»*)⁷.

Описание кладбища реализует мифологему умирающего и воскресающего бога. Могил много, а таблички на кладбище напоминают Людмиле Штрум засеянное поле: *их однообразие и густота напоминали строй щедро взошедших на поле зерновых...*⁸ Этот образ табличек-колосьев на могильных холмиках связывается и с аграрными ритуалами, породившими мифологему, и с представлением войны как жатвы, характерной для мифологического сознания. Силой материнского отчаяния происходит в романе чудо воскрешения: *«Живое стало неживым. Живым во всём мире был лишь Толя. Но какая тишина стояла кругом. Знает ли он уже, что она пришла»*⁹; *«Её отчаяние, по-*

¹ Гроссман В. С. Жизнь и судьба. – М., 1989. – 740 с. – URL: <http://lib.ru/PROZA/GROSSMAN/lifefate.txt> (дата обращения: 10.03.2024). – Текст: электронный.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

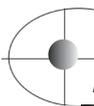
⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

добно Богу, подняло лейтенанта из могилы, заполнило пустоту новыми звёздами»¹.

Образный блок родства 3. «Земля – природа, стихия, первичный элемент».

Ассоциативный ряд этого значения в романе связан с образами тумана, снега, пыли, клубов, праха. Все эти признаки в языке объединяются в значении «материально, тленное», в том числе и человек, и противопоставляются «божественному, духовному». В романе В. С. Гроссмана мифологема «земля» как временное, смертное, отжитого противопоставляется, с одной стороны, небесному, космическому, вечному, а с другой – вечному обновлению и движению. Впервые образ «праха» появляется в эпизоде пребывания Крымова на СталГРЭСе: в подземелье у командующего Спиридонова поют «Рабочую Марсельезу»: «Отречёмся от старого мира, отряхнём его прах с наших ног»². Этот гимн и исполнитель воспринимается присутствующими как отжившее и ненужное.

Прахом становится недавнее революционное прошлое, однако Крымова оно не отпускает: он долго не может заснуть, вспоминая 1924 год, похороны Ленина и всё то, что связано с первым советским вождём. В других эпизодах романа образы пыли, песка и пепла семантически связываются со значением «прах» как смертного, ушедшего, умершего. На кладбище, где похоронен сын Людмилы, над могилами кружится серая пыль. Под ногами Викторова хрустят прошлогодние листья – «пепел от той жизни, что взрывала почки»³, а в разгар боя из тумана и пыли появляются люди, пыль закрывает небо, землю.

Наконец, Чернецов и Мостовский в лагере понимают, что «смерть пылью занесёт всё, что было в долгой жизни»⁴, а Даренский, не привыкший передвигаться по степи, начинает осознавать, что в песках нечем интересоваться: «всё равно и завтра, и послезавтра, и через год будет песок»⁵. С землёй, пылью, пеплом в романе связаны туман: «не то пыль, не то туман стояли в воздухе»; «пыльный туман стоял

над степью»⁶; «затем снова серый туман стал багровым»⁷. Роман В. С. Гроссмана начинается с описания земли, которую невозможно увидеть из-за тумана как символа смерти и боли. Образ тумана у читателя ассоциативно связывается с телесным, человеческим. Этим образом предваряется в романе описание лагеря как мира бесплодного и неестественного. Дождь символизирует плодородие, связь неба и земли, а его отсутствие подчёркивает бесчеловечность лагерной жизни, её ненормальность.

Все эти примеры в романе выстраиваются градационно и обозначают неразрывную связь мифологема «земля» с временем и вечностью: прахом становится историческое время, календарное время, военное настоящее, человеческая жизнь. Наконец, прах из категории «временного, тленного» становится символом вечности.

Образ снега в романе В. Гроссмана актуализирует устойчивые образы савана, холода, смерти и обречённости: «падали в снег измождённые люди и уже не вставали»⁸; «Всю первую половину ночи шёл снег, и сугробы завалили двери барачных, захлестнули дорогу, ведущую к шахтам...»⁹; «Я увидел деревни, умирающие голодной смертью, я увидел крестьянских детей, умирающих в сибирском снегу»¹⁰. Снег в лагере ассоциативно связывается с ощущением родной земли, с родиной и домом. Тем самым реализуется одно из ведущих свойств мифологема – тождество противоположностей. Жена Березкина пишет мужу о снеге, окрашивающем воду и небо в синий цвет. Она пишет о счастье, плачет от горя, от красоты, от яркости красок. В романе снег представлен в значении «саван земли», что символизирует смерть и неподвижность. Об этом свидетельствуют образ заваленной грязным снегом Москвы и «пятна снега» в немецком лагере. В финале романа образы снега и снегирей становятся воплощением спящей, но яростной и сильной жизни. Лес, по которому идут герои, наполнился ожиданием весны и готов к пробуждению.

Образ земли-природы мифологизирует в объектах природы (степь, лес, луг, сад, тайга, степь) и локусах художественного пространства (Россия, Сталинград, Крым,

¹ Гроссман В. С. Жизнь и судьба. – М., 1989. – 740 с. – URL: <http://lib.ru/PROZA/GROSSMAN/lifefate.txt> (дата обращения: 10.03.2024). – Текст: электронный.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

Севастополь, Москва, Казань, Украина, немецкий лагерь, лагерь Дальстроя, Казахстан и др.). Образ юго-восточной, ковыльной калмыцкой степи противопоставлен хребтам Кавказа, морям и русскому лесу: «Калмыцкая степь! Древнее, благородное создание природы, где нет ни одной кричащей краски, где скупые озера, наполненные тёмной и спокойной древней водой, кажутся, выражают суть воды больше, чем все моря и океаны»¹. Мощь степи побеждает войну и смерть, а военное оружие «обрастает бурьяном»², покрывается пылью. В степи у Даренского обостряется чувство безысходности, потому что никто не знал о грядущем наступлении и настоящем положении войск.

Лётчик Виктор, оказавшись в лесу, чувствует любовь к родине: «Этот лес, озёра дышали жизнью Древней Руси, о которой Виктор читал до войны»³. Лес ассоциируется с человеческой жизнью и временем: «На душе становится беспечно, и поляна – как счастливый день в бедной жизни»⁴. Метафору «лес-жизнь» усиливает сравнение леса с морем или водоёмом: «словно со дна, сквозь высокий, толстый слой лесного воздуха смотришь вверх, плещут листья»⁵. Завершает роман образ пробуждающегося от зимнего сна леса, который наполнен и радостью, и болью: «Но в лесном холоде весна чувствовалась напряжённее, чем на освещённой солнцем равнине... В её безъязыкой немоте слышался вопль об умерших и яростная радость жизни»⁶. Снег знаменует вечный сон: «под снегом спала ушедшая жизнь»⁷. Свет и синева снега становятся единственными признаками неотвратимо наступающей весны. Это видят и чувствуют Березкин с женой: их воссоединённая семья – и есть весна новой жизни, которую они осознают в этом ещё зимнем лесу. Победившие войну, любовь и верность завершают роман В. С. Гроссмана «Жизнь и судьба».

Лес наделяется в романе признаками манящего и одновременно опасного «сказочного» пространства. Наум Розенберг и

команда пленных сжигают казнённых евреев. В эпизодах описания работы бреннеров происходит осквернение обрядов захоронения, принятых в человеческом обществе. Общие холмы-могилы – преступление перед Землёй-Матерью, которой русский человек с уважением и скорбью передаёт тело умершего человека. Пугающий и страшный лес вспоминает еврейский мальчик Давид, который вместе с другими пленными евреями едет навстречу своей гибели. Он помнит книжку, подаренную мамой: «мама купила ему книжку-сказку. На лесной поляне стоял серенький козлик, рядом тьма леса казалась особо злоеющей»⁸.

В тексте В. С. Гроссмана образ земли-природы при описании внутреннего мира человека сближается с мифологемой «земля» в значении «космос», «Вселенная»: «потухли звёзды на ночном небе»⁹. Вселенная внутреннего мира человека восходит к образам погасших космических тел: «солнце», «Венера», «Марс», «Юпитер»; безжизненных природных объектов: «листья», «цветы»; природных стихий: «вода», «воздух».

Образный блок родства 4. «Земля (народ, страна, государство)». Осмысление «земли» как «родины» свойственно и сидящему в немецком лагере меньшевику Чернецову, и командующему Новикову, и Даренскому, который в степи ощущает себя на краю русской земли. Толковый словарь С. И. Ожегова трактует понятие «родина» как «Отечество, родная страна. Место рождения, происхождение кого-нибудь, чего-нибудь, возникновение чего-нибудь»¹⁰. Словарь Д. Н. Ушакова даёт более подробное определение: «1. Отечество; страна, в которой человек родился и гражданином которой он состоит. 2. Место рождения кого-нибудь. 3. Место зарождения, происхождения чего-нибудь (переносное значение). 4. Место возникновения чего-нибудь (переносное значение)»¹¹.

Можно выделить смысловые компоненты земли-родины, ценные для русского человека: 1) родина как родная страна (земля); 2) родина как край отцов (место, где че-

¹ Гроссман В. С. Жизнь и судьба. – М., 1989. – 740 с. – URL: <http://lib.ru/PROZA/GROSSMAN/lifefate.txt> (дата обращения: 10.03.2024). – Текст: электронный.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. Л. И. Скворцова. – М.: Мир и образование, 2018. – 736 с.

¹¹ Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. – М.: Дом Славянской кн., 2008. – С. 569.

людей родился, где живут его родные и близкие); 3) родина как место возникновения чего-либо, колыбель; 4) родина как земля предков; 5) Родина, Отечество как страна, в которой человек родился и гражданином которой он является; 6) Отечество, отчизна (слова торжественной, возвышенной речи).

Синонимами понятия «родина» выступают слова «отечество», «отчизна», «родная сторона (сторонка)», «родной край», «родное пепелище», «колыбель», «родная земля», «дом», «мать»¹. С. В. Зеленко пишет о том, что в художественном мире писателя такое отношение к Родине, что начинаешь воспринимать её как «один из самых значимых субъектов в жизни каждого человека – матери (родительницы, кормилицы, заступницы, учительницы), которую необходимо свято чтить, любить, оберегать, заботиться о ней, что становится общегражданским неукоснительным долгом, неременной обязанностью, национально-идеологическим императивом» [27, с. 217].

Все эти герои – люди, способные осмыслить ход истории. Их восприятие «земли» синонимично слову «Отечество», однако воспринимать образ земли-родины они могут, потому что смотрят на происходящее со стороны. Понимания «земли» как страны, народа, государства нет у тех, кто находится в эпицентре Сталинградской битвы, и у тех, кто переживает войну как личную трагедию.

В романе появляется персонаж Долгорукий, который вернулся в Советский Союз из Швеции. Герой тоскует по родине, для которой он является инородцем, пасынком, чужим по духу: «В лагере он молился, дружил с сектантами и писал стихи мистического содержания».² Автор вводит в повествование образ пасынка времени: «Самое трудное – быть пасынком времени. Нет тяжелее участи пасынка, живущего не в своё время»³. В концлагере люди не могут прийти к взаимопониманию и спорят по принципиальным вопросам идеологии, морали, веры: «в этом густом смешении людей, объединённых ужасом, надеждой и горем, в непонимании, ненависти людей, говорящих на

одном языке, трагически выражалось одно из бедствий двадцатого века»⁴.

Сталинградский береговой откос, изрытый блиндажами, напоминает герою романа Крымову корабль: «Сталинградский береговой откос, часто и плотно начинённый блиндажами, напоминал Крымову огромный военный корабль, – по одному борту его лежала Волга, по другому – плотная стена неприятельского огня»⁵. В. С. Гроссман использует античную метафору «земля-корабль» (лирика Архилоха, Горация) для изображения военной реальности. Герой Крымов до приезда в Сталинград участвовал в обороне Севастополя и наделён «говорящей» фамилией. Полуостров Крым – важный топос для русского национального, исторического и территориального определения. Это пространство имеет символическое значение, которое раскрывают понятия «граница» и «край». Крым как крайняя южная точка России в национальном сознании актуализирует оппозиции: «своё – чужое», «рай – ад» и др. Крымов переживает тяжёлый период жизни (расставание с женой), а в Сталинграде его не приняли и не поняли. Эмоциональное состояние в Сталинграде он сравнивает с опустевшим колодецем: «Так пусто, вероятно, себя чувствует колодец, из которого вычерпали всю воду»⁶. Образ колодца – укрепленного срубом узкой и глубокой ямы – связывает героя с землёй, её силой, истоками.

Заключение. Анализ индивидуальности авторской картины мира В. С. Гроссмана позволил выделить мифологему земли, в которой заключены имплицитные лингвокультурные смыслы родства, которые укоренились в художественном мире писателя. Значения, которые были выделены в структуре мифологемы, выступают по степени частотности: «пространство родной земли» (46 %), «мать» (27,3 %), «родина» (17,3 %), «природа» (9,4 %).

Мифологема «земля» выступает как лингвокультурный комплекс смыслов, который можно представить в виде нескольких блоков дифференциальных признаков: пространство, мать; родина; земля – природа. Мифологема «земля» включает мифологический, образный, исторический смыслы, обнаруживающие этничность. Метафорический онтогенез мифологемы «земля» обо-

¹ Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: практический справочник / под. ред. Л. А. Чешко. – М.: Рус. яз., 2001. – С. 436.

² Гроссман В. С. Жизнь и судьба. – М., 1989. – 740 с. – URL: <http://lib.ru/PROZA/GROSSMAN/lifefate.txt> (дата обращения: 10.03.2024). – Текст: электронный.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

значает её постоянное развитие, трансформацию. Родовые метафоры мифологемы земли транслируют внутреннее движение мифологемы на орбите исконных универсалий культуры. Художественные образы земли в художественном произведении определяются архетипами о матери-земле, защит-

нице воинов земли русской (гибнущих ради неё), кормилице, природе, родной земле как земле предков, на которой рождались многие поколения, о земле – родине, населённой одним народом, единым в своей вере защищать русскую землю, оберегать от инородцев и всего чужого.

Список литературы

1. Głowiński M. Nowomowa po polsku. Warszawa: Wyd. PEN, 1991. 146 p.
2. Klemperer V. LTI: Notizbuch eines Philologen. Leipzig: Reclam Verlag, 1975. 355 p.
3. Young J. W. Totalitarian Language: Orwell's Newspeak and its Nazi and Communist Antecedents. Charlottesville: University Press of Virginia, 1991. 320 p.
4. Бонола А. Языковые формы тоталитарной и антитоталитарной коммуникации в романе В. Гроссмана «Жизнь и судьба» // Вестник Томского государственного университета. 2017. Т. 420. С. 16–22.
5. Popoff A. Vasily Grossman and the Soviet Century. New Haven: Yale University Press, 2019. 424 p.
6. Anissimov M. Vassili Grossman: un écrivain de combat. Paris: Éd. Du Seuil, 2012. 873 c.
7. Ellis F. Vasily Grossman: The Genesis and Evolution of a Russian Heretic. Oxford: Berg Publishers, 1994. 256 p.
8. Garrard J., Garrard C. The Bones of Berdichev: The Life and Fate of Vasily Grossman. N. Y.: The Free Press, 1996. 437 p.
9. A writer at war: Vasily Grossman with the Red Army 1941–1945 / ed. A. Beevor, L. Vinogradova. London: Pimlico, 2006. 378 p.
10. Zhalieva Zh., Abdykadyrova S. Main Values of Wedding Traditions and Representation of Wedding Concept by Language Means // Бюллетень науки и практики. 2022. Т. 8, № 1. С. 321–328. DOI: 10.33619/2414-2948/74/48.
11. Elina N. G. Vasilii Grossman. Jerusalem, 1994. 253 p.
12. Абдуллаева С. Н. Особенности жанрово-стилевой репрезентации авторской позиции в романе В. Гроссмана «Жизнь и судьба»: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Махачкала, 2022. 168 с.
13. Карпичева Н. Л. Проблематика и поэтика поздней новеллистики В. С. Гроссмана в контексте русской малой прозы 1950-х – первой половины 1960-х гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Магнитогорск, 2008. 18 с.
14. Тарасова И. А. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте (на материале поэзии Г. Иванова и И. Анненского): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Саратов, 2004. 484 с.
15. Манджиева С. В., Халгаева Д. Д., Радченко Д. Н., Тюрбеева Б. А., Чудутова А. М. Специфика индивидуально-авторского концепта в современной научной парадигме (на примере коротких рассказов американского писателя Д. Чивера). Текст: электронный // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2023. № 2. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/26FLSK223.pdf> (дата обращения: 17.10.2024).
16. Абдыкадырова С. Р., Назарова М. К. Корреляция понятий концепт, художественный концепт и межкультурный концепт // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 2-1. С. 110–114. DOI: 10.24412/2500-1000-2022-2-1-110-114. EDN UVHMSL.
17. Адамчук А. А. Концепт и художественный концепт как лингвокогнитивные категории // Формирование профессиональной компетентности филолога в поликультурной образовательной среде: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (Евпатория, 7–8 октября 2021 г.). Симферополь: ИП Корниенко А. А., 2021. С. 13–19. EDN XPGVHC.
18. Досматова Д. Н. Понятие концепта и его эволюции на примере концепта «вера» // Вестник Ошского государственного университета. 2016. № 3–2. С. 210–211. EDN ZSMGCL.
19. Бородина Н. А., Казарина В. И. Концепт «самостоятельное перемещение агенса» как один из источников формирования неспециализированных структурных схем, репрезентирующих концепт «мыслительная деятельность» // Filologos. 2019. № 4. С. 19–25. DOI: 10.24888/2079-2638-2019-43-4-19-25. EDN GNYEXV.
20. Агаева С. Т. Концепт и его структура (на примере концепта «образование») // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9, № 1. С. 149–151. DOI: 10.26140/bgз3-2020-0901-0076. EDN HDSURB.
21. Милейко Е. В. Художественный концепт как объект лингвистического исследования / Текст: электронный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11, ч. 3. С. 128–130. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2016_11-3_36.pdf (дата обращения: 24.04.2024).
22. Bartmiński J., Berezovich E., Vepreva I., Kovshova M. The Interaction of language and Culture in the Research Field: Boundaries and Prospects // Quaestio Rossica. 2021. Vol. 9. P. 1389–1408.
23. Bartmiński, J. Język w kontekście kultury czyli co dziś znaczy metafora "europejski dom". Katowice: Śląsk, 2018. 68 s.

24. Пименова М. В. Соотношение терминов мифологема и символический макроконцепт // Лингвистика и литературоведение на переломе тысячелетий: материалы междунар. науч.-практ. конф., приуроченной к 175-летию юбилею Абая Кунанбаева / сост. Л. Б. Алекшова, У. З. Джумагалиева, Ж. Е. Кенжебаева. Атырау: Атырауский гос. ун-т им. Х. Досмухамедова, 2020. С. 130–133.

25. Пименова М. В., Мошина Е. А. Мифологема Мать-сыра-земля в русской языковой картине мира // Сибирский филологический журнал. 2021. № 3. С. 138–151. DOI: 10.17223/18137083/76/11. EDN JRTZGJ.

26. Мошина Е. А. Реализация метафорической модели ЗЕМЛЯ-МАТЬ в русской языковой картине мира // Лингвистика XXI века: традиции и инновации: сб. науч. ст. к 30-летию юбилею С.-Петербур. ин-та иностранных языков. СПб., 2019. Вып. 23. С. 135–140.

27. Зеленко С. В. Образ Родины в гражданской лирике Александра Павловича // Русин. 2019. № 58. С. 216–227. DOI: 10.17223/18572685/58/14. EDN NKGJZC.

Информация об авторах

Вайрах Юлия Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83; vayrakh@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9811-525X>.

Казорина Анна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, Иркутский государственный университет, 664003, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1; anna-kazorina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6751-8539>.

Вклад авторов в статью

Вайрах Ю. В. – основной автор, организатор исследования, формулировала выводы и обобщала итоги реализации коллективного проекта.

Казорина А. В. – систематизировала и анализировала материал исследования.

Для цитирования

Вайрах Ю. В., Казорина А. В. Мифологема «земля» в романе В. С. Гроссмана «Жизнь и судьба» // Гуманитарный вектор. 2024. Т. 19, № 4. С. 8–19. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-8-19.

Статья поступила в редакцию 10.04.2024; одобрена после рецензирования 22.05.2024; принята к публикации 23.05.2024.

References

1. Głowiński, M. Nowomowa po polsku. Warszawa: Wyd. PEN, 1991. (In Polish)
2. Klemperer, V. LTI: Notizbuch eines Philologen. Leipzig: Reclam Verlag, 1975. (In German.)
3. Young, J. W. Totalitarian Language: Orwell's Newspeak and its Nazi and Communist Antecedents. Charlottesville: University Press of Virginia, 1991. (In Eng.)
4. Bonola, A. Linguistic forms of totalitarian and anti-totalitarian communication in V. Grossman's novel "Life and Fate." Bulletin of Tomsk State University, vol. 420, pp. 16–22, 2017. (In Rus.)
5. Popoff, A. Vasily Grossman and the Soviet Century. New Haven, Yale University Press, 2019. (In Eng.)
6. Anissimov, M. Vassili Grossman: Un ecrivain de combat. Paris: Ed. Du Seuil, 2012. (In Eng.)
7. Ellis, F. Vasily Grossman: The Genesis and Evolution of a Russian Heretic. Oxford: Berg Publishers, 1994. (In Eng.)
8. Garrard, J., Garrard, C. The bones of Berdichev: The life and fate of Vasily Grossman. N. Y: The Free Press, 1996. (In Eng.)
9. A writer at war: Vasily Grossman with the Red Army 1941–1945. London: Pimlico, 2006. (In Eng.)
10. Zhalieva, Zh., Abdykadyrova, S. Main Values of Wedding Traditions and Representation of Wedding Concept by Language Means. Bulletin of Science and Practice, no. 1, pp. 321–328, 2022. DOI: 10.33619/2414-2948/74/48 (In Eng.)
11. Elina, N. G. Vasilii Grossman. Jerusalem, 1994. (In Eng.)
12. Abdullaeva, S. N. Features of the genre-style representation of the author's position in V. Grossman's novel "Life and Fate". Cand. sci. diss. Makhachkala, 2022. (In Rus.)
13. Karpicheva, N. L. Problematics and poetics of late short stories by V. S. Grossman in the context of Russian short prose of the 1950s – the first half of the 1960s. Cand. sci. diss. abstr. Magnitogorsk, 2008. (In Rus.)
14. Tarasova, I. A. Poetic idiostyle in the cognitive aspect: based on the poetry of G. Ivanov and I. Annensky. Saratov, 2004. (In Rus.)
15. Mandzhieva, S. V., Khalgaeva, D. D., Radochenko, D. N., Tyurbeeva, B. A., Chudutova, A. M. Specificity of the individual author's concept in the modern scientific paradigm (on the example of short stories by the American writer D. Cheever). World of Science. Sociology, philology, cultural studies, no. 2, 2023. Web. 17.10.2024. <https://sfk-mn.ru/PDF/26FLSK223.pdf>. (In Rus.)

16. Abdykadyrova, S. R., Nazarova, M. K. Correlation of the concepts concept, artistic concept and intercultural concept. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, no. 2–1, pp. 110–114, 2022. DOI: 10.24412/2500-1000-2022-2-1-10-114. EDN UVHMSL. (In Rus.)
17. Adamchuk, A. A. Concept and artistic concept as linguocognitive categories. Formation of professional competence of a philologist in a multicultural educational environment: Materials of the IV International Scientific and Practical Conference, Evpatoria, October 07–08, 2021. Simferopol: Individual entrepreneur Kornienko Andrey Anatolyevich, 2021: 13–19. EDN XPGBHC. (In Rus.)
18. Dosmatova, D. N. The concept of a concept and its evolution using the example of the concept "faith". *Bulletin of Osh State University*, no. 3–2, pp. 210–211, 2016. EDN ZSMGCL. (In Rus.)
19. Borodina, N. A., Kazarina, V. I. The concept of "independent movement of the agent" as one of the sources of the formation of non-specialized structural schemes representing the concept of "mental activity". *Philologos*, no. 4, pp. 19–25, 2019. DOI: 10.24888/2079-2638-2019-43-4-19-25. EDN GNYEXV. (In Rus.)
20. Agayeva, S. T. Concept and its structure (using the example of the concept "education"). *Baltic Humanitarian Journal*, no. 1, pp. 149–151, 2020. DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0076. EDN HDSURB. (In Rus.)
21. Mileiko, E. V. Artistic concept as an object of linguistic research. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, no. 1, pp. 128–130, 2016. Web. 24.04.2024. http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2016_11-3_36.pdf. (In Rus.)
22. Bartmiński, J., Berezovich, E., Vepreva, I., Kovshova, M. The interaction of language and culture in the research field: boundaries and prospects. *Quaestio Rossica*, vol. 9, pp. 1389–1408, 2021. (In Ing.)
23. Bartmiński, J. *Język w kontekście kultury czyli co dziś znaczy metafora "europejski dom"?* Katowice: Śląsk, 2018. (In Polish)
24. Pimenova, M. V. Correlation between the terms mythologem and symbolic microconcept. *Linguistics and literary criticism at the turn of the millennium: a collection of articles of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 175th anniversary of Abai Kunanbaev / Compiled by: L. B. Alekshova, U. Z. Dzhumagalieva, Zh. E. Kenzhebaeva*. Atyrau: Atyrau State University named after. Kh. Dosmukhamedov, April 27, 2020: 130–133. (In Rus.)
25. Pimenova, M. V. Moshina, E. A. Mythologem Mother-moist-earth in the Russian linguistic picture of the world. *Siberian Philological Journal*, no. 3, pp. 138–151, 2021. DOI: 10.17223/18137083/76/11. EDN JRTZGJ. (In Rus.)
26. Moshina, E. A. Realization of the metaphorical model EARTH–MOTHER in the Russian language picture of the world. *Linguistics of the XXI century: traditions and innovations: a collection of scientific articles for the 30th anniversary of the St. Petersburg Institute of Foreign Languages*: 135–140. (In Rus.)
27. Zelenko, S. V. The image of Motherland in the civil lyrics by Aleksandr Pavlovich. *Rusin*, no. 58, pp. 216–227, 2019. DOI: 10.17223/18572685/58/14. EDN NKGJZC. (In Rus.)

Information about the authors

Vayrakh Yuliya V., Candidate of Philology, Associate Professor, Irkutsk National Research Technical University; 83 Lermontov st., 664074, Irkutsk, Russia; vayrakh@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9811-525X>.

Kazorina Anna V., Candidate of Philology, Associate Professor, Irkutsk State University; 1 Karl Marx st., Irkutsk, 664003, Russia; anna-kazorina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6751-8539>.

Contribution of the authors to the article

Vayrakh Yu. V. – the main author, the organizer of the study, who formulates conclusions and summarizes the results of the implementation of the collective project.

Kazorina A. V. – systematized and analyzed the research material.

For citation

Vayrakh Yu. V., Kazorina A. V. Mythologeme "Earth" (in the Novel "Life and Fate" by V. S. Grossman // *Humanitarian Vector*. 2024. Vol. 19, no. 4. P. 8–19. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-8-19.

**Received: April 10, 2024; approved after reviewing May 22, 2024;
accepted for publication May 23, 2024.**

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-20-30

**Проблематика «русской идеи» и «Косовского завета»
в компаративистском исследовании творчества Ф. М. Достоевского и П. П. Негоша****Вукашин Гаврич***Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, г. Москва, Россия
vukasingavric@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-0628-8037>*

В эпоху глобального кризиса морально-нравственных ценностей особо актуальным становится поиск новых смыслов в творчестве литературных классиков – Ф. М. Достоевского и П. П. Негоша (представителей русской и сербской литератур, выдающихся религиозных писателей XIX в.). Научная новизна заключается в том, что впервые поднимается вопрос компаративистского анализа поэтики и проблематики произведений Ф. М. Достоевского и П. П. Негоша, а также в том, что концепты «русский путь» и «Косовский завет» на компаративистском уровне до настоящего времени не являлись предметом отдельного исследования. Цель работы состоит в выявлении связи между концептами «русская идея» и «Косовский завет», отражёнными в сложных художественных мирах Ф. Достоевского и П. Негоша. Особое внимание уделяется проблемам сравнительно-исторического литературоведения в современных условиях. Предпринята попытка обзора российских и зарубежных научных трудов по литературоведческой компаративистике – при сравнении онтологических проблем в творчестве анализируемых авторов. Для достижения цели используется комплексный подход, который включает ряд классических методов – биографический, компаративистский, мифопоэтический, а также интертекстуальный анализ. С использованием биографического метода демонстрируется, каким образом зарождались и развивались концепции «русская идея» и «Косовский завет» в жизни и творчестве русского и сербского авторов. С помощью компаративистского анализа раскрываются глубоко интересующие обоих писателей проблемы веры и разума, соборности, национальной самобытности. Посредством мифопоэтического метода автор даёт характеристику концепту «Косовский завет» и определяет причины его возникновения. Делается вывод, что оба писателя в своём художественном завещании затрагивают евангельские темы. С одной стороны, Достоевский-романист сосредотачивается на вопросах искупления греха, с другой – в лирике П. Негоша переплетены личная судьба с национальной, микрокосм с макрокосмом, затрагиваются вопросы богопознания и происхождения мира. Взаимовлияние «русской идеи» Ф. М. Достоевского и «Косовского завета» П. П. Негоша способствует обогащению национальных литератур и обогащению компаративистского литературоведческого дискурса.

Ключевые слова: Достоевский, Негош, русская идея, Косовский завет, славянская компаративистика, русская литература, сербская литература

Original article**The Problems of the “Russian Idea” and the “Kosovo Testament”
in the Comparative Study of the Works by F. M. Dostoevsky and P. P. Njegosh****Vukasin Gavric***Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia
vukasingavric@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-0628-8037>*

In the era of the global crisis of moral and ethical values, the search for new meanings in the works of literary classics – F. M. Dostoevsky and P. P. Njegosh; representatives of Russian and Serbian literatures, outstanding religious writers of the 19th century – becomes especially relevant. The scientific novelty is the fact that for the first time the issue of comparative analysis of the poetics and problems of the works by Dostoevsky and Njegosh is raised, as well as the fact that the concepts of the “Russian way” and the “Kosovo Testament” at the comparative level have not been the subject of a separate study to date. The purpose of the work is to identify the connection between the concepts of the “Russian idea” and the “Kosovo Testament”, reflected in the complex artistic worlds of Dostoevsky and Njegosh. Particular attention is paid to the problems of comparative historical literary criticism in modern conditions. An attempt is made to review Russian and foreign scientific works on comparative literary studies – when comparing ontological problems in the works of the analyzed authors. To

achieve the goal, an integrated approach is used, which includes a number of classical methods – biographical, comparative, mythopoetic, and intertextual analysis. Using the biographical method, the author demonstrates how the concepts of the "Russian idea" and the "Kosovo Testament" arose and developed in the life and work of the Russian and Serbian authors. With the help of comparative analysis, the problems of faith and reason, conciliarity, and national identity that are of deep interest to both writers are revealed. By means of the mythopoetic method, the author tried to characterize the concept of the "Kosovo Testament" and display the reasons for its emergence. We make a conclusion that both writers touch upon gospel themes in their artistic testament. On the one hand, the novelist Dostoevsky focuses on the issues of redemption of sin, on the other hand, in Njegosh's lyrics, personal destiny is intertwined with national destiny, microcosm with macrocosm, and the issues of knowledge of God and the origin of the world are touched upon. Finally, the mutual influence of Dostoevsky's "Russian idea" and Njegosh's "Kosovo Testament" contributes to the enrichment of national literatures and the enrichment of comparative literary discourse.

Keywords: Dostoevsky, Njegosh, Russian idea, Kosovo Testament, Slavic comparative studies, Russian literature, Serbian literature

Введение. Исследование таких концептов, как «русская идея» и «Косовский завет», в условиях глобализации и взаимопроникновения культур является актуальным, поскольку показывает, каким образом русская и сербская литературы взаимодействуют и как именно в них отражаются общие человеческие переживания. Художественные произведения Ф. М. Достоевского и П. П. Негоша поднимают важные этические вопросы, которые и в настоящее время продолжают волновать не только российское и сербское, но и мировое общество.

Стоит отметить, что в последние десятилетия особую актуальность приобретают литературоведческие исследования, которые находятся на грани компаративистского и аксиологического направления, однако сравнительно-исторический метод литературоведческого анализа вновь переживает кризис. Это может быть одной из причин отсутствия научных статей, монографий и диссертаций, посвящённых компаративистскому анализу творчества Ф. М. Достоевского и П. П. Негоша. Для раскрытия заявленной темы необходимо ответить на вопрос: каким образом проводить компаративистский анализ творчества двух авторов, которые писали на близкородственных языках и чья тематика произведений – христоцентрична?

Прежде всего, дадим определение терминам «методология» и «компаративизм». В «Философском словаре» под редакцией М. М. Розенталя и П. Ф. Юдина (1968) термин «методология» определяется как «совокупность приёмов исследования, применяемых в какой-либо науке»¹.

Данная интерпретация, на наш взгляд, является чрезмерно обобщённой, поэтому

процитируем следующую, более конкретизированную. Такие современные исследователи, как Г. Ч. Синченко, С. В. Векленко, Ю. В. Голик, В. П. Малахов и др., разделяют мнение, согласно которому «методология – это понятие интегральное, объединяющее ряд компонентов: мировоззрение и фундаментальные теоретические концепции, диалектические категории и законы, обще- и частнонаучные методы» [1]. В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» РАН «компаративизм» (или «сравнительно-историческое литературоведение») определён как «раздел литературоведения, изучающий сходства и различия, связи и взаимовлияния литератур стран и народов мира»².

Помимо регулярно проводимой международной научной конференции «Достоевский и мировая культура» в Музее Достоевского в Петербурге (с 1974 г.), в честь 200-летия великого русского писателя был организован ряд международных научных конференций: «Потенциальная бесконечность диалога» (2 декабря 2011 г. в МГУ им. М. В. Ломоносова); «Достоевский в зеркале эпох: поэтика, компаративистика, имагология» (22–23 апреля 2021 г. в Нижегородском государственном лингвистическом университете им. Н. А. Добролюбова) и др. Отметим, что 200-летие Достоевского не осталось без внимания и за рубежом; так, например, 12 ноября 2012 г. в Черногории была организована международная научная конференция «Два века Достоевского».

Внимание к творчеству русского писателя традиционно высоко в Европе: В. Д. Эвальд справедливо отмечает, что в трудах таких зарубежных критиков, как Й. Франк, С. Хадспит и др. [2–4], доминирующими предметами исследования творчества Ф. Достоевско-

¹ Философский словарь / под ред. М. М. Розенталя, П. Ф. Юдина. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1968.

² Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. А. Н. Николюкин. – М.: РАН, ИНИОН, 2001.

го остаются «русская идея», эстетические и морально-нравственные ценности [5]. Внимание к творчеству Достоевского сегодня усиливается и в странах Азии. Перечислим несколько имён китайских достоевсковедов, которые проводят научные исследования на русском языке: А.Хуэйжун, Цэн Цзя и др. [6; 7]; на китайском языке – Вань Хайсуна, Гэн Хайин, Дин Шисинь и др. [8–10].

К произведениям П. Негоша продолжают проявлять интерес переводчики-слависты. Так, Р. Мароевич обращается к проблеме русских эквивалентов сербского эпического десятисложника в рамках анализа перевода поэмы «Луч микрокосма», выполненного И. Числовым [11, с. 35]. Д. Байович подчёркивает, что, в отличие от «Горнего венца» и «Самозванца Степана Малого», поэма «Луч микрокосма» по своей тематике и способу образования отличается космогоническими чертами и обилием церковнославянизмов и русизмов: «питателница, внимање, послъедательи, взор, мечтање и т. д.» [12].

В 2024 г. был опубликован сборник научных статей «Архаизация как переводческий приём», посвящённый проблеме перевода поэмы «Луч микрокосма» И. Числовым на русский язык. Е. Байович здесь указывает на обилие тюркизмов в поэме «Самозванец Степан Малый» [13, с. 86]. Отдельную работу исследователь посвящает гендиадису как фразеологическому жанру поэмы «Луч микрокосма» и её переводам на русский язык [Там же, с. 114]. Не менее любопытным является труд М. Ракочевича, посвящённый анализу художественных произведений П. Негоша через призму естественных наук [14].

Безусловно, «своеобразие национальной литературы не может быть раскрыто без сопоставления её с другими литературами, и прежде всего так или иначе близкими к ней» [15, с. 340]. Н. И. Конрад, впервые объединивший термины «сравнительно-историческое» и «сравнительно-типологическое литературоведение» в единое «сравнительное литературоведение», в работе «Проблемы современного литературного процесса» особое внимание уделяет исследованию межнациональных связей (как в синхронном, так и в диахронном ракурсе своего развития) и справедливо утверждает, что «задачей в этом случае является, во-первых, обнаружение самих связей, выяснение их исторических причин, их харак-

тера, путей, средств; во-вторых, раскрытие последствий этих связей как для отдельных литератур, так и для всей совокупности литератур, охваченных ими» [16, с. 32]. Современный румынский исследователь Л. Беженару утверждает, что «диалог национальных литератур не может рассматриваться сегодня только в аспекте литературы: диалог создаёт для каждой из них герменевтическую ситуацию, в которой осуществляется самопознание и происходит понимание Другого» [17, с. 160].

Как показывает практика, в славянской компаративистике межлитературные связи включены в историко-культурный контекст. По нашему глубокому убеждению, компаративистский анализ творчества Ф. Достоевского и П. Негоша будет неполным без включения в него таких основополагающих философских концептов, как «русская идея» и «Косовский завет». Компаративистский анализ идейного содержания произведений русского и сербского писателей может быть использован для разработки курсов по славянской компаративистике, подготовке спецкурсов в рамках литературоведческих и междисциплинарных исследований, а также в практике вузовского преподавания.

Цель статьи состоит в выявлении взаимосвязей между такими аксиологическими концептами, как «русская идея» и «Косовский завет», на примере творчества Ф. М. Достоевского и П. П. Негоша.

Методология и методы исследования. С помощью биографического метода автор даёт характеристику развитию мировоззренческих взглядов Ф. М. Достоевского и П. П. Негоша, а именно: отмечает в их художественных произведениях не только художественные образы, но и личные переживания и идеи самых авторов. Например, ключевым моментом в применении данного метода, на наш взгляд, является возможность раскрытия воплощения «русской идеи» в последнем романе писателя. Неслучайно русский классик вводит в художественный оборот тему братства и соборности через проповеди старца Зосимы, о чём речь пойдёт ниже.

Благодаря мифопоэтическому методу сделана попытка подчеркнуть глубокую связь произведений Ф. М. Достоевского и П. П. Негоша с культурными и философскими традициями русского и сербского народов. Отметим, что исследование мифов,

архетипов и символов позволяет глубже осмыслить человеческие экзистенциальные поиски и конфликты. В таком ключе проблематика и поэтика творчества рассматриваемых авторов является актуальной в различных историко-культурных контекстах.

С помощью интертекстуального анализа обнаруживается ряд евангельских образов в произведениях писателей. В итоге доказывается духовное родство Ф. Достоевского и П. Негоша, которое отражается в создании «литературного Евангелия».

Результаты исследования. Как известно, изначально в сравнительно-исторических исследованиях (XIX в.) было принято соотносить эпос и фольклорные жанры разных народов. Так, в труде А. И. Кирпичникова «Поэмы ломбардского цикла» (1873) предложены три теории для объяснения схожих явлений в эпических произведениях: мифическая, литературная, историческая [18, с. 148].

Первый биограф Ф. М. Достоевского – О. Ф. Миллер – внёс значительный вклад в историю компаративистики, доказав наличие морально-нравственных начал в русской и мировой литературе. На первых страницах диссертации «О нравственной стихии в поэзии на основании исторических данных...» (1858) О. Ф. Миллер подчёркивает: «Настоящий труд наш и есть попытка сгруппировать исторические данные, доказывающие вездесущность нравственного начала в поэзии и подчинение ему самого реального её направления» [19].

Следует также особо отметить, что именно устное народное творчество неразрывно связано с поэзией П. Негоша. Его поэма «Горный венец» написана народным языком и переполнена эпическими, драматическими и лирическими мотивами, в которых поэт талантливо воплотил концепцию «Косовского завета», народной мудрости, сербского культурного кода.

«Косовский завет» исходит из события, происшедшего на Косовом поле 28 июня 1389 г., когда сербское войско под руководством князя Лазаря потерпело поражение от османской армии султана Мурада. Впоследствии, к концу XIV в., Сербия окончательно теряет свою государственность и становится вассалом Османской империи на протяжении более четырёх веков. Сербский историк Сима Чиркович справедливо определяет Косовскую битву как событие, кото-

рое «ярче прочих врезалось в народное сознание» [20, с. 110]. Это также подтверждается созданием огромного числа народных легенд, песен, преданий, а также авторских произведений, включая преимущественное большинство произведений П. П. Негоша. Именно Косовский завет мученика царя Лазаря сохранил дух народа и сыграл главную роль в соборности сербского народа на протяжении нескольких веков. Известно, что сербским фольклором был горячо заинтересован Иоганн Вольфганг фон Гёте, высоко его оценивший благодаря переводам Терезы Альбертины Луизы Робинсон [21].

Сербские народные песни Косовского цикла являются носителями «Косовского мифа». Для дальнейшего анализа важно отметить выбор царя Лазаря, носителя христианской добродетели и голгофского страдальца из эпоса о Косовском бое. Он перед роковым боем не спрашивает, как Гамлет, «быть или не быть», но выбирает между двумя царствами «земным» и «небесным». Итак, царь Лазарь в сербской народной эпической песне «Гибель сербского царства» задаётся вопросом:

«Боже милый, что я пожелаю?
Царство мне какое больше люблю?
Пожелаю Царства ли земного?
Если здесь я пожелаю Царства,
Пожелаю Царства я земного,
Так земное короткое Царство,
А в Небесном Царстве век превечен» [22, с. 6].

Избрать земное царство – это значило бы сохранить физическую жизнь, но потерять, во-первых, честь и свободу, а во-вторых и культурную самобытность. Данная мысль глубоко укрепились в сербском народе и передавалась от поколения к поколению на протяжении всех четырёх веков османского правления.

Особенности Косовского мифа исследует эссеист Миодраг Павлович, который говорит: «Это одна из редких мифологических систем в истории новейшей Европы, которая реализовалась» [23, с. 329]. Таким образом, «она представляет собой символ оригинальной поэзии, корень особенности сербской поэтической традиции, которая на этой точке самосозерцательна и одинока» [Там же, с. 117].

Итак, песни Косовского цикла описывают и превращают одно историческое событие в миф и мотив дальнейшего поэтического творчества. М. Радониц в докторской

диссертации отмечает: «Песни Косовского цикла могут считаться единым эпическим циклом, который со своими мифологическими элементами вошёл в историю, назвал и дополнил её» [23, с. 329].

Иво Андрич, единственный сербский писатель, удостоенный Нобелевской премии по литературе, пронзительно заметил, что основу поэмы «Горный венец» П. Негош усматривает именно в Косовском завете (идея сербского поэта находится «всегда между небесами и могилой») [24, с. 16], а сам автор, вдохновлённый сербской народной поэзией, является прототипом косовского воина: «И как поэт, и как человек Негош есть олицетворение косовской борьбы, поражения и нерушимой надежды» [Там же, с. 6].

В «Горнем венце» П. Негош поёт гимн народу, готовому к восстанию, но, чтобы, согласно фрагменту из названной поэмы, «свершилось то, что быть не может»¹, идея Косовского завета должна быть постоянно в памяти народа, народ должен в неё верить и следовать ей.

Если известно, что Ф. М. Достоевский являлся реалистом, то сербское негошование до настоящего времени не дало однозначного определения принадлежности творчества П. П. Негоша тому или иному литературному направлению. Такие исследователи, как, например, Й. Скерлич, обоснованно считают, что писатель «умел быть верным художником народной жизни, который красками “локального оттенка”, живо и достоверно, явно реалистически изображал людей и события таким образом, что у читателя создавалось впечатление непосредственной реальности того времени» [25, с. 188]. Другой негошовец – Д. Иванич – указывает на то, что творчество П. П. Негоша вписывается не в период «от рационализма к романтизму» (как считал Й. Скерлич), а «от классицизма к реализму» [26, с. 11].

Следует помнить, что в «Дневнике писателя» за 1876 г. Ф. М. Достоевский подчёркивает: «Без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация. А высшая идея на земле лишь одна и именно – идея о бессмертии души человеческой, ибо все остальные “высшие” идеи жизни, которым может быть жив человек, лишь из неё одной вытекают»².

¹ Негош П. П. Полное собрание сочинений / ред.-сост. Д. Вушовића. – Београд, 1936. – С. 27.

² Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. – Л.: Наука, 1972–1990. – Т. 24. – С. 48.

Впервые термин «русская идея» Ф. Достоевский употребил в письме А. Н. Майкову 18 января 1856 г., но и сегодня «русская идея актуальна как никогда, ведь человечество (а не только Россия) подошло к краю бездны... Русская идея – это составная общечеловеческой христианской идеи» [цит. по: 27, с. 33].

Обратим особое внимание на то, как современный Достоевсковед А. А. Горелов задаётся философским вопросом: «Идея ли существует для нации или нация – для идеи, являясь способом её реализации?» Нельзя не согласиться с ответом на свой же вопрос самого исследователя: «...нет народа – нет идеи. Столь же верно и обратное: нет идеи – нет народа. Национальная идея – это идеал нации <...>, нравственно идеологический ориентир, следующий из народного духа» [28]. В этом плане логичен ход мысли исследователей, предлагающих прорабатывать анализ «русской идеи» в категориях трудно определяемой «русской души», её «трагедии» и «мессианства» [29, с. 33]. Современный словацкий Достоевсковед П. Лекеш подчёркивает триадичность в творчестве русского писателя и анализирует её на основе эстетико-антропологической концепции литературы, введённой словацким учёным А. Червеняком [30, с. 38]. В ходе компаративистского анализа «русской идеи» и «Косовского завета» в сложных художественных мирах Ф. Достоевского и П. Негоша исследователям необходимо обращаться к категориям интертекстуальности и столь характерной для Достоевского – полифоничности. И. О. Шайтанов в работе «Триада современной компаративистики: глобализация – интертекст – диалог культур» рассматривает интертекстуальность как ключевое понятие компаративистики [31, с. 131].

Художественные произведения, в которых с большой полнотой отражены «русская идея» и «Косовский завет», на наш взгляд, следующие:

1) роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: опубликовался частями в журнале «Русский вестник», прижизненная публикация датируется 1879 г. (№ 1–2, 4–6, 8–11) и 1880 г. (№ 1, 4, 7–11);

2) поэма-теодицея П. П. Негоша «Луч микрокосма» (религиозно-философская поэма, опубликованная в 1845 г. в Белграде); «Горный венец» (впервые напечатана в Вене в 1847 г. на сербском народном языке)

и «Самозванец Степан Малый» (создана в 1847 г., впервые опубликована в Триесте в 1851 г.) – эпико-философские поэмы. Как уже отмечалось, сербский поэт, затрагивая в своём творчестве социальные проблемы, неизменно интерпретировал их сквозь призму исторического контекста и борьбы Сербии за независимость.

Обратившись к биографии П. П. Негоша, а именно к письму Мехмеду Решид-Паше (1832), можно заметить, как сербский поэт убеждённо заявляет, что с момента падения сербского царства на Косовом поле сербский народ ведёт борьбу за свободу и сохранение национальной идентичности. Прочитируем в оригинале фрагмент из упомянутого письма:

«С тех пор как на Косовом поле сербское царство невольно впало под турецкое иго, Черногория непрерывно проливает кровь за веру и свободу, не покоряясь никому, ибо знает, какое бедствие было бы покориться и служить иноземцам» (перевод наш – В. Г.)¹. П. Негош аналогичные мысли о судьбе сербского народа развивает в поэме «Горный венец» посредством слов Вука Мичуновича, подчёркивая, что в такой ситуации сербский народ может надеяться только на вмешательство Бога и его помощь: «Нада нема право ни у кога до у Бога и у своје руке; надање се наше закопало на Косову у једну гробницу. У добру је лако добар бити, на муци се познају јунаци!»²

И продолжает воспеванием образа Милоша Обилича, образца храбрости и героизма для сербских воинов: «Што споминеш Косово, Милоша, сви смо на њем срећу изгубили; ал' су мишца, име црногорско, ускрснули с косовске гробнице над облаком у витешко царство, ње Обилић над сјенима влада»³. Относительно биографии П. Негоша упомянем, что, будучи правителем тогдашней Черногории, автор поэмы «Горный венец» в честь Обилича учредил самую значительную военную награду в истории Черногории – медаль Обилича.

С помощью интертекстуального анализа творчества Ф. Достоевского и П. Негоша рассмотрим, каким ещё образом авторы обращаются к христианским, античным и европейским культурным традициям, сопоставляя их с русской и сербской мораль-

¹ Негош П. П. Полное собрание сочинений / ред.-сост. Д. Вушовића. – Београд, 1936. – 784 с.

² Там же. – С. 12.

³ Там же. – С. 37.

но-нравственной системой ценностей. Мы неоднократно отмечали наличие христианских мотивов в творчестве двух писателей, так как они лежат в основе «русской идеи» и «Косовского завета». Подчеркнём здесь мотивы смирения и страдания в поучениях старца Зосимы, поведения младшего из братьев Карамазовых. Названные мотивы одновременно воплощают характерную для Ф. Достоевского идею «русской миссии» как служения человечеству и следования заповеди Христа о любви к ближним своим. Прочитируем слова Зосимы о том, что надо прощать всех за всё:

«Делай неустанно. Если вспомнишь в ночи, отходя ко сну: “я не исполнил, что надо было”, то немедленно восстань и исполни. Если кругом тебя люди злобные и бесчувственные и не захотят тебя слушать, то пади пред ними и у них прощения проси, ибо воистину и ты в том виноват, что не хочешь тебя слушать»⁴.

С другой стороны, в образе Ивана Карамазова прослеживается диалог с идеями рационализма. Иван Карамазов, испытывающий кризис, к которому привело его рационалистическое мышление, заявляет: «Не Бога я не принимаю, Алёша, я только билет ему почтительнейше возвращаю»⁵.

Таким образом, Иван выражает протест против принятия страдания как части божественного замысла. Следует обратить внимание на то, что и П. П. Негош в своих поэмах выступает против индивидуализма и рационализма, связывая их с упадком морали и нравственности в западных странах. Герои поэмы проходят через многочисленные испытания, для преодоления которых недостаточно рациональных решений, нужна глубокая интуиция и осознание культурного кода сербского народа. Прочитируем ещё один фрагмент из поэмы:

«Кто здесь имя честное заслужит,
землю тот и попирает недаром,
а без имени чего он стоит»⁶.

Для сравнения укажем на то, что в последнем романе Ф. М. Достоевского с многоуровневой структурой надежда на Бога и честь занимают одно из центральных мест. Именно эта христианская идея сближает русский и сербский народы, для которых

⁴ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. – Л.: Наука, 1972–1990. – Т. 24. – С. 291.

⁵ Там же. – С. 223.

⁶ Негош П. П. Полное собрание сочинений / ред.-сост. Д. Вушовића. – Београд, 1936. – С. 26.

честь стоит хранить ради будущего воскресения. Цитируем для наглядности цитату из поучения старца Зосимы: «...ибо не умрёт свет твой, хотя бы и ты уже умер»¹.

Исходя из того, что произведения обоих авторов содержат евангельский контекст, интересно будет обратиться к мысли канадского исследователя Н. Фрая, который изначально пытался включить Библию в систему художественной литературы, но спустя двадцать пять лет обратился к сравнительной стратегии. В книге «Великий код» с её подзаголовком компаративного характера «Библия и литература» автор приходит к выводу, что обе части Библии «словно два зеркала, отражают друг друга, замыкаясь на себя» [32, с. 104].

Схожая проблема стоит перед нашим исследованием: возможно ли объединить исследование христоцентричных «русской идеи» и «Косовского завета»? Мы придерживаемся положительного ответа. Например, попытались провести компаративистский анализ, чтобы показать, каким именно образом каждый из авторов обращается к вопросам национальной идентичности, концепции судьбы (как личной, так и народной), а также к темам социального угнетения.

Предпринятый анализ позволил увидеть, что произведения Ф. М. Достоевского и П. П. Негоша отражают различия в литературных традициях России и Сербии, но их объединяют схожие философские взгляды их авторов. Разумеется, данные философские концепты представляют собой внетекстовые элементы. Гипотеза о корректности включения «русской идеи» и «Косовского завета» в контекст изучения творчества русского и сербского писателей подтверждается наблюдением Ю. М. Лотмана, сделанным в рамках «Лекций по структуральной поэтике»: «Совершенно очевидно, что реальная художественная значимость текстовых элементов понятна лишь в отношении к внетекстовым» [33, с. 215].

Итак, по нашему убеждению, компаративистский анализ творчества Ф. М. Достоевского и П. П. Негоша следует проводить на двух уровнях:

1. Историко-литературный. Здесь имеем в виду объединение двух методологических аспектов, сформулированных М. В. Жирмунским: сравнение историко-ге-

нетическое и сравнение на основе культурных взаимодействий [34, с. 6–7].

Оба автора обладают схожим пониманием «восточного вопроса», и многочисленные аллюзии на него постоянно обнаруживаются в их произведениях. Между тем, на наш взгляд, не получил заслуженного внимания «петербургский текст» в жизни и творчестве П. Негоша. Отметим, что в исторической поэме «Самозванец Степан Малый» автором неоднократно упоминается иностранец, который представляется как царь Петр III, а в третьем явлении высвечивается название столицы тогдашней Российской Империи, в которой учился один из персонажей – сердар Йова Петрович. Именно указанную поэму современный негошолог Й. Деретич называет переломным моментом в жизни и творчестве, а именно в переходе «от романтизма к реализму» [35, с. 674].

2. Аксиологический. Данный уровень направлен на системный анализ ценностей в творчестве русского и сербского авторов. Как указывалось выше, исследование столь характерных для Ф. Достоевского и П. Негоша христианских ценностей и антиценностей. По справедливому замечанию современного российского литературоведа А. В. Филатова, «аксиологический подход рассматривается наряду с историко-литературным и мифопоэтическим как один из магистральных способов познания художественного произведения» [36, с. 132].

Согласимся с точкой зрения Т. Л. Селитриной, полагающей, что историко-функциональные и историко-генетические принципы «в самой значительной степени (более того – принципиально) сохраняют столь необходимый уровень универсальности и историзма» в компаративистском исследовании².

Отмеченное А. В. Гулыгой (применительно к творчеству Ф. Достоевского) в полной мере характеризует и поэзию П. Негоша: «Постсовременное мышление актуализирует прошлое на более убедительном уровне. Русская идея – это составная общечеловеческой христианской идеи, изложенная в терминах современной диалектики» [27, с. 33]. Итак, «Русская идея» и «Косовский завет», повторяя то, о чём учит Новый Завет, создают «литературное Евангелие» русского и сербского народов.

² Селитрина Т. Л. Преимущество литературного развития и взаимодействие литератур: учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 2009.

¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. – Л.: Наука, 1972–1990. – Т. 24. – С. 292.

Обсуждение результатов исследования. Мы сделали обзор современных российских и зарубежных трудов, прямо или косвенно относящихся к проблемам творчества Ф. М. Достоевского и П. П. Негоша. Поскольку русская и сербская литературы обладают множеством христианских мотивов, неудивительно, что в трудах, посвящённых творчеству данных авторов, межлитературные связи включены в историко-культурный контекст. Нами впервые предложено включить в компаративистский анализ проблематики и поэтики Ф. М. Достоевского и П. П. Негоша такие философские концепты, как «русская идея» и «Косовский завет».

На первый взгляд, могло показаться противоречивым сравнение данных концепций в художественном завещании, с одной стороны – романиста, с другой – поэта, однако с помощью аксиологического анализа представляется возможным выявить близость в представлении писателей о судьбе (как индивидуальной, так и народной), «Восточном вопросе», христианстве, человеке и мире и других онтологических, гносеологических и историософских вопросах.

Следовательно, анализ художественного завещания Ф. Достоевского и П. Негоша будет неполноценным без включения в него категорий интертекстуальности и полифоничности. Такого рода положения обсуждались на Международном культурно-образовательном форуме «Золотой век русского реализма: Опыт прочтения» МА-ПРЯЛ в Русском доме в Белграде, что являлось первой научной дискуссией по теме исследования. На Круглом столе V Научно-практической школы сербистики «Доминанты сербской культуры» в Московской духовной академии велась дискуссия о

том, каким образом Ф. Достоевский и П. Негош обращаются к вопросам национальной идентичности, концепции судьбы (что неотъемлемо связано с «русской идеей» и «Косовским заветом»), а также к темам социального угнетения.

Заключение. Автором обращено внимание на то, что современная литературоведческая компаративистика неотделима от внелитературных явлений. Русского и сербского писателей – Ф. М. Достоевского и П. П. Негоша – остро волновала проблема сохранения национальной самобытности. Несмотря на то, что, на первый взгляд, прямая связь «Косовского завета» и «Русской идеи» может показаться неочевидной, благодаря компаративистскому анализу художественного завещания Ф. М. Достоевского и П. П. Негоша была доказана генетическая связь русского и сербского культурных кодов. С помощью интертекстуального анализа автор продемонстрировал, как Ф. Достоевский и П. Негош переосмысливают историю своих стран и христианские традиции, создавая уникальные художественные воплощения концептов «русская идея» и «Косовский завет». Как отмечалось выше, оба концепта основываются на соборности, любви и всепрощении. В качестве наиболее продуктивных подходов компаративистского анализа творчества Ф. Достоевского и П. Негоша автор предлагает историко-литературный и аксиологический.

Таким образом, по нашему убеждению, компаративистский анализ романов Ф. Достоевского и поэм П. Негоша следует проводить с помощью литературоведческого анализа антропологических и христианских мотивов, а именно через призму философии «русской идеи» и «Косовского завета».

Список литературы

1. Синченко Г. Ч., Векленко С. В. Методология диссертационного исследования (семь соображений для соискателей). Текст: электронный // Научный вестник Омской академии МВД России. 2006. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-dissertatsionnogo-issledovaniya-sem-soobrazheniy-dlya-soiskateley> (дата обращения: 14.09.2024).
2. Frank J. Dostoevsky: The Stir of Liberation, 1860–1865. Princeton: Princeton University Press, 2020. 406 p.
3. Frank J. Dostoevsky: The Years of Ordeal, 1850–1859. Princeton: Princeton University Press, 2020. 315 p.
4. Hudspeth S. Dostoevsky and the Idea of Russianess: A New Perspective on Unity and Brotherhood. N. Y.: Routledge, 2014. 240 p.
5. Эвальд В. Д. Ф. М. Достоевский в зарубежных научных исследованиях XXI века // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 2. С. 225–240.
6. Хуэйжун А. Рецепция творчества Достоевского в китайских переводах, художественных произведениях и научных исследованиях // Научный диалог. 2020. № 11. С. 154–176. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-154-176.

7. Цэн Цзя. Современное прочтение романов Ф. М. Достоевского в Китае: развитие идеи «жизнь есть рай» // *Успехи гуманитарных наук*. 2021. № 6. С. 255–259.
8. Вань Хайсун. «Литературная археология» писем Ф. М. Достоевского. Текст: электронный // *Социальные науки Китая: Вестник социальных наук Китая*. 2020. 10 декабря. URL: https://m.thepaper.cn/baijiaha0_10345207 (дата обращения: 20.09.2024).
9. Гэн Хайин. Ф. М. Достоевский: Как свободное существо человек несет ответственность за зло. Текст: электронный // *Синьцзинбао*. 2020. 12 июня. URL: https://www.sohu.com/a/4014_81811_114988 (дата обращения: 20.09.2024).
10. Дин Шисинь, Шэнь Лужу. Введение и комментарий к Ф. М. Достоевскому в современном Китае и Движение 4 мая // *Вестник Университета «Цзяин» (Философско-социальные науки)*. 2011. № 1. С. 47–51.
11. Маројевић Р. Руски еквиваленти српског десетерца: Метричке константе и ритмичке доминанте превода Луче микроkozма Иље Числова // *Октоих*. Подгорица. 2021. № 12. С. 35–51.
12. Бајовић Ј., Стојиљковић С., Јовановић М. Узречице као транслатолошки изазов (на грађи Његошевог speва Шћепан мали и руских превода) // *Зборник радова Филозофског факултета*. 2023. № LIII. С. 67–80.
13. Бајовић Ј. Архаизација као преводилачки поступак: Луча Микроkozма у преводу Иље Числова. Косовска Митровица-Београд: Чигоја, 2024. 148 с.
14. Ракочевић М. Његошев исконски логос. Београд: ННК Интернационал, 2023. 207 с.
15. Храпченко М. Б. Художественное творчество, действительность, человек. М.: Советский писатель, 1976. 368 с.
16. Конрад Н. И. Проблемы современного сравнительного литературоведения // *Избранные труды. Литература и театр*. М.: Наука, 1978. С. 29–49.
17. Беженару Л. Литературоведческая компаративистика: от деконструкции старой терминологической базы к восприятию образа «другого» // *Нурғалиевские чтения-XII: научное сообщество ученых XXI столетия. Филологические науки*. Астана, 2023. С. 152–168.
18. Кирпичников А. И. Поэмы ломбардского цикла. М.: Унив. тип., 1873. 208 с.
19. Миллер О. Ф. О нравственной стихии в поэзии на основании исторических данных: по поводу вопроса о современном направлении русской литературы / соч. Ореста Миллера на степ. магистра рус. словесности. СПб.: Тип. Королёва и К, 1858. 300 с.
20. Чиркович С. История сербов. М.: Весь мир, 2009. 488 с.
21. Robinson L. K. Therese Albertine Louise Von Jacob // *European Immigrant Women in the United States: A Biographical Dictionary* / J. B. Litoff. N. Y.: Taylor & Francis, 1994. P. 249–250.
22. Велимирович Н. Царев завет. СПб.: Искусство России, 2011. 128 с.
23. Радонић М. Есејистичко дело Миодрага Павловића: дис. ... канд. филол. наук. Београд, 2013. 430 с.
24. Андрић И. Његош и Косовски завет: 200 година од рођења Петра II Петовића Његоша / приредио Тохоль М. Приштина: Панорама, 2013. 124 с.
25. Скерлић Ј. Историја нове српске књижевности. Београд: Просвета, 1967. 581 с.
26. Иванић Д. Његош и Љубиша: историјскопоетичке студије. Подгорица: Матица српска – Друштво чланова у Црној Гори, 2023. 148 с.
27. Гулыга А. В. Русская идея и ее творцы. М.: Эксмо, 2003. 448 с.
28. Горелов А. А. Значение Ф. М. Достоевского в отечественной и мировой философии. Текст: электронный // *Знание. Понимание. Умение*. 2021. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-f-m-dostoevskogo-v-otechestvennoy-i-mirovoy-filosofii> (дата обращения: 19.09.2024).
29. Орлова Н. Х. Еще раз о бесконечной своевременности Ф. М. Достоевского // *Парадигма*. 2024. № 40. С. 31–54.
30. Лекеш П. К вопросу о триадическом характере творчества Ф. М. Достоевского // *CCS&ES*. 2022. № 3. С. 38–46.
31. Шайтанов И. О. Триада современной компаративистики: глобализация – интертекст – диалог культур // *Вопросы литературы*. 2005. № 6. С. 130–137.
32. Frye N. *The Great Code: The Bible and Literature*. N. Y.; London: Harcourt Brace Jovanovich, 1982. 292 p.
33. Ю. М. Лотман и тартусско-московская семиотическая школа: сборник. М.: Гнозио, 1994. 560 с.
34. Жирмунский В. М. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. М.: АН СССР, 1958. 149 с.
35. Деретић Ј. Историја српске књижевности. Београд: Просвета, 2002. 1292 с.
36. Филатов А. В. Аксиология в теории литературы: основные направления ценностного анализа // *Сибирский филологический журнал*. 2019. № 4. С. 130–140.

Информация об авторе

Гаврич Вукашин, аспирант, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина; 117485, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, 6; vukasingavric@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-0628-8037>.

Для цитирования

Гаврич В. Проблематика «Русской идеи» и «Косовского завета» в компаративистском исследовании творчества Ф. М. Достоевского и П. П. Негоша // Гуманитарный вектор. 2024. Т. 19, № 4. С. 20–30. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-20-30.

Статья поступила в редакцию 24.09.2024; одобрена после рецензирования 27.10.2024; принята к публикации 29.10.2024.

References

1. Sinchenko, G. Ch., Veklenko, S. V. Methodology of dissertation research (seven considerations for applicants). Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, no. 2, 2006. Web. 14.09.2024. <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-dissertatsionnogo-issledovaniya-sem-soobrazheniy-dlya-soiskateley>. (In Rus.)
2. Frank, J. Dostoevsky: The Stir of Liberation, 1860–1865. Princeton: Princeton University Press, 2020. (In Eng.)
3. Frank, J. Dostoevsky: The Years of Ordeal, 1850–1859. Princeton: Princeton University Press, 2020. (In Eng.)
4. Hudspith, S. Dostoevsky and the Idea of Russianess: A New Perspective on Unity and Brotherhood. N. Y.: Routledge, 2014. (In Eng.)
5. Evallye, V. D. F. M. Dostoevsky in foreign scientific research of the 21st century. Dostoevsky and world culture. Philological journal, no. 2, pp. 225–240, 2023. (In Rus.)
6. Huijun, A. Reception of Dostoevsky's works in Chinese translations, works of art and scientific research. Scientific dialogue, no. 11, pp. 154–176, 2020. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-154-176. (In Rus.)
7. Cheng, Jia. Modern reading of F. M. Dostoevsky's novels in China: Development of the idea "life is paradise". Successes of the Humanities, no. 6, pp. 255–259, 2021. (In Rus.)
8. Van Haisun. Literary archeology of the letters of F. M. Dostoevsky. Social Sciences of China: Bulletin of Social Sciences of China, 2020. Web. 20.09.2024. https://m.thepaper.cn/baijiahao_10345207. (In Chinese)
9. Gen Hajin. F. M. Dostoevsky: How a free human being bears responsibility for evil. Sin'czinbao, 2020.06.12. Web. 20.09.2024. https://www.sohu.com/a/401481811_114988. (In Chinese)
10. Din Shisin, Shen Luzhu. Introduction and Commentary to F. M. Dostoevsky in Modern China and the May 4th Movement. Bulletin of Jiaying University (Philosophical and Social Sciences). Introduction and Commentary to F. M. Dostoevsky in Modern China and the May 4th Movement. Bulletin of Jiaying University (Philosophical and Social Sciences), no. 1, pp. 47–51. 2011. (In Chinese)
11. Maroyevich, R. Russian equivalents of the Serbian ten: Metrical constants and rhythmic dominants of the translation of Ilya Chislov's Light of the Microcosm. October. Podgorica, no. 12, pp. 35–51, 2021. (In Serb.)
12. Bajovich, Y. Stojiljkovich, S., Jovanovich, M. Proverbs as a translational challenge (on the basis of Njegosh's song Schepan mali and Russian translations). Zbornik radova Filozofskog fakulteta, no. LIII, pp. 67–80, 2023. (In Serbian)
13. Bajovich, Y. Archaization as a translation procedure: Lucha Mikrokosma translated by Ilya Chislev. Kosovska Mitrovica-Belgrade: Chigoya, 2024. (In Serbian)
14. Rakochevich, M. Njegosh's primordial logos. Belgrade: NNK International; 2023. (In Serbian)
15. Khrapchenko, M. B. Artistic creativity, reality, man "Soviet writer", 1976. (In Rus.)
16. Konrad, N. I. Problems of modern comparative literary criticism. Selected works. Literature and theater. M: Nauka, 1978: 29–49. (In Rus.)
17. Bezhenaru, L. Comparative Literary Studies: From Deconstruction of the Old Terminological Base to the Perception of the Image of the "Other". Nurgaliev Readings-XII: Scientific Community of Scientists of the XXI Century. Philological Sciences. 2023: 152–168. (In Rus.)
18. Kirpichnikov, A. I. Poems of the Lombard cycle. M: Univ. typ., 1873. XII. (In Rus.)
19. Miller, O. F. On the moral element in poetry based on historical data: regarding the issue of the modern direction of Russian literature. Works by Orest Miller, for the degree of master of Russian literature. SPb: In the typology of Korolev and K, 1858. (In Rus.)
20. Chirkovich, S. History of the Serbs. M: Ves' mir, 2009. (In Rus.)
21. Robinson, L. K. Therese Albertine Louise Von Jacob. European Immigrant Women in the United States: A Biographical Dictionary. Judy Barrett Litoff. N. Y.: Taylor & Francis, 1994: 249–250. (In Eng.)
22. Velimirovich, N. The Tsar's Testament. St. Petersburg. Art of Russia. 2011. (In Rus.)

23. Radonich, M. Essay work of Miodrag Pavlovich. Cand. sci. diss. Belgrade, 2013. (In Serbian)
24. Andrich, I. Njegosh and the Kosovo Covenant: 200 years since the birth of Petar II Petrović Njegosh. Edited by Toholj M. Prishtina: Panorama, 2013. (In Serbian)
25. Skerlich, J. History of new Serbian literature. Belgrade: Prosveta, 1967. (In Serbian)
26. Ivanich, D. Njegosh and Ljubisha: historical and poetic studies. Podgorica: Matica srpska, Society of members in Montenegro, 2023. (In Serbian)
27. Gulyga, A. V. Russian idea and its creators. M: Eksmo, 2003. (In Rus.)
28. Gorelov, A. A. The Significance of F. M. Dostoevsky in Russian and World Philosophy. Knowledge. Understanding. Skill, no. 2, 2021. Web. 19.09.2024. <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-f-m-dostoevskogo-v-otechestvennoy-i-mirovoy-filosofii>. (In Rus.)
29. Orlova, N. Kh. Once again about the endless timeliness of F. M. Dostoevsky. Paradigm, no. 40, pp. 31–54, 2024. (In Rus.)
30. Lekesh, P. To the question about the triadic nature of the work of F. M. Dostoevsky. CCS&ES, no. 3, pp. 38–46, 2022. (In Slovak)
31. Shaitanov, I. O. Triad of modern comparative studies: globalization – intertext – dialogue of cultures. Questions of Literature, no. 6, pp. 130–137, 2005. (In Rus.)
32. Frye, N. The Great Code: The Bible and Literature. N. Y.; London: Harcourt Brace Jovanovich, 1982. (In Eng.)
33. Yu. M. Lotman and the Tartu-Moscow semiotic school. M: Gnosio, 1994. (In Rus.)
34. Zhirmunsky, V. M. Epic creativity of the Slavic peoples and problems of comparative study of the epic. M: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1958. (In Rus.)
35. Deretich, J. History of Serbian literature. Belgrade: Prosveta, 2002. (In Serbian)
36. Filatov, A. V. Axiology in the theory of literature: the main directions of value analysis. Siberian Philological Journal, no. 4, pp. 130–140, 2019. (In Rus.)

Information about the author

Gavrich V., Postgraduate Student, The Pushkin State Russian Language Institute; 6 Akademika Volgina st., Russia, 117485, Moscow; vukasingavric@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-0628-8037>.

For citation

Gavrich V. The Problems of the “Russian Idea” and the “Kosovo Testament” in the Comparative Study of the Works by F. M. Dostoevsky and P. P. Njegosh // Humanitarian Vector. 2024. Vol. 19, no. 4. P. 20–30. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-20-30.

**Received: September 24, 2024; approved after reviewing October 27, 2024;
accepted for publication October 29, 2024.**

Научная статья**УДК 82.09****DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-31-38****Интертекст и гипертекст как средства передачи идеи жизнеутверждения
в стихотворении Н. Моршена «О звёздах»****Игорь Александрович Романов***Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия*
igorromanoff@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1346-0474>

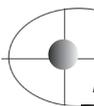
Актуальность статьи обусловлена обозначенной проблемой репрезентации идеи жизнеутверждения современными художественными средствами. Интертекст и гипертекст передают мысль о неприятии маргинальной модели поведения. Превращение текста в гипертекст происходит в процессе комментария произведений каждого из процитированных авторов. Здесь образуется особое филологическое пространство, которое создаётся не только текстами, но и «внетекстовыми структурами», рисующими культурный фон соответствующих эпох. Цель работы состоит в рассмотрении роли интертекста и гипертекста в передаче онтологической идеи приятия жизни. Гипотеза – интертекст потенциально может трансформироваться в гипертекст. При центростремительном векторе приводимые цитаты работают на главную идею неприятия «накликанной» на себя смерти; при центробежном – каждая цитата отправляет исследователя в потенциально бесконечное, разветвляющееся пространство, связанное с культурно-историческими особенностями эпох. В подобном толковании стихотворения Н. Моршена и заключается новизна исследования. Текст Н. Моршена, подобно музыкальной теме с вариациями, через привлечённые цитаты акцентирует мысль об утверждении жизни. Культурно-исторический метод подразумевает рассмотрение процитированных произведений в контексте мировоззренческих позиций XVIII, XIX и XX вв. Биографический метод обусловлен связью трагической судьбы авторов с их литературными произведениями. Интертекстуальный метод позволяет рассмотреть роль цитат в приращении жизнеутверждающего смысла в тексте-ядре. Герменевтический подход необходим в связи с тем, что текст Н. Моршена представляет систему, в которой целое (стихотворение с цитатами) зависит от частей (цитат, иллюстрирующих основную идею), а части (цитаты) подтверждают выраженное во всём произведении. Такое диалектическое единство и характеризует герменевтический круг. Стихотворение Н. Моршена «О звёздах», являясь очевидным интертекстом, может через комментарии разворачиваться в гипертекст, многовекторный, объединённый идеей гармоничного восприятия жизни и преодоления смерти. Перспективы исследования видятся в использовании гипертекстовой стратегии при рассмотрении других проблем экзистенциального порядка: свободы, ответственности, одиночества, поставленных в произведениях разных писателей.

Ключевые слова: интертекст, гипертекст, жизнеутверждение, культурно-исторический метод, биографический метод, интертекстуальный метод, принципы герменевтического подхода

Original article**Intertext and Hypertext as Means of Conveying the Idea of Life-Affirmation
in N. Morshen's Poem "About the Stars"****Igor A. Romanov***Transbaikal State University, Chita, Russia*
igorromanoff@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1346-0474>

The relevance of the article is determined by the identified problem of representing the idea of life-affirmation by modern artistic means. The idea of rejection of the marginal model of behavior is expressed through intertext and hypertext. The transformation of the text into hypertext occurs in the process of commentary on the works of each of the cited authors. Here a special philological space is formed, which is created not only by texts, but also by "extra-textual structures" that draw the cultural background of the corresponding eras. The purpose of the work is to consider the role of intertext and hypertext in conveying the ontological idea of accepting life. We suggest a hypothesis that intertext turns into hypertext. With a centripetal vector, the cited quotations work on the main idea of rejection of death "called upon" oneself; with a centrifugal vector, each quotation sends the researcher into a potentially infinite, branching space associated with the cultural and historical features of the eras. The novelty of the study lies in such an interpretation of N. Morshen's poem. N. Morshen's text, like

a musical theme with variations, emphasizes the idea of affirming life through the quotations used. The cultural-historical method involves examining the cited works in the context of the ideological positions of the 18th, 19th and 20th centuries. The biographical method is determined by the connection between the tragic fate of the authors and their literary works. The intertextual method allows us to consider the role of quotations in increasing the life-affirming meaning in the core text. The hermeneutic approach is necessary due to the fact that N. Morshen's text represents a system in which the whole (a poem with quotations) depends on the parts (quotes illustrating the main idea), and the parts (quotes) confirm what is expressed in the entire work. Such dialectical unity characterizes the hermeneutic circle. N. Morshen's poem "About the Stars", being an obvious intertext, can, through comments, unfold into a hypertext, multi-vector, united by the idea of a harmonious perception of life and overcoming death. The prospects for research are seen in the use of hypertext strategy when considering other problems of an existential nature: freedom, responsibility, loneliness, posed in the works of different writers.

Keywords: intertext, hypertext, life-affirmation, cultural-historical method, biographical method, intertextual method, principles of the hermeneutic approach

Введение. Любой текст существует в конкретном обществе, и на его смысл прямо влияет исторический и культурный фон эпохи¹, вводя его в поле «диалогических отношений» [1] и «внетекстовых структур» [2]. В постструктурализме текст по сути воспринимается как интертекст. Понятия «интертекстуальность» и «интертекст» впервые вводит Ю. Кристева, проинтерпретировавшая тезисы М. Бахтина о «диалогности», «чужом слове» и «полифоничности» [3]. Под интертекстом понимается текст, насыщенный аллюзиями, реминисценциями, косвенными или прямыми цитатами из других авторов, а интертекстуальность – это приём создания подобного рода произведений. Её старший современник и научный учитель Р. Барт, провозгласив свою концепцию «смерти автора» и его замену на практически безличного «скриптора», по сути, утвердил тезис о том, что любой текст, если его рассматривать с подобной точки зрения, превращается в интертекст [4]. Получается, что любой писатель обречён на апеллирование к предшествующей традиции, а значит на прямое или косвенное цитирование.

Так и русский поэт второй волны эмиграции Николай Моршен в своём небольшом (26 стихов вместе с эпиграфом) стихотворении «О звёздах» [5, с. 219] цитирует шестерых классиков русской литературы: Г. Державина, М. Лермонтова, С. Есенина, А. Пушкина, Н. Гумилёва, М. Цветаеву (перечисление в порядке цитирования автором – И. Р.). С точки зрения литературоведения – это классический интертекст, но при более внимательном прочтении мы можем прийти к выводу, что он может потенциально трансформироваться в гипертекст – систему текстов, связанных между собой многочис-

ленными ссылками и объединённых общей художественной идеей неприятия смерти и артикуляции её прихода: «А словом опрометчивым накликать // Несчастья на себя немудрено» [Там же, с. 219]. В этой идее жизнеутверждения, высказанной Г. Державиным, и заключается смысл и всего стихотворения, и привлечения цитат из произведений других поэтов.

Обзор литературы. Изучением интертекста и интертекстуальности занимались Ю. Кристева [3], представившая в своих работах классификацию и типологию интертекстов, и Р. Барт [4]. Интертекстуальности в произведениях Н. Моршена посвящена третья глава кандидатской диссертации А. И. Грищенко «Идеостиль Николая Моршена» [6], научным руководителем которой был В. В. Агеносов, профессор МПГУ, лучший в России специалист по литературе второй волны Русского Зарубежья. В ней рассматриваются принципы цитирования и интертекстуальные связи в творчестве поэта, но делается акцент на тютчевском интертексте. Стихотворение «О звёздах» не рассматривается исследователем как вариант потенциальной гипертекстуальности.

При анализе поэтических произведений авторов, процитированных в стихотворении Н. Моршена – прежде всего А. Пушкина и М. Лермонтова – использовалась глава «Дуэль» в работе Ю. Лотмана «Беседы о русской культуре» [2] и его же комментарии к «Евгению Онегину» [7, с. 472–760]. Автор детально входит в социокультурный контекст эпохи начала XIX в. и, например, прямо говорит о том, почему всё же Онегин убил Ленского: «Основным механизмом, при помощи которого общество, презираемое Онегиным, всё же властно управляет его поступками, является боязнь быть смешным или сделаться предметом сплетен», и он «теряя волю, ста-

¹ Гиндин С. И. Текст // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. – М.: НПКи «Интелвак», 2001. – С. 1063–1064.

новится куклой в руках безликого ритуала дуэли» [2, с. 201].

Рассмотрение гипертекстовых романов осталось за пределами данного исследования, но сами принципы их создания, ориентированные на реализацию потенциально бесконечной, ветвящейся сетевой структуры, открытость, интерактивность, привели к тому, что в работе были учтены фундаментальные идеи теоретиков гипертекста Дж. П. Ландоу [8–10] и Р. Кувера [11]. Вопросы существования гипертекста в докомпьютерную эпоху, что важно при рассмотрении стихотворения Н. Моршена, так или иначе поднимались в работах Г. Аллена [12], Ж. Жаннет [13], Н. Хейлс [14].

Проблемы комментария художественного текста проанализированы в статье Е. С. Романычевой. Исследователь, говоря о «Евгении Онегине», рассматривает произведение с методической точки зрения и утверждает тезис о центростремительном и центробежном подходах при комментировании [15]. Роль интертекста и гипертекста в передаче идеи жизнеутверждения в стихотворении Н. Моршена «О звёздах» в научной литературе не раскрыта, что и составляет реальную новизну исследования.

Методология и методы исследования. В статье использовались следующие методы: культурно-исторический, биографический, интертекстуальный, а также принципы герменевтического подхода. Культурно-исторический метод подразумевает рассмотрение художественных текстов в контексте мировоззренческих установок XVIII (Г. Державин), XIX (А. Пушкин, М. Лермонтов) и XX (С. Есенин, М. Цветаева, Н. Гумилёв, Н. Моршен) веков.

Целесообразность применения биографического метода обусловлена непосредственной связью трагической судьбы поэтов, процитированных Н. Моршеном, с их литературными произведениями. Интертекстуальный метод, подразумевающий анализ роли цитат («чужого слова» М. Бахтина) и их роль в приращении жизнеутверждающего смысла в тексте-ядре, напрашивается в связи с их распространённостью в стихотворении Н. Моршена «О звёздах». Герменевтический подход необходим в связи с тем, что текст Н. Моршена представляет собой художественную систему, где целое зависит от цитат, которые позволяют выразить основную идею текста.

Результаты исследования. В стихотворении Н. Моршена процитированы следующие тексты:

- «К самому себе» Г. Державина;
- «Сон» М. Лермонтова;
- «Устал я жить в родном краю» С. Есенина;
- «Евгений Онегин» А. Пушкина;
- «Я и Вы» Н. Гумилёва;
- «О слёзы на глазах!» М. Цветаевой.

Для начала нужно сказать, что использование цитат не есть признак неискренности, «постмодернистской игры». А. С. Пушкин в письме Э. Собаньска был вполне искренен, используя многочисленные цитаты. Но при этом цитата «позволяла передать тексту смысловую неопределённость, располагать его в пространстве от романтической патетики до стернианской иронии. Однако обилие литературных реминисценций ни в коей мере не означает отсутствия искреннего и взволнованного чувства» [2, с. 82]. Такая искренность и естественность видна и в стихотворении Н. Моршена.

Всех поэтов, процитированных Н. Моршеном, кроме Г. Державина, отличает романтический «задор», неважно, что только двое из них – А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов – отдали дань романизму. Романтизм – это не только литературное направление, это стиль жизни, характеризующийся совершенно беспечным отношением к самому себе и фактическим неразделением творчества и жизни. Романтический герой, по сути, в своём жесте противостояния с обществом реализует маргинальную модель поведения, характеризующуюся стремлением к невозможному.

Он предпочитает позицию неопределённости и риска, а не стабильности и покоя. Слово *margin* можно перевести как «состояние около предела (или границы), ниже или выше которого ничто невозможно» [16, с. 381]. Подробнее о данном аспекте маргинальности говорит в своей диссертации И. А. Романов [17]. Часто такая модель приводит к отторжению самой жизни. Процитированные Н. Моршеном поэты заигрывали со смертью, в том числе в своих стихах, а слово великого поэта, обладая сильной суггестией, оборачивается против него же.

Переход очевидного интертекста в гипертекст происходит через комментарий. Например, в стихотворении «Сон» М. Ю. Лермонтова (« В полдневный жар в

долине Дагестана»¹) возникает парадоксальная ситуация, когда лирический герой говорит о себе: «С свинцом в груди лежал недвижим я», «Знакомый труп лежал в долине той». И конечно, апокрифическое описания гибели М. Лермонтова («выстрел вверх», демонстративный характер которого считался дополнительным оскорблением, «театрализация» дуэли, на которую М. Лермонтов пригласил многих своих знакомых [2]), – всё это требует комментариев, без которых у современного читателя в сознании возникают «смысловые лакуны», «чёрные дыры», которые заполняют только досужие домыслы и фантазии.

Фраза из стихотворения С. Есенина «Устал я жить в родном краю» («в зелёный вечер под окном» [5, с. 219]) имеет продолжение в оригинальном тексте: «На рукаве своём повешусь»². Произведение датировано 1915–1916 гг., что прямо свидетельствует о «проговоренном» поэтом финале своего жизненного пути ещё за десять лет до того, как он состоялся. И в данной ситуации для исследователя открываются достаточно большие горизонты: нужно рассмотреть обстоятельства жизни С. Есенина, его творческие, личностные и бытовые проблемы, наконец, попытаться ответить на вопрос: убийство или самоубийство, привести соответствующие доводы и т. д.

Цитата «Поэт на снег роняет пистолет» является немного изменённой фразой из «Евгения Онегина» (у Пушкина: «Поэт роняет молча пистолет»³). Акцент на слове «снег», как представляется, напрямую отправляет читателя к дуэли А. С. Пушкина с Дантесом (интересно, что дуэль Онегина с Ленским тоже происходит зимой). Данная цитата оказывается, в соответствии с логикой Н. Моршена, ассоциативно связанной не только с обстоятельствами дуэли Онегина и Ленского, но и с историей, реализованной в роковой дуэли самого А. С. Пушкина. Предыстория дуэли А. С. Пушкина, её обстоятельства, виновники, роль секундантов, поведение самих дуэлянтов (всё это по понятным причинам остаётся вне рассмотрения автора исследования) и трагические последствия составляют тот фон эпохи, который необычайно важен для понимания

¹ Цит. по: Романов И. А. Поэтика транзита: о русской прозе и поэзии последних десятилетий: учеб. пособие. – Чита: ЧИПКРО, 2008. – 146 с.

² Там же. – 144 с.

³ Там же.

стихотворения Н. Моршена. Подробный комментарий данной ситуации потенциально обращает цитату Н. Моршена в гипертекстовое пространство.

«Умру не на постели, в дикой щели»⁴ – практически точная цитата из стихотворения Н. Гумилёва «Я и Вы». Здесь особое внимание привлекает антураж, характеризующий лирического героя («Я»): «дикарский напев зурны», «Я читаю стихи драконам // Водопадам и облакам», «араб в пустыне» в сравнении со своим антиподом «Вы»: «гитара», «салоны», «тёмные платья и пиджаки», «рыцарь на картине», постель, нотариус, врач. Очевидная антитеза передаёт романтический характер личности лирического героя, прямо проецировавшийся на жизнь биографического автора. Ведущие образы поэта сконцентрированы в последней строфе:

«Чтоб войти не во всём открытый,
Протестантский, прибранный рай,
А туда, где разбойник и мытарь
И блудница крикнут: вставай!»

Разбойник – это библейский Дисмас (Тит, Рах), распятый вместе с Христом, но раскаявшийся в своих грехах [18, Лк. 23: 40–43, с. 252–253] и ставши святым. «Блудница» – это очевидно Мария Магдалина, тоже ставшая святой, «мытарь» – апостол Матфей, до знакомства с учением Христа бывший сборщиком налогов. Очевидна здесь и отсылка к библейской цитате: «...истинно говорю вам, что мытари и блудницы вперёд вас идут в Царство Божие [18, Мф. 21:31, с. 67–68]. Традиция неприязни «протестанского рая» русским человеком идёт ещё от Ф. М. Достоевского, суть её заключается в неприятии «рационального», отвергающего таинства православия, но предполагающего преодоление первородного греха через соблюдение этических норм и упорный труд. Об этом писал М. Вебер, когда объяснял экономические успехи протестантских стран по сравнению с католическими [19].

Явно представленная здесь романтическая модель, обозначенная позиция противопоставления собственного внутреннего мира миру «других», заявленная в самом названии, и привела поэта к расстрелу в 1921 г. по делу об участии в заговоре. Обо все этих подробностях не говорит в своём стихотворении Н. Моршен, но они подразумеваются «сами собой», для интеллектуального читателя одной цитаты достаточно,

⁴ Там же.

чтобы вызвать в памяти шлейф соответствующих воспоминаний.

«Пора творцу вернуть билет»¹ – цитата из стихотворения М. Цветаевой, датированного 1939 г., «О слёзы на глазах!». Упомянутые в тексте «Чехия в слезах», «Испания в крови» невозможно понять вне исторического контекста: речь идёт об Аншлюсе, последующем разделе Чехословакии и о закончившейся поражением республиканцев гражданской войне в Испании. Эти события не могли остаться без внимания М. Цветаевой, для которой их переживания оказались тождественны не только финалу прежней, относительно благополучной жизни в эмиграции, но и концу миропорядка. Если прибавить сюда предчувствия глобальной катастрофы (Второй мировой войны) и нахлынувшие личные проблемы, то получается, что весь мир для неё начал разваливаться на глазах. Отсюда и «истерическая» интонация стихотворения, передаваемая в том числе синтаксическими средствами: пять риторических восклицаний, девять тире в небольшом произведении. Обилие парцеллярных конструкций, очевидно, и позволило И. Бродскому назвать М. Цветаеву «фальцетом времени» [20].

Фраза «На твой безумный мир // Ответ один – отказ» переформатирует обращение к Творцу: третье лицо меняется на первое, характерное для молитвы. У Цветаевой возникает вариант «антимолитвы», где мысль об «отказе» получает за два года до её самоубийства вполне зловещие коннотации. Моршену совсем не нужно погружаться в эти подробности, достаточно одной цитаты, которая при комментировании способна развернуться и разветвиться. Например, 1939 г. – поражение республиканцев и победа франкистов в Испании: начало войны – главные сражения – роль командующих – советские военные в Испании – оборона Мадрида – битва под Гвадалахарой и т. д. Таким образом текст превращается сначала в интертекст, а затем и в гипертекст.

Отсылка к Г. Р. Державину, начавшись с эпиграфа², который, в соответствии с теорией Ю. Кристевой, является частью интертекста:

Утром раза три в неделю
С милой Музой порезвлюсь,

¹ Цит. по: Романов И. А. Поэтика транзита: о русской прозе и поэзии последних десятилетий: учеб. пособие. – Чита: ЧИПКРО, 2008. – 145 с.

² Там же. – С. 145–146.

там опять опять пойду в постелю
И с женою обоймусь [5, с. 219].

продолжается во второй части произведения такими словами (уже самого Н. Моршена):

Струилась жизнь певца подобно чуду
Подробно, бегло, но не влопыхах.
Была жена в постели, Бог повсюду,
И вкус бессмертья длился на губах.

[Там же, с. 219].

Речь идёт не только о возрождении античной традиции Вергилия и Горация (к последнему есть отсылка в «Евгению. Жизнь Званская») гармоничного восприятия жизни, но и о неприятии той маргинальной модели поведения, которая объединила всех поэтов, цитаты которых он использовал. В этом и заключается основная художественная мысль Н. Моршена. Он, как и Г. Державин, не отрицает смерть как онтологическую категорию, но он против ранней, «напророченной» себе смерти.

К сожалению, поэты, придерживавшиеся той же модели («Я умру в крещенские морозы» Н. Рубцова, стихи скончившего с собой в 26 лет Б. Рыжего, так же «накликавшего» смерть и т. д.), в России в массовом читательском сознании воспринимаются как настоящие, «живые», а другие, прожившие долгую жизнь, – всего лишь как «литераторы» в европейском понимании этого слова (подобное мнение неоднократно приходилось слышать от студентов-филологов). Включение в литературный контекст и других авторов, даже не процитированных Н. Моршеном, но подразумеваемых читателем или исследователем, переводит исходное стихотворение в гипертекстовый формат и акцентирует мысль об утверждении жизни.

Обсуждение результатов исследования. В современном филологическом пространстве мысль Р. Барта о том, что любой текст должен восприниматься как интертекст [4], нашедший выражение в несколько радикальной концепции «смерти автора», кажется уже устаревшей. В XXI в. художественный текст стал восприниматься уже как гипертекст. По-другому и не может быть в эпоху, когда «граница между поэзией и эстетической рефлексией стерта. Поэты выступают со статьями, доценты и критики – со стихами собственного сочинения», – говорит литературовед В. Новиков [21], характеризуя так называемую «филологическую» поэзию. Его мысль продолжает В. Зусева,

говоря о «радости узнавания себя в других, и наоборот. Ведь поэзия эта – поэзия диалога с прошлым [22]. Вот и Н. Моршен в стихотворении «О звёздах», цитируя поэтов предшествующих эпох, вступает в такой диалог. Причём цитаты – это не пустая демонстрация собственной эрудиции. Автор полемизирует с романтической традицией, погубившей многих русских поэтов, и предлагает альтернативный вариант смиренного восприятия реальности, представленный в поэзии Г. Державина. Этот вариант объединяет небесное и земное, бытовое и бытийное, материальное и духовное.

Была жена в постели. Бог повсюду.

И вкус бессмертья длился на губах [5, с. 219].

Художественный текст, если он насыщен скрытыми или явными цитатами, аллюзиями и реминисценциями, требует и от писателя, и от читателя полного погружения в описываемую эпоху, протягивая бесконечное количество нитей к другим литературным текстам, документам, историческим событиям, культурным, политическим, религиозным знакам соответствующих эпох. Без этого полноценное понимание исходного текста просто невозможно. Читатель и исследователь имеет здесь дело не с постмодернистской «пастишкой», а с настоящим разновекторным, многоуровневым, открытым гипертекстом. А. Генис назвал гипертекст «машиной реальности» современности [23], что вполне соответствует времени «информационного взрыва» [24], т. е. эпохи первой четверти XXI в.

Заключение. Поэты, процитированные Н. Моршеном (кроме Г. Державина), при всей их гениальности, стали заложниками судьбы, реализовав гибельную романтиче-

скую модель отношения к жизни. Судьба самого поэта не была безоблачной, но он, выбирая державинскую традицию любви к жизни, по сути, говорит о том, что поэт, как и любой человек, может и должен преодолеть какие угодно испытания и страдания. В этом и заключается жизнеутверждающий пафос стихотворения «О звёздах». В тексте Н. Моршена интертекст и гипертекст служат созданию особого филологического пространства, организованного концепцией приятия жизни.

Метаморфоза интертекста в гипертекст происходит через комментарий. Недаром этот жанр так популярен в XX в. как в научном (комментарии М. Лозинского к «Божественной комедии», А. Аникста к «Гамлету», Ю. М. Лотмана и В. В. Набокова к «Евгению Онегину»), так и в художественном («Бледное пламя» В. В. Набокова, «Записки на полях «Имени Розы» У. Эко, «Бесконечный тупик» Д. Галковского, «Подлинная история зелёных музыкантов» Е. Попова) дискурсах. Текст превращается в интертекст тогда, когда все отсылки в нём работают на его стержневую идею, и в гипертекст, когда цитаты, аллюзии и реминисценции выражают сопряжённость со всей мировой культурой.

Дальнейшее видение исследования представляется в детальном изучении произведений русской и зарубежной литературы, ставящих проблемы экзистенциального порядка. Любой текст, несущий мысль о созидаании, о преодолении смерти, заслуживает как минимум пристального внимания и как максимум комментированного рассмотрения. Комментарий выводит любой текст в гипертекстовое пространство.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров; прим. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. М.: Искусство, 1979. 423 с.
2. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. СПб.: Азбука, 2022. 832 с.
3. Кристева Ю. Избранные труды. Разрушение поэтики. М.: Рос. полит. энцикл., 2004. 656 с.
4. Барт Р. Избранные труды. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
5. Агеносов В., Анкудинов К. Современные российские поэты. М.: Мегатрон, 1998. 364 с.
6. Грищенко А. И. Идеостиль Николая Моршена: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М.: МПГУ, 2008. 348 с.
7. Лотман Ю. М. Пушкин: биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: комментарий. СПб.: Искусство-СПб., 1995. 762 с.
8. Landow G. P. Hypertext: The Convergence of Contemporary Critical Theory and Technology. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1992. 242 p.
9. Landow G. P. What is the Victorian Web? URL: <http://www.victorianweb.org> (дата обращения: 02.08.2024). Текст: электронный.

10. Landow G. P. Stitching together Narrative, Sexuality, Self: Shelley Jackson's Patchwork Girl. URL: <https://cyberartsweb.org/cspace/ht/pg/pgmain.html> (дата обращения: 10.08.2024). Текст: электронный.
11. Coover R. The End of Books. Текст: электронный // The New York Times Book review. 1992. URL: <https://archive.nytimes.com/www.nytimes.com/books/98/09/27/specials/coover-end.html> (дата обращения: 10.08.2022).
12. Allen G. Intertextuality. URL: <https://archive.org/details/AllenGraham2000Intertextuality> (дата обращения: 10.08.2024). Текст: электронный.
13. Genette G. The Architext an Introduction. Berkley: University of California Press, 1979. 100 p.
14. Hayles N. K. My Mother was a Computer: Digital Subjects and Literary Texts. Chicago: University of Chicago Press, 2005. 143 p.
15. Романычева Е. С. О комментариях, центробежном и центростремительном // Педагогический ИМИДЖ. 2018. № 2. С. 57–65.
16. Hornby A. S. Oxford Students Dictionary of Currents English. Moscow; Oxford: Oxford university, 1984. 754 p.
17. Романов И. А. Поэзия И. Бродского: преодоление маргинальности: дис. ... канд. филол. наук. 10.01.01. М.: МПГУ, 2004. 202 с.
18. Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. М.: Изд-во «Отчий дом», 2001. 732 с.
19. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: АСТ, 2021. 352 с.
20. Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. URL: http://imwerden.de/pdf/volkov_dialogi_s_iosifom_brodskim_2000__ocr.pdf (дата обращения: 10.08.2024). Текст: электронный
21. Новиков В. Nos habebit humus. Реквием по филологической поэзии. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mir/2001/6_nov.html (дата обращения: 10.08.2024). Текст: электронный.
22. Зусева В. А бабочка стихи Державина читает... URL: <http://www.arion.ru/mcontent.php?year=2018number1208jax=2315> (дата обращения: 10.08.2024). Текст: электронный.
23. Генис А. Гипертекст – машина реальности // Иностранная литература. 1994. № 5. С. 248–249.
24. Эпштейн М. Информационный взрыв и травма постмодерна // Постмодерн в русской литературе. М.: Высшая школа, 2005. С. 45–66.

Информация об авторе

Романов Игорь Александрович, кандидат филологических наук, Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30; igorromanoff@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1346-0474>.

Для цитирования

Романов И. А. Интертекст и гипертекст как средства передачи идеи жизнеутверждения в стихотворении Н. Моршена «О звёздах» // Гуманитарный вектор. 2024. Т. 19, № 4. С. 31–38. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-31-38.

Статья поступила в редакцию 15.09.2024; одобрена после рецензирования 20.10.2024; принята к публикации 23.10.2024.

References

1. Bakhtin, M. M. Aesthetics of Verbal Creativity. M: Art, 1979. (In Rus.)
2. Lotman, Yu. M. Conversations about Russian Culture. St. Petersburg: Azbuka, 2022. (In Rus.)
3. Kristeva, Yu. Selected Works. Destruction of Poetics. M: Russian Political Encyclopedia, 2004. (In Rus.)
4. Bart, R. Selected Works. Semiotics. Poetics. M: Progress, 1989. (In Rus.)
5. Agenosov, V., Ankudinov, K. Contemporary Russian Poets. M: Megatron, 1998. (In Rus.)
6. Grishchenko, A. I. Ideostyle of Nikolai Morshen. Cand. sci. diss. M: 2008. (In Rus.)
7. Lotman, Yu. M. Pushkin: Biography of the Writer; Articles and Notes, 1960–1990; “Eugene Onegin”: Commentary. St. Petersburg: Art-St. Petersburg, 1995. (In Rus.)
8. Landow, G. P. Hypertext: The Convergence of Contemporary Critical Theory and Technology. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1992. (In Eng.)
9. Landow, G. P. What is the Victorian Web? Web. 02.08.2024. <https://www.victorianweb.org>. (In Eng.)
10. Landow, G. P. Stitching together Narrative, Sexuality, Self: Shelley Jackson's Patchwork Girl. Web. 10.08.2024. <https://cyberartsweb.org/cspace/ht/pg/pgmain.html>. (In Eng.)
11. Coover, R. The End of Books Web. The New York Times Book review. 1992. Web. 10.08.2022. <https://archive.nytimes.com/www.nytimes.com/books/98/09/27/specials/coover-end.html>. (In Eng.)
12. Allen, G. Intertextuality. Web. 10.08.2024. <https://archive.org/details/AllenGraham2000Intertextuality>. (In Eng.)
13. Genette, G. The Architext an Introduction. Berkley: University of California Press, 1979. (In Eng.)

14. Hayles, N. K. *My Mother was a Computer: Digital Subjects and Literary Texts*. Chicago: University of Chicago Press, 2005. (In Eng.)
15. Romanycheva, E. S. On commentary, centrifugal and centripetal. *Pedagogical IMAGE*, no. 2, pp. 57–65, 2018. (In Rus.)
16. Hornby, A. S. *Oxford Students Dictionary of Currents English*. Moscow; Oxford: Oxford University, 1984. (In Eng.)
17. Romanov, I. A. *Poetry of I. Brodsky: overcoming marginality: Cand. sci. diss.* M, 2004. (In Rus.)
18. *The New Testament of our Lord Jesus Christ*. M: Otchiy Dom Publishing House, 2001. (In Rus.)
19. Weber, M. *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. M: AST Publishing House, 2021. (In Rus.)
20. Volkov, S. *Dialogues with Joseph Brodsky*. Web. 10.08.2024. http://imwerden.de/pdf/volkov_dialogi_s_iosifom_brodskim_2000__ocr.pdf. (In Rus.)
21. Novikov, V. *Nos habebit humus. Requiem for Philological Poetry*. Web. 10.08.2024. https://magazines.russ.ru/novyi_mir/2001/6_nov.html. (In Rus.)
22. Zuseva, V. *And the butterfly reads Derzhavin's poems...* Web. 10.08.2024. http://www.arion.ru/mcontent.php?year=2018number_1208jax=2315. (In Rus.)
23. Genis, A. *Hypertex – a reality machine*. *Foreign literature*, no. 5, pp. 248–249, 1994. (In Rus.)
24. Epstein, M. *Information explosion and trauma of postmodernism*. *Postmodernism in Russian literature*. M: Higher school, 2005: 45–66. (In Rus.)

Information about the author

Romanov Igor A., Candidate of Philology, Transbaikal State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; igorromanoff@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1346-0474>

For citation

Romanov I. A. *Intertext and Hypertext as Means of Conveying the Idea of Life-Affirmation in N. Morshen's Poem "About the Stars" // Humanitarian Vector*. 2024. Vol. 19, no. 4. P. 31–38. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-31-38.

**Received: September 15, 2024; approved after reviewing October 20, 2024;
accepted for publication October 23, 2024.**

Научная статья**УДК 821.161.1****DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-39-48****Марина Цветаева в интерпретации Кикки Гальярдо:
расширение рамок русско-итальянских литературных связей****Эрика Коста***Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, г. Москва, Россия
eri.costa.97@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-5510-4442>*

В статье рассматривается «цветаевский след» в книге «Поэт воздуха» итальянской писательницы Кикки Гальярдо. В XXI в. ставится и активно изучается проблема диалога русских писателей с представителями мировой литературы. Если в настоящее время обстоятельно изучена такая проблема, как «Марина Цветаева и Чехия», издано исследование «Марина Цветаева и Франция» – в отношении Италии этого сказать нельзя. Актуальность научного исследования заключается в необходимости включения творчества Цветаевой в более широкий межкультурный и интернациональный контекст. Новизна работы в том, что до настоящего времени как в российском, так и в итальянском литературоведении проблема духовного диалога М. И. Цветаевой с Киккой Гальярдо не становилась темой отдельного исследования. Цель статьи – проследить присутствие цветаевских тем и мотивов в книге «Поэт воздуха» Гальярдо. В работе использовались в том числе собрания сочинений М. Цветаевой, монографии и статьи цветаеведов, а также веб-сайты, содержащие полезную информацию для проведения исследования. Методологическую основу составляют биографический и сравнительно-сопоставительный метод и метод компаративистского и интертекстуального анализа. Результаты исследования демонстрируют роль не только собственно творчества, но и личности русского поэта в романе итальянской писательницы. Подчёркиваются основные цветаевские мотивы в романе: «полёта души», бессонницы, «пленного духа», представление о небе как о пропасти и др. Выдвигается гипотеза о том, с какими именно переводами цветаевских произведений на итальянский язык могла быть знакома К. Гальярдо. Доказывается факт её несомненного знакомства с переводами М. Реа («Поэма воздуха») и С. Витале («Искусство при свете совести»). Практическая значимость исследования заключается в возможном использовании его материалов в практике школьных и вузовских спецкурсов и спецсеминаров по творчеству М. Цветаевой и проблеме «русско-итальянские культурные и литературные связи». Исследование расширяет рамки проблемы «Рецепция Цветаевой в Италии», при этом речь идёт не только о произведениях реалистической литературы.

Ключевые слова: Марина Цветаева, Кикки Гальярдо, «Поэма воздуха», душа, полёт, головокружение, семантическое поле мотива «воздух»

Original article**Marina Tsvetaeva Interpreted by Chicca Gagliardo:
Expanding the Scope of Russian-Italian Literary Ties****Erika Costa***The Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, 117485, Russia
eri.costa.97@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-5510-4442>*

The article examines Tsvetaeva's trace in the book "The Poet of the Air" by Italian writer Chicca Gagliardo. In the 21st century – at the present stage of Russian literary studies – the problem of dialogue between Russian writers and representatives of world literature is posed and actively studied. While the issue of Marina Tsvetaeva and the Czech Republic has been the subject of extensive research and analysis, and the study on her relationship with France has been published, the same cannot be said for Italy. The relevance of the scientific study is incorporating Tsvetaeva's work into the broader intercultural and international context. The novelty of the work lies in the fact that so far in Russian and Italian literary studies the issue of spiritual dialogue between M. I. Tsvetaeva and Chicca Gagliardo has not been subject of a separate study. The novelty of this study is that neither in Russian nor Italian literary studies has there been a dedicated investigation into the spiritual dialogue between M. I. Tsvetaeva and Chicca Gagliardo. The aim of the article is to trace the presence of Tsvetaeva's themes and motifs in Gagliardo's book "The Poet of the Air". The work used in this paper includes Tsvetaeva's

Collected Works, scholars' books and articles and websites containing useful information for the research. The biographical and comparative method and the method of comparativist and intertextual analysis form the methodological basis. The results of the study show the role of the Russian poet's personality and works in the Italian writer's novel. Tsvetaeva's themes and motifs in the novel are emphasised, for example the concept of soul, the motifs of the "flight of the soul", insomnia, "captive spirit", the idea of sky as an abyss and others. We suggest a hypothesis on translations of Tsvetaeva's works into Italian that Gagliardo might have been familiar with. Gagliardo's acquaintance with M. Rea's translation of "Poem of the Air" and S. Vitale's "Art in the Light of Conscience" is proved. The practical significance of the research lies in the possible use of its materials in the practice of school and university special courses and special seminars on the works of Marina Tsvetaeva and the problem of 'Russian-Italian cultural and literary ties'. The study allows us to place Marina Tsvetaeva's work within a broader intercultural and international conception and contributes to the development of Tsvetaeva's context from an international perspective. The article provides, in particular, a broadening of the scope of the issue "Tsvetaeva's Reception in Italy", whereby it can be referred not only to works of realist literature.

Keywords: Marina Tsvetaeva, Chicca Gallardo, "Poem of the Air", soul, flight, vertigo, semantic field of "air" motif

Введение. Актуальность исследования заключается в первую очередь в значении для мирового литературоведения творчества классиков русской литературы, к числу которых относится Марина Цветаева. Этим же обусловлена необходимость включения её творчества в более широкий – современный – мировой литературный контекст.

Кикка Гальярдо – итальянская журналистка и писательница, живущая в Милане¹, автор произведений, известных в Италии. Оригинальный визионерский стиль её рассказов и романов, выявляющий скрытые, зачастую таинственные стороны реальности², обеспечил ей прочное место в современной итальянской литературе. В числе её книг можно перечислить такие, как "Lo sguardo dell'ombra" («Взгляд тени»), "Gli occhi degli alberi" («Глаза деревьев»), "Nell'aldilà dei pesci" («Из загробной жизни рыб»)³. На основе её сюжетов в Италии проводятся различного рода выставки, театральные чтения и мастер-классы. К. Гальярдо разработала и редактирует сайт www.houlibrointesta.it (www.уменякнигавголове.it) – один из наиболее заметных итальянских литературных блогов, позиционирующий полифоничность современных представлений о литературе и издательском деле: с ним сотрудничают писатели, редакторы, книготорговцы, литературные агенты, художники-иллюстраторы, библиотечные работники. Её семинар «Как

найти замечательную сказку. Путь сквозь литературу, искусство и повседневную жизнь», представленный на "Festivaletteratura" («Фестивалитература») в 2015 г., стал передвижным семинаром в нескольких итальянских городах⁴.

В 2014 г. в издательстве «Акка» Кикка Гальярдо опубликовала книгу «Поэт воздуха», посвящённую «искусству художественного полёта»: роман, как признаётся она сама, пересечённый голосами поэтов, философов, художников и композиторов⁵. Книга Гальярдо содержит немало отсылок к творчеству Марины Цветаевой.

Обзор литературы. Отметим, что проблеме рецепции творчества М. Цветаевой представителями итальянской литературы посвящено лишь малое число научных работ. Наиболее общую картину о влиянии личности и творчества М. Цветаевой на итальянских писателей представил Алессандро Бальдаччи, профессор кафедры италянистики Варшавского университета⁶ в двух своих работах: в статье 2019 г., опубликованной в XV издании польско-итальянского журнала "Studi polacco-italiani di Toruń" («Торуньские польско-итальянские исследования») – "Vivere in verticale. La ricezione della poesia di Marina Cvetaeva in Milo de Angelis"

¹ Biografia Gagliardo Chicca. – URL: https://www.zam.it/biografia_Gagliardo_Chicca?url_name=Gagliardo_Chicca (дата обращения: 30.08.2024). – Текст: электронный.

² Chicca Gagliardo. – Текст: электронный // La grande fabbrica delle parole. – URL: <https://grandefabbricadelleparole.it/chicca-gagliardo-al-laboratorio> (дата обращения: 30.08.2024).

³ Chicca Gagliardo. – Текст: электронный // Il Sole 24 Ore. 2016. – URL: url.it/310r53 (дата обращения: 30.08.2024).

⁴ Chicca Gagliardo. – Текст: электронный // La grande fabbrica delle parole. – URL: <https://grandefabbricadelleparole.it/chicca-gagliardo-al-laboratorio> (дата обращения: 30.08.2024); Chicca Gagliardo. – Текст: электронный // Passa la parola. 2023. – URL: <https://www.passalaparola.it/our-team/chicca-gagliardo/chicca-gagliardo-al-laboratorio> (дата обращения: 30.08.2024).

⁵ Gagliardo C. Il poeta dell'aria. – Matelica: Hacca, 2014. – P. 227–228.

⁶ Pachucy A. Poesia palestra di conoscenza. – Текст: электронный // Gazzetta Italia. 2021. – URL: <https://www.gazzettaitalia.pl/poesia-palestra-di-conoscenza> (дата обращения: 30.08.2024).

(«Жить вертикально. Рецепция поэзии Марины Цветаевой Мило Де Анджелисом»), и в книге 2020 г. *“Milo De Angelis: Le voragini del lirico”* («Мило Де Анджелис: лирические пропасти») (издательство «Мимэзис»)¹. В обеих работах автор, рассуждая о влиянии М. Цветаевой на Де Анджелиса, упоминает также произведения других итальянских поэтов, ведущих в своём творчестве диалог с ней [1, с. 122; 2, с. 59]. В 2022 г. в пятом издании «Италия: женские голоса» журнала «Иностранная литература» опубликовано интервью Т. А. Быстровой «“Меня нужно понять – либо меня нет”: Марина Цветаева на итальянском языке» [3]. В нём переводчик большого количества цветаевских произведений на итальянский язык – Марилена Реа – рассуждает о влиянии творчества М. Цветаевой на итальянских поэтов, но имени Кикки Гальярдо при этом не упоминает. Таким образом, статья является первой попыткой определить рамки и масштаб влияния поэзии и личности Марины Цветаевой на творчество Кикки Гальярдо. Отметим, что в интервью для блога “Internostorie” («Интерьерсказок») Гальярдо призналась в том, что лишь после публикации книги узнала, что сама Цветаева определяла себя как «поэт воздуха» [4].

Цель статьи – проследить рецепцию М. Цветаевой в книге К. Гальярдо «Поэт воздуха».

Методология и методы исследования. Используемая литературоведческая методология была задействована с целью установить факт несомненного влияния русского поэта на итальянскую писательницу и позволила проследить сходство их биографий и точки совпадения их «жизнетекстов». Сложность исследования заключается в том, что в книге Гальярдо нет прямого упоминания как имени, так и названий произведений М. Цветаевой. Методологическую основу исследования составляют методы: биографический, сравнительно-сопоставительный и метод компаративистского и интертекстуального анализа. В статье выдвигаются следующие гипотезы:

1. Гальярдо могла быть знакома с разными переводами цветаевского творчества на итальянский язык.

2. В сюжете книги «Поэт воздуха» можно проследить «цветаевский след».

¹ В кавычках приводятся названия издательств, без кавычек – издательства, носящие фамилию владельца.

Результаты исследования и их обсуждение. Взлёт, вертикальность, головокружение от полёта – поэзия Марины Цветаевой представляет собой постоянное восхождение ввысь. Голос М. Цветаевой «погружён в неутолимый провал земли» [1, с. 119] и в то же время устремляется вверх. Для Цветаевой «поэзия – это повседневная неотступная мысль, которая владеет ею и требует от неё вертикального направления дыхания, взора и голоса» [Там же, с. 118]; её лирика «зарывается в небо», где видимое служит невидимому, а призрачное служит реальному [Там же, с. 120–121].

Природу цветаевской лирической героини, предстающей перед читателями различными своими обликами, определяет «вечно растущая», говоря словами самого поэта, душа [5, с. 7]. А главной темой многих цветаевских стихотворений и кульминационным пунктом различных поэм является «полёт души» ввысь, «в синь», в «лазурь»/«лазорь» [6, с. 26–27]. М. Цветаева вспоминала, что впервые «полёт бессмертной души» она увидела в раннем детстве в Италии², и это воспоминание связано с пребыванием в “Pension russe” с целью вылечиться от туберкулёза молодого немецкого служащего Рейнгардта Рёвера³. В выдержках из дневника 1919 г. «О Германии» поэт рассказывает: «Кусочек бумаги над керосиновой лампой: бумага съедается, истлевет, рука придерживающая – отпускает и... – “Die Seele fliegt!” <“Душа улетает”>. Улетел кусочек бумаги! В потолок улетел, который, конечно, раздастся, чтобы пропустить душу в небо!»⁴ Через несколько дней девочка увидела тот же «полёт души»: «Раскрытый рот, через который вылетела душа <...> И ничего не осталось от немца Reinhardt’a Röver’a <...>. От моего Рёвера до мирового Новалиса – один вздох. <...> Так, из детской забавы и альбомной надписи, из двух слов: душа и долг – Душа есть долг. Долг души – полёт. Долг есть душа полёта (лечу, потому что должен)»⁵.

² В «Русском пансионе», в небольшом лигурийском городке близ Генуи – Нерви – Цветаева провела почти год своего детства (с осени 1902 г. до весны 1903-го) [11].

³ Цветаева А. И. Воспоминания. – С. 154–155. URL: <https://tinyurl.com/r934xwwf> (дата обращения: 30.08.2024). – Текст: электронный.

⁴ Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 т. / вступ. ст. А. Саакянц, подгот. текста и прим. Л. Мнухина. – М.: Эллис Лак, 1994–1995. – Т. 4. – С. 543–544.

⁵ Там же. – С. 545.

«Смерть и вознесение» является главной темой «Поэмы воздуха» [7, с. 172] – произведения, наименее исследованного в цветаеведении [8, с. 209], впервые опубликованного в 1930 г. в первом номере пражского журнала «Воля России». Многочисленные комментаторы поэмы утверждают, что М. Цветаева создала эту поэму в связи с беспосадочным перелётом через Атлантический океан (1927) американского лётчика Чарльза Линдберга¹. Эти утверждения также подтверждаются авторскими пометами². Тем не менее, на наш взгляд, связывать создание поэмы лишь с перелётом Линдберга – значит ограничивать её рамки. Спустя десять лет после опубликования произведения М. Цветаева приведёт другую причину создания поэмы. Она пояснит: однажды сестра Юрия Завадского Вера Аренская (1895–1930) – молодая неизлечимо больная женщина – спросила у неё, как она представляет свою смерть, и именно по этой причине М. Цветаева написала поэму: «Чтобы узнать» [9, с. 269]³. Мотив смерти является центральным в лирике М. Цветаевой, поскольку воплощает пограничную ситуацию, характерную для экзистенциального мировосприятия [10, с. 11]. В этом произведении закодировано глубоко духовное и, главное, остро чувствуемое и предвосхищаемое мистическое самоощущение поэтессой смерти [11, с. 264]. «Поэма воздуха» – произведение, «уносящееся ввысь», оторванное от всего земного, это поэма вне времени – поэма «пустоты» [12, с. 230–231].

В поэме можно проследить некое тождество поэтического опыта и его онтологического содержания [1, с. 118]: автор посредством поэзии, точнее через поэтический язык пытается узнать мир иной и передаёт его «воздушной» звукописью [13, с. 27–32; 14, с. 143–144]. «Поэма воздуха» является ярким примером того, что язык есть не только основная сущность поэзии, но и её квинтэссенция в первоначальном значении слова (в античной философии название эфира, пятой стихии), как справедливо замечает Т. К. Савченко [15, с. 322]. Поэма

¹ Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 т. / вступ. ст. А. Саакянц, подгот. текста и прим. Л. Мнухина. – М.: Эллис Лак, 1994–1995. – Т. 3. – С. 785–786; Цветаева М. И. Неизданное. Семья: история в письмах / сост., подгот. текста и комм. Е. Б. Коркиной. – М.: Эллис Лак, 2012. – С. 519.

² Там же. – Т. 3. – С. 144, 786.

³ Там же. – Т. 3. – С. 785.

воздуха – это авторское исследование стихии: не атмосферного воздуха, но «воздуха творчества», которым дышит поэт; «воздуха вдохновения» [16, с. 136].

Высокая степень сложности поэмы проявляется в метрических, синтаксических и фонических фигурах, а также в выраженной полисемии [17, с. 210], поэтому перевод цветаевского произведения на другой язык представляет собой, без преувеличения, подвиг и может поставить переводчика в ряде случаев в крайне затруднительное положение [18, с. 376]; тем не менее имеются два его перевода на итальянский язык. Первый включён в книгу Марилены Реа – писателя, издателя, преподавателя-филолога – “A Rainer Maria Rilke nelle sue mani” («Райнеру Мария Рильке в руки»), опубликованную флорентийским издателем Пассильи в 2012 г. [19, с. 59–86]; второй выполнен Паолой Ферретти, преподавателем русского языка и литературы римского университета «Ла Сапиенца», и вошёл в состав её книги “Sette poemi” («Семь поэм»), выпущенной издателем Эйнауди в 2019 г.⁴

Предисловие к своей книге Реа начинается словами “Questo libro è per chi non ha paura della parola anima” («Эта книга для тех, кто не боится слова “душа”») [Там же, с. 5], а далее образно говорит о цветаевской поэзии: «Что сможешь найти <в этой книге> ты, никогда не мечтающий летать? Достаточно высоко, чтобы испугаться чёрной Вселенной, наполненной звёздами, и чуть было не сказать: “Господи, значит, вот что такое свобода!” – перед тем как сила тяжести земли, как натянутая резинка, вернёт тебя и весь твой вес на землю» [Там же]. Говоря о цветаевской «Поэме воздуха», Реа предупреждает читателей: чтобы понять поэму, им нужно будет отстраниться от таких понятий, как земная атмосфера и наше брэнное тело. После пролога, в котором домой к героине заходит тихий и страшный гость, начинается её постепенный отрыв от Земли, восхождение – шагом, вздохом, полётом – через различные ступени атмосферы, вплоть до перерождения в свободе седьмого неба и выше. Путь поэта, сопровождаемого, но не поддерживаемого спутником, – это восхождение, борьба с трением, создаваемым воздухом; это трюк опаснее трюка пилота, здесь всё – звук, отзвук, музыка, гром. Пе-

⁴ Cvetaeva M. Sette poemi / P. Ferretti (a cura di). – Torino: Einaudi, 2019. – P. 163–185.

реводчик обращается к «водным» образам, рассматривая «высь» как точку соединения воздуха (небесное движение есть гармония, гармония есть музыка) и воды (небо – перевёрнутая бездна; отблески в небе – рыбные чешуйки; убаюкивающее раскачивание волн заставляет заснуть и погрузиться в бесконечное наслаждение) [19, с. 14–15]. Роман открывается описанием специфического «пейзажа воздуха», текстура которого кроется в непрерывной метаморфозе: вместе с дыханием воздух входит в лёгкие; дыхание оборачивается «другим ветром». Достаточно дыхания, чтобы изменить «пейзаж воздушных волн».

Очевидно, что Кикка Гальярдо хорошо знакома с переводом Реа. Подзаголовок её полусказочной-полумистической книги указывает, что речь идёт о тридцати трёх «уроках полёта». Сюжет состоит в том, что главный герой объясняет, как он стал «поэтом воздуха» и учит читателя «искусству полёта, консистенции пустоты и невидимого. Поэтике воздуха»¹. Он – «поэт воздуха» и сам состоящий из воздуха – ночью на самом краю крыши, где плеск воздуха замедлен, кончиком пальца пишет в стихии ветра стихи, которые, появляясь, сразу же исчезают: «Единственный в муках бессонницы – это я»².

Как стать поэтом воздуха, главного героя учил поэт Земноводный, живущий между землёй и воздухом. Он учил его летать и писать стихи в воздухе, а также был первым, кто объяснил: воздух полон тайных голосов, которые кружит ветер. Однажды главный герой зачерпнул горстью немного воздуха и Земноводный прочитал в его руке воздушные «тёмные» слова не названного в романе поэта: «...l'anima, che per l'uomo comune è il vertice della spiritualità, per l'uomo spirituale è quasi carne»³ («...Душа, которую бытовик полагает верхом духовности, для человека духа – почти плоть»). При этом имя поэта не называется, ибо «в воздухе земные имена растворяются»⁴.

Главный герой понимает: естественное место поэзии – некий край пространства, некая головокружительная точка, где видимое и невидимое переплетаются и имеют одинаковый «вес». Земноводный учит его, что полёт – это письмо тела в воздухе: пальцы

при этом двигаются очень медленно, лоб хмурится, растягивается, лицо меняет свои выражения, как будто в это время под кончиками пальцев текут пронзительные, радостные, озадачивающие, шепчущие, кричащие ноты⁵. Главному герою представляется в этот момент, что Земноводный исполняет немую партитуру. Поскольку стихи – дыхание, нужно писать их в стихии ветра, чтобы они кружились в воздухе: «Написать стихи на бумаге – это как будто похоронить живую птицу»⁶. Стихи то тонут в воздухе, то вновь всплывают, то их уносит ветер. Главный герой практикуется в искусстве создания подобных стихов, в искусстве внимания и ожидания.

Прощаясь с главным героем, Земноводный пишет такие стихи в воздухе: «Поэзия – это душа, душа – это ветер, поэзия – это полёт». «Поэт воздуха» стремится достичь неба, но затем понимает, что оно не высоко, а глубоко, поэтому он должен «упасть вниз в небо». Луна при этом раскрывается, как самое большое светотеневое Зеркало, отражающее услышанные стихи незнакомого поэта. В этот момент герой производит свой первый полёт: взлетает в глубину, в «дно неба» и ощущает себя «воздухом в воздухе»⁷. Кроме Земноводного, главный герой знакомится также с некой «невидимой поэтессой», в душе которой заключено «головокружение тех, кто стоит на волоске, на краю пропасти, спрятанной внутри себя»⁸.

Воздух непознаваем и невидим, как тайна; воздух – это физика и метафизика, это осязаемое невидимое; это элемент, который больше приближается к тайным чувствам и отражает «полноту пустоты». Край – это место поэтов и «летающих», невозможно научить летать, не испытав головокружение падения. Уча читателя летать, главный герой предостерегает: нельзя летать слишком близко к земному асфальту – есть риск «быть уловленным» земным притяжением.

В книге неоднократно встречается образ векового дуба с чёрными мраморными ветками, на которых отдыхают «летающие» – друзья главного героя: Дзудзу, Обое, Улу и Мальва. «Поэт воздуха» рассказывает обо всех них; здесь особенно интересно превращение Обое. Он превратился в «летающего» после того, как услышал живую

¹ Gagliardo C. Il poeta dell'aria. – Matelica: Nacca, 2014. – P. 13.

² Там же. – P. 19.

³ Там же. – P. 35.

⁴ Там же. – P. 36.

⁵ Там же. – P. 35.

⁶ Там же. – P. 41.

⁷ Там же. – P. 131–132.

⁸ Там же. – P. 119.

музыку, которая не отпустила его и «забрала» его тело и душу. Музыка, подчёркивает Гальярдо, – наиболее метафизическое из искусств: нота возникает из ничего и возвращается в ничто; музыка сама является «искусством полёта». Обое вдруг ощутил свою душу, которая рвалась и вырывалась наружу; он не смог удержать её – она тёрлась в ветровой музыке, и вдруг он сам стал воздухом и взлетел. На всём протяжении повествования в книге итальянской писательницы постоянно ощущается «дыхание» тайны жизни, её связь с такой категорией, как Красота, – но эта тайна никогда не раскрывается, её нельзя зафиксировать, «поймать», «пришпилить к бумаге». Такое «дыхание» тайны жизни напоминает цветаевские слова в «Искусстве при свете совести»: поэт достигает истины, только «вырвав» её из мира, «схватив её», несмотря на её ускользание, чтобы «вернуть её живой в борьбе с её тайной» [20, с. 1020].

В книге Кикки Гальярдо обнаруживаются многочисленные отсылки к творчеству М. И. Цветаевой. Явную аллюзию на название цветаевского произведения «Поэма воздуха» можно увидеть уже в самом названии романа («Поэт воздуха»), сюжет которого отсылает читателя к постоянному цветаевскому мотиву: полёту «крылатой души» поэта «в лазурь», «в синь». Широкое использование лексики «водной» семантики для описания воздуха («воздушные волны», «плеск воздуха»), представление о небе как глубоком, а не высоком, – всё это подчёркнуто М. Реа в её предисловии к переводу книги Цветаевой «Райнеру Мариа Рильке в руки» и, безусловно, могло вдохновить К. Гальярдо.

Постоянное фокусирование внимания на бессоннице главного героя можно считать прямым доказательством цветаевского влияния на К. Гальярдо. В творчестве М. Цветаевой понятия «бессонницы» и «сна» постоянно присутствуют: сон толкуется в качестве состояния, близкого к акту творчества [21, с. 132]. Цветаева – «сновидец», «снотворец» [22, с. 133], а бессонница в её творчестве нередко связывается с темой смерти и движения (как выхода из замкнутого пространства) [23, с. 132], что перекликается со взлётом в открытое пространство неба героя Гальярдо.

Ещё более присутствие темы бессонницы свидетельствует о знакомстве К. Гальярдо

до с цветаевским переводом Дж. Ансальдо (повлиявшим и на других итальянских писателей) – “L’armadio segreto” («Тайный шкаф»)¹, включающим произведение «Бессонница»², в котором тело лирического героя исчезает, а его «Я» трансформируется в бесплотное сверхъестественное существо [24].

Образ дуба, на ветках которого отдыхают «летающие», напоминает деталь цветаевского сновидения, датированного 9 июня 1918 г.: «Летим на огромное дерево (дуб)»³. При этом отметим, что указанный факт необходимо квалифицировать как непреднамеренную ссылку, поскольку маловероятно, что Гальярдо была знакома с этой записью. Несмотря на то, что в 2014 г. – тогда же, когда была издана её книга, – был также выпущен перевод записных книжек М. Цветаевой – “Taccuini 1919–1921” («Записные книжки 1919–1921 гг.» в переводе П. Наполитано), он не включает цветаевские записи 1918 г.

В словах незнакомого поэта, которые главный герой ловит в воздухе своей рукой, несложно распознать слова М. Цветаевой из её эссе «Искусство при свете совести». В этом произведении поэтесса размышляет о значении искусства и роли художника, утверждая собственную точку зрения на искусство и своё видение роли поэта [25, с. 157]. В разделе «Точка зрения», из которого взяты слова, «уловленные в воздухе», М. Цветаева размышляет о том, что есть искусство по отношению к духовному и физическому миру⁴. Там же она уточняет: от земли уже первый миллиметр над ней воздуха – это небо. То же самое понятие неба, начинающегося уже с самого воздуха на городских улицах, находим и у К. Гальярдо, когда главный герой предостерегает читателя об опасности полёта на слишком низкой высоте.

¹ Отметим, что название книги “L’armadio segreto” («Тайный шкаф») навеяно фразой из цветаевского эссе «Мой Пушкин» (1937): «В красной комнате был тайный шкаф» (Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 т. / вступ. ст. А. Саакянц, подгот. текста и прим. Л. Мнухина. – М.: Эллис Лак, 1994–1995. – Т. 5. – С. 57).

² Cvetaeva M. L’armadio segreto / G. Ansaldo (traduzione di). – Milano: Marcos y Marcos, 1991. – P. 93–108.

³ Цветаева М. И. Неизданное. Записные книжки: в 2 т. / сост., подгот. текста, предисл. и примеч. Е. Б. Коркиной, М. Г. Крутиковой. – М.: Эллис Лак, 2000. – Т. 1. – С. 254.

⁴ Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 т. / вступ. ст. А. Саакянц, подгот. текста и прим. Л. Мнухина. – М.: Эллис Лак, 1994–1995. – Т. 5. – С. 361.

Эти примеры показывают несомненное знакомство автора «Поэта воздуха» с книгой М. Цветаевой в переводе С. Витале “Il poeta e il tempo” («Поэт и время»). Влияние эссе «Искусство при свете совести» на К. Гальярдо прослеживается и в том, что Земноводный показывает главному герою, как именно следует писать в воздухе. Представление о поэте с застывшей в воздухе рукой, готовой что-то написать, весьма схоже с цветаевским представлением о «зерне зерна поэта»: «Оттого рука поэта так часто и повисает в воздухе, что упор – во времени – ещё не существует (nicht vorhanden) [нем. “не имеется”]. Рука поэта – пусть повисла в воздухе! – явление создаёт (досоздаёт). Эта рука, повисшая в воздухе, и есть поэтово – несовершенное, полное отчаяния, но всё же творческое, всё же: будь»¹. Сцена с Земноводным, пишущим стихи в воздухе так, как будто он исполняет музыкальную партитуру, подчёркивает постоянную связь между музыкой, голосом (звукописью) и поэзией, столь характерную для цветаевского языка².

Главную роль музыка играет также для Обое, другого героя Гальярдо, душа которого, потрясённая услышанной «живой музыкой» и вырвавшись на волю, сходна с «крылатой» душой³ цветаевской героини и образом цветаевского «пленного духа». Подобный образ чрезвычайно значим для М. Цветаевой и созвучен с тютчевской темой освобождения души от тела. Тема была развита Ф. М. Тютчевым в стихотворении «Ю. Ф. Абазе» (1869)⁴: заключённый дух лирического героя во время звучания музыки испытывает непреодолимое желание вырваться из плена. Отметим, что Ф. И. Тютчев являлся одним из любимых русских поэтов М. Цветаевой.

Поэтический диалог М. Цветаевой с Ф. Тютчевым замечается и в эссе «Искусство при свете совести», поскольку Цветаева обращается к тютчевскому стихотворе-

нию «Она сидела на полу...» (1858)⁵ и цитирует катрен из него: «Брала истлевшие листы / И странно так на них глядела, / Как души смотрят с высоты / На ими брошенное тело». Мотив души, смотрящей на её брошенное тело с высоты, можно обнаружить и в книге К. Гальярдо; он связан с образом Мальвы, смотрящей на собственное тело, лежащее в саду. В интервью для “La gazzetta di Mantova” («Газета Мантуи») К. Гальярдо, в частности, призналась, что восхищена М. Цветаевой, выразившей когда-то мысль о том, как трудно любить возвышенную женщину (буквальный перевод: «нельзя любить женщину, живущую в воздухе»). Согласно К. Гальярдо, выбор М. Цветаевой своей «вертикальной смерти» указывает на определённое отношение с воздухом: русский поэт демонстрирует читателю привлекательность, но в то же время и опасность воздуха⁶.

Заключение. «Поэма воздуха», написанная М. Цветаевой «для того, чтобы узнать», является фоном анализируемого романа Кикки Гальярдо. «Летающие» – это существа или, скорее, души людей, решивших оставить навсегда свои бранные тела и живущих на полпути между землёй и небом, или которые только временно расстались с их земным телом. Не только собственно «Поэма воздуха», но и другие цветаевские произведения оставили отчётливый след в художественном сознании Гальярдо, что также нашло отражение в её романе. Таким образом, подводя итоги исследования, отметим значительное влияние творчества Марины Цветаевой на Кикку Гальярдо. Подобные литературоведческие исследования позволяют вписать цветаевское творчество в более широкий межкультурный и интернациональный контекст. Проблема восприятия, освоения творчества М. Цветаевой в Италии ещё далеко не изучена, и перспективы исследования мы видим в продолжении этого изучения – как в синхронном, так и в диахронном срезе, что способствует развитию русско-итальянских культурных и литературных связей и – шире – развитию связей русской литературы с мировой.

¹ Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 т. / вступ. ст. А. Саакянц, подгот. текста и прим. Л. Мнухина. – М.: Эллис Лак, 1994–1995. – Т. 5. – С. 364.

² Цветаева М. И. Неизданное. Сводные тетради. – М.: Эллис Лак, 1997. – С. 133.

³ Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 т. / вступ. ст. А. Саакянц, подгот. текста и прим. Л. Мнухина. – М.: Эллис Лак, 1994–1995. – Т. 1. – С. 421.

⁴ Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и письма: в 6 т. / сост. и ред. В. Н. Касаткина. – М.: ИЦ «Классика», 2003–2004. – Т. 2. – С. 213.

⁵ Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и письма: в 6 т. / сост. и ред. В. Н. Касаткина. – М.: ИЦ «Классика», 2003–2004. – Т. 2. – С. 89.

⁶ Merighi P. Chicca Gagliardo e i poeti dell'aria. – Текст: электронный // Gazzetta di Mantova. – 2014. – URL: url.it/310r5s (дата обращения: 30.08.2024).

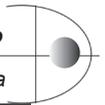

Список литературы

1. Baldacci A. Vivere in verticale. La ricezione della poesia di Marina Cvetaeva in Milo De Angelis // Studi polacco-italiani di Toruń. 2019. Vol. XV. P. 117–130.
2. Baldacci A. Milo De Angelis. Le voragini del lirico. Milano: Mimesis, 2020. 210 p.
3. Быстрова Т. А. Меня нужно понять – либо меня нет. Марина Цветаева на итальянском языке. Текст: электронный // Иностранная литература. Италия: женские голоса. 2022. № 5. URL: <https://tinyurl.com/uzzjj4wf> (дата обращения: 30.08.2024).
4. Grillo M. Incontri d'autore – Chicca Gagliardo. Текст: электронный // Internostorie. 2014. URL: <https://www.internostorie.it/fuori-dai-libri/incontri-dautore-chicca-gagliardo> (дата обращения: 30.08.2024).
5. Латыпова И. Ю. Миф о поэте в художественном мире М. И. Цветаевой: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Самара, 2008. 22 с.
6. Быстрова Т. А. Итальянский субстрат в творчестве Марины Цветаевой: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2006. 218 с.
7. Гаспаров М. Л. Избранные труды. Т. 2: О стихах. М.: Языки русской культуры, 1997. 504 с.
8. Smith A. Surpassing Acmeism? – The lost key to Cvetaeva's "Poem of the Air" // Russian Literature. 1999. Vol. 45. P. 209–222.
9. Белкина М. И. Скрещение судеб. Изд. 2-е. М.: Благовест: Рудомино, 1992. 544 с.
10. Надыкто О. О. Экзистенциальные мотивы в поэзии Марины Цветаевой: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2016. 18 с.
11. Якушевич И. В. Лингвосенсорика символов смерти в «Поэме воздуха» М. И. Цветаевой: к 130-летию со дня рождения поэтессы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Теория языка. Семантика. Семантика». 2022. Т. 13, № 2. С. 262–279. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-262-279.
12. Белкина М. И. Скрещение судеб. М.: Книга, 1988. 464 с.
13. Скрипова О. А., Лейдерман Н. Л. Сюрреалистическое мировосприятие и жанр «гиперлирической» поэмы (Марина Цветаева «Поэма Воздуха») // Уральский филологический вестник. Серия «Русская литература XX–XXI веков: направления и течения». 2002. Вып. 6. С. 14–33.
14. Маслова М. И. «Поэма воздуха» Марины Цветаевой и опыты мистических откровений // Ученые записки Орловского государственного университета. 2015. № 3. С. 142–148.
15. Савченко Т. К. «Лёгкое дыхание»: к вопросу о квинтэссенции литературного языка // XXVI Пушкинские чтения: сб. науч. докладов: к 200-летию открытия Царскосельского лица и 45-летию Гос. ин-та рус. яз. им. А. С. Пушкина / сост. В. В. Молчановский. М., 2011. С. 322–328.
16. Чехонадских А. В. Эйдетический перенос из «Поэмы воздуха» М. Цветаевой в «Поэму без героя» А. Ахматовой // Язык и культура: материалы Всерос. науч. филол. конф. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 2003. С. 136–160.
17. Sabbatini M. M. Cvetaeva, Sette poemi / a cura di P. Ferretti, Einaudi, Torino 2019, C. XLV–254 // Studi Slavistici. 2023. No. XX. P. 209–211. DOI: 10.36253/Studi_Slavis-14891.
18. Lygo M. "Phaedra" with "New Year's Letter" and Other Long Poems by Marina Tsvetaeva and Angela Livingstone; Moscow in the Plaguen Year by Marina Tsvetaeva and Christopher Whyte // Translation and Literature. 2015. Vol. 24, no. 3. P. 376–382.
19. Cvetaeva M. A Rainer Maria Rilke nelle sue mani / M. Rea (a cura di). Bagno a Ripoli: Passigli Editori, 2012. 148 p.
20. Esengrini S. Origine e verità dell'arte // Rivista di Filosofia Neo-Scolastica. 2020. Vol. 112, no. 4. P. 1017–1034. DOI: 10.26350/001050_000229.
21. Маслова М. И. «Великая тайна искусства»: еще раз об источниках «Поэмы воздуха» Марины Цветаевой // Ученые записки Орловского государственного университета. 2015. № 5. С. 131–137.
22. Воложанина В. В. Тема сна в письмах М. Цветаевой // INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения: сб. ст. молодых ученых. Екатеринбург: УГИ УрФУ, 2022. Вып. 5. С. 133–137.
23. Анисова А. А., Семенова Г. Ю. Семантическое поле «бессонница» в ранней лирике М. И. Цветаевой // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, № 10. С. 127–132. DOI: 10.30853/filnauki.2019.10.27.
24. Фарыно Е. «Бессонница» Марины Цветаевой (опыт анализа цикла) // Zbornik za Slavistiku, 15. Novi Sad: Matica Srpska, 1978. P. 117–148.
25. Джаббарова Е. Лингводицея Марины Цветаевой («Искусство при свете совести») // Филология и культура. 2017. № 1. С. 156–161.

Информация об авторе

Эрика Коста, аспирант, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина; 117485, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, 6; eri.costa.97@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-5510-4442>.

Для цитирования

Коста Э. Марина Цветаева в интерпретации Кикки Гальярдо: расширение рамок русско-итальянских литературных связей // Гуманитарный вектор. 2024. Т. 19, № 4. С. 39–48. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-39-48.

Статья поступила в редакцию 14.09.2024; одобрена после рецензирования 17.10.2024; принята к публикации 19.10.2024.

References

1. Baldacci, A. Living vertically. The perception of Marina Cvetaeva's poetry in Milo De Angelis. Polish-Italian Studies in Toruń, vol. 15, pp. 117–130, 2019. (In Italian)
2. Baldacci, A. Milo de Angelis. The chasms of the lyric. Milano: Mimesis, 2020. (In Italian)
3. Bystrova, T. A. I need to be understood, otherwise I don't exist. Marina Tsvetaeva in Italian. Foreign Literature. Italy: Women's Voices. 2002, no. 5. Web. 30.08.2024. <https://tinyurl.com/yazjj4wf>. (In Rus.)
4. Grillo, M. Author meetings – Chicca Gagliardo. Insidestories, 2014. Web. 30.08.2024. <https://www.internostorie.it/fuori-dai-libri/incontri-dautore-chicca-gagliardo>. (In Italian)
5. Latypova, I. Y. The myth of the Poet in Marina Tsvetaeva's artistic world/ Cand. sci. diss. abstr. Samara, 2008. (In Rus.)
6. Bystrova, T. A. Italian Substratum in Marina Tsvetaeva's Oeuvre. Cand. sci. diss. Moscow, 2006. (In Rus.)
7. Gasparov, M. L. Selected Works, vol. II, On poetry, Moscow: Russian Culture Languages Publ., 1997. (In Rus.)
8. Smith, A. Surpassing Acmeism? – The lost key to Cvetaeva's "Poem of the Air". Russian Literature, vol. 45, pp. 209–222, 1999. (In Eng.)
9. Belkina, M. I. Crossing of Fates. M: Blagovest Publ: Rudomino Publ., 1992. (In Rus.)
10. Nadykto, O. O. Existential motifs in Marina Tsvetaeva's poetry. Cand. sci. diss. abstr. Moscow, 2016. (In Rus.)
11. Yakushevich, I. V. Linguosensorics of Death Symbols in Marina Tsvetaeva's "Poem of Air": to the 130-th Poetess's Anniversary. RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, no. 2, pp. 262–279, 2002. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-262-279. (In Rus.)
12. Belkina, M. I. Crossing of Fates. M: Book Publ., 1988. (In Rus.)
13. Skripova, O. A., Leiderman, N. L. Surrealistic world-view and the genre of "hyper-realistic" poem. Ural Philological Bulletin. Series: Russian Literature of the XX–XXI centuries: trends and currents, iss. 6, pp. 14–33, 2002. (In Rus.)
14. Maslova, M. I. "The Poem of Air" by Marina Tsvetaeva and Experiences of Mystical Revelations. Scientific notes of Orel State University, no. 3, pp. 142–148, 2015. (In Rus.)
15. Savchenko, T. K. "Light Breath": on the question of the quintessence of literary language. XXVI Pushkin Readings: collection of scientific papers: To the 200th anniversary of the opening of the Tsarskoselskoy Litsey and the 45th anniversary of the Pushkin State Russian Language Institute. Comp. by V. V. Molchanovskiy, Moscow, 2011. (In Rus.)
16. Chekhonadskikh, A. V. Eidetic transfer from "Poem of Air" by Marina Tsvetaeva to "Poem without a Hero" by Anna Akhmatova. Language and Culture. Proceedings of the All-Russian Scientific Philology Conference. Novosibirsk: Novosibirskiy Publ., 2003: 136–160. (In Rus.)
17. Sabbatini, M. M. Cvetaeva, Seven poems, edited by P. Ferretti, Einaudi, Torino 2019, pp. XLV–254. Slavic Studies, no. XX, pp. 209–211, 2023. DOI: 10.36253/Studi_Slavis-14891. (In Italian)
18. Lygo, M. "Phaedra" with "New Year's Letter" and Other Long Poems by Marina Tsvetaeva and Angela Livingstone; Moscow in the Plaguen Year by Marina Tsvetaeva and Christopher Whyte. Translation and Literature, no. 3, pp. 376–382, 2015. (In Eng.)
19. Cvetaeva, M. To Rainer Maria Rilke right into his hands. Ed. by M. Rea. Bagno a Ripoli: Passigli Editori, 2012. (In Italian)
20. Esengrini, S. Origin and truth of art. Journal of Neo-Scholastic Philosophy, no. 4, pp. 1017–1034, 2020. DOI: 10.26350/001050_000229. (In Italian)
21. Maslova, M. I. "Great secret of art": once again about sources of "The Poem of the Air" by Marina Tsvetaeva. Scientific notes of Orel State University, no. 5, pp. 131–137, 2015. (In Rus.)
22. Volozhanina, V. V. The Topic of Sleeping in Marina Tsvetaeva's letters. INITIUM. Artistic Literature: Modern Reading: Collection of Articles by Young Scholars, iss. 5, Ekaterinburg: UGI Urfu, 2022: 133–137. (In Rus.)
23. Anisova, A. A., Semenova, G. Y. Semantic field "Insomnia" in M. I. Tsvetaeva's early lyrics. Philology. Theory & Practice, no. 10, pp. 127–132, 2019. DOI: 10.30853/filnauki.2019.10.27. (In Rus.)
24. Faryno, J. "Insomnia" by Marina Tsvetaeva (analysis of the cycle). Proceedings of Slavistics, 15. Novi Sad: Matica Srpska, 1978: 117–148. (In Rus.)

25. Dzhabbarova, E. Linvoditseye of Marina Tsvetaeva ("Art in the Light of Conscience"). *Philology and culture*, no. 1, pp. 156–161, 2017. (In Rus.)

Information about the author

Erika Costa, Postgraduate Student, The Pushkin State Russian Language Institute; 6 Akademika Volgina st., Moscow, 117485, Russia; eri.costa.97@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-5510-4442>.

For citation

Costa Erika Marina Tsvetaeva Interpreted by Chicca Gagliardo: Expanding the Scope of Russian-Italian Literary Ties // *Humanitarian Vector*. 2024. Vol. 19, no. 4. P. 39–48. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-39-48.

Received: September 14, 2024; approved after reviewing October 17, 2024; accepted for publication October 19, 2024.

МЕНТАЛЬНОЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ДИСКУРСА

MENTAL AND LINGUACULTURAL SPACE OF DISCOURSE

Научная статья

УДК 81`42

DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-49-59

Ключевые слова как маркеры образа жизни людей в
алтайских частушках 1930–1950-х годов

Ольга Викторовна Марьина¹, Вероника Юрьевна Краева²

^{1,2}Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия

¹marina_olvik@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4355-7944>

²kraevaveronika@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9138-5513>

В статье рассматриваются ключевые слова в алтайских частушках как маркеры, охватывающие разные аспекты жизни людей на протяжении нескольких десятилетий. Изучив существующие подходы к пониманию, выделению и установлению функций ключевых слов, а также к соотношению их и маркеров, мы определили ключевые слова как признак, маркер, указывающий на этап, время, отрезок жизни отдельных людей или целого поколения. В этом состоит актуальность работы. Благодаря ключевым словам, которые оказываются таковыми исключительно в связи с обозначенной темой исследования, а не с ведущими темами частушек, выступающими в качестве материала исследования, у читателей появляется возможность представить, чем занимались люди, как проводили свободное время, какую работу выполняли, какую одежду и обувь носили. Цель исследования заключается в выявлении в текстах алтайских частушек 1930–1950-х гг. ключевых слов как маркеров, благодаря которым становится возможным определить интересы, образ жизни людей в определённое время в определённой местности. Методологическая база исследования представляет собой сочетание ряда методов: семантического, экстралингвистического, контекстуального анализа и метода классификации – существующих не изолированно, а во взаимодействии с другими. Благодаря комплексной методике изучения ключевых слов как маркеров в текстах алтайских частушек становится возможным установить, чем занимались молодые люди, что их интересовало, заботило в 1930–1950-е гг. Данное исследование показывает лишь некоторые стороны жизни людей определённой местности. Материал исследования представляется интересным с позиции филологии, культурологии, истории, расширяет представление о жизни людей преимущественно в сельской местности в Алтайском крае в первой половине XX в. Перспектива работы видится в расширении материала исследования, который бы позволил наполнить существующие тематические группы и выявить новые, выйти за границы анализируемого периода.

Ключевые слова: ключевые слова, маркеры, алтайская частушка, функции ключевых слов, 1930–1950-е годы

Original article

Keywords as Markers Indicating Lifestyle of People in Altai Ditties of the 1930s–1950s

Olga V. Maryina¹, Veronika Yu. Kraeva²

^{1,2}Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

¹marina_olvik@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4355-7944>

²kraevaveronika@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9138-5513>

The work examines key words in Altai ditties as markers covering different aspects of people's lives over several decades. Having studied existing approaches to understanding, isolating and establishing the functions of keywords, as well as correlating them with markers, we defined keywords as a sign, a marker indicating a stage, time, segment of the life of individual people or an entire generation. This is the relevance of the work. Because of keywords, which turn out to be so solely in connection with the designated topic of research, and not with the leading themes of ditties serving as research material, readers have the opportunity to imagine what people did, how they spent their free time, what kind of work they did, what kind of clothes and shoes were worn. The purpose of the study is to identify key words in the texts of Altai ditties dating back to the period of the 1930s–1950s as markers, thanks to which it becomes possible to determine the interests and lifestyle of people at a certain time in a certain area. The methodological basis of the study is a combination of a number of methods: semantic, extralinguistic, contextual analysis and classification method which do not exist in isolation but in interaction with others. Thanks to a comprehensive methodology for studying key words as markers in the texts of Altai ditties, it becomes possible to establish what young people did, what interested them and what they cared about in the 1930s–1950s. This study shows only some aspects of the life of people in a certain area. The research material seems interesting from the perspective of philology, cultural studies, history, and expands the understanding of the life of people mainly in rural areas in the Altai Territory in the first half of the twentieth century. The prospect of the work is seen in expanding the research material, which would allow us to "fill" existing thematic groups and identify new ones, to go "beyond the boundaries" of the period analyzed.

Keywords: keywords, markers, Altai ditties, keyword functions, 1930s–1950s

Введение. Изучение ключевых слов, лексических маркеров, слов-маркеров является актуальным для тех, кто занимается исследованием идиостиля, экстралингвистических факторов, слов-сигналов-символов-образов, вопросами понимания и интерпретации текста, оказывается значимым для тех, кто изучает текст «через время», «через эпоху» и время, эпоху «через текст». Актуальность исследования определяется спецификой подхода к изучению материала: комплексная методика, применяемая при описании ключевых слов как маркеров, «расширяет» представление о предметах и явлениях, называемых в частушках и характерных для определённого периода, и позволяет рассматривать ключевые слова как в контексте, так и вне его.

Не имеет однозначного решения в лингвистической науке вопрос, связанный с пониманием взаимодействия, взаимоотношения таких понятий, как «ключевое слово», «маркер», «маркема», «лексический маркер» и др. По мнению А. П. Сковородникова, ключевые слова употребляются «для обозначения так называемых слов-символов, слов-маркеров в языке <...>. Это слова, актуальные именно для данного, текущего, сравнительно короткого исторического пе-

риода развития общества, для обозначения которых автор предлагает использовать составной термин «ключевые слова текущего момента»¹. В работе И. М. Панковой [1, с. 152] «оперативные единицы разной степени сложности» обозначаются как ключевые слова и ключевые маркеры, т. е. понятия существуют как взаимозаменяемые. Г. Г. Хисамова, опираясь на работу Л. Н. Чуриловой [2], отмечает разницу между ключевыми словами и маркерами, состоящую в том, что первые как единица текста функционально маркируют «ситуацию общения с ориентирами на внешнего адресата» [3, с. 157]. Вариативность интерпретаций понятий, обусловленных в том числе выбором материала, позволяет представить разные подходы исследования.

Мы не рассматриваем ключевые слова и маркеры как слова-синонимы, а считаем, что ключевые слова в произведении выполняют функцию признака, указателя, знака, связанного с определённым этапом, промежутком жизни людей, это лингвистический и экстралингвистический показатель, позволяющий представить время, о котором

¹ Сковородников А. П. Ключевые слова. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 241–244.

в тексте упоминается. «Данные единицы выступают в качестве лексических маркеров конкретного периода и в своей семантической структуре содержат темпоральный компонент, позволяющий им ассоциироваться с определённым временным отрезком» [4, с. 93].

Таким образом, в статье расширяется понимание ключевого слова (подробно об этом [5; 6], отмечается его связь не только с темой текста, но и со временем отражения событий в нём, т. е. экстралингвистическими факторами). Для создания полной картины конкретного периода необходимо обращаться к разным источникам, как авторским, так и народным, нельзя не признавать важность последних. В качестве материала исследования выступают частушки – небольшие рифмованные тексты, жанровое своеобразие которых предполагает раскрытие какой-то одной темы, значимой для исполнителя. Несмотря на работы более позднего периода ([7–9] и др.), нам близка позиция В. И. Симакова, считающего, что своеобразие частушки связано с экспромтным характером: «Частушка выражает один момент, одно мимолётное переживание человеком в данную минуту. Вот с этой точки зрения мы и должны будем рассматривать частушку, не как нечто законченное и целое, а как отдельную отрывчатую мысль, приуроченную к тому моменту, когда этот отрывок бывает очень к разу и только» [10].

В рамках изучения ключевых слов выбор текстов частушек, с одной стороны, удобен, потому что представлен ограниченным жанровыми особенностями набором слов, облегчающих задачу исследования, с другой стороны, исходя из целей настоящей работы – выявить ключевые слова, указывающие на образ жизни людей 1930–1950-х гг. определённой местности, – обусловлен некоторыми сложностями, связанными главным образом с тем, что ключевыми словами оказываются только в рамках конкретного исследования, они могут не совпадать или совпадать лишь частично с темой частушки.

Обзор литературы. Изучение ключевых слов ведётся по нескольким направлениям, основное из них – функция ключевых слов в тексте, а именно функция указания, отнесения определена исследователями в качестве ведущей. В данном случае «признак», «примета» заменяются преимущественно словом «маркер». Так, изучая

особенности именовании героев русской народной сказки, А. А. Агафонова приходит к выводу, что они оказываются маркерами культуры, так как «дают представления о традиции называния героев, о народных, мифологических представлениях о мире, о природе, о нравственных, духовных основах русского народа» [11, с. 1152]. О том же самом только уже на материале ирландских фольклорных (народных) и авторских сказок говорят И. А. Воронцова, С. Б. Барушкова, Е. Е. Петрова [12].

Помимо ведущей функции – функции лексической доминанты в литературно-художественных произведениях жанровых форм крупного, среднего и малого объёма – ключевые слова, как считает О. Е. Вороничев, «имеют статус лексического концепта или контекстуальную значимость, степень которой может достигать концептуального уровня. Они способны не только выполнять свою основную когнитивную функцию – служить ключом к раскрытию авторского замысла, но и кардинально преобразовать экспрессивно-семантическую окраску окружающих» лексических единиц и всего текста [13]. При этом его смысловая осложнённость как «сгустка авторского смысла» максимальна [14, с. 260], а «образно-символическое значение» способствует «пониманию читателем авторской интенции» [15, с. 65]. Г. А. Ермакова добавляет: ключевые слова влияют на философское постижение текста. Слово писателя – «это его мироощущение, мировосприятие, это его чаша жизни, переданная нам при помощи Слова, чтобы оно стало нашим, помогло нам осознать себя и мир, в котором мы живём» [16, с. 25].

В рамках настоящего исследования ключевыми словами оказываются для его авторов, а не для создателей частушек, потому что основная их тема – тема отношений между людьми, в отличие от образа жизни: трудовой деятельности, отдыха, окружений героев – не является предметом изучения.

Анализ работ, посвящённых функции ключевых слов, приводит К. Б. Корниенко к выделению двух основных групп: «(а) исследуются хронологически не маркированные единицы (концепты, культуремы и пр.), (б) исследуются хронологически привязанные единицы (“слова года”, ключевые неологизмы и пр.). Во втором случае можно говорить о так называемых “словах эпохи”» [17, с. 67], которые Е. В. Синкина называет

лексическими маркерами эпохи, помогающими «фиксировать и передавать информацию об определённом временном отрезке» [18, с. 5]. Исходя из предложенной К. Б. Корниенко классификации, ключевые слова, выделенные в нашем исследовании, могут быть отнесены ко второй группе.

Ключевыми, с позиции Е. А. Земской, следует считать слова, обозначающие явления и понятия, находящиеся в фокусе социального внимания, в том числе высокочастотные имена собственные, и имена нарицательные, представляющие в свою очередь: а) слова, получающие высокую частотность и словообразовательную активность на короткий период времени (месяц, несколько недель), «действующие подобно взрыву или вспышке»; б) «слова активные, высокочастотные длительное время (год и больше); они более показательны для эпохи, так как называют явления, характеризующие её более глубоко» [19, с. 92]. Ключевые слова являются «носителем целого пучка значений», «отражают значимые для культуры и менталитета народа смыслы и представления» [20].

В ряде работ ключевые слова рассматриваются как инструменты или механизмы. И в этом случае исследователи обращают внимание не на частоту их использования, их роль и функции, не на их выбор автором и др., а на выделение того факта, «что ключевые слова способствуют формированию у адресата образа содержания прочитанного текста, или «проекции текста» [21, с. 54], тем самым они выступают уже как механизм формирования представлений о тексте в целом, об его идее, о героях у реципиента. О том, что ключевые слова служат инструментом интерпретации текста, сигналом к пониманию его идеи, влияют на спонтанное и глубинное восприятие произведения, пишет И. А. Тарасова [22]. Д. А. Ичкинеева также отмечает значимость ключевых слов для читателя, понимание и интерпретация которых влияют на компрессию информации в тексте, дают возможность выделять ведущую и факультативную информацию [23].

Методология и методы исследования. Настоящее исследование выполнено на материале алтайских частушек, относящихся к 1930–1950-м гг. и ранее не опубликованных. Тексты, собранные в ходе фольклорной практики в 1991-м и 1996-м гг. авторами статьи в г. Барнауле Алтайского края, находятся в ар-

хиве кафедры общего и русского языкознания Алтайского государственного педагогического университета. Частушки, созданные в период 1930–1950-х гг., представляют собой самую многочисленную группу, по всей видимости, потому, что на три десятилетия приходились самые разные события как в стране, так и в крае.

Опираясь на позицию Ю. Буртина, материал исследования можно охарактеризовать как колхозные частушки, так как они не отвечают идеологическим принципам общества (в противовес советским частушкам), а «показывают» жизнь простую, «низменную» [24, с. 212–213].

Методологическая база исследования представляет собой синтез нескольких методов: семантический анализ фактического материала осуществляется с помощью различных словарей¹, обращение к документам даёт возможность понять значение лексемы, объясняет её использование в контексте; экстралингвистический анализ позволяет выявить соответствие между явлениями / предметами и временем, с которым они соотносятся, обратить внимание на культурные, исторические, социальные факторы, характерные для определённого периода, формирует фоновые знания читателей; контекстуальный анализ даёт возможность через понимание отдельной лексической единицы выйти на понимание текста в целом; метод классификации необходим для выделения тематических групп частушек с целью их дальнейшей систематизации.

Благодаря комплексной методике изучения ключевых слов как маркеров в текстах алтайских частушек становится возможным установить, как проводили время молодые люди, что им было близко, что их заботило в 1930–1950-е гг. Данное исследование показывает лишь некоторые стороны жизни людей преимущественно в сельской местности.

Результаты исследования и их обсуждение. В ходе анализа материала мы выделили несколько групп ключевых слов

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4 / под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. Репринтное воспроизведение издания 1903–1909 гг. – М.: Терра-Книжный клуб, 1998. – 3712 с.; Толковый словарь русского языка: около 30 000 слов / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: АСТ: Астрель: Транзиткнига, 2006. – 1055 с.; Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный: свыше 136 000 словарных статей, около 250 000 семантических единиц. – Т. 1–2. – М.: Русский язык, 2000. – 1210 с.

частушек: первая – связана с названием музыкальных инструментов, песнями и пением, вторая – указывает на элементы одежды и обуви, третья – характеризует времяпрепровождение, четвёртая – посвящена работе.

Первая группа – музыкальные инструменты, песни, пение.

В анализируемых текстах упоминается два музыкальных инструмента: балалайка (*Заиграла балалаечка / На каменном мосту, / Спородила меня мамочка / На горе, на тоску*) и гармошка (1. *На гармошку новую, / Не вешай, милый, голову, / У тебя другая есть, / Надо быть весёлому* 2. *Заиграла гармоза, / А я думала – гроза. / От любви разбежались / Мои карие глаза*). В настоящее время названные народные инструменты остаются актуальными преимущественно для фольклорных коллективов, но пик их популярности приходился на рубеж XIX–XX вв. и первую половину XX в., потом интерес к ним исчезает, в том числе в связи с переселением людей из деревни в города, т. е. после войны [25]. Помимо прямого упоминания балалайки и гармони, контекст подсказывает, что у героя в руках находится какой-то музыкальный инструмент: *Меня милый провожал, / Крепко за руку держал. / Как до дому проводил, / Заиграл, пошёл один*. Основным значением слова «заиграть» является «начать играть», что подтверждается соответствующими примерами: «Оркестр заиграл марш. Всё было тихо, вдруг кто-то заиграл на рояле»¹.

К первой группе отнесены частушки, в которых в качестве ключевых слов упоминаются как песни: *Попоём, подружка, песен, / Попоём да попоём. / У какой-нибудь девчонки / Отобьём да отобьём*, так и сам процесс пения: 1. *Хорошо, хорошо, / Хорошо поёте. / Интересно бы узнать: / С кем домой идёте?* 2. *Хорошо, хорошо, / Хорошо мы не поём. / Ты сама про это знаешь, / Что одни домой идём*. Песня – «словесно-музыкальное произведение, исполняемое одним лицом или хором и первоначально связанное с обрядовым действием. Хоровая песня. Плясовые песни»². Из приведённых примеров следует, что пение – одно из развлечений молодёжи, не индивидуальное, а совместное действие, выстраивание коммуникации, вовлечение в неё других людей. На это указывает и обращение героев к другим и «парность» тек-

стов – вопросно-ответная форма изложения. «Диалогичность частушек обусловлена тем, что они представляют собой текст, направленный вовне: должны быть слушатели, те, кто “поддержит”, посочувствует, ответит. Это то, что у русского человека называется “выговориться”, после такого ему как будто становится легче» [26, с. 87].

Вторая группа – элементы одежды и обуви.

В данную группу входят частушки, ключевыми словами которых являются элементы одежды, в том числе головные уборы.

Фуражка – мужской головной убор: *Ты не стой у ворот, / Не маши фуражкой, / Я теперь не твоя, / Не зови милашкой*. Известно, что исторически фуражка – форменный или военный головной убор, который со временем, с начала XX в., становится предметом гражданской одежды [27; 28]. Исследователи также отмечают, что фуражка являлась летним головным убором как городской, так и сельской молодёжи.

Картуз – мужской головной убор с козырьком, неформенная фуражка; гражданская разновидность фуражки³: *Ты не стой у ворот, / Не маши картузиком, / Я с тобой гулять не буду, / С таким карапузиком*. Картузы были преимущественно с матерчатым козырьком и, в отличие от фуражек, подбородных ремешков не имели [27, с. 125–209]. Историками отмечается, что картуз был популярен в одежде сибирских горожан в начале XX в., являясь, как и фуражка, летним головным убором [28]. Но уже до Первой мировой войны картузы становятся элементом гардероба сельских жителей [27, с. 125–209].

Кепка – шапка, фуражка прежнего военного покроя⁴: *У меня матаня был, / Звали его Михаил. / Чёрну кепочку во клеточку / Всегда с собой носил*. Толкование значения позволяет утверждать, что кепка изначально не была гражданским головным убором так же, как фуражка и картуз, однако со временем им стала. Историки отмечают, что кепка была предметом военной формы красноармейцев в 1917 г. [Там же, с. 298]. Гражданский характер частушек позволяет говорить о том, что кепку носят уже не военные, т. е. по времени – позже 1917 г.

³ Орленко Л. В. Терминологический словарь одежды. – М.: Легпромбытиздат, 1996.

⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4 / под ред. И. А. Бодуэна де Куртене. Репринтное воспроизведение издания 1903–1909 гг. – М.: Терра-Книжный клуб, 1998.

¹ Толковый словарь русского языка: около 30 000 слов / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: АСТ: Астрель: Транзиткнига, 2006.

² Там же.

Тужурка – будничная одежда барынь, домашняя¹; будничный мужской сюртук, частный или форменный, домашняя или форменная куртка, обычно двубортная²; *Шурку бьют, / Тужурку реут. / А я пала на него, / Не бейте Шурку моего*. Эта часть форменной одежды была характерна для многих групп горожан России начала XX в. – работников путей сообщения, инженеров, автомобилистов и даже студентов и чиновников [27, с. 141–232]. Городское население Сибири – не исключение [28, с. 31–66]. Однако в толковании слова присутствует элемент «будничный», что позволяет предположить постепенное распространение такого предмета гардероба среди массового населения.

Кофта – *прост.* название женской блузки³: *Вася, Вася, я снялася / В белой кофте под ремень, / Не в которой я хотела, / А в которой ты велел*.

Юбка с кофтой с середины и до конца XIX столетия в сибирском городе являются элементом стиля женской одежды мещанского и купеческого сословия. Однако и женщины-работницы имели тёплые разновидности этой одежды [Там же, с. 33–55]. Во время Первой мировой войны кофта являлась повседневной одеждой женщин, работающих на заводах [27, с. 125–126]. В тексте частушки есть указание на цвет кофты – белый, а также на ситуацию применения – «снялася», т. е. сфотографировалась. Традиционно белый цвет – это цвет нарядной одежды, которую надевали и надевают в особых случаях.

Несмотря на то, что первые «фотографические заведения» открылись в Барнауле в 1863 г., а уже в 1887 г. в Барнауле и Бийске было по две фотомастерских, поход в фотоателье являлся особым случаем вплоть до начала XX в.: «посетители заведений одевались в праздничную одежду, приходя на фотографирование; в повседневной жизни данное мероприятие было целым событием»; отмечается, что в начале XX в. количество фотосалонов в городах региона резко увеличивается, что связано с развитием и изменениями предпринимательского дела [29, с. 384–390]. Однако, учитывая особен-

ность Алтайского края как сельскохозяйственного региона, где основная часть населения проживала в сельской местности и даже горожане по большей части являлись выходцами из деревни, мы полагаем, что массовым и привычным фотографирование стало не ранее 1920–1930-х гг.

Ко второй группе также относятся тексты, в которых в качестве ключевых слов используются слова – наименование обуви.

Ботиночки (ботинки) – вид невысокой обуви на шнурках, пуговицах или молнии, которая закрывает тыльную часть стопы и нижнюю часть голени выше лодыжки⁴; полусапожки женские, сапожки с короткими поротыми голенищами, на завязках, застёжках⁵: *Попляшите-ка, ботиночки, / Вам больше не плясать. / Выйду замуж, буду плакать, / Вам на полочке лежать*.

Самой распространённой мужской обувью в сибирском городе были сапоги, но в начале XX в., кроме сапог, широко распространялись различные ботинки. Историками отмечается, что в городе ботинки являлись и будничной женской обувью [28, с. 33–55], тогда как обувь сельчан отличалась от городской. Но в 1920-е гг. деревня уже испытывала влияние города и «среди крестьянства имели хождение также покупные сапоги или ботинки» [30, с. 125]. Учитывая особенность населения описываемого региона (*см. выше*), мы полагаем, что ботинки (ботиночки) можно рассматривать всё же как вид не будничной женской обуви, а скорее, как обувь «на выход». Текст частушки иллюстрирует тот факт, что ботиночки девушки надевали на вечерние молодёжные гуляния: *Я на том на берегу / Ботиночки оставила. / Песни складывать меня / Изменушка заставила*.

Третья группа – времяпрепровождение. Данная группа содержит слова и выражения, указывающие на то, чем занимались герои в свободное от работы время. Например, *Чайничала, / Самоварничала, / Всю посуду перебила, / Откухарничала*. Контекст «всю посуду перебила» раскрывает смысл просторечных разговорно-сниженных слов⁶, составляющих частушку, и наполняет её

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4 / под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. Репринтное воспроизведение издания 1903–1909 гг. – М.: Терра-Книжный клуб, 1998.

² Орленко Л. В. Терминологический словарь одежды. – М.: Легпромбытиздат, 1996.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4 / под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. Репринтное воспроизведение издания 1903–1909 гг. – М.: Терра-Книжный клуб, 1998.

⁶ Толковый словарь русского языка: около 30 000 слов / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: АСТ: Астрель: Транзиткнига, 2006.

смыслом: героиня характеризует себя как «не очень» хорошую хозяйку, у которой всё валится из рук. В следующем тексте речь идёт о фотографировании: *Вася, Вася, / Я снялася в белой кофте под ремень, / Не в которой я хотела, / А в которой ты велел.* Речь идёт о снимке, фотографии. «Сниматься» – (разг.) фотографироваться¹.

Ещё одно занятие молодых людей называется в частушке: *Я на речке, на дощечке / Дроби бить училась. / Я не знаю, почему / Измена получилась.* Учитывая значение выражения «дроби бить» («частить, часто и мелко переступать»²) и то, что в диалектной фразеологии русских говоров Алтая зафиксированы выражения «бить в подпляску» – «пристукивать чем-либо во время танца в ритм»; плясать с припевом – «плясать с частушками» [31, с. 124], мы считаем, что речь идёт именно о вечерках как одном из любимых и немногих развлечений сельской молодёжи довоенного периода.

Время, не занятое работой, может проходить по-разному, в том числе не всегда «мирно»: *Шурку бьют, / Тужурку реут. / А я пала на него: / Не бейте Шурку моего.* Бить – «бивать что, наносить удары, ударять, колотить; заносить руку, палку или иное тупое орудие и опускать с размаху: поражать, разить; толкать, толочь; раздроблять»³.

Четвёртая группа – работа. К названной группе относятся слова, связанные с трудовой деятельностью как в личных целях, так и на благо общества. Благодаря лексемам, называющим действия героев и предметы, читатель «представляет» место действия, род занятий героя: 1. *Мамочка, жарко, / Открой-ка трубу. / Мотанечку жалко, / Забыть не могу.* «Открыть трубу» в русской печи – значит убрать / отодвинуть заслонку⁴, чтобы печь остывала. 2. *Коля, Коля дрова колет, / Коля клеточки кладёт, / Коля в клетчатой рубашке, / Как цветочек расцветёт.* В приведённом примере два сочетания, показы-

¹ Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный: свыше 136 000 словарных статей, около 250 000 семантических единиц. – Т. 2: П – Я. – М.: Русский язык, 2000; Место фотографирования в жизни людей рассматриваемого региона было рассмотрено выше.

² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4 / под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. Репринтное воспроизведение издания 1903–1909 гг. – М.: Терра-Книжный клуб, 1998.

³ Там же.

⁴ Толковый словарь русского языка: около 30 000 слов / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: АСТ: Астрель: Транзиткнига, 2006.

вающие действия героя: «колоть дрова» и «класть клеточки» или укладывать клетью – это один из способов складывать⁵ (в том числе в печь) и хранить дрова.

Ещё один вид деятельности был распространён до появления в частном доме водопровода и связан с экономией воды – полоскание белья в реке. Это и сакральное действие, и необходимость, которая не зависит от времени года: *Я на речке полоскалась, / Уронила две доски. / Рубашка черна, белы пуговицы / Доводят до тоски.* «Полоскать <...> купать обильно в жидкости, вода в ней взадь и вперёд, или обмывать, орошать что, покачивая в нём жидкость. Прачка на рѣчкѣ бѣліе полощет. Кучеръ повезъ бѣліе полоскать»⁶. Следующая домашняя работа также связана с водой: *Подружка – отлет / По воду ходила, / Ведры ставила на лёд, / С мотаней говорила.* Контекст «ведры», «лёд», в котором используется сочетание «по воду ходила», указывает на прямое значение данного выражения.

Работа для коллектива, для общей цели – значительная часть жизни человека во все времена. Он трудится как на земле, и на это указывает такие ключевые слова частушек – «трактор», «тракторист», «пастух»: 1. *Трактор идёт – / Тракториста не видать. / Все платочки перемыла, / Не успела передать. 2. Трактор идёт – / Тракториста видно. / Все платочки перемыла, / Передать-то стыдно. 3. Девки ух, ребята ух, / Меня сватает пастух. / Пастушиха буду я, / Не узнаете меня,* так и на производстве: 1. *Комбинат, комбинат, / Чтоб ты провалился. / На работе я была – / Мотанечка женился. 2. Комбинат, комбинат, / Он работает водой. / Закрутил мою головушку / Мальчишка молодой* – маркером выступает слово «комбинат».

В тексте упоминается комбинат, и это прямое указание на место и время действия в частушке. Барнаульский меланжевый комбинат, основанный в 1932 г., до недавнего времени оставался единственным комбинатом в городе. До того момента, пока в годы

⁵ Большой строительный терминологический словарь-справочник. Официальные и неофициальные термины и определения в строительстве, архитектуре, градостроительстве и строительной технике / сост. В. Д. Наумов; под ред. Ю. В. Феофилова. – Минск: Минсктиппроект, 2008.

⁶ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4 / под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. Репринтное воспроизведение издания 1903–1909 гг. – М.: Терра-Книжный клуб, 1998.

Великой Отечественной войны в край не были эвакуированы другие заводы страны, он являлся одним из крупнейших в столице края, дававшим работу большому количеству людей, живших в Барнауле и за его пределами.

История страны не обошла стороной край. Так же, как и все остальные, представители городов и деревень края вставали в случае необходимости на защиту родины, исполняли воинский долг: *Я милёнка проводила / В Красну армию служить. / Мне такого уважительного / Больше не нажить.* Обращает на себя внимание сочетание «Красна армия» – так именовалась Рабоче-крестьянская Красная армия до 1946 г., что позволяет соотнести описываемое событие с определённым временем. Ещё одним словом-подсказкой является слово «служить»: «2. Исполнять воинские обязанности, быть на военной службе»¹, в отличие от слова «воевать»: «1. с кем-чем. Вести войну против кого-нибудь»². Таким образом, речь в частушке идёт не о военном, а о мирном времени, т. е. молодой человек призван в армию по возрасту.

Закключение. Комплексный анализ фактического материала позволил выделить несколько групп ключевых слов – маркеров в алтайских частушках, указывающих на самые разные аспекты жизни людей (преимущественно сельской молодёжи) в 1930–1950-е гг.: работа, занятия в свободное время, развлечение, ведение быта, развитие отношений и др.

Установлено, что самой многочисленной группой, благодаря которой создаётся представление о времени (посредством семантического анализа выделенных лексических компонентов), оказывается группа, называющая головные уборы, одежду и обувь. Несмотря на явное преимущество отдельной тематической группы, анализ фактического материала позволил судить о том, что род занятий людей, их интересы обусловлены не только их желаниями, но и временем, в которое они жили, заботами страны: герои частушек трудятся в период механизации сельского хозяйства, работают на предприятиях, создававшихся в период индустриализации, защищают страну.

Экстралингвистический и контекстуальный анализ позволил:

а) установить соответствие названия частей гардероба времени, в которое мужское и женское население края могло надевать тот или иной головной убор, ту или иную одежду, носить ту или иную обувь;

б) определить, было ли это будничным явлением или исключительно праздничным.

Частушки, выбранные в качестве материала исследования, дали возможность рассмотреть ключевые слова, раскрывающие только одну сторону жизни людей, связанных с определённым местом. Наполнение тематических групп позволяет судить не только о времени, но и о месте действия – это деревня (трактор, пастух, полоскание белья в реке и др.), находящаяся, по всей видимости, рядом с городом (комбинат).

Список литературы

1. Панкова И. М. Ключевые слова как маркер прагматики рекламных текстов (на материале военных рекламных сообщений) // Современные СМИ в контексте информационных технологий: сб. науч. тр. V Всерос. науч.-практ. конф. СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та промышленных технологий и дизайна, 2019. С. 150–154.
2. Чурилина Л. Н. Лексическая структура художественного текста (коммуникативный и антропоцентрический аспекты). Магнитогорск: Изд-во Магнитогорского гос. ун-та, 2000. 186 с.
3. Хисамова Г. Г. Ключевое слово как маркер коммуникативной ситуации в художественном тексте // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: материалы XVI Междунар. науч. конф. М.: Ин-т языкознания; Орехово-Зуево: Гос. гуманит.-технол. ун-т, 2016. С. 157–160.
4. Касьянова Л. Ю. Лексические маркеры периода пандемии // Гуманитарные исследования. 2020. № 3. С. 92–98.
5. Фоякова О. И. Ключевые слова в художественном тексте // Sborník prací Filozofické fakulty Brněnské Univerzity. 1985. Vol. 34, no. 33. P. 141–145.
6. Попова Л. А. Ключевые слова современности как лингвистический феномен: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Уфа, 2021. 22 с.
7. Лазутин С. Г. Русская частушка. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1960. 263 с.

¹ Словарь русского языка: в 4 т. Т. IV: С – Я / гл. ред. А. П. Евгеньева. – 4-е изд., стер. – М.: Русский язык: Полиграфресурсы, 1999.

² Толковый словарь русского языка: около 30 000 слов / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: АСТ: Астрель: Транзиткнига, 2006.

8. Власова З. И., Горелов А. А. Частушки в записях советского времени. М.; Л.: Наука, 1965. 495 с.
9. Зырянов И. В. Поэтика русской частушки. Пермь: Изд-во Пермского гос. пед. ин-та, 1974. 174 с.
10. Симаков В. И. Несколько слов о деревенских припевках-частушках. СПб.: Тип. «Правда», 1913. 11 с.
11. Агафонова А. А. Маркеры культуры в именовании героев русской народной сказки «Звериное молоко». Текст электронный // Молодой ученый. 2016. № 8. С. 1152–1154. URL: <https://moluch.ru/archive/112/28664> (дата обращения: 13.08.2023).
12. Воронцова И. А., Барушкова С. Б., Петрова Е. Е. Лингвокультурные маркеры текста // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2. С. 170–179.
13. Вороничев О. Е., Моспанова Н. Ю., Крамарева И. Е. О ключевых словах в художественном тексте // Современный ученый. 2023. № 1. С. 136–143.
14. Троцюк С. Н. Ключевое слово в художественном тексте и принципы его анализа // И. А. Бодуэн де Куртене и мировая лингвистика: междунар. конф.: VI Бодуэновские чтения (18–21 окт. 2017 г.): в 2 т. / под общ. ред. К. Р. Галиуллина [и др.]. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. Т. 1. С. 260–262.
15. Сергеева Л. А. Ключевые слова художественного текста // Современные тенденции развития науки и технологий. 2017. № 3-6. С. 63–66.
16. Ермакова Г. А., Якимова Н. И., Савирова М. Философское постижение текста через ключевое слово // Язык и слово. Чебоксары: Изд-во Чувашского гос. ун-та им. И. Н. Ульянова, 2021. С. 24–26.
17. Корниенко К. Б. Лексические маркеры эпохи в личных делах 30–40-х гг. XX в. // Политическая лингвистика. 2020. № 2. С. 66–76.
18. Синкина Е. В. Лексические единицы как маркеры эпохи (на материале немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Самара, 2008. 25 с.
19. Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 90–141.
20. Афанасьева Н. А., Афанасьева Л. П. Формирование культурного кода поколения: ключевые слова поэтических текстов в начальной школе (Российская Империя – СССР) // Научный диалог. 2020. № 12. С. 26–38.
21. Кудашина В. Л. Ключевые слова как механизм формирования проекции текста // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2014. № 18. С. 54–55.
22. Тарасова И. А. Ключевые слова как инструмент интерпретации художественного текста // Известия Саратовского университета. Серия «Филология. Журналистика». 2020. Т. 20, вып. 4. С. 370–374.
23. Ичкинеева Д. А. Тема, микротема и ключевые слова как инструменты компрессии информации в тексте (экспериментальное исследование) // Динамика языковых и культурных процессов в современной России: материалы VII Конгресса РОПРЯЛ (г. Екатеринбург, 6–9 октября 2021 г.). СПб., 2022. № 7. С. 178–181.
24. Буртин Ю. О частушках // Новый мир. 1968. № 1. С. 211–238.
25. Бондаренко С. И. Организация «нового» досуга в повседневной жизни западносибирской деревни в 1920-е гг. // История Алтайского края. XVII–XX вв. Научные и документальные материалы. Барнаул: БГПУ, 2005. С. 270–292.
26. Марьина О. В., Краева В. Ю. Текст частушек как отражение самосознания народа на занятиях по русскому языку как иностранному // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2022. № 2. С. 84–89.
27. Ривош Я. Н. Время и вещи: очерки по истории материальной культуры в России начала XX века. М.: Искусство, 1990. 303 с.
28. Гончаров Ю. М. Семейный быт горожан Сибири второй половины XIX – начала XX века. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. 132 с.
29. Литягина А. В. Развитие фотографического дела в городах Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // СибСкрипт. 2023. Т. 25, № 3. С. 379–392.
30. Шаламов В. А. Повседневная одежда и обувь крестьянства восточной Сибири в 1920-е гг. (на примере Иркутской области и Красноярского края) // Вестник Омского университета. 2014. № 3. С. 121–126.
31. Краева В. Ю. Диалектная фразеология русских говоров Алтая (лингвокультурологический аспект): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Барнаул, 2007. 255 с.

Информация об авторах

Марьина Ольга Викторовна, доктор филологических наук, Алтайский государственный педагогический университет; 656031, Россия, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55; marina_olvik@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4355-7944>.

Краева Вероника Юрьевна, кандидат филологических наук, Алтайский государственный педагогический университет; 656031, Россия, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55; kraevaveronika@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9138-5513>.

Вклад авторов в статью

Марьина О. В. – основной автор, определивший методологию и направление анализа материалов исследования.

Краева В. Ю. – систематизировала, анализировала и оформляла материал исследования.

Для цитирования

Марьина О. В., Краева В. Ю. Ключевые слова как маркеры образа жизни людей в алтайских частушках 1930–1950-х годов // Гуманитарный вектор. 2024. Т. 19, № 4. С. 49–59. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-49-59.

Статья поступила в редакцию 10.04.2024; одобрена после рецензирования 17.05.2024; принята к публикации 18.05.2024.

References

1. Pankova, I. M. Key words as a marker of the pragmatics of advertising texts (based on the material of military advertising messages). Modern media in the context of information technology, Proceedings of the 5th All-Russian Scientific and Practical Conference. St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design. Saint Petersburg, 2019. (In Rus.)
2. Churilina, L. N. Lexical structure of a literary text (communicative and anthropocentric aspects). Magnitogorsk: Magnitogorsk State Publishing House. University, 2000. (In Rus.)
3. Khisamova, G. G. Key word as a marker of a communicative situation in a literary text. Language and thinking: psychological and linguistic aspects, Proceedings of the XVIth International Conference. M: Institute of Linguistics; Orekhovo-Zuevo: State University of Humanities and Technology, 2016. (In Rus.)
4. Kasyanova, L. Yu. Lexical markers of the pandemic period. Humanitarian Research, no. 3, pp. 92–98, 2020. (In Rus.)
5. Fonyakova, O. I. Key words in literary text. Proceedings of the Faculty of Philosophy of the University of Brno, no. 33, pp. 141–145, 1985. (In Rus.)
6. Popova, L. A. Key words of modernity as a linguistic phenomenon. Cand. sci. diss. abstr. Ufa, 2021. (In Rus.)
7. Lazutin, S. G. Russian ditty. Voronezh: Voronezh State University, 1960. (In Rus.)
8. Vlasova, Z. I., Gorelov, A. A. Chatushki in the records of Soviet times. Moscow; Leningrad: Nauka, 1965. (In Rus.)
9. Zyryanov, I. V. Poetics of the Russian ditty. Perm: Perm State Pedagogical Institute, 1974. (In Rus.)
10. Simakov, V. I. A few words about village ditties. St. Petersburg: Pravda, 1913. (In Rus.)
11. Agafonova, A. A. Cultural markers in the naming of heroes of the Russian folk tale “Animal’s Milk”. Young scientist, no. 8, pp. 1152–1154, 2016. Web. 13.08.2024. <https://moluch.ru/archive/112/28664>. (In Rus.)
12. Vorontsova, I. A., Barushkova, S. B., Petrova, E. E. Linguistic and cultural markers of the text. Upper Volga Philological Bulletin, no. 2, pp. 170–179, 2021. (In Rus.)
13. Voronichev, O. E., Mospanova, N. Yu., Kramareva, I. E. About keywords in a literary text. Modern scientist, no. 1, pp. 136–143, 2023. (In Rus.)
14. Trotsyuk, S. N. Key word in a literary text and principles of its analysis. I. A. Baudouin de Courtenay and world linguistic. Proceedings of the International conference VI Baudouin readings (Kazan Federal University, 18–21 Oct. 2017). Edited by K. R. Galiullina [et al.]. Kazan, 2017. Vol. 1: 260–262. (In Rus.)
15. Sergeeva, L. A. Key words of artistic text. Modern trends in the development of science and technology, no. 3-6, pp. 63–66, 2017. (In Rus.)
16. Ermakova, G. A., Yakimova, N. I., Savirova, M. Philosophical comprehension of the text through the keyword. Language and Word. Cheboksary: Chuvash State University named after I. N. Ulyanov, 2021: 24–26. (In Rus.)
17. Kornienko, K. B. Lexical markers of the era in personal files of the 30–40s. XX century. Political linguistics, no. 2, pp. 66–76, 2020. (In Rus.)
18. Sinkina, E. V. Lexical units as markers of an era (based on the material of the German language). Cand. sci. diss. abstr. Samara, 2008. (In Rus.)
19. Zemskaya, E. A. Active processes of modern word production. Russian language of the late twentieth century (1985–1995). M: Languages of Russian culture, 1996: 90–141. (In Rus.)
20. Afanasyeva, N. A., Afanasyeva, L. P. Formation of the cultural code of a generation: keywords of poetic texts in elementary school (Russian Empire – USSR). Scientific dialogue, no. 12, pp. 26–38, 2020. (In Rus.)
21. Kudashina, V. L. Keywords as a mechanism for forming text projection. Proceedings of the Conference Research Center Sociosphere, no. 18, pp. 54–55, 2014. (In Rus.)
22. Tarasova, I. A. Keywords as a tool for interpreting literary text. News of Saratov University. Ser. Philology. Journalism, iss. 4, pp. 370–374, 2020. (In Rus.)

23. Ichkineeva, D. A. Theme, microtheme and keywords as tools for compressing information in the text (experimental research). Dynamics of linguistic and cultural processes in modern Russia. Proceedings of the VII Congress of ROPRYAL (Ekaterinburg, October 6–9, 2021), no. 7, pp. 178–181. (In Rus.)
24. Burtin, Yu. About ditties. New World, no. 1, pp. 211–238, 1968. (In Rus.)
25. Bondarenko, S. I. Organization of “new” leisure in the everyday life of a West Siberian village in the 1920s. History of the Altai region. XVII–XX centuries Scientific and documentary materials. Barnaul: BSPU, 2005: 270–292. (In Rus.)
26. Maryina, O. V., Kraeva, V. Yu. The text of ditties as a reflection of the self-awareness of the people in classes in Russian as a foreign language. Bulletin of ChSPU im. I. Ya. Yakovleva, no. 2, pp. 84–89, 2022. (In Rus.)
27. Rivosh, Ya. N. Time and things: essays on the history of material culture in Russia at the beginning of the 20th century. M: Art, 1990. (In Rus.)
28. Goncharov, Yu. M. Family life of the townspeople of Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries. Barnaul: Altai State University, 2004. (In Rus.)
29. Lityagina, A. V. Development of photography in the cities of Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries. SibScript, no. 3, pp. 379–392, 2023. (In Rus.)
30. Shalamov, V. A. Everyday clothing and footwear of the peasantry of eastern Siberia in the 1920s (using the example of the Irkutsk region and Krasnoyarsk Territory). Bulletin of Omsk University, no. 3, pp. 121–126, 2014. (In Rus.)
31. Kraeva, V. Yu. Dialectal phraseology of Russian dialects of Altai (linguocultural aspect). Cand. sci. diss. Barnaul, 2007. (In Rus.)

Information about the authors

Maryina Olga V., Doctoral Degree (Philology), Altai State Pedagogical University; 55 Molodezhnaya st., Barnaul, 656031, Russia; marina_olvik@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4355-7944>.

Kraeva Veronika Yu., Candidate of Philology, Altai State Pedagogical University; 55 Molodezhnaya st., Barnaul, 656031, Russia; kraevaveronika@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9138-5513>.

Contribution of the authors to the article

Maryina O. V. – the main author who determined the methodology and direction of the analysis of research materials.

Kraeva V. Yu. – systematized, analyzed and compiled the research material.

For citation

Maryina O. V., Kraeva V. Yu. Keywords as Markers Indicating Lifestyle of People in Altai Ditties of the 1930s–1950s // Humanitarian Vector. 2024. Vol. 19, no. 4. P. 49–59. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-49-59.

**Received: April 10, 2024; approved after reviewing May 17, 2024;
accepted for publication May 18, 2024.**

Научная статья

УДК: 801.8+821.14

DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-60-68

Библиографические сочинения Галена
как источник по истории римской книжной культуры

Ирина Викторовна Пролыгина

Российский университет медицины, г. Москва, Россия
prolygina99@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7492-9750>

В статье рассматриваются вопросы книжной культуры в Риме II–III вв. н. э. согласно новым историко-филологическим свидетельствам библиографических сочинений Галена Пергамского. После публикации новых критических изданий его сочинений «О собственных книгах» (*De libris propriis*) и «О том, что не стоит печалиться» (*De indolentia*) в научный оборот были введены новые данные о римских библиотеках, их топографии, книжных коллекциях, состоянии рукописных фондов, а также о работе Галена как филолога, редактора и критика текста. Цель статьи состоит в том, чтобы показать, что Гален был не только знаменитым врачом и философом, но и одним из выдающихся эрудитов своего времени, который был неразрывно связан с культурой «Второй софистики». Преемственность греческой интеллектуальной традиции и образованию, интерес к сочинениям авторитетных медицинских и философских предшественников, копирование и реконструкция их текстов как для собственных нужд, так и для публичного использования и сохранения культурного наследия, о которых свидетельствует Гален, в значительной степени проясняют вопросы культурной жизни в Риме того времени и место в ней Галена. Методология исследования опирается на традиционный историко-филологический анализ и источниковедческое изучение оригинальных греческих текстов Галена, которые рассматриваются на фоне сложившейся культурной традиции с исследованием релевантных терминов и понятий, необходимых для её характеристики. Результаты исследования проясняют целый ряд филологических вопросов в области истории книги, библиотек, филологической терминологии критики текста и культурологии и могут найти применение в разных филологических, исторических и культурологических курсах.

Ключевые слова: библиографические сочинения, Гален, античные библиотеки, история книги, критика текста

Original article

Biobibliographical Works of Galen as a Source for the History of Roman Book Culture

Irina V. Prolygina

Russian University of Medicine, Moscow, Russia
prolygina99@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7492-9750>

The article examines the problems of book culture in Rome in the 2nd-3rd centuries AD according to new historical and philological evidence from the bio-bibliographical works of Galen. After the publication of new critical editions of his works *De libris propriis* and *De indolentia*, new evidences on Roman libraries, their topography, book collections, the state of manuscript funds, as well as on Galen's work as a philologist, editor and text critic were introduced into scientific circulation. The purpose of the article is to show that Galen was not only a famous physician and philosopher but also one of the outstanding scholars of his time, who was inextricably linked with the culture of the "Second Sophistry". The continuity of the Greek intellectual tradition and education, the interest in the works of medical and philosophical authorities, the copying and reconstruction of their texts both for personal needs and for public use and the preservation of cultural heritage, as evidenced by Galen, largely clarify the issues of cultural life in Rome at that time and Galen's place in it. The research methodology is based on traditional historical and philological analysis and source study of Galen's original Greek texts, which are considered against the background of the cultural tradition with the study of relevant terms and concepts necessary for its characterization. The results of the study clarify a number of philological issues in the field of book history, libraries, philological terminology of text criticism and cultural studies and can be used in various philological, historical and cultural studies courses.

Keywords: biobibliographical works, Galen, ancient libraries, history of the book, textual criticism

Введение. В своих биобиблиографических сочинениях, написанных уже в поздний период жизни, Гален Пергамский (129–215/217 гг. н. э.) приводит большое число свидетельств об интеллектуальной жизни римской элиты, в том числе о книжной культуре того периода: о собственном каталоге сочинений, о способах их распространения и целевой аудитории, римских библиотеках, книжных лавках и торговых кварталах, хранилищах-депозитариях и их содержанием, сохранности рукописей и методах текстуальной критики. К этим текстам следует отнести, прежде всего, его сочинения «О собственных книгах» (*De libris propriis*), «О порядке своих книг» (*De ordine librorum propriorum*) и «О том, что не стоит печалиться» (*De indolentia*).

Цель исследования – осуществить анализ свидетельства Галена о римской книжной культуре II–III вв. н. э. и показать его личное место в ряду выдающихся интеллектуалов того времени. В задачи исследования входит анализ релевантных фрагментов из вышеназванных сочинений, которые касаются вопросов работы Галена как критика и редактора античных философских и медицинских текстов, комментатора текстов Гиппократов, составителя лексиконов античных слов и синопсисов сочинений знаменитых античных грамматиков. Кроме того, в статье рассматриваются его свидетельства о топографии римских библиотек, состоянии их фондов и объёме потерь интеллектуального греческого и римского наследия в пожаре 192 г. Новизна исследования состоит в том, что оно опирается на новое критическое издание биобиблиографических сочинений Галена, текстуальные данные которых ещё не получили должной научной оценки. Результаты исследования позволяют прояснить ряд тёмных мест в области античной терминологии критики текста и роли Галена в культуре «Второй софистики».

Обзор литературы. Историко-филологические свидетельства первых двух сочинений были исследованы уже в конце XIX столетия в работах немецких филологов, изучавших историю античной книги, например, в классической работе Т. Бирта «Античная книжная культура в её отношении к литературе» [1, с. 214, 346, 503]. За последние годы можно назвать исследования Г. Бланка «Книга в Античности» (1992) [2], Т. Доранди «Стилус и скрижаль. Секреты античных ав-

торов» (2000) [3] и его же работу 2007 г. «В мастерской классиков. Как работали античные авторы» [4], Л. Дель Корсо «Чтение в греческом мире» (2005) [5] и статью Г. Хьюстона «Гален, его книги и *Horrea piperataria* в Риме» (2003) [6]. Результатом интереса к Галену и интеллектуалам его времени стала коллективная монография «Гален и мир знания», опубликованная в 2009 г. под редакцией Кр. Джилла, Т. Уитмарша и Дж. Уилкинса [7]. В ней, в частности, содержится статья В. Наттона о библиотеке Галена [8, с. 19–34]. Римским библиотекам с многочисленными ссылками на Галена посвящена статья П. Федели «Частные и публичные библиотеки в Риме и в римском мире» (2004) [9].

Последнее сочинение «О том, что не стоит печалиться» было случайно обнаружено только в 2005 г. в рукописи XV в., происходящей из Фессалоникийского монастыря Влатадон, и опубликовано в критическом издании 2010 г. под редакцией В. Будон-Мийо, Ж. Жуанна и А. Пьетробелли [10]. Вслед за *editio princeps* последовал ряд исследований этого трактата, среди которых можно назвать статьи В. Будон-Мийо «Библиотека одного греческого ученого в Римской империи: новое свидетельство недавно открытого трактата Галена *Peri alupias*» (2007) [11], А. Розелли «Книги и библиотеки в Риме во время Галена: свидетельство в *De indolentia*» (2010) [12], коллективную монографию под редакцией Д. Манетти «Исследования *De indolentia* Галена» (2012) [13], под редакцией К. Ротшильд и Т. Томпсон «*De indolentia* Галена» (2014) [14] и под редакцией К. Пти «Трактат Галена *Peri alupias* (*De indolentia*) в контексте» (2019) [15]. И, наконец, в 2023 г. вышло новое критическое издание этого трактата под редакцией П. Полемис и С. Ксенофонтос, которое содержит более точные прочтения кодекса, дополнения лакун и корректуру тёмных мест, обусловленных либо физическими повреждениями текста, либо небрежностью переписчиков [16]. Русский перевод всех трёх биобиблиографических сочинений вышел в 2016–2019 гг. в переводе автора [17–19].

Методология и методы исследования. Методология исследования предполагает проведение историко-филологического анализа и источниковедческое изучение греческих текстов Галена. При этом фрагменты текстов рассматриваются в контексте гре-

ко-римской культурной традиции с анализом понятийно-терминологического ряда, необходимого для понимания и характеристики исследуемой темы, а также установления понятийной связи между сочинениями Галена и работами его античных предшественников. Особое внимание уделялось интерпретации специальной филологической терминологии Галена в свете новых чтений в последних критических изданиях. Все рассматриваемые в статье тексты переведены нами с древнегреческого языка. В работе использовались электронные текстовые базы данных, что позволило учесть большой корпус релевантных греческих текстов.

Результаты исследования и их обсуждение. Своё сочинение «О том, что не стоит печалиться» (*De indolentia*), которое было опубликовано в новом критическом издании в 2023 г. [16], Гален относит к сочинениям по этике (*De libr. propr.* XV). Оно было написано спустя несколько месяцев после римского пожара 192 г., уничтожившего весной того года территорию Палатинского холма и Храм Мира, в котором располагались музей и библиотека. *De indolentia* посвящён такой добродетели, как невозмутимость и способность не впадать в уныние от разных жизненных невзгод. Гален отвечает на вопрос друга своей молодости о том, как ему удалось не впасть в отчаяние от утраты в огне всего своего движимого имущества. По его словам, он потерял все свои медицинские инструменты, лекарства и в том числе множество рукописных свитков, одни из которых были написаны им самим, а другие – составляли его библиотеку. Однако при упоминании об утрате собственных книг Гален сообщает, что масштаб катастрофы был столь велик, что погибла не только его библиотека, но и редкие книги, хранившиеся в Палатинских библиотеках.

Он приводит множество деталей, свидетельствующих о плачевном состоянии фонда библиотеки *domus Tiberiana* ещё задолго до пожара, в то время когда он только прибыл в Рим в 162 г., о трудностях копирования книг, которые там хранились, из-за их плохой сохранности и о своих планах издания античных авторов. Детали, которые сообщает Гален, существенно дополняют научные знания в области истории книги, библиотек, истории филологии и технической филологической лексики. Мы рассмотрим некоторые вопросы, касающиеся новых данных о

книжной культуре в Риме II–III вв. и связанных с ними трудностей. Историко-археологических вопросов и топографии римских книжных кварталов и библиотек к северу и югу от *Via sacra*, пострадавшей от пожара, мы касаться не будем, так как они были рассмотрены в работах П. Туччи [20; 21].

Из сочинений Галена известно, что он арендовал хранилище (*apotheke*), располагавшееся на *Via sacra*, где находились его книги, инструменты и коллекция рецептов. Оно располагалось в районе *horrea pipertaria*, где торговали пряностями арабские и египетские купцы. Неподалеку находился архив императорских прокураторов, который охранялся военным гарнизоном. Располагавшиеся в этом районе помещения сдавались в аренду и считались одними из самых безопасных и надёжных мест в Риме. Гален замечает, что его книги хранились в нескольких экземплярах и предназначались для его библиотеки в Риме, для виллы в Кампании, и один экземпляр должен был по просьбе друзей отправляться в Малую Азию для размещения в публичной библиотеке. Из всей книжной коллекции Галена сохранились лишь книги, переписанные для дома в Кампании, тогда как остальные были безвозвратно утеряны (§ 21, 28).

Рассмотрим отрывки, в которых Гален упоминает о римских библиотеках и хранившихся там книгах. В самом начале сочинения (§ 4) он говорит об утрате множества сочинений, которые он написал в Риме. Далее мы узнаём, что в этом пожаре погибли отредактированные им тексты античных авторов (§ 6; ср. *De comp. med. per gen.* I, 1, Kühn XIII, 362), почти все его философские и медицинские сочинения (*De libr. pr.* III, 7; XIV, 9), а также коллекции редких рецептов (§ 37, 50). Чуть ниже он приводит рассказ о некоем грамматике Филиде, который «после потери в пожаре своих книг погиб, исчахнув от тоски и уныния». Похожую историю о смерти врача, вызванной нестерпимой болью от потери книг, Гален приводит в начале другой своей книги (*De comp. med. per gen.* K. XIII 459).

В обоих случаях речь идёт о профессионалах, которые серьёзно пострадали от утраты своих библиотек, что косвенно указывает на исключительную ценность личных библиотек. Об этом пожаре упоминает в своей «Истории» и Геродиан, сообщая, что многие за одну ночь потеряли все своё имущество и из богачей превратились в

бедняков (*Hist.* I, 14, 5). Из следующих параграфов мы узнаём, что хранилища на *Via sacra*, которые арендовал Гален, считались исключительно надёжными, потому что все постройки были каменными и не имели прилегающих зданий (§ 8–9).

Спустя несколько месяцев после пожара Гален, по его словам, испытывал большие затруднения в связи с отсутствием нужной книги, но самое ужасное в потере книг состояло в том, что их потеря была невозполнимой, поскольку в тот день полностью сгорели все библиотеки на Палатине (§ 12). О каких же библиотеках говорит Гален? Палатин, по-видимому, считался районом библиотек. Гален не даёт их точных названий, ограничиваясь лишь упоминанием о них во множественном числе, поскольку читатели, очевидно, хорошо знали, о чём идёт речь. Из других источников известно, что в конце II в. на Палатине располагался императорский дворец и семь больших публичных библиотек [9, с. 29–64]. Из свидетельств Светония (*Aug.* 29, 3) следует, что император Август построил рядом со своим дворцом храм Аполлона, пристроил к нему портик, а также греческую и латинскую библиотеки. Эта библиотека храма Аполлона, открытая в 28 г. до н. э., впоследствии, видимо, и стала знаменитой Палатинской библиотекой. Она, несомненно, могла содержать множество древних и редких книг. Из писем Фронтоня (*Epist.* 4, 5) мы узнаём, например, что император Марк Аврелий позаимствовал из неё в середине II в. две речи Катона.

Гален, в свою очередь, упоминает ещё об одной палатинской библиотеке, которая располагалась в *domus Tiberiana* (§ 18). Из свидетельств Диона Кассия (*Hist.* LXXII, 24, 35) и Авла Геллия (*Noct. Att.* 13, 20, 1) известно, что в этом доме жили в разное время императоры Антонин Пий, Марк Аврелий и Луций Вер. Кроме того, в пожаре погибла и библиотека, располагавшаяся в Храме Мира, воздвигнутом Веспасианом в честь его победы в Иудейской войне 70 г. н. э. (§ 18). В этой библиотеке, по свидетельству Галена, хранились сочинения исключительной редкости, и она была местом публичных дискуссий римских эрудитов (*De libr. pr.* K. XIX, 21, 15).

Сочинения Галена сохранили ряд важных подробностей о собраниях этих библиотек. Стоит полностью привести § 13 из трактата *De indolentia*, который содержит имена

авторов и их утраченных сочинений и представляет исключительный историко-филологический интерес: «Больше невозможно найти ни всех тех редких книг, которые хранились только в этом месте, ни среди более распространённых, но востребованных благодаря точности текста издания Каллина, Аттика, Педуцина и, конечно, Аристарха, как например, два Гомера, Платон, Панетия и многие другие [издания] такого рода, которые внутри тех самых рукописей содержали то, что относительно каждой книги написали или скопировали те мужи, которые дали название этим книгам. Ибо там размещались копии [сочинений] многих древних грамматиков, ораторов, врачей и философов».

Прежде всего, стоит обратить внимание на то, что под редкими книгами, о которых упоминает Гален, могли иметься в виду как книги редких авторов, так и редкие сочинения известных авторов [22, с. 118–147]. Далее Гален говорит о востребованных благодаря точности текста изданиях Каллина, Аттика, Педуцина и Аристарха. Скорее всего, речь идёт либо о рукописях, переписанных этими филологами, либо об их рукописных собраниях. О Каллине и Аттике упоминает Лукиан (*Adv. indoct.* 2, 24), называя их *bibliographoi*, т. е. «переписчиками книг» в узком смысле слова или «издателями» в более широком.

Что касается Аттика, то, скорее всего, имеется в виду Тит Помпоний Аттик, знаменитый друг Цицерона и издатель его текстов, который (по свидетельству Корнелия Непота) имел рукописную мастерскую на Квиринале (*Vit. Att.* XIII, 3) [3, с. 117–119; 12, с. 139], а его коллекция согласно Галену содержала большое число сочинений Платона (*In Plat. Tim.*, CMG. Suppl. I, 1934, fr. 2 Schröder). Педуцина, возможно, следует отождествлять с Секстом Педуцием, другом Цицерона и Аттика, который подобно Аттику имел свою рукописную мастерскую [23, с. 166]. Под Аристархом имеется в виду Аристарх Самофракийский (217–145 г. до н. э.), знаменитый александрийский грамматик, комментатор Гомера и глава Александрийской библиотеки. Формулировка «два Гомера» подразумевает, скорее всего, два подготовленных им комментированных издания Илиады и Одиссеи, оригиналы или авторитетные копии которых, видимо, ещё хранились в римских библиотеках II в. н. э. [12, с. 137]. И, наконец, упомянутый Панетий был философом-стоиком родом с о. Родос

(II в. до н. э.), о котором часто упоминает Диоген Лаэртский как о комментаторе Платона [23, с. 171].

Таким образом, в римских библиотеках II в. н. э. хранились и были доступны рукописи как минимум двухсотлетней давности, которые содержали экземпляры со схолиями знаменитых античных учёных и филологов. Их ценность была обусловлена тем, что они существовали в единственном экземпляре, и их невозможно было найти в частных собраниях. Судя по всему, они попали в римские библиотеки в республиканский период, когда книги стали поступать из Греции и с завоеванного Востока. Из этого отрывка также можно почерпнуть информацию о содержании библиотек, в которых по словам Галена «размещались копии многих древних грамматиков, ораторов, врачей и философов», т. е. фактически он говорит о том, что там хранились тексты авторов, которые входили в базовую школьную программу.

Следующие два параграфа (14, 15) имеют важное значение для реконструкции технической терминологии в области филологии и критики текста: «И вот, вдобавок к столь важным и многочисленным книгам я утратил в тот же день все книги, которые были переписаны <мною> после исправления на чистую основу – среди них были тексты неясные и содержащие ошибочные чтения – поскольку я решил сделать собственное издание. При этом чтения были тщательно выверены, так чтобы не было никакого избытка или недостатка ни в словах, ни в простом или двойном параграфе, ни в корониде, которой положено стоять между книгами. Что уж говорить о точке или запятой, которые, как тебе известно, в неясных книгах имеют такое значение, что обращающий на них внимание не нуждается в комментаторе? Таковы были книги Теофраста, Аристотеля, Евдема, Клитобаха и Фения, а также большинство сочинений Хрисиппа и всех древних врачей».

В этом отрывке Гален упоминает о неясных и содержащих ошибочные чтения текстах. Речь идёт, по всей видимости, о текстологических трудностях, вызванных неясностью авторской формулировки, повреждениями текста, возможными ошибками переписчика либо неверным выбором того или чтения комментаторами. По крайней мере, приблизительно такие разъяснения неясности текста Гален приводит в сво-

ём *Комментарии на трактат Гиппократов «О природе человека»* (К. XV, 46, 13 = CMG V 9, 1, р. 26, 2).

Далее Гален детально рассказывает о своей работе книжным редактором и о своих издательских планах. Он перечисляет разные диакритические знаки, которые должны были привести ясность в редактируемые тексты. Простой параграф (*paragraphē haplē*), обозначаемый на письме горизонтальным штрихом, указывал на начало или конец смыслового отрезка, параграфа или абзаца (ср. Arist., *Rhetor.* III 8, 1409a21). Двойной параграф (*paragraphē diplē*) обозначал ещё большую смысловую паузу или начало цитаты. А коронида (*korōnis*), обозначаемая изогнутой линией, указывала на конец книги [24]. Эти диакритические знаки и пунктуация выполняли в тексте экзегетическую функцию, облегчая его чтение и понимание логической артикуляции, и иногда даже могли заменить комментарий. Такая подготовка текста к изданию должна была существенно прояснить смысл текста.

В планы издания откорректированных текстов входили, по словам Галена, сочинения Теофраста, Аристотеля, Евдема, Клитобаха и Фения, а также большинство сочинений Хрисиппа и всех древних врачей. Очевидно, что Галеном была проделана огромная работа, которая заняла много времени. Этот список включает четырёх перипатетиков: Аристотеля, Теофраста, Евдема и Фения Эресского. В трактате «*О собственных книгах*» (XVII) Гален упоминает о том, что написал комментарии на логические сочинения первых трёх авторов. Фений Эресский (375–300 до н. э.) был известен как ученик Аристотеля, который составил сочинения по ботанике и логике.

Что касается Клитобаха, то, скорее всего, имеется в виду философ новой Академии II в. до н. э. Гален упоминает о том, что он написал комментарий к его сочинению «*О доказательстве*» (*De libr. pr.* XIV, 20). Хрисипп из Сол (III в. до н. э.) был, как известно, третьим схолархом стоической школы. К его сочинениям Гален также написал несколько комментариев, которые до наших дней не сохранились (*De libr. pr.* XVIII). А к древним врачам Гален обычно относит не только врачей V в., таких как Гиппократ и Еврифон, но и врачей IV в.: Диокла, Диевха, Мнесифея, Филистиона, Праксагора и Александрийцев Герофила и Эразистрата.

Кроме того, Гален приводит важную информацию о редких книгах, хранившихся в римских библиотеках (§ 16–17): «Но более всего тебя опечалит то, что я обнаружил вне и внутри палатинских библиотек некоторые книги, внесённые в так называемые каталоги, и напротив, другие, которые явно не принадлежали тому автору, чьим именем были надписаны, поскольку не имели ни схожего с ним стиля, ни образа мыслей. В частности, что касается книг Теофраста, особенно его научных сочинений – а существуют и другие книги о растениях, истолкованные в двух обширных трактатах – то они есть у всех, но я ещё обнаружил и переписал трактат, точно соответствующий [стилю] Аристотеля, который ныне утрачен. Точно таким же образом я обнаружил книги Теофраста и некоторых других древних мужей, не внесённые в каталоги, и другие книги, которые были в них внесены, но утеряны. И вот, многие из этих книг я обнаружил в библиотеках Палатина, а некоторые раздобыл иным образом» (пер. авт.).

Гален ссылается на обнаруженные в палатинских библиотеках книги, которые не были внесены в так называемые каталоги (*pinakes*) или были внесены, но считались утраченными. Под этими каталогами имеются в виду александрийские списки сочинений древних авторов, составленные Каллимахом (ср. *In Hipp. libr. de art.* I, 45, Kühn XVIII A, 379) [10, с. 63–64]. Известно, что для многих античных сочинений наличие названия в этом каталоге служило критерием их подлинности. С другой стороны, мы узнаём, что он разоблачил некоторые подложные сочинения, хранившиеся в библиотеках, которые он распознал по авторскому стилю и иному образу мысли.

В следующем параграфе (18) Гален описывает распространение пожара и плачевное состояние библиотеки *domus Tiberiana*, которое наблюдалось ещё во время его первого пребывания в Риме. Он открыто критикует библиотекарей, которые должны были следить за состоянием книг, однако допускали их расхищение и не следили должным образом за их сохранностью, так что многие из них «оказались на грани уничтожения». Таким образом, Гален представляет себя как учёного, который уже с первых лет пребывания в Риме посвятил себя сохранению и восстановлению книжного наследия Рима. Из биографических замечаний Галена известно, что он был родом из

Пергама и некоторое время провёл в Александрии, т. е. был хорошо знаком с двумя крупнейшими античными библиотеками – Пергамской и Александрийской.

Далее он с горечью замечает, что в результате пожара и последовавшей летней жары составленные им с большим трудом каталоги оказались «совершенно непригодны для использования, поскольку невозможно даже развернуть их из-за того, что листы папируса склеились от гниения, ибо это место крайне болотистое и низменное, а летом душное» (§ 19). Очевидно, Гален имеет в виду состояние копий тех сочинений, которые он сделал в библиотеках и хранил в своём хранилище на Священной дороге. Некоторые папирусные свитки могли не полностью обуглиться, но впоследствии погибли от влажности и жары римского лета 192 г.

Следующие параграфы (20–30) посвящены описанию собственных книг, которые погибли в пожаре и не имели копий. В частности, большой утратой Гален считает потерю собственных работ по лексикологии аттических слов, полезных для грамматиков, ораторов и врачей, многочисленных комментариев на книги предшествующих врачей и философов, одни из которых предназначались для собственного использования в качестве заметок на память, а другие могли быть полезны другим, а также обзоров (*synopseis*), содержащих основные положения многих медицинских и философских книг. В сочинении «О собственных книгах» (12, 16) Гален упоминает некоторые свои сочинения, написанные в жанре такого обзора, например, синопсис сочинений врача эмпирической школы Гераклида или синопсис диалогов Платона.

Одной из самых невосполнимых утрат стала гибель редких рецептурных сборников, которые Гален собирал на протяжении многих лет. Ценность своей коллекции Гален описывает следующим образом: «Я был убеждён [в необходимости] обладать прописями лекарств – более уникальными, чем прописи всякого другого человека во всей вселенной, населяемой римлянами» (§ 31). Два пергамена с собранием рецептов Гален получил в качестве подарка от наследника одного своего соотечественника из Пергама, который потратил многие годы на приобретение и собирание своей коллекции. Другое собрание рецептов он унаследовал от своего друга и коллеги Тевтра, который хранил

рецепты врача Эвмена, одного из самых страстных и богатых коллекционеров рецептов. Упоминание об этих пергаментных кодексах, которые состояли из согнутых пополам листов (*diphtheras ptyktas*), крайне важно для истории книги, поскольку представляет собой одно из самых ранних свидетельств о существовании кодексов [10, с. 104–105; 25]. Кроме того, погибли и собственные сочинения Галена по фармакологии под названием «*О составлении лекарств*», в которых он описывал свои знаменитые рецепты лекарств.

Заключение. Результаты исследования показали, что свидетельства библиографических сочинений Галена существенно дополняют историко-филологические данные о состоянии римских библиотек и книжного дела в Риме II–III вв. н. э. и проясняют место в ней Галена. Несмотря на медицинский дискурс большинства своих сочинений, Гален был одним из выдающихся эрудитов своего времени, который интересовался широким кругом научных проблем и был тесно связан с изучением, редактурой и комментированием философских и медицинских текстов прошлого, что указывает на его принадлежность культуре «Второй софистики».

Познакомившись ещё в юности с крупнейшими библиотеками тогдашней римской

ойкумены и их коллекциями, он мог «по авторскому стилю и образу мыслей» отличить подлинную книгу от подложной и, по всей видимости, сделал очень многое для сохранения фондов римских библиотек, которые погибли в пожаре 192 г. Несмотря на, казалось бы, невозможные потери собственных сочинений Галена в этом пожаре, многие его работы уже были широко известны, переданы друзьям и хранились в частных рукописных собраниях, благодаря чему сохранились. Другая часть его трудов, например, сочинения по фармакологии, была позже восстановлена и написана заново. В заключение стоит привести ещё одну цитату из сочинения «*О том, что не стоит печалиться*» (§ 78), прекрасно иллюстрирующую мир ценностей римского интеллектуала II–III вв. н. э.: «Я презираю <...> боль до такой степени, чтобы сохранять способность беседовать с другом и во время чтения мне книги следить за её содержанием». На склоне лет Гален, утратив практически всё своё имущество и лишившись здоровья, находил утешение в дружбе и чтении. Результаты исследования могут быть полезны филологам, историкам науки и медицины, культурологам, изучающим вопросы античного интеллектуального наследия.

Список литературы

1. Birt Th. Das Antike Buchwesen in seinem Verhältniss zur Literatur. Berlin: Verlag von Wilhelm Hertz, 1882 (repr. 1959). 518 s.
2. Blanck H. Das Buch in der Antike. München: Beck, 1992. 246 s.
3. Dorandi T. Le stylet et la tablette. Dans le secret des auteurs antiques. Paris: Les Belles Lettres, 2000. 218 p.
4. Dorandi T. Nell'officina dei classici. Come lavoravano gli autori antichi. Roma: Carocci, 2007. 179 p.
5. Del Corso L. La lettura del mondo ellenistico. Roma-Bari: Laterza, 2005. 149 p.
6. Houston G. W. Galen, his books and the Horrea piperataria at Rome // *Memoirs of the American Academy in Rome*. 2003. Vol. 48. P. 45–51.
7. Galen and the world of knowledge / eds. Ch. Gill, T. Withmarsh, J. Wilkins. Cambridge: CUP, 2009. 327 p.
8. Nutton V. Galen's Library // *Galen and the world of knowledge* / eds. Ch. Gill, T. Withmarsh, J. Wilkins. Cambridge: CUP, 2009. P. 19–34.
9. Fedeli P. Biblioteche private e pubbliche a Roma e nel mondo romano // *Le biblioteche nel mondo antico e medievale* / A cura di G. Cavallo. Bari: Laterza, 2004. P. 29–64.
10. Galien. Ne pas se chagriner / eds. V. Boudon-Millot, J. Jouanna, A. Pietrobelli. Paris: Les Belles Lettres, 2010. 210 p.
11. Boudon-Millot V. The library of a Greek scholar in the Roman Empire: new testimony from the recently discovered Galen's treatise *Peri alupias* // *Acta classica*. 2007. No. 50. P. 7–18.
12. Roselli A. Libri e biblioteche a Roma al tempo di Galeno: la testimonianza del *De indolentia* // *Galenos*. 2010. No. 4. P. 127–148.
13. Studi sul *De indolentia* di Galeno / ed. D. Manetti. Pisa; Roma: Fabrizio Serra Editore, 2012. 118 p.
14. Galen's *De indolentia* / eds. C. K. Rothschild, T. W. Thompson. Tübingen: Mohr Siebeck, 2014. 336 s.
15. Petit C. Galen's Treatise *Peri alupias* (*De indolentia*) in Context. Leiden: Brill, 2019. 320 p.
16. Galen. On avoiding Distress. On my Own Opinions / eds. I. Polemis, S. Xenophontos. Berlin: De Gruyter, 2023. 168 p.

17. Пролягина И. В. Гален. De libris propriis. О собственных книгах // Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. 2017. Т. 11, № 2. С. 636–677.
18. Пролягина И. В. Гален. О порядке собственных книг // Историко-философский ежегодник 2016. М.: Аквилон, 2016. С. 50–68.
19. Пролягина И. В. Гален. О том, что не стоит печалиться // Философский журнал. 2018. Т. 11, № 4. С. 180–186.
20. Tucci P. L. Galen's Storeroom, Rome's Libraries, and the Fire of a. d. 192 // Journal of Roman Archaeology. 2008. Vol. 21. P. 133–149.
21. Tucci P. L. Flavian libraries in the city of Rome // Ancient libraries / eds. J. König, K. Oikonomopoulou, G. Wolf. Cambridge; New York: CUP, 2013. P. 277–311.
22. Stramaglia A. Libri perduti per sempre: Galeno, De indolentia 13; 16; 17–19 // Rivista di filologia e di istruzione classica. 2011. Vol. 139. Fasc. 1. P. 118–147.
23. Dorandi T. 'Editori' antichi di Platone // Antiquorum Philosophia. 2010. No. 4. P. 161–174.
24. Geymonat M. Grafia e interpunzione nell'antichità greca e latina, nella cultura bizantina e nella latinità medieval // Storia della punteggiatura in Europa / ed. B. Mortara Garavelli. Roma-Bari: Laterza, 2008. P. 25–62.
25. Warkentin G. Galen's De indolentia and the Fire of 192 CE: Through the Eyes of Book History // Book History. 2022. Vol. 25, no. 1. P. 1–30.

Информация об авторе

Пролягина Ирина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, Российский университет медицины; 127006, Россия, г. Москва, ул. Долгоруковская, 4; prolygina99@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7492-9750>.

Для цитирования

Пролягина И. В. Библиографические сочинения Галена как источник по истории римской книжной культуры // Гуманитарный вектор. 2024. Т. 19, № 4. С. 60–68. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-60-68.

Статья поступила в редакцию 15.09.2024; одобрена после рецензирования 25.10.2024; принята к публикации 27.10.2024.

References

1. Birt, Th. Das Antike Buchwesn in seinem Verhältniss zur Literatur. Berlin, 1882 (repr. 1959). (In German)
2. Blanck, H. Das Buch in der Antike. München, 1992. (In German)
3. Dorandi, T. Le stylet et la tablette. Dans le secret des auteurs antiques. Paris, 2000. (In French)
4. Dorandi, T. Nell'officina dei classici. Come lavoravano gli autori antichi. Roma, 2007. (In Italian)
5. Del Corso, L. La lettura del mondo ellenistico. Roma-Bari, 2005. (In Italian)
6. Houston, G. W. Galen, his books and the Horrea piperataria at Rome. Memoirs of the American Academy in Rome, no. 48, pp. 45–51, 2003. (In Eng.)
7. Galen and the world of knowledge. Ch. Gill, T. Withmarsh, J. Wilkins. Cambridge, 2009. (In Eng.)
8. Nutton, V. Galen's Library. Galen and the world of knowledge. Ch. Gill, T. Withmarsh, J. Wilkins Cambridge, 2009: 19–34. (In Eng.)
9. Fedeli, P. Biblioteche private e pubbliche a Roma e nel mondo romano. Le biblioteche nel mondo antico e medieval. A cura di G. Cavallo. Roma, 2004: 29–64. (In Italian)
10. Galien. Ne pas se chagriner. V. Boudon-Millot, J. Jouanna, A. Pietrobelli. Paris: Les belles lettres, 2010. (In French)
11. Boudon-Millot, V. The library of a Greek scholar in the Roman Empire: new testimony from the recently discovered Galen's treatise Peri alupias. Acta classica, no. 50, pp. 7–18, 2007. (In Eng.)
12. Roselli, A. Libri e biblioteche a Roma al tempo di Galeno: la testimonianza del De indolentia. Galenos, no. 4, pp. 127–148, 2010. (In Italian)
13. Studi sul De indolentia di Galeno. D. Manetti. Pisa; Roma, 2012. (In Italian)
14. Galen's De indolentia. Eds. C. K Rothschild, T. W. Thompson. Tübingen, 2014. (In Eng.)
15. Petit, C. Galen's Treatise Peri alupias (De indolentia) in Context. Leiden: Brill, 2019. (In Italian)
16. Galen. On avoiding Distress. On my Own Opinions. Eds. I. Polemis, S. Xenophontos. Berlin, 2023. (In Eng.)
17. Prolygina, I. V. Galen. De libris propriis. On one's own books. Scholē. Philosophical Classical Studies and the Classical Tradition, no. 2, pp. 636–677, 2017. (In Rus.)
18. Prolygina, I. V. Galen. On the order of one's own books. Historical and Philosophical Yearbook 2016. M.: Akvilon, 2016: 50–68. (In Rus.)
19. Prolygina, I. V. Galen. On the fact that one should not be sad. Philosophical Journal, no. 4, pp. 180–186, 2018. (In Rus.)

20. Tucci, P. L. Galen's Storeroom, Rome's Libraries, and the Fire of a. d. 192. *Journal of Roman Archaeology*, vol. 21, pp. 133–149, 2008. (In Eng.)
21. Tucci, P. L. Flavian libraries in the city of Rome. J. König, K. Oikonomopoulou, G. Wolf (eds.) *Ancient libraries*. Cambridge; New York: Cambridge UP, 2013: 277–311. (In Eng.)
22. Stramaglia, A. Libri perduti per sempre: Galeno, De indolentia 13; 16; 17–19. *Journal of philology and classical education*, vol. 139, fasc. 1, pp. 118–147, 2011. (In Italian)
23. Dorandi, T. 'Editori' antichi di Platone. *Antiquorum Philosophia*, no. 4, pp. 161–174, 2010. (In Latin)
24. Geymonat, M. Grafia e interpunzione nell'antichità greca e latina, nella cultura bizantina e nella latinità medieval. *Storia della punteggiatura in Europa*. Roma-Bari: Laterza, 2008: 25–62. (In Italian)
25. Warkentin, G. Galen's De indolentia and the Fire of 192 CE: Through the Eyes of Book History. *Book History*, no. 1, pp. 1–30, 2022. (In Eng.)

Information about the author

Prolygina Irina V., Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Latin and Fundamentals of Terminology, Russian University of Medicine; 4 Dolgorukovskaya st., Moscow, Russia, 127006; prolygina99@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7492-9750>.

For citation

Prolygina I. V. Biobibliographical Works of Galen as a Source for the History of Roman Book Culture // *Humanitarian Vector*. 2024. Vol. 19, no. 4. P. 60–68. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-60-68.

**Received: September 15, 2024; approved after reviewing October 25, 2024;
accepted for publication October 27, 2024.**

Научная статья

УДК 355.013

DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-69-79

**Информационно-ментальный и социально-эволюционный
контексты динамики войны и мира****Николай Сергеевич Розов***Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск, Россия*
nrozov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2362-541X>

Первые десятилетия XXI в. отмечены процессами турбулентности, множественными напряжениями и драматическими событиями. В этом контексте особенно значимую роль обретают вопросы геополитики, войны и мира. Цель статьи – на основе синтеза и уточнения фундаментальных концептов и принципов социальной антропологии, психологии, социологии, политических наук представить целостную динамическую модель факторов возникновения, эскалации и прекращения войн, их макросоциальных последствий. С учётом этих положений дать теоретические ответы на фундаментальные вопросы о причинах войны. Исследование опирается на следующие методы: анализ и синтез, концептуальная проработка базовых понятий из разных сфер социального и гуманитарного знания, формулирование и обоснование фундаментальных принципов динамики войны и мира, теоретическое осмысление разнородных эмпирических обобщений. Войны всегда связаны с заботами и социальными универсалиями: насилие/безопасность, власть-могущество, ресурсы-богатство и престиж-легитимность. При этом войны тройственным образом связаны с информацией, когнитивными процессами, а в современном мире – с новыми медиа и технологиями пропаганды. Властные решения о применении военной силы, ведущие к войнам, принимаются на основе «быстрого» или «медленного» мышления по Канеману. Сам ход войны, кроме «материальной» составляющей мобилизации, взаимных разрушений, всегда включает борьбу воли – попытки каждой стороны навязать противнику ритуальный сценарий неминуемости его поражения. Итоги войны всегда являются предметом борьбы их интерпретаций и нарративов со стороны сильнейших послевоенных политико-идеологических сил. С учётом этих положений представлена специфическая роль войны в коэволюции социальных, ментальных и техноприродных порядков. Построенный концептуальный аппарат, сформулированные принципы и идеи целостной динамической модели возникновения, протекания и завершения войн предназначены для более глубоких теоретических и эмпирических исследований в этой важной и актуальной предметной области. Кроме того, они должны способствовать анализу, проектированию и реализации таких объективных и субъективных условий, которые пусть не обеспечат пресловутый «вечный мир», но сведут к минимуму факторы возникновения новых войн.

Ключевые слова: безопасность, информационные аспекты войны, военная пропаганда, социальная эволюция, социальные порядки, факторы возникновения войн

Original article

Information-Mental and Socio-Evolutionary Contexts of the Dynamics of War and Peace**Nikolai S. Rozov***Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia*
nrozov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2362-541X>

The first decades of the XXI century are marked by processes of turbulence, multiple tensions and dramatic events. In this context, the issues of geopolitics, war and peace play a particularly significant role. On the basis of synthesis and clarification of fundamental concepts and principles of social anthropology, psychology, sociology, political sciences, we present a holistic dynamic model of factors of emergence, escalation and termination of wars, and their macro-social consequences. Taking into account these provisions, we provide theoretical answers to fundamental questions about the causes of war. The study is based on the following methods: analysis and synthesis, conceptual study of basic concepts from different spheres of social and humanitarian knowledge, formulation and substantiation of fundamental principles of war and peace dynamics, theoretical comprehension of heterogeneous empirical generalizations. Wars are always related to concerns and social universals: violence/security, power-power, resources-wealth, and prestige-legitimacy. At the same time, wars are triply related to information, cognitive processes, and, in the modern world, new media and propaganda technologies. Powerful

decisions on the use of military force, leading to wars, are made on the basis of “fast” or “slow” thinking according to Kahneman. The course of war itself, apart from the “material” component of mobilization and mutual destruction, always includes a struggle of wills – attempts by each side to impose a ritual scenario of the inevitability of its defeat on the enemy. The outcome of the war is always the subject of a struggle of interpretations and narratives on the part of the strongest post-war political-ideological forces. The specific role of war in the co-evolution of social, mental and techno-natural orders is presented with these provisions in mind. The constructed conceptual apparatus, formulated principles and ideas of the holistic dynamic model of the emergence, course and termination of wars are intended for deeper theoretical and empirical research in this important and relevant subject area. In addition, they should contribute to the analysis, design and implementation of such objective and subjective conditions that will not ensure the proverbial “eternal peace”, but will minimize the factors of new wars.

Keywords: security, information aspects of war, military propaganda, social evolution, social orders, factors of wars

Введение. Начало нового века и тысячелетия, на которые возлагалось много надежд, связанных с глобализацией и всеобщим мирным прогрессом, обернулось процессами турбулентности, множественными напряжениями, драматическими событиями, обострением конфликтов, углублением прежних линий отчуждения и возникновением новых очагов конфронтации. В этом контексте особенно значимую роль обретают вопросы геополитики, войны и мира. Обилие и разнообразие концепций, подходов в мировой науке не столько проясняет, сколько затрудняет ясный взгляд на происходящее и дальнейшие перспективы. Необходима работа по философскому и теоретическому обобщению наиболее конструктивных моделей и достигнутых результатов исследований.

Методология и методы исследования. Задача статьи состоит в том, чтобы представить целостную динамическую модель факторов возникновения, эскалации и прекращения войн, их макросоциальных последствий на основе синтеза и уточнения фундаментальных концептов и принципов социальной антропологии, психологии, социологии, политических наук. С учётом этих положений попробуем дать теоретические ответы на фундаментальные вопросы о причинах войны. Теоретическая методология включает анализ и синтез, концептуальную проработку базовых понятий из разных сфер социального и гуманитарного знания, формулирование и обоснование фундаментальных принципов динамики войны и мира, теоретическое осмысление разнородных эмпирических обобщений.

Результаты исследования и их обсуждение. *Войны как особые ответы на вызовы.* Чреватый войной конфликт имеет место тогда, когда возникают, становятся известны намерения или действия хотя бы одной стороны, которые воспринимаются

другой стороной как причинение ущерба для её забот, как препятствие для осуществления своих забот развития или расширения (собственных *вызовов-возможностей*), причём среди доступных вариантов ответов есть организованное вооружённое насилие, а мирные варианты по каким-то причинам невыгодны, нежелательны или вовсе неприемлемы.

Таковым провоцирующим действием могут быть прямые попытки захватить землю, людей или ресурсы, прогнать с земли или подчинить, появление с оружием и даже без оружия на территории, которую другая сторона считает своей, тем более начало какой-то деятельности, особенно строительства, на этой земле. Оскорбления извне, наносящие ущерб достоинству, либо высказывания внешних агентов, порочащие местные святыни, вполне могут стать спусковым крючком для начала военных действий

Поскольку *предмет заботы* представляется в форме переменного параметра – шкалы с зонами приемлемых значений, то *вызов-угроза* является воздействием, которое выводит или способно вывести эти значения за пределы этой зоны. Иначе говоря, *вызов-угроза* – это такое проявление *напряжения*, которое наносит ущерб или воспринимается как вероятное нанесение ущерба для *предмета* той или иной *заботы*, т. е. выведение значений *гомеостатической переменной за пределы приемлемости*.

Допустим, в состав забот некоего сообщества входят контроль над территорией (исключительный доступ к ней), безопасность самих членов сообщества, сохранность их ресурсов (запасов, жилищ, инфраструктуры, производств) и доступ к ним, защищённость своих святынь (например, религиозных) от каких-либо оскорблений.

Ответ на вызов-угрозу обычно состоит в действиях, направленных на устранение угрозы. Тогда реальный, ожидаемый или ка-

жушийся нанесённый извне ущерб для любого из этих предметов забот вполне может вызвать такой ответ – агрессивные вооружённые действия, направленные на реальные или предполагаемые источники угрозы, что способно стать началом войны.

Кроме того, на той же шкале обычно располагается другая зона – желаемых, привлекательных для актора значений (больше могущества, больше ресурсов, больше престижа и т. п. [1]). Соответственно, *вызов-возможность* (или *вызов-соблазн*) определяется как новые или ставшие известными актору обстоятельства, открывающие ему привлекательные перспективы, что позволяет ставить конкретные практические цели для достижения новых привлекательных значений в шкале своего значимого предмета заботы.

Наиболее перспективным представляется использование на разных уровнях анализа принципов позитивного и негативного подкрепления Торндайка – Скиннера в отношении ответов на вызовы [2]. Отметим, что эти принципы работают в широком спектре: от индивидуального до международного масштабов, от ситуативных реакций до учёта длительного исторического опыта. Типы подкрепления соответствуют успехам и провалам. В обсуждаемой конструкции успехи и провалы относятся к *заботам* как долговременным и деятельно обеспечиваемым интересам, которые всегда связаны с веберовскими универсалиями: могущество/безопасность, власть-доминирование, престиж-достоинство-легитимность, богатство-ресурсы-доступ к ресурсам, причём приоритетность соответствующих забот меняется как в долгой социальной эволюции, так и в краткосрочной динамике взаимодействий.

Вообще говоря, *изменчивая приоритетность забот* вполне может претендовать на роль общей основы многих объяснительных принципов. Диагностировать эту приоритетность можно через сравнительный анализ вкладов (инвестирования) субъектами ресурсов, сил, времени на обеспечение каждой заботы. Значимость разных забот также может быть реконструирована через выявление их признаков в главных поступках и решениях субъекта, в красноречивых умолчаниях, в непроизвольном выражении эмоций государственными лидерами, политическими деятелями, когда они стал-

квиваются с ущемлением забот или новых возможностей для их обеспечения. Воспринимаемая и выражаемая вовне опасность рисков, готовность на трату ресурсов и на новые риски прямо пропорциональны уровню приоритетности угрожаемой заботы.

Спиральная динамика возникает, когда *усиление агрессивности ответа каждой стороны отвечает её заботе, ставшей ситуативно приоритетной*: не остаться униженным, не показаться сдавшимся и слабым, не остаться беззащитным перед преимуществом первого удара. При достижении определённого предела агрессивности, когда растут унижительность для противника, опасность используемого оружия, масштаб разрушений и количество жертв от первых ударов, вступление в большую войну становится вероятной перспективой. В таких обстоятельствах актуализируется забота сохранения и усиления государства (населения, территории, экономики, статуса среди других государств).

Информационные и медийные аспекты войн. Во-первых, властные решения о применении военной силы, ведущие к войнам, принимаются на основе «быстрого» или «медленного» мышления по Канеману, причём вызовы-угрозы и вызовы-возможности, ведущие к таким решениям, имеют информационную природу, воспринимаемую правителями и элитами через призму их ментальных установок. Пользуясь *медленным мышлением* по Д. Канеману, терминальные акторы принимают в расчёт опыт прежних войн, известное им соотношение сил, ожидания масштаба и темпа поддержки со стороны союзников для обеих сторон, вероятные издержки в главных аспектах и т. п. [3]. Такие расчёты вполне могут предостеречь акторов от дальнейшей эскалации действий, чтобы обоим противникам не свалиться в большую войну с огромными жертвами и чрезмерными рисками. Вероятность войны резко снижается, когда под влиянием тревожных расчётов противникам удаётся наладить коммуникацию, обсудить способы преодоления роста напряжения и рисков.

Однако даже при режиме *медленного мышления* могут совпасть многие факторы, повышающие вероятность войны: долговременная вражда, исключая установка доверия, опыт недавних военных побед, искажение восприятия с иллюзиями близкой лёгкой победы, возможности атаковать «чу-

жими руками», страх стать жертвой первого удара, ведущий к решению о превентивном нападении, ставшее неприемлемым выполнение невыгодных обязательств.

Спиральная динамика с большей вероятностью ведёт к войне, когда на обеих сторонах преобладает *быстрое мышление* по Канеману, особенно если агрессивное действие становится ответом на вызов-возможность избежания большого ущерба для актуально приоритетной заботы.

Во-вторых, сам ход войны, кроме «материальной» составляющей мобилизации, взаимных разрушений, всегда включает борьбу воле – попытки каждой стороны навязать противнику ритуальный сценарий неминуемости его поражения. Хорошо известно огромное значение для хода войны «боевого духа» и «чувства моральной правоты». Именно на ментальные установки военных и гражданского населения каждой стороны направлена ожесточённая пропагандистская борьба.

Обычно речь идёт о боевом духе рядовых и младших офицеров, однако ментальное состояние, волевые черты, способности военачальников и политического руководства имеют не меньшее значение. Ход войны во многом зависит от успеха манёвров и контрманёвров, а творческие способности военачальников определяются не только полученной ранее квалификацией, но и тем самым «духом» и энергией, питаемой чувством моральной правоты.

Материальные военные ресурсы (качество и количество вооружений, боеприпасов) каждой стороны при затяжной войне, в свою очередь, зависят от способности политического руководства наладить военное производство и/или получать эти ресурсы от союзников и партнёров. Эффективность этой деятельности, убедительность администрирования и дипломатии опять же во многом определяются ментальными установками лидеров, а они зависят от информационного и медийного потока. Именно этим объясняется ожесточённость и затратность попыток каждой стороны убедить мировое сообщество в своей правоте, мощи, закономерных победах над злонамеренным и внутренне слабым противником.

Кроме «тумана войны», неизбежных искажений информации, прямых обманов, сами события на фронте представляют собой информационный обмен, когда итоги

каждого крупного наступления или контрнаступления, значительные поражения и победы, которые уже нельзя скрыть, проясняют реальную, не прокламируемую расстановку сил.

В-третьих, итоги войны всегда являются предметом борьбы их интерпретаций и нарративов со стороны сильнейших послевоенных политико-идеологических сил как на стороне проигравших (поиски виновников, предателей), так и на стороне победителей (прославление своих лидеров, религиозных святынь, идеологических ценностей как главных факторов победы).

Предварительные ответы на фундаментальные вопросы. Д. Леви и У. Томпсон разделяют вопрос о причинах войны на три разных, но пересекающихся вопроса:

«(1) что вызывает постоянное повторение войн?

(2) что вызывает вариации войны и мира или при каких условиях возникает война?

(3) что вызывает конкретные войны?» [4, с. 217].

Разумеется, на первые два вопроса можно ответить только на уровне весьма высокой абстракции и обобщения. Вряд ли попытка может быть полностью успешной и исчерпывающей, но она должна быть сделана.

Войны до сих пор постоянно возобновляются вследствие совместного действия следующих обстоятельств:

– в отношениях между политиями (теперь преимущественно государствами) и внутри них всегда возникают, с тем или иным успехом обеспечиваются *заботы укрепления власти, легитимности правителей и режимов, властных элит;*

– эти заботы обычно тесно связаны с *символами исторической памяти* в массовых мировоззрениях населения этих государств (идентичностями, святынями), а также со *статусом государства* среди других государств, с *позициями деловых и общественных структур на внешних экономических и культурных рынках;*

– вследствие неравномерного развития обществ всегда есть объективный и/или субъективный *дисбаланс сил*, приводящий к таким *вызовам-возможностям* одних акторов, риторика или действия которых становятся *вызовами-угрозами* для вышеуказанных *забот* других акторов;

– вызовы-угрозы для легитимности правителей и элит, для крепости режимов

также возникают вследствие *напряжений во внутренней социально-политической динамике*, где свои акторы (актуальные или потенциальные контрэлиты) получают *вызовы-возможности для перехвата власти*;

– среди известного и доступного *арсенала ответов* на внешние и/или внутренние вызовы терминальных акторов государств (обычно в лице правителей, формально и неформально институционализированных элит) есть *вооружённые акции* со стремлением получить или возвратить доступ к новым ресурсам или контроль над ними, а также разные формы *давления, силового воздействия* на соседей, конкурентов, что становится *вызовами-угрозами* для них;

– такие опции ответов наиболее привычны и легко актуализируемы в *диадных отношениях вражды* из-за прошлой истории конфликтов и войн, спорных территорий, соперничества в экономике, *взаимного неприятия* в сферах религии, идеологии и морали;

– военно-политические союзы, доминирующие коалиции сами становятся *факторами вызовов-соблазнов для их членов*, что провоцирует их на военные действия;

– в настоящее время оборонительные союзы, принятые правила сохранения мира, недопущения агрессии не являются достаточно распространёнными и *обеспеченными силой*, т.е. риски, угрозы противодействия инициаторам вооружённых конфликтов *слишком слабые*;

– вследствие указанных причин терминальные акторы способны отвечать на неприемлемые для них вызовы-угрозы, на привлекательные вызовы-возможности провокациями, концентрацией сил у чужих границ, мобилизацией, наконец, вооружёнными атаками, вторжением, что при спорадическом схождении объективных и субъективных условий ведёт к новой полномасштабной войне.

Условия, повышающие вероятность войн. Стефан Ван Эвера в своей книге подтвердил множеством примеров следующие тезисы (с которыми вряд ли следует спорить): «Государства воюют тогда, когда считают, что одержат верх, когда они полагают, что преимущество будет на стороне напавшего первым, когда считают, что их относительная мощь снижается [вызов-угроза от усиления державы-претендента – Н. Р.], когда предполагают высокую кумулятив-

ность ресурсов [т.е. захват одного ресурса даёт доступ ко многим другим – Н. Р.] и, самое главное, когда считают, что завоевание будет лёгким. В совокупности эти представления объясняют значительную часть современных войн. При их полном отсутствии война возникает редко» [5, с. 255].

Добавим к этим положениям следующие обобщения из рассмотренных концепций. *Вероятность войны тем выше:*

– чем больше диадных отношений отчуждения и чем больше между ними враждебности;

– чем в большей степени предметы споров обретают не экономический, делимый, а символический, ценностный характер, обуславливающий для противников их достоинство, статус, престиж, уровни легитимности, причастности к святыням;

– чем больше объективных дисбалансов сил между соседями и между соперниками за контроль над спорными территориями;

– чем меньше у противников доступ к информации о силах сторон, а значит больше вероятность субъективного дисбаланса (особенно преувеличения собственной военной мощи);

– чем сильнее связь между легитимностью правителей и возвратом прежних, захватом новых ресурсов (особенно контроля над символически значимыми территориями);

– чем слабее оборонительные союзы, чем в меньшей степени они способны контролировать своих членов, препятствовать их инициативным военным действиям;

– чем менее ясны и строги международные правила и соглашения, направленные на сохранение мира, чем меньше готовность их поддерживать со стороны сильнейших держав.

Конкретные войны возникают вследствие наступления хотя бы одного из следующих комплексов условий:

– сочетание высоких значений некоторых вышеупомянутых факторов для одной из сторон, ведущее к принятию терминальным актором решения начать войну при достаточных административных и силовых ресурсах для его реализации, при отказе сдаться другой стороны (преднамеренные войны);

– сочетание высоких значений некоторых вышеуказанных факторов, приводящее к пошаговой эскалации взаимных вызовов-угроз (непреднамеренные войны).

Какие именно сочетания наиболее опасны – предмет эмпирических исследований, однако некоторые теоретические обобщения уже можно сделать.

Контекст социальных порядков и ментальных забот. Разумеется, наиболее значимые процессы и явления, связанные с войной, включают весь набор аспектов: социальных, ментальных и материальных (техноприродных). Поэтому обсуждение аспектов по отдельности имеет неизбежно условный характер. Скорее, речь будет идти о главенствующей роли процессов каждого из этих аспектов и порядков.

Все *социальные порядки* включают процессы активности обеспечивающих структур в форме *отношений, организаций и институтов*. Учтём здесь только базовые социальные заботы, связанные с социальными универсалиями Вебера – Манна: власть-влиятельность, насилие/безопасность, богатство-благополучие, престиж-достоинство-статус [1]. В общем плане любые изменения в них чреваты дисбалансами.

«Война более вероятна, когда относительная мощь государств резко колеблется, т. е. когда «окна возможностей» и уязвимости велики» [5, с. 4].

Структуры, созданные в разных обществах для обеспечения этих забот, могут быть слишком слабыми, недостаточными. Тогда воинственная риторика, провокации, захват чужих ресурсов, вторжение *могут быть использованы в качестве компенсации*: для восстановления престижа правителя и режима, для укрепления власти внутри и влияния вовне.

В других случаях мощные структуры, обеспечивающие мирные заботы, открывают пути для конвертации накапливаемых ресурсов в военную силу: богатство – для закупки вооружений, технологический потенциал – для их производства, власть – для мобилизации и увеличения армии, международный престиж и влиятельность – для создания военных союзов.

Наличие среди слабых соседей давних соперников, тем более врагов, неизбежно приводит к новым вызовам-возможностям для терминального актора, если он не отягощён миролюбием и уважением к международному праву: повысить могущество державы и свой престиж «маленькой победоносной войной».

Действительно, если война входит в арсенал ответов актора на вызовы-угрозы и вызовы-возможности, то при отсутствии достаточных внутренних запретов (моральных, правовых, политических) и внешних запретов (со стороны влиятельного союзника или сильнейшей коалиции) объяснять следует уже не развязывание войны, а то, *почему в таких обстоятельствах она не была развязана*.

Чем крупнее организация с функциями насилия, тем длиннее иерархическая цепочка командования, тем слабее чувства эмпатии, солидарности между представителями разных уровней, тем легче руководству принимать решения, предполагающие большие жертвы среди подчинённых (ср. с «железным законом олигархии»).

Затруднительно рассуждать отдельно о *техноприродных факторах войн*, поскольку их действие всегда опосредовано социальными отношениями и ментальностью участвующих индивидов и групп. Всё же отметим, что демография, плотность населения, половозрастной состав, особенно доля молодых мужчин, распределение их в географическом пространстве – это характеристики не только живых людей как социальных личностей и индивидов с ментальностью, но и их вполне материальных тел с физиологией, потребностями и гормональным статусом. При добавлении сюда оружия и боеприпасов, фортификаций, дорог, средств транспорта и связи, естественных и искусственных преград, природных ландшафтов с климатом и погодой, получаем *материальные обстоятельства* военной сферы. Стороны конфликта лучше или хуже их учитывают, но данные условия биотехносферы в любом случае влияют на ход событий, даже когда их вовсе не принимают во внимание правители и военные.

Говоря об «арсенале ответов», «учитывании», «внимании», мы уже перешли к *ментальным порядкам*. Войны начинаются, когда терминальный актор *принимает решение о начале организованных военных действий*, а соответствующие вооружённые группы этому решению подчиняются. Все такие решения принимаются только в сложившихся *социальных обстоятельствах* (см. выше), которые, однако, всегда понимаются через *наличные познавательные средства*: мифологические и религиозные символы, коды, понятия, схемы, фреймы,

нарративы. Именно в этих схемах с внутренней связкой «вызов—ответ» заключается *когнитивный аспект причины любой войны*: на такие угрозы отвечать такими-то военными действиями, такие-то привлекательные цели реализовывать такой-то формой вооружённого насилия.

Нет сомнений, что наряду с когнитивными средствами в принятии решений о начале действий, чреватых войной, всегда участвуют *нормативные и ценностные установки* как субъективные ипостаси базовых забот (о власти, безопасности, богатстве, престиже) или производных от них забот.

Такие решения всегда имеют не только практический, управленческий аспект (что, когда, где, кому и как придётся делать), но и эмоциональный, а значит ритуальный. Если исключить редкие случаи предельного легкомыслия, когда риски последствий вообще не принимаются во внимание, то следует признать присутствие взвешивания, споров, сильных эмоций (аффектов), связанных с символами как значимой ритуальной части в процессах принятия такого рода решений. На стороне начала военных действий и на стороне отказа от них всегда присутствуют базовые заботы и соответствующие установки, которые сформировались в цепочках прошлых ритуальных обсуждений военных событий [6].

Динамика и прекращение войн: общие принципы. Начавшаяся война, если не привела к быстрой победе, то усиливает решимость сторон продолжать воевать («война сама себя питает»). Месть за убитых товарищей на нижних уровнях военной организации, вызов профессиональному самоутверждению для офицеров и генералов, страх утратить легитимность для политического руководства – всё это мотивирует стороны расширять военные действия, привлекать новые ресурсы, создавать коалиции. Таков широко известный «капкан войны» – войну гораздо легче начать, чем завершить.

Чем дольше длится война и чем она более разрушительная, тем сильнее становятся заботы безопасности среди участников и наблюдателей; соответствующее повышение *спроса на порядок* ведёт к росту *предложения порядка* [7] – усилению прежних и/или созданию новых средств и организаций насилия как *обеспечивающих структур военных забот*.

При примерном равенстве сил проигрывает войну та сторона, чья организационная структура быстрее распадается [8]. Как правило, на проигрывающей стороне складывается мегатенденция «Колодец» – контуры положительной обратной связи между трендами разрушения логистики и координации действий, роста масштаба потерь, ухода союзников. На стороне успешно наступающего будущего победителя формируется мегатенденция «Лифт» – контуры положительной обратной связи между трендами подъёма боевого духа, успеха манёвров, огневого поражения, поддержки союзников (см. о мегатенденциях [9, с. 23–40]).

Победители в войнах, как правило, обретают высокую легитимность, преобразуют соответственно своим интересам, заботам, идеям внутренние и международные порядки в зонах своего могущества и влияния [7]. Державы получают военный отпор и проигрывают, если их действия, политика, порядки противоречат базовым заботам, ценностям других держав, способных объединиться в коалицию и обладающих преимуществом в геополитических ресурсах (богатстве и населении) [10, с. 81–89].

Войны также заканчиваются при примерном паритете сил и уровне истощения, когда ни одна сторона не видит возможности победить, после чего открываются возможности для переговоров, заключения мира или перемирия.

Долгий мир ослабляет заботы о безопасности – снижает спрос на порядок у тех, кто обеспечивает базовые заботы мирными средствами [7]. Соответственно, в таких обществах снижаются инвестиции в оборону, они становятся или кажутся более слабыми, и нападение на них становится вызовом-возможностью для держав-претендентов – потенциальных агрессоров.

Роль войн в коэволюции трёх порядков. История каждого общества включает последовательность сменяющих друг друга *фигураций* — относительно стабильного единства «прилаженных» друг к другу *социального, ментального и техно-природного порядков* [11]. Поскольку эти фигурации сменяются вместе со своими порядками, то резонно говорить о коэволюции этих порядков.

При рассмотрении множества обществ выявляются общие черты их фигураций, соответственно можно говорить о фазах соци-

ального развития (дикость-первобытность, варварство, ранняя, зрелая государственность, этапы модернизации) и переходах между фазами [12; 13]. Таков первый уровень – *коэволюция порядков внутри каждого общества*.

Поскольку в фигурациях каждой фазы есть сходство между порядками разных обществ, причём не только в политическом устройстве, но и в ментальных структурах, в типах технологий, то понятие «коэволюция порядков» вполне применимо к системе международных отношений. Когда населённый мир был разделён на несколько относительно изолированных макрорегионов с миросистемами (мир-империями, геополитическими ойкуменами, мир-экономиками, цивилизациями), в каждом происходили отдельные коэволюции. Таков второй уровень – *коэволюция порядков внутри каждой миросистемы*.

По мере усиления связей – военных и колониальных, торговых, культурных – и особенно с XX в., двух мировых войн и их последствий (создания Лиги Наций, позже ООН), обширных революционных волн [14] и глобализации стал складываться третий уровень – *глобальная коэволюция порядков*.

Были такие времена и такие общества, когда регулярные войны, либо завоевательные, либо малые по окраинам, составляли ординарную часть порядков, прежде всего социального и ментального.

Рассмотрим в контексте трёх уровней коэволюции порядков (условно национальный, миросистемный, глобальный) наиболее крупные войны, которые не являются частью порядков, но существенно меняют их, а значит, *служат факторами смены фигураций*.

Каждая такая война составляла кризисный период в коэволюции порядков каждой воюющей стороны и части задействованной международной системы. «Кризисность» означает, что *привычные ответы на вызовы-угрозы оказывались неадекватными* и только усугубляли напряжения, ухудшали параметры предметов забот и требовали ответов нового типа.

Поиск таковых ответов бывает успешным, тогда они превращаются в *новые обеспечивающие структуры*: армии, способы их ресурсного и кадрового обеспечения, военные союзы, международные конференции и постоянные организации с функцией

разрешения конфликтов. Победившие государства становятся *гегемонами*, начинают доминировать, т. е. принудительно навязывать свои порядки, и/или *лидерами*, когда их соседи и союзники склонны реформировать свои порядки по привлекательным образцам такой державы [7].

Если *ответы* правителей и элит продолжают быть *неадекватными*, то такие государства проигрывают войны. В этих случаях они могут попасть в подчинение завоевательной империи, претерпеть революцию или распасться. Лишь в периферийных, никому не интересных анклавах могут консервироваться прежние порядки проигравшего крупную войну общества. В столицах, крупных городах и богатых провинциях следует ожидать поиск новых форм, скорее всего, близких к порядкам обществ-победителей в крупных войнах.

Как видим, полномасштабные войны не «выбиваются» из логики коэволюции, тем более не останавливают её. Наоборот, каждая такая война служит могучим драйвером смены порядков и фигураций. Более того, *подъём общества на каждую новую ступень* социальной эволюции [12; 13], как правило, происходил *вследствие серии крупных войн*, к которым в эпоху модернизации добавились *революционные волны*, что составило периоды турбулентности [14].

Хорошо видимы и известны послевоенные смены социальных порядков во внутренней политике, экономике, сословной и классовой структуре, в международных отношениях. Существенно обновлялись техноприродные порядки: бурное развитие вооружений, фортификаций, военных производств, добычи сырья, особенно руды, угля, нефти.

Несколько слов нужно сказать о не столь очевидных изменениях в ментальных порядках после крупных, прежде всего оборонительных отечественных – «экзистенциальных» – войн. В таких обществах меняется структура исторического времени, которое распадется на «до войны» и «после войны». Перестраиваются иерархии приоритетов, сакральности в круге символов данной культуры. Всё ассоциируемое с победой возвышается, в том числе правители, их династии, тип режима, идеологии. Ассоциируемое с поверженным опасным врагом воспринимается как изначально порочное и злое. Сокрушительные поражения неред-

ко раскалывают общества, разделяя их на движения реванша, в которых причинами поражения считаются «предатели», и движения обновления (реформ, революций), в которых поражение связывается с пороками политического устройства, требующего радикального демонтажа, перестройки, или с негодной властной верхушкой, которую необходимо свергнуть.

Все эти изменения касаются не только идей и мыслей, но и *установок*, регулирующих поведение индивидов и групп. Соответственно происходят множественные *ритуалы рефрейминга*, включающие потоки письменного и устного дискурса. Если в обществе не удаётся достигнуть хотя бы базового согласия относительно смысла прошедшей войны в связи с актуальными социально-политическими проблемами, то в последующей фигурации (относительной стабильности порядков) сохраняется ментальный и социокультурный раскол.

Во враждебных друг другу больших группах воспроизводятся свои интерактивные ритуалы, подкрепляющие чувства и установки. Последние обычно включают прямые выводы из осмысления прошедшей большой войны, соответствующую приверженность определённым лидерам, идеологиям, партиям при полном неприятии их противников.

Заключение. Глубинные причины, предпосылки насилия и войн остаются в природе человека и природе обществ, а при отсутствии институтов, налаженных практик бдительного контроля и блокирования эти причины вполне могут сойтись вместе, усилить друг друга и привести к новой войне

[15; 16]. Обобщение концепций причинности войн и эмпирических наблюдений за войнами в истории подтверждает этот тезис [17; 18]. Никогда не исчезнут стремления групп, политических сообществ, держав к успеху, престижу, доступу к ресурсам, к тому, чтобы одерживать верх над соперниками. Значит, неизбежно будут возникать новые дисбалансы, напряжения, конфликты. Никакой правовой порядок их не отменит. Можно рассчитывать лишь на сохранение мирных и правовых рамок при разрешении такого рода проблем [19].

Чем более разрушительны и масштабны войны, тем с большей вероятностью рушатся те фигурации и их порядки, при которых лидеры и элиты оказались не способны к адекватным ответам на военные вызовы. Таким образом становятся гораздо более интенсивными процессы отбора обеспечивающих структур, порядков и охватывающих их фигураций. Иными словами, войны, именно благодаря своей безжалостной разрушительной силе, становятся мощными ускорителями социальной эволюции¹.

Построенный концептуальный аппарат, сформулированные принципы и идеи целостной динамической модели возникновения, протекания и завершения войн предназначены для более глубоких теоретических и эмпирических исследований в этой важной и актуальной предметной области. Кроме того, они должны способствовать анализу, проектированию и реализации таких объективных и субъективных условий, которые пусть не обеспечат пресловутый «вечный мир», но сведут к минимуму факторы возникновения новых войн [20].

Список литературы

1. Манн М. Источники социальной власти. М.: Дело, 2018. Т. 1. 758 с.
2. Скиннер Б. Радикальный бихевиоризм. М.: Еврознак, 2007. 120 с.
3. Канеман Д. Думай медленно... Решай быстро. М.: AST, 2014. 653 с.
4. Levy J. S., Thompson W. The Arc of War. Chicago: Chicago University Press, 2010. 281 p.
5. Van Evera S. Causes of war: Power and the roots of conflict. Ithaca: Cornell University Press, 1999. 268 p.
6. Collins R. Interaction Ritual Chains. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2004. 464 p.
7. Модельски Дж. Объяснение долгих циклов в мировой политике: основные понятия. Война и геополитика // Альманах «Время мира». Новосибирск: НГУ, 2003. Вып. 3. С. 455–485.
8. Collins R. A Dynamic Theory of Battle Victory and Defeat // Clidynamics: the Journal of Theoretical and Mathematical History. 2010. No. 1. P. 3–25.
9. Розов Н. С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М.: РОССПЭН, 2011. 735 с.
10. Коллинз Р. Макроистория. Очерки социологии большой длительности. М.: УРСС, 2015. 499 с.

¹ Сказанное отнюдь не означает совпадения с моральным прогрессом: новые фигурации и порядки могут оказаться не более, а гораздо менее гуманными. Иными словами, защищённость жизни, свободы, достоинства, благосостояния индивидов и групп может не повыситься, а понизиться или вовсе упасть до минимума.

11. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. Т. 1. 332 с.
12. Дьяконов И. М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М.: КомКнига, 2007. 384 с.
13. Розов Н. С. Философия и теория истории. Кн. 1: Прологомены. М.: УРСС. 2019. 604 с.
14. Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change / eds. J. A. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev. Cham: Springer Nature, 2022. 1048 p.
15. Blattman Chr. Why We Fight: The Roots of War and the Paths to Peace. L.: Penguin Publishing Group, 2022. 400 p.
16. Collins R. Violence: A Micro-Sociological Theory. Princeton: Princeton University Press, 2008. 584 p.
17. Wimmer A. The Waves of War: Nationalism, State Formation and Ethnic Exclusion in the Modern World. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 346 p.
18. Lebow R. N. Why Nations Fight. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 295 p.
19. Annan K. Two concepts of sovereignty. Текст: электронный // The Economist. 1999. P. 49–50. <https://www.economist.com/international/1999/09/16/two-concepts-of-sovereignty> (дата обращения: 25.08.2024)
20. Розов Н. С. Возможно ли верховенство права в геополитике? // Полис. Политические исследования. 2023. № 1. С. 159–172.

Информация об авторе

Розов Николай Сергеевич, доктор философских наук, профессор, Институт философии и права СО РАН; 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8; prozov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2362-541X>.

Для цитирования

Розов Н. С. Информационно-ментальный и социально-эволюционный контексты динамики войны и мира // Гуманитарный вектор. 2024. Т. 19, № 4. С. 69–79. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-69-79.

Статья поступила в редакцию 18.09.2024; одобрена после рецензирования 22.10.2024; принята к публикации 23.10.2024.

References

1. Mann, M. Sources of Social Power. M: Delo, 2018. (In Rus.)
2. Skinner, B. Radical behaviorism. M: Euroznak, 2007. (In Rus.)
3. Kahneman, D. Thinking. Fast and Slow. M: Evroznak, 2007. (In Rus.)
4. Levy, J. S., Thompson, W. The Arc of War. Chicago: Chicago University Press, 2010. (In Eng.)
5. Van Evera, S. Causes of war: Power and the roots of conflict. Ithaca: Cornell University Press, 1999. (In Eng.)
6. Collins R. Interaction Ritual Chains. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2004. (In Eng.)
7. Modelski, J. Explaining Long Cycles in World Politics: Basic Concepts. War and Geopolitics. Time of peace, vol. 3, pp. 455–485, 2003. (In Rus.)
8. Collins, R. A Dynamic Theory of Battle Victory and Defeat. Cliodynamics: The Journal of Theoretical and Mathematical History, no. 1, pp. 3–25, 2010. (In Eng.)
9. Rozov, N. S. Track and Pass: Macrosociological Foundations of Russia's Strategies in the 21st century. M: ROSSPEN, 2011. (In Rus.)
10. Collins, R. Macrohistory. Essays in Sociology of the Long Duration. M: URSS, 2015. (In Rus.)
11. Elias, N. On the Process of Civilization. Sociogenetic and Psychogenetic Studies, vol. 1, M; SPb: Universitetskaya kniga, 2001. (In Rus.)
12. Dyakonov, I. M. Ways of History. From the Most Ancient Man to Our Days. M: KomKniga, 2007. (In Rus.)
13. Rozov, N. S. Philosophy and Theory of History. Book 1. Prolegomena. M: URSS. 2019. (In Rus.)
14. Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change. J. A. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev (eds.) Cham: Springer Nature, 2022. (In Eng.)
15. Blattman, Chr. Why We Fight: The Roots of War and the Paths to Peace. L.: Penguin Publ. Group, 2022. (In Eng.)
16. Collins, R. Violence: A Micro-Sociological Theory. Princeton: Princeton University Press, 2008. (In Eng.)
17. Wimmer, A. The Waves of War: Nationalism, State Formation and Ethnic Exclusion in the Modern World. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. (In Eng.)
18. Lebow, R. N. Why Nations Fight. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. (In Eng.)

19. Annan, K. Two concepts of sovereignty. *The Economist*, pp. 49–50, 1999. Web. 25.08.2024. <https://www.economist.com/international/1999/09/16/two-concepts-of-sovereignty>. (In Eng.)

20. Rozov, N. S. Is the rule of law possible in geopolitics? *Polis. Political Studies*, no. 1, pp. 159–172, 2023. (In Rus.)

Information about the author

Rozov Nikolai S., Doctoral Degree (Philosophy), Professor, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; 8 Nikolayev st., Novosibirsk, 630090, Russia; nrozov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2362-541X>.

For citation

Rozov N. S. Information-Mental and Socio-Evolutionary Contexts of the Dynamics of War and Peace // *Humanitarian Vector*. 2024. Vol. 19, no. 4. P. 69–79. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-69-79.

**Received: September 18, 2024; approved after reviewing October 22, 2024;
accepted for publication October 23, 2024.**

Научная статья

УДК 069.02:908+070.1+82.3

DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-80-90

**Авторская художественная и нехудожественная проза
в системе нарративов литературного музея**

Татьяна Дмитриевна Романцова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия
t100562@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-2246-3432>

В статье уточнено понятие нарратива применительно к музейной сфере как пространству новых медиа. Описаны нарративы музейной коммуникации, актуализирующие концептуальные смыслы прозы Валентина Распутина. Показано, как на основе авторских художественных и нехудожественных текстов с грамматически, структурно, функционально сложным нарративом формируется цельный музейный нарратив. В структуре цельного музейного нарратива внимание акцентировано на экскурсионном нарративе, состоящем из комплекса биографических и комплекса «творческих» нарративов. Предложено разграничение биографических и «творческих» нарративов по знаково-семиотической природе, субъектному представлению нарратора, характеру охвата экспозиционного пространства, аутентичности, методу отражения реальности, виду авторства, основной функции, стилистическому оформлению. Промонстрировано, как экскурсионный нарратив стратегически и ситуативно дополняется официальными, художественными, фольклорными, бытовыми, научными нарративами из немuseumных коммуникативных сред города, региона. Помимо структуры цельного нарратива, систематизированы и описаны его специфические черты. Показано, что цельный нарратив в пространстве литературного музея 2.0 характеризуется субъективностью, самоценностью, процессуальностью, мультимедийностью; он обладает интерпретативным и ценностно-нормативным потенциалом. Описаны коммуникативные цели, жанры, конструктивные и риторико-стилистические признаки корпоративного нарратива и нарратива онлайн- и офлайн-аудитории. В соответствии с задачами исследования, с помощью метода сопоставления нарративов двух институциональных сред единого цифрового пространства – музейной и массмедийной, рассмотрены сходные характеристики музейного и массмедийного дискурсов, определены экстралингвистические, текстообразующие, содержательные, технологические причины этого сходства. Цельный музейный нарратив представлен как полифоничный, разножанровый, полипредметный коммуникативный продукт, организованный на структурно-семиотических принципах медийного сторителлинга. Очерчена перспектива исследования нарративного инструментария массмедиа, актуализирующего художественные и общественные смыслы авторского текста в межрегиональном реальном и виртуальном пространстве сибирских литературных музеев.

Ключевые слова: новые медиа, музей В. Г. Распутина, медийный нарратив, музейный нарратив, аксиология нарратива, семиотика нарратива, сторителлинговая стратегия

Original article

Author's Fiction and Non-Fiction Prose in the Narrative System of the Literary Museum

Tatyana D. Romantsova

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia
t100562@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-2246-3432>

The article specifies the concept of narrative in relation to the museum sphere as a space of new media. The article describes the narratives of museum communication that actualize the conceptual meanings of Valentin Rasputin's prose. We show how an integral museum narrative is formed on the basis of the author's fiction and non-fiction texts with grammatically, structurally and functionally complex narrative. In the structure of the integral museum narrative the attention is focused on the excursion narrative consisting of a set of biographical and a set of "creative" narratives. We propose to distinguish biographical and "creative" narratives by sign-semiotic nature, subjective representation of the narrator, nature of exposition space coverage, authenticity, method of reflecting reality, type of authorship, main function, and stylistic design. The paper demonstrates how the excursion narrative is strategically and situationally supplemented by official, artistic, folklore, everyday, scientific narratives from non-museum communicative environments of the city and region. In addition to the structure of

© Романцова Т. Д., 2024

the integral narrative, its specific features are systematized and described. We show that the integral narrative in the space of the literary museum 2.0 is characterized by subjectivity, self-value, processuality, multimedia; it has interpretative and value-normative potential. The communicative goals, genres, constructive and rhetorical and stylistic features of corporate narrative and narrative of online and offline audiences are described. In accordance with the objectives of the research, the method of comparing the narratives of two institutional environments of a single digital space, – museum and mass-media, is used to examine the similar characteristics of museum and mass-media discourses, and to identify the extralinguistic, text-forming, content, and technological reasons for this similarity. The whole museum narrative is presented as a polyphonic, multi-genre, multi-object communicative product organized on the structural and semiotic principles of media storytelling. The author outlines the prospects for the study of the narrative toolkit of mass media, which actualizes the artistic and social meanings of the author's text in the interregional real and virtual space of Siberian literary museums.

Keywords: new media, V. G. Rasputin museum, media narrative, museum narrative, axiology of narrative, semiotics of narrative, storytelling strategy

Введение. Аудитория литературного музея взаимодействует с культурным материальным и духовным наследием посредством инструментария музейной коммуникации – целостной системы текстов, «отражающих и воплощающих социокультурную действительность (историко-культурных объектов, источников, музейных предметов)» [1, с. 52]. Музейная коммуникация исследуется с точки зрения когнитивных моделей и стадий, функций, интенций коммуникантов, механизмов и средств музейного общения [Там же, с. 45–55], на неё обращают внимание как на инфосреду «с особым местом в морфологической структуре культуры» [2].

В ситуации цифрового обмена практиками, стратегиями, инструментарием между коммуникативными институтами представляется актуальным рассмотреть сходные характеристики организации музейного и массмедийного дискурсов, определить экстралингвистические, текстообразующие, содержательные, технологические причины этого сходства, систематизировать и описать признаки музейной коммуникации в цифровую эпоху.

Обзор литературы. В научных трудах последнего десятилетия сущностные характеристики музея цифровой эпохи сопоставляют с ключевыми характеристиками массмедиа или с их институциональной моделью целиком. Музей 2.0 – это:

- 1) медиaprостранство, модифицирующее коммуникационную систему и видоизменяющее цифровую среду [3];
- 2) «новое средство массовой информации (СМИ)» [Там же];
- 3) «площадка обмена мнений», которая имеет «модальность, присущую медиа», «создаёт актуальный контент... поставляет на рынок экспертов и лидеров мнений» [4, с. 24];

- 4) новое медиа, конкурент СМИ в производстве новости, выполняющий задачу «информировать аудиторию и делать дополнительный контент... некоторую историю, что музей хранит и экспонирует», «по сути сделать репортаж... чем аудитория живёт в новостной повестке», «найти правду и продвинуть её»¹;

- 5) партнёр медиа «в поиске информации и в раскрытии тем» [Там же, с. 25];

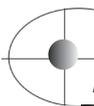
- 6) информационный первоисточник, который может «делиться информацией с посетителями, не ограничивая их во времени и пространстве» [Там же, с. 26];

- 7) производитель контента с participatory culture, подразумевающей «коммуницирование и двухстороннее взаимодействие» [Там же, с. 31] с аудиторией.

Сопряжение сущностных характеристик музея и СМИ, сосуществующих в партнёрстве и конкурентных отношениях на современном цифровом поле, проходит и в границах нарративных практик и стратегий.

Нарратив как «интернациональное, транссторическое, транскультурное» [5, с. 137] явление исследуется рядом научных направлений и дисциплин: литературоведением, философией, психологией, историографией, риторикой, герменевтикой, социологией, антропологией, педагогикой, дискурсологией, общей и когнитивной лингвистикой. Различные «нарративные повороты» научных исследований в отдельные периоды раскрывали структурные, социологические, функциональные аспекты нарратива. При этом нарратив как «центральную человеческую деятельность», состоящую в последовательном изложении событий «в том порядке, в котором они происходили»

¹ Наталья Лосева: «Музеи – это новые медиа». – Текст: электронный // Медиатренды. URL: http://radio_mohovaya9.tilda.ws/mediatrends_loseva (дата обращения: 20.11.2023).

[5, с. 137], рассматривали в качестве способа познания, типа мысли, основного акта мысли; движущей силы идеологии в обществе, конструктора социальной, культурной, политической идентичности; речевого события, призванного восстановить истину или дать моральный толчок действию; сюжетного повествования для концептуализации мыслей о прошлом [Там же].

Н. И. Клушина, исследуя нарратив в качестве медиастилистического феномена, говорит о неоднозначной трактовке понятия внутри единого научного направления: «нарратив... профилируется как первичный жанр, как элемент в структуре вторичных жанров, как дискурсивная стратегия, как конкретные коммуникативные практики и как интенциональный способ осмысления действительности» [6, с. 26]. Если в основе нарратива видеть «специфический способ повествования, в котором фиксируется процессуальность... самодостаточный и самоценный анализ истории, событий, человеческой жизни и т. п. через авторскую интерпретацию» [Там же, с. 28], то любой из представленных аспектов нарратива как медиастилистического явления может служить основой для исследования коммуникативного пространства Музея В. Г. Распутина (далее – МР), отдела Иркутского областного краеведческого музея им. Н. Н. Муравьева-Амурского (далее – ИОКМ). Однако очевидно, что применительно к музейной коммуникации понятие «нарратив» требует рассмотрения в социокультурном измерении.

Нарратив в этом аспекте даёт представление об опыте отдельного человека, через него – об опыте культуры, связанном с осмыслением социального контекста: «нарратив выступает... посредником между человеком и культурой», его «основной повествовательной единицей... является событие» и «то, как протекает коммуникация», «сюжет, персонажи, отношения между ними» [7, с. 336]. И. В. Алещанова определяет нарратив как «один из самых распространённых способов организации межличностной коммуникации... вариативную модель поведения, объясняющую сущность... действий и событий, направленную на осуществление речевого воздействия посредством апелляции к накопленному социальному опыту» [8, с. 46–47].

Применительно к музейной сфере используем термин «нарратив» для обозначения формы социально-профессионального

дискурсивно-речевого (повествовательного) действия, определяемого ценностями и нормами, «социальной практикой... реальных исторических процессов» [7, с. 340], задачами музея как института культуры, технологическими практиками, использующими коммуникативный инструментарий цифровой эпохи.

Методология и методы исследования. Цель исследования – описать структуру и основные характеристики нарратива МР; рассмотреть приёмы и способы актуализации авторского нарратива в цельном нарративе МР.

В работе использован сопоставительный анализ текстовых, аксиологических, технологических характеристик музейного и массмедийного нарративов; дискурсивный анализ, дающий представление о концептуальной организации музейного нарратива в связи с запросами аудитории, технической и технологической оснащённостью музея, локально-тематической привязкой музейной коммуникации, персональным выбором нарраторами коммуникативных моделей; медиалингвистический анализ, характеризующий закономерности сосуществования вербальных и невербальных знаковых систем в нарративах цифрового пространства; анализ музейного нарратива как социально-профессионального дискурсивно-речевого действия: субъектное представление нарратора, аутентичность, способ отражения реальности, вид авторства, коммуникативные функции, охват экспозиционного пространства, стилистическое оформление.

Результаты исследования и их обсуждение. На авторскую прозу, составляющую ценностную основу экспозиции и фондов МР, как представляется, можно посмотреть под разными углами зрения, выделив в качестве объекта исследования разные аспекты нарратива.

Например, повести, рассказы В. Г. Распутина дают интересный материал для исследования жанрообразующих возможностей авторского нарратива: для дискурсивного повествования характерна когерентность нарративности (история, повествовательная основа события, линейное движение сюжета) и наррации (акт рассказывания истории) в первичных нарративных («Видение») и вторичных нарративных («Уроки французского») жанрах. В повестях «Последний срок», «Прощание с Матерой», рассказе «В

ту же землю» в форме нарратива подано мифологизированное объяснение происходящего; в рассказе «Женский разговор» с помощью нарративного инструментария складываются конструктивные обыденные и деструктивные прямые коммуникативные практики внутрисемейного общения.

В художественно-публицистических текстах и газетной аналитике В. Г. Распутина нарратив предстаёт в форме сакрализованного объяснения происходящего («Тобольск», «Афон»); повествовательного элемента в структуре вторичных жанров («Сибирь без романтики»); первичного жанра («Кяхта», «Вниз по Лене-реке»); философской схемы, комплекса интенциональных способов осмысления миропорядка («Что дальше, братья-славяне?»), обыденных и философских конструктивных коммуникативных практик, создающих оценочные и побудительные жанрово-речевые формы («Русское Устье»).

Продемонстрировав авторский нарративный инструментарий, в соответствии с целью исследования приступим к описанию 1) текстово-категориальной и форматно-стратегической, 2) ценностно-нормативной и интерпретативной, 3) технологической (мультимедийной, кросс-платформенной) специфики цельного музейного нарратива, вторичного по отношению к художественным и нехудожественным текстам В. Г. Распутина. Это описание произведём путём сопоставления коммуникативного инструментария разных сред единого цифрового пространства – музейной и массмедийной, что придаст работе особую актуальность в соответствии с описанным выше позиционированием современного музея как нового медиа.

1. Критерии нарратива в музейном и массмедийном пространствах.

Как отмечает И. А. Гринько, «нарративный подход очень близок музейному пространству, которое отвечает основным критериям нарратива: процессуальности (движение в пространстве, а иногда и во времени), субъективности (каждый посетитель или куратор переосмысливает экспозиционное пространство) и самодостаточности, поскольку... весьма приблизительно соотносится с реальностью... не описывает эту реальность, а служит инструкцией, ключом к её пониманию» [9, с. 58]. Перечисленные текстово-категориальные критерии нарратива музея как медиа довольно прозрачно со-

относятся с характеристиками нарратива в массмедиа, однако имеют свои особенности.

Так, *локально-темпоральные характеристики процессуальности* структурируют жанровые каркасы музейного нарратива подобно тому, как это происходит в нарративе массмедийном. Нарратив музея, как нарратив других сфер деятельности, принимающих принципы существования цифрового пространства – образования, науки, политики, менеджмента, – создаёт новые коммуникативные практики. Например, активным в цифровой коммуникации становится сторителлинг – глобальная «нарративная стратегия» [6, с. 26].

В теории массмедиа под термином «сторителлинг» понимают, во-первых, различные прагматические аспекты речевой воздействующей технологии («метод последовательного изложения истории, создающий... эффект вовлечённости... неформальный способ передачи опыта» [10, с. 146]; «набор приёмов и методов, вовлекающих... в повествовательный акт, провоцирующих... на... сопереживание... драматическим событиям»¹; «речевая технология имиджеформирующего воздействия... где адресант рассказывает историю, в которой... является одним из главных персонажей... часть очень личного эмоционального переживания»²). При таком подходе важен антропогенный фактор [11, с. 29]: сторителлинг «формирует... эмоции и впечатления... в силу образности, эмоциональности, выразительности и ассоциации с личным опытом» [12], мягко управляет оценками: «человек сам решает, какие выводы он будет делать... воспринимает факты без давления и поэтому... предрасположен мыслить в русле рассказчика» [13, с. 10]. Во-вторых, под сторителлингом как продуктом массмедиа понимают высокотехнологичное, самодостаточное, создающее смешанную реальность «полифоничное коммуникационное полотно... из разноформатных элементов, которые расположены в кроссплатформенной среде» [14]. При таком подходе внимание акцентируют на синкретичности, структурированности, технологичности мультимедийного продукта.

¹ Сторителлинг. – Текст: электронный // Новая русская литература. – URL: <https://novruslit.ru/сторителлинг> (дата обращения: 23.11.2023).

² Сторителлинг // Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник / под ред. Л. Р. Дускаевой. – М.: ФЛИНТА, 2020. – С. 346.

Музеям «ориентация на истории... позволяет... быть конкурентными наравне с более влиятельными институтами» [4, с. 26]. Сторителлинг в музейной среде – «методический приём экскурсии» [15, с. 137]; «комплексная маркетинговая технология продвижения турдестинаций на основе активной эксплуатации нарративной информации» [16, с. 7], «искусство владения... выразительными средствами для раскрытия... истории, используя интерактивные приёмы и возбуждая воображение» [4, с. 11], т. е. акцент в дефинициях ставится на речевые особенности воздействующей нарративной стратегии.

И. А. Гринько говорит о необходимости единой системы музейных нарративов – «от собирания информации и заканчивая экспозиционной и маркетинговой работой» [9, с. 59], описывает их виды. Уточним, что в качестве оснований для подобного деления представляется возможным использовать знаково-семиотическую природу музейных нарративов, субъектное представление в них нарратора, характер охвата экспозиционного пространства, аутентичность, метод отражения реальности, вид авторства, основную коммуникативную функцию, стилистическое оформление.

Различные виды нарративов komponуются по структурным принципам сторителлинга, формируя полифоничный, мультимедийный, разножанровый, полипредметный продукт музейной коммуникации, могущий существовать одновременно в реальном и цифровом музейном пространстве. Цель нарративного продукта – иллюстрировать определённую концептуальную составляющую экспозиции, создавать «позитивный опыт... и эмоциональное погружение в историю, которую рассказывает музей» [4, с. 31].

Например, фрагмент экспозиции о детстве В. Г. Распутина подразумевает обращение к:

1) сопроводительному вербальному тексту экскурсионного нарратива или к развёрнутому этикетажу при самостоятельном офлайн- и онлайн-посещении музея (вербально-невербальный нарратив);

2) тач-панели, транслирующей мультимедийный проект «Генеалогическое древо рода Распутиных» о четырнадцати поколениях родословной В. Г. Распутина (мультимедийный нарратив);

3) переданным в МР сыном писателя Сергеем Валентиновичем Распутиным фо-

тографиям родственников (невербальный семейный нарратив);

4) устным воспоминаниям одноклассников и друзей В. Г. Распутина, в частности, жителя с. Аталанка Д. И. Слободчикова (вербальный дружеский нарратив);

5) цитатам из очерка «Откуда есть пошла моя книга» о детстве в Аталанке (вербальный авторский нарратив);

6) реплицированным бытовым предметом, воссоздающим картину деревенского быта (предметный нарратив).

Отметим, что невербальная предметность (3, 6) может быть причислена к разряду музейных нарративов, поскольку технологии цифрового сторителлингового монтажа предполагают в составе нарратива «фото, видео... инфографику... карты (интерактивные)» [Там же, с. 27], и «эффекта можно достичь с помощью... антуража в экспозиции», сюжетного экспозиционного маршрута, «который соединит в сознании зрителя разные экспонаты в общую картину» [Там же, с. 34].

Таким образом, локально-темпоральные характеристики процессуальности оформляют экскурсию как коммуникативный формат, простроенный с помощью нарративной сторителлинговой стратегии. Одна из составляющих этого формата – биографический нарратив о детстве писателя, имеющий цель «вызвать сочувствие к герою... с восхищением тем, как герой смог преодолеть эти неблагоприятные жизненные обстоятельства... Факты... должны быть просты и понятны... чтобы любой мог их “примерять” на себя» [17, с. 168]. В биографическом нарративе «технологии сторителлинга... способствуют формированию морально-нравственных приоритетов... позволяют... раскрывать лучшие личностные качества... обладают мощным коммуникативным эффектом» [12].

Говоря о субъективности как категории музейного нарратива, отметим её связь с различными способами осмысления культурных феноменов и их контекста «активными» и «пассивными» нарраторами – сотрудниками музея, посетителями музейных залов и виртуальных туров, участниками музейных экскурсионных маршрутов.

Изменение субъектного состава и активности аудитории в оформлении музейного нарратива (возможность выбрать кураторское сопровождение экскурсии, аудиогид, «молчащую» айдентику) напоминает процессы, происходящие в неиерархичной

коммуникации массмедиа, где потребитель отбирает, производит, распространяет контент, становится его продизайнером [18, с. 211].

Музейный публичный субъектный дискурс можно разделить на две коммуникативные сферы – корпоративный дискурс и дискурс аудитории музея. Первая сфера коммуницирует с посетителем двумя видами нарратива, которые отличаются друг от друга центральной интенцией и стилистикой. Корпоративный нарратив, с одной стороны, информирует и просвещает (тематические экскурсии, проблемные лекции), поэтому обладает такими конструктивными характеристиками, как фактологичность, достоверность, объективность, аргументированность, связность. К особенностям его стилистической обработки относятся нейтральная или приподнятая тональность, подчёркнутая тактичность, научный строй, дидактичность речи. В качестве сюжетных отступлений от хронологии биографического повествования могут использоваться официальные и массмедийные жанры – автобиография, проблемная аналитика, новостные публикации.

С другой стороны, корпоративный нарратив воздействует, выполняет гедонистическую задачу: в экскурсии включаются бытовые жанры – анекдот, реплика, семейная легенда; фольклорные жанры – миф, сказка, байка; рассказы о контактах с автором, дарителями, посетителями музея. Нарратив музейного дискурса этого типа рассчитан на установление эмоциональных связей с аудиторией, максимальный риторический эффект без декларативного давления адресанта. Стилистический ключ такого дискурса составляют эмоциональность, экспрессивность, образность, оценочность; яркая сюжетность, динамика действия, драматизм интриги; проникновение в устную научную речь элементов художественности и разговорности.

Цель корпоративного музейного нарратива – объективировать историко-фактическую основу авторских текстов, продемонстрировать их вневременную философскую глубину; сложить идеологически маркированную, ценностную историю: «истории, рассказанные группами, общинами и нациями, создают чувство... идентичности... Группы... которые имеют общие истории, способны сохранять единство» [5, с. 139].

Вторая коммуникативная сфера – нарратив онлайн- и офлайн-аудитории – «подчёркивает важность антропологического понимания связи между современным музеем и нарративом» [9, с. 62]. В этой сфере нарратив оформляется по законам массмедийной коммуникации, где авторский «текст жёстко не фиксируется, приобретает многочисленных «соучастников» создания» [19, с. 55]. Участием в музейных мероприятиях (конкурсы чтецов и школьных сочинений, фестивали театрализованных постановок, всероссийские и международные научные конференции, выставочные проекты) аудитория, с одной стороны, создаёт интерпретационное поле вокруг распутинской прозы, вписывает её в современный научный, культурный, исторический контекст, с другой стороны, продвигает авторскую прозу в медийном информационном пространстве с помощью комментариев на сайтах ИОКМ, МР, записей в книге отзывов МР, постов в соцсетях и мессенджерах.

Самоценность музейного нарратива по отношению к реальности, возможность избирать оценочную модель и семиотику повествования в зависимости от культурной политики и музейной концепции напоминает практику аксиологической ориентации массмедийного нарратива на формат издания. При том что общая задача у массмедиа и музея – подбор верного, понятного аудитории семиотического «ключа» к пониманию действительности, результаты решения этой задачи разные.

Одна и та же аудитория, за которую медиа и музей ведут конкурентную борьбу, сегодня по-разному воспринимает смыслы и факты музейного и массмедийного нарративов. Отсутствие интереса к СМИ, так как «медиа нарративы уже не имеют прежнего авторитета, а фейковые новости достигли такой степени правдоподобия, что даже профессионалы зачастую не могут их отличить от «истинных» новостей» [Там же, с. 59], можно противопоставить интересу аудитории к хотя и «архивной», но не нарушающей исторической правды музейной «новости» о творческой персоне. Посетитель не тратит усилий на верификацию фактов: значительность «музеефицированной» персоны в национальной культуре подтверждена временем, связанные с литератором события ценностно маркированы, представлены узнаваемыми предметами, авторитетными

документами, креативно вписаны в культурно-исторический фон.

Цельный музейный нарратив даёт «ключ» к пониманию механизмов творческого и личного становления классика, структурируется из комплекса частных биографических (детство, юность, университетские годы, работа в иркутской и красноярской прессе и пр.) и «творческих» нарративов (публицистика, художественные произведения, мемориальный кабинет, родной язык), оформляющих экскурсию как системный коммуникативный сторителлинг-формат МР. Самодостаточность интерпретирующего музейного нарратива оценивается посетителем в соотношении с самоценной авторской прозой, наполненной непреходящими смыслами.

Интерпретационно-воздействующие установки важны для массмедийного нарратива, так как «конструируют собственную реальность (Н. Луман)... моделируют идеологизированную картину мира (Т. ван Дейк, У. Эко); создают «информационные построения действительности», которые определяются не только стремлением к документальности... но и вымыслом, и «даже имеют виртуальный характер» (М. Н. Володина)» [20, с. 67].

Характер музейного нарратива определяют интерпретационно-воздействующие задачи: классический музей даёт гуманитарное знание – «знание интерпретационное, знание-истолкование, знание-переживание» [21, с. 8]. Концептуально оформляя это знание, музейный нарратив создаёт образ части реального мира, вызывает реакцию на предметную метафору: «интерпретация, лежащая в основе гуманитарного мышления, подразумевает “слежение за предметом”, которое рождает ассоциации, зовёт к созданию образов» [Там же], активизирует зрение, а через него личную и историческую память, индивидуальные ценностные установки.

Так, идея о том, что вечные смыслы распутинских текстов рождены мощью и болью сибирской земли, интерпретирована во входной зоне цокольного этажа экспозиционного корпуса МР. Полка с книгами Валентина Григорьевича, которые по методу буккроссинга свободно курсируют между посетителями МР, расположена напротив масштабной карты Иркутской области с затопленными теперь деревнями. На книги и карту технологией интерьерного мэппинга

накладываются документальные кадры текущих вод Ангары – метафора Реки Жизни. Таким образом, медийные технологии, инфографика, музейные предметы создают эффект погружения в мир авторского текста, визуализируют концептуальные смыслы распутинской прозы.

2. Аксиология музейного и массмедийного нарративов.

Музейный нарратив, так же как нарратив массмедиа, «с опорой на социокультурные знания о времени... презентует логико-семантическую, когнитивно-фреймовую и историко-хронологическую событийную вербальную рефлексию» [5, с. 140]. По сути, основная задача рефлексии в двух разноинституциональных медийных пространствах – формирование системы ценностей с помощью латентной или эксплицитной трансляции общественных нормативов, идеологических установок; создание коллективных концептов и представления о динамике и (или) исторической константе ментальных способов осмысления действительности: «нарративы... формулируют индивидуальный и коллективный опыт... оказывают значительное влияние на культурные символические запасы» [Там же].

В цокольном этаже МР на ЖК-панелях демонстрируются документальные и художественные фильмы, выпуски телевизионных новостей, соответствующие темпоральности биографического нарратива. Советские кино- и видеоматериалы дают возможность прочувствовать атмосферу времени, оставить без изменения или пересмотреть оценку морально-нравственных ценностей эпохи, детально представить причинно-следственные связи событий из жизни автора, спроецировать ценностные ориентиры времени на общественную деятельность и человеческие поступки писателя, на взгляды и решения его героев.

Создание и закрепление коллективных концептов и культурных символов происходит не только в городском экспозиционном пространстве. На городских автобусных и пеших тематических экскурсиях, на сезонных региональных экскурсионных маршрутах ИОКМ трансформируется комплекс биографических и «творческих» нарративов МР: линейная экскурсионная вербалика по дороге в мемориальный дом-музей В. Распутина в Аталанке, в Усть-Удинский районный краеведческий музей дополняется научным описательным нарративом о сибирском

деревянном зодчестве, сельском быте, декоративно-прикладном искусстве. Научный описательный и художественный нарративы о школьном образовании, детских играх и развлечениях включаются в линейный нарратив экскурсовода при посещении музея истории школы п. Усть-Уда.

3. Природа нарративов в музейном и массмедийном поле.

В цифровой среде оба типа нарратива – массмедийный и музейный – пользуются одним и тем же полизнаковым арсеналом, «новым видом нарратива» из разных семиотических систем, что придаёт ему «гипертекстуальность, мультимедийность, интерактивность», «создаёт новые повествовательные возможности», когда можно «говорить о существовании мультимедийного нарратива» [22, с. 82]. Поскольку «нарративность мультимедийной истории определяется её прочными причинно-следственными связями, пространственно-временными параметрами хронотопа и субъективностью» [23, с. 254], то мультимедийный нарратив массмедиа и музея может оформляться нелинейно (посетитель самостоятельно выбирает маршрут), самодостаточно функционировать внутри Сети.

Так, в медиапространстве МР идея о глубинной связи эстетики распутинской прозы с эстетикой речи коренных жителей Байкальской Сибири продемонстрирована с помощью «творческого» нарратива о родном языке – мультимедийного проекта «Словарь языка произведений Распутина Валентина Григорьевича», выполненного на средства гранта Президента РФ. С помощью сенсорного оборудования проект представляет нематериальное культурное наследие края – местные слова и выражения, перенесённые В. Г. Распутиным в художественную прозу и публицистику. Диалектные лексемы проиллюстрированы цитатами из текстов автора, «живыми» устными рассказами из многотомного «Словаря говоров русских старожилов Байкальской Сибири» Г. В. Афанасьевой-Медведевой, сопровождаются уникальными материалами из фотофонда ИОКМ и частных архивов иркутян, озвучены голосами артистов Иркутского академического драматического театра им. Н. П. Охлопкова.

Мультимедийный проект даёт возможность использовать нелинейную маршрутизацию (гиперссылки, хештеги) и получить индивидуальный продукт, основанный на собственных эстетических, биографических,

лингвистических предпочтениях пользователя. Словарь доступен на сайтах МР, ИОКМ, министерства культуры Иркутской области, что даёт возможность МР участвовать в формировании литературного бренда региона.

Заключение. Цельный музейный нарратив имеет сложную структуру, форматно-жанровый состав, видовую, мультимедийную, кросс-платформенную специфику, он подчинён единой сторителлинговой стратегии, вторичен по отношению к авторской прозе, содержащей собственный нарративный инструментарий, первичен по отношению к онлайн- и офлайн-дискурсу аудитории МР.

Цельный музейный нарратив МР оформляется в городском музейном пространстве из нарративов основных экспозиционных помещений и вспомогательных музейных зон. Коммуникативный сторителлинговый формат экскурсионного нарратива включает комплекс биографических и «творческих» нарративов, факультативно и ситуативно расширяемых художественным, научным, бытовым, официальным нарративами. Вне городского музейного пространства в оформлении цельного музейного нарратива участвует дискурс экскурсионных городских и региональных маршрутов.

Нарратив онлайн- и офлайн-аудитории продвигает авторскую прозу в немuseumном информационном пространстве; корпоративный информирующий и «мягко» воздействующий нарратив объективизирует историко-фактическую основу авторских текстов, обогащает её изобразительность, демонстрирует вневременную социальную, историческую и философскую глубину.

Мультимедийный сторителлинг цельного музейного нарратива приносит пользовательский рейтинг ИОКМ и имеет ресурсное маркетинговое расширение: МР становится полноправным участником формирования литературного бренда региона.

Перспективы исследования видятся в углублении представлений о коммуникативном опыте институции литературных музеев путём исследования цельных музейных нарративов, например, других участников проекта «Сибирский литературный треугольник» (Всероссийский мемориальный музей-заповедник В. М. Шукшина, Литературный музей им. В. П. Астафьева Красноярского краевого краеведческого музея), а также российских и зарубежных литературных музейных медиапространств.

Список литературы

1. Самарина Н. Г. Музейная коммуникация в контексте культурной памяти и культурного наследия // Вопросы музеологии. 2013. № 2. С. 45–55.
2. Пшеничная С. В. «Музейный язык» и феномен музея. Текст: электронный // В диапазоне гуманитарного знания: сборник к 80-летию профессора М. С. Кагана. СПб., 2001. С. 233–243. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/pshenichn/kagan_21.html (дата обращения: 01.04.2024).
3. Барсукова Н. И., Родионова Н. В. Медиапространство музея как поиски нового формата. Текст: электронный // Костюмология. 2022. Т. 7, № 1. С. 113–119. URL: <https://kostumologiya.ru/PDF/14IVKL122.pdf> (дата обращения: 01.04.2024).
4. Музей в цифровую эпоху: перезагрузка / П. О. Васильева, Д. В. Качуровская, А. В. Михайлова, С. Э. Феоктисова. [Б. м.]: Издательские решения, 2018. 183 с.
5. Правикова Л. В. Нарратив как лингвокогнитивный, структурно-семантический и социально-культурный феномен // Вестник Пятигорского государственного университета. 2019. № 3. С. 137–141.
6. Клушина Н. И. Нарративные практики в современном российском медиадискурсе // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2021. № 63. С. 24–35.
7. Обдалова О. А., Левашкина З. Н. Понятие «нарратив» как феномен культуры и объект дискурсивной деятельности // Язык и культура. 2019. № 48. С. 332–348.
8. Алещанова И. В. Нарративность: определение понятия // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2006. № 3. С. 43–47.
9. Гринько И. А. Нарративы в музейном пространстве: новые практики // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2017. № 3. С. 58–64.
10. Анюхина А. М. Феномен мультимедийного лонгрида и digital storytelling в сетевых медиа // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2017. № 2. С. 146–150.
11. Енбаева А. П., Топчий И. В. Сторителлинг – тренд современной журналистики // Медиасреда. 2018. № 14. С. 27–31.
12. Каминская Т. Л., Рыжкова О. А. Сторителлинг в медиа: региональные интернет-издания // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2019. № 6. DOI: 10.34680/2411-7951.2019.6(24).24.
13. Назайкин А. Н. Сторителлинг в современной коммуникации // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. 2022. № 26–27. С. 5–15.
14. Пильгун М. А. Transmedia Storytelling: перспективы развития медиатекста. Текст: электронный // Медиаскоп. 2015. № 3. URL: <https://www.mediascope.ru/1773> (дата обращения: 01.04.2024).
15. Гусейнова А. Г. Особенности экскурсионного сторителлинга на примере объектов экскурсий религиозной тематики Ярославской области // География и туризм. 2019. № 2. С. 137–141.
16. Афанасьев О. Е., Афанасьева А. В. Сторителлинг дестинаций как современная технология туризма. Текст: электронный // Современные проблемы сервиса и туризма. 2017. № 3. С. 7–24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/storitelling-destinatsiy-kak-sovremennaya-tehnologiya-turizma> (дата обращения: 01.04.2024).
17. Яненко Я. В. Сторителлинг как коммуникационная технология // Журналістыка-2017: стан, проблеми і перспективи: матеріялы 19-й Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі (Мінск, 16–17 ноября 2017 г.). Мінск, 2017. Т. 19. С. 167–170.
18. Устюжанина Д. А. Двойственная природа новых медиа в онлайн-пространстве // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. № 2. С. 204–218.
19. Шапинская Е. Н. Сторителлинг в нарратологии цифровой эпохи // Культурный код. 2022. № 1. С. 53–63.
20. Казак М. Ю. Современные медиатексты: проблемы идентификации, делимитации, типологии // Медиалингвистика. 2014. № 1. С. 65–76.
21. Мастеница Е. Н. Интерпретация культурного наследия в музее: гуманитарный дискурс. Текст: электронный // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 3. С. 6–9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interpretatsiya-kulturnogo-naslediya-v-muzee-gumanitarnyy-diskurs> (дата обращения: 27.12.2023).
22. Качанов Д. Г. Нарратив в мультимедийной журналистике: анализ российских и зарубежных медиапроектов // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2020. № 1. С. 79–101.
23. Прасолова Е. В. К вопросу о нарративности мультимедийной истории как нового жанра интернет-СМИ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 11–2. С. 253–256.
24. Романцова Т. Д. Медийный сторителлинг как коммуникативный инструмент литературного музея // Журналистика XXI века: в пространстве культуры: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 17–18 ноября 2023 г.). СПб.: ООО «Медиапапир», 2023. С. 465–471.
25. Романцова Т. Д. Мультимедийный словарь в Музее В. Г. Распутина: концепция, опыт создания // Валентин Распутин. Правда памяти: материалы Всерос. конф., посвящ. 80-летию со дня рождения писателя / отв. ред. В. Я. Иванова. Иркутск: ИГУ, 2018. С. 204–213.

26. Романцова Т. Д. Публицистика В. Г. Распутина в медиасреде литературного музея // Журналистика в 2023 году: творчество, профессия, индустрия: материалы междунар. науч.-практ. конф. М.: МГУ, 2024. 770 с.

Информация об авторе

Романцова Татьяна Дмитриевна, кандидат филологических наук, Иркутский государственный университет; 664025, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 85; t100562@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-2246-3432>.

Для цитирования

Романцова Т. Д. Авторская художественная и нехудожественная проза в системе нарративов литературного музея // Гуманитарный вектор. 2024. Т. 19, № 4. С. 80–90. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-80-90.

Статья поступила в редакцию 15.04.2024; одобрена после рецензирования 18.05.2024; принята к публикации 19.05.2024.

References

1. Samarina, N. G. Museum communication in the context of cultural memory and cultural heritage. Questions of museology, no. 2, pp. 45–55, 2014. (In Rus.)
2. Pshenichnaya, S. V. "Museum language" and the phenomenon of the museum. In the range of humanitarian knowledge. Saint Petersburg, 2001: 233–243. Web. 01.04.2024. http://anthropology.ru/ru/texts/pshenichn/kagan_21.html. (In Rus.)
3. Barsukova, N. I., Rodionova, N. V. The Museum's media space as a search for a new format. Journal of Clothing Science, no. 1, pp. 113–119, 2022. Web. 01.04.2024. <https://kostumologiya.ru/PDF/14IVKL122.pdf>. (In Rus.)
4. The Museum in the Digital Age: A Reboot. Bez mesta: Izdatel'skie resheniya, 2018. (In Rus.)
5. Pravikova, L. V. Narrative as a linguacognitive, structural-semantic and social-cultural phenomenon. Bulletin of Pyatigorsk State University, no. 3, pp. 137–141, 2019. (In Rus.)
6. Klushina, N. I. Narrative practices in modern Russian media discourse. The World of Linguistics and Communication: an electronic scientific journal, no. 63, pp. 24–35, 2021. (In Rus.)
7. Obdalova, O. A., Levashkina, Z. N. The concept of "narrative" as a cultural phenomenon and an object of discursive activity. Language and culture. no. 48, pp. 332–348, 2019. (In Rus.)
8. Aleshchanova, I. V. Narrative: definition of the concept. Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University, no. 3, pp. 43–47, 2006. (In Rus.)
9. Grin'ko, I. A. Narratives in the museum space: new practices. Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research, no. 3, pp. 58–64, 2017. (In Rus.)
10. Anyushina, A. M. The phenomenon of multimedia longread and digital storytelling in online media. The sign: the problematic field of media education, no. 2, pp. 146–150, 2017. (In Rus.)
11. Enbaeva, A. P., Topchiy, I. V. Storytelling is the trend of modern journalism. Media environment. Chelyabinsk: Chelyabinskiy gosudarstvennyy universitet, no. 14, pp. 27–31, 2018. (In Rus.)
12. Kaminskaya, T. L., Ryzhkova, O. A. Storytelling in media: regional online publications. Scientific Notes of Novgorod State University, no. 6, 2019. DOI: 10.34680/2411-7951.2019.6(24).24. (In Rus.)
13. Nazaykin, A. N. Storytelling in modern communication. PR and advertising in a changing world: the regional aspect, no. 26–27, pp. 5–15, 2022. Web. 01.04.2024. <https://www.mediascope.ru/1773>.
14. Pil'gun, M. A. Transmedia Storytelling: prospects for the development of the media text. Mediascope, no. 3, 2015. (In Rus.)
15. Guseynova, A. G. Features of excursion storytelling on the example of religious-themed excursion sites in the Yaroslavl region. Geography and tourism, no. 2, pp. 137–141, 2019. (In Rus.)
16. Afanas'ev, O. E., Afanas'eva, A. V. Storytelling of destinations as a modern technology of tourism. Modern problems of service and tourism, no. 3, pp. 7–24, 2017. Web. 01.04.2024. <https://cyberleninka.ru/article/n/storitelling-destinatsiy-kak-sovremennaya-tehnologiya-turizma>. (In Rus.)
17. Yanenko, Ya. V. Storytelling as a communication. Journalism-2017: status, problems and prospects, Proceedings of the XIX International Scientific and Practical Conference. Minsk: 16–17 Nov. 2017 (19): 167–170. (In Rus.)
18. Ustyuzhanina, D. A. The dual nature of new media in the online space. Bulletin of the Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology, no. 2, pp. 204–218, 2019. (In Rus.)
19. Shapinskaya, E. N. Storytelling in the Narratology of the Digital Age. The cultural code, no. 1, pp. 53–63, 2022. (In Rus.)

20. Kazak, M. Yu. Modern media texts: problems of identification, delimitation, typology. *Media Linguistics*, no. 1, pp. 65–76, 2014. (In Rus.)
21. Mastenitsa, E. N. Interpretation of cultural heritage in a museum: a humanitarian discourse. *Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture*, no. 3, pp. 6–9, 2011. Web. 27.12.2023. <https://cyberleninka.ru/article/n/interpretatsiya-kulturnogo-naslediya-v-muzee-gumanitarnyy-diskurs>. (In Rus.)
22. Kachanov, D. G. Narrative in Multimedia journalism: analysis of Russian and foreign media projects. *Bulletin of the Moscow University. Episode 10: Journalism*, no. 1, pp. 79–101, 2020. (In Rus.)
23. Prasolova, E. V. On the issue of the narrative of multimedia history as a new genre of online media. *Humanities, socio-economic and social sciences*, no. 11–2, pp. 253–256, 2015. (In Rus.)
24. Romantsova, T. D. Media storytelling as a communicative tool of a literary museum. *Journalism of the XXI century: in the cultural space*, Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Saint Petersburg: 17–18 Nov. 2023: 465–471. (In Rus.)
25. Romantsova, T. D. Multimedia dictionary in the V. G. Rasputin Museum: concept, creation experience. Ed. by Ivanova, V. Ya., Valentin Rasputin. *The truth of memory*. Irkutsk: IGU, 2018: 204–213. (In Rus.)
26. Romantsova, T. D. V. G. Rasputin's journalism in the media environment of the Literary Museum. *Journalism in 2023: creativity, profession, industry*, Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Moskva: 5–6 Nov. 2024: 707. (In Rus.)

Information about the author

Romantsova Tatyana D., Candidate of Philology, Irkutsk State University; 8B Lenin st., Irkutsk, 664025, Russia; t100562@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-2246-3432>.

For citation

Romantsova T. D. Author's Fiction and Non-Fiction Prose in the Narrative System of the Literary Museum // *Humanitarian Vector*. 2024. Vol. 19, no. 4. P. 80–90. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-80-90.

**Received: April 15, 2024; approved after reviewing May 18, 2024;
accepted for publication May 19, 2024.**

Научная статья

УДК 316.77

DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-91-99

Феномен советских ностальгических дискуссий в российском медиапространстве

Иван Владимирович Суслов¹, Софья Владимировна Тихонова²¹Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Россия²Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия¹suslov85@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0991-6368>²segedasv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2487-3925>

Статья посвящена феномену цифровизации советской ностальгии. Особое внимание уделено характеру современных медиадискуссий о советском прошлом, в которых антикоммунистические настроения переплетаются с ностальгией по позднесоветскому периоду. Актуальность исследования связана с увеличением в эпоху цифровизации влияния широкой общественной аудитории на историческую память, ранее формируемую преимущественно профессиональными историками и идеологами. СССР рассматривается как «место памяти» (по Пьеру Нора), обладающее особой символической значимостью на современном этапе развития. Авторы подчёркивают изменение баланса между коммуникативной и культурной памятью в эпоху цифровых технологий, а также необходимость разработки новых методов анализа для работы с огромными объёмами данных. Целью исследования является изучение причин и форматов интереса к ностальгическим дискуссиям в онлайн-сообществах, социальных сетях и других медиаплатформах. Обзор актуальных исследований советской ностальгии в медиапространстве позволяет определить основные векторы развития российской цифровой гуманитаристики. Делается вывод, что в современном научном дискурсе присутствуют два подхода к изучению образа СССР в массовом сознании: во-первых, анализ содержания медиаконтента о «советском» (весьма многообразного по качеству и форме), во-вторых, исследование пользовательской/зрительской реакции (рецепции). Отмечается присутствие в российском медиапространстве тенденций деполитизации обсуждения советского периода. Однако ностальгические споры продолжают маркировать границы противостояния либералов-антисоветчиков, советских патриотов и патриотов-державников, указывая на наличие нескольких идеологических расколов в российском обществе. Социальные сети становятся площадкой для формирования альтер- и контрнарративов, способствуя поддержке плюрализма мнений и знаний о прошлом. Выявлены три компонента ностальгических дискуссий: сравнение прошлого и настоящего, идеологическое противостояние и наименее политизированное восхищение советской эстетикой и бытом.

Ключевые слова: советская ностальгия, российское медиапространство, цифровая гуманитаристика, медиарецепция, идеологические нарративы, онлайн-дискуссии, ресоветизация

Благодарности: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-18-00153 «Образ СССР в исторической памяти: исследование медиастратегий воспроизводства представлений о прошлом в России и зарубежных странах».

Original article

Methods and Results of the Study of the Phenomenon of Soviet Nostalgia in the Russian Media Space

Ivan V. Suslov¹, Sofya V. Tikhonova²¹Saratov State Academy of Law²Saratov State University, Saratov, Russia¹suslov85@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0991-6368>²segedasv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2487-3925>

The article is devoted to the phenomenon of digitalization of Soviet nostalgia. Special attention is paid to the nature of modern media discussions about the Soviet past, in which anti-communist sentiments are intertwined with nostalgia for the late Soviet period. The relevance of the study is connected with the increasing influence of a wide public audience in the era of digitalization on historical memory, previously formed mainly by professional historians and ideologists. The USSR is seen as a "place of memory" (according to Pierre Nora), which

has a special symbolic significance at the modern stage of development. The authors emphasize the changing balance between communicative and cultural memory in the era of digital technologies, as well as the need to develop new methods of analysis to work with huge amounts of data. The review of current studies of Soviet nostalgia in the media space allows us to identify the main vectors of development of Russian digital humanities, as well as analyze the reasons for the continued interest in nostalgic discussions in online communities, social networks and other media platforms. We make a conclusion that in modern scientific discourse there are two approaches to the study of the image of the USSR in the mass consciousness: first, the analysis of the content of media content about "the Soviet" (very diverse in quality and form), and second, the study of user/viewer reaction (reception). There is an indication of tendencies in the Russian media space to depoliticize the discussion of the Soviet period. However, nostalgic debates continue to mark the boundaries of the confrontation between liberals-anti-Soviets, Soviet patriots and patriots-patriots, indicating the presence of several ideological splits in Russian society. Social networks become a platform for the formation of alter and counter narratives, contributing to the maintenance of pluralism of opinions and knowledge about the past. The study reveals three components of nostalgic discussions: comparison of the past and the present, ideological opposition, (and the least politicized) admiration for Soviet aesthetics and everyday life.

Keywords: Soviet nostalgia, Russian media space, digital humanities, media perception, ideological narratives, online discussions, re-Sovietization

Acknowledgments: *the study was supported by grant no. 22-18-00153 from the Russian Science Foundation "The Image of the USSR in Historical Memory: A Study of Media Strategies for Reproducing Ideas about the Past in Russia and Foreign Countries."*

Введение. Актуальность памяти о советском в современной России сложно переоценить [1, с. 154–173]. Имидж Советского Союза в настоящее время является довольно динамичным и противоречивым, отражая как антикоммунистические настроения времён холодной войны (распространённые в период гласности и перестройки), так и чувства советской ностальгии по времени «позднего застоя» [2; 3].

Ностальгия как феномен массового сознания предполагает поиск в альтернативной культурной сфере советской цивилизации защиты от современной реальности. Культурологи и социологи отмечают начиная с конца 2000-х гг. рост интереса к советской тематике, её использование в маркетинге, моде, искусстве (в первую очередь в кинематографе и выставочной деятельности) [4–6].

Исследования исторической памяти россиян в XXI в. фиксируют преимущественно негативные образы 1990-х гг. и позитивные образы СССР (и в частности брежневской эпохи) [7, с. 113–140]. Массовая ностальгия по реалиям позднего СССР объясняется и государственной политикой памяти, и историческими сравнениями событий прошлого с настоящим. А. Ю. Долгов провёл серию глубоких интервью ($N=11$), чтобы исследовать разнообразие восприятия советского прошлого у людей разных поколений, с разным уровнем образования и жизненным опытом. Несмотря на критические замечания о СССР, респонденты проявили ностальгические настроения, от-

метив, что сегодня отсутствует ощущение серьёзной заботы со стороны государства, а также чувства единства и гордости за страну [8].

Р. Н. Абрамов, апеллируя к результатам массовых опросов, также подтверждает, что большинство современных россиян сожалеют о распаде Советского Союза и считают, что его можно было избежать. Хотя у многих опрошенных присутствуют положительные ассоциации с советским прошлым, они всё же не желают вернуться в него [9, с. 108–120].

На основании социологических материалов В. Э. Багдасаряном констатируется [10], что симпатии к СССР остаются доминирующими в восприятии прошлого российским населением: в социуме сохраняется приверженность советской системе идей и ценностей, а также делается вывод о проявлении на современном этапе тенденций аксиологической ресоветизации.

Цифровизация общественной жизни приводит исследователей к пониманию необходимости изучения процесса медиаформирования образа СССР. С конца 2010-х гг. наблюдается бум в изучении ностальгических дискуссий и обсуждений в различных онлайн-сообществах, форумах и группах в социальных сетях. В исследованиях советской ностальгии в современных медиапространствах анализируется контент телевизионных программ, фильмов, сериалов, статей, блогов и видео на YouTube [11].

Появление различных интерпретаций истории СССР приводит к возникновению мемориальных войн как нового феномена

современного медиапространства. Исследователи исторической памяти всё чаще обращаются к анализу цифрового контента, определяя его как основной источник изучения массового сознания. Методы социологического опроса (обладая как неоспоримыми достоинствами, так и недостатками) уступают место инструментарию цифровой гуманитаристики.

В представленной статье дан аналитический обзор значимых работ по изучению советской ностальгии, на основании которого сделаны выводы о характере ностальгических дискуссий в современной России и актуальных тенденциях цифровизации исследовательского поля *memory studies*.

Обзор литературы. Наиболее авторитетное (и раннее) исследование процесса формирования ностальгических чувств по советскому прошлому (в первую очередь временам «застоя») в интернет-пространстве представлено в статье Р. Н. Абрамова (2011), посвящённой анализу российского сегмента «Живого Журнала» («ЖЖ» – англ. LiveJournal, LJ) [12, с. 88–102]. Впоследствии (в 2010-е гг.) исследования советской ностальгии переместились в социальную сеть «ВКонтакте» в связи с её ростом популярности у рядовых пользователей [13].

Советский исторический период является крайне неоднородным и противоречивым. Тёплые ностальгические чувства пробуждаются в большинстве случаев через апеллирование к эпохе «позднего застоя». Однако рассуждения и воспоминания о довоенных (сталинских) событиях вызывают в обществе непримиримые дискуссии. Ю. В. Зевако и Д. Н. Караваева анализировали процессы осмысления событий сталинского правления на примере таких диаметрально противоположных по идеологии интернет-проектов, как виртуальный музей ГУЛАГа, «Бесмертный барак», «Письма врагов народа», сайт «Мемориал» и «Фома» [14, с. 107–115]. Д. О. Хлевнюк и А. С. Максимова изучили современные (как апологетические, так и критические) нарративы о репрессиях 1930-х гг., доминирующие в комментариях к документальным фильмам о СССР, размещённым в YouTube [15].

Объектом исследования становились и реакции зрителей на контент современного либерального проекта Л. Парфенова «НМДН» (посвящённого истории 1920-х и 1930-х гг.) [16, с. 136–151]. Однако анализ

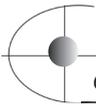
комментариев не показал острого конфликта противоположных (коммунистических и антикоммунистических) нарративов зрительской рецепции. Интерес учёных привлекают также и «места» YouTube-пространства, притягивающие просоветски настроенных зрителей [17].

Ностальгия (или её отрицание) по советскому провоцирует интернет-споры о феномене распада СССР. На основе анализа содержания Telegram-каналов А. Ю. Бубнов сделал вывод о соперничестве патриотического и либерально-западного нарратива [18, с. 79–97]. А. А. Линченко и О. В. Головашина, изучив контент документальных фильмов и телепроектов конца 1990–2010-х гг., отмечают тенденцию увеличения количества передач, обращающихся к травматическому дискурсу при освещении событий, связанных с распадом СССР [19].

Таким образом, российские учёные предложили два направления исследований, посвящённых конструированию образа СССР в массовом сознании. В первом случае анализу подвергаются феномены цифрового пространства, способные существовать исключительно благодаря технологиям интернет-коммуникаций. Во втором случае изучается рецепция медиаконтента. Второй вариант представляется более сложным и направленным на определение эффектов конструирования образа СССР, что позволяет судить о наличии или отсутствии тенденций ресоветизации массового сознания.

Методология и методы исследования. Методологическая основа данного исследования базируется на концепции Я. Ассмана, предполагающей различие культурной и коммуникативной памяти. Историческая память в связи с развитием цифровых технологий является результатом усилий множества людей и доступна для широкого творческого переосмысления [20], хотя ранее формировалась преимущественно профессиональными историками и идеологами [21].

В эпоху цифровых технологий возникает новый баланс между коммуникативной и культурной памятью, а также изменяются способы их передачи. Традиционные и новые медиа, медиаперсоны и обычные граждане, политические деятели и общественные организации создают огромные объёмы исторических данных, которые требуют новых методов анализа для понимания их характера

и динамики. Интернет-платформы (ресурсы) предлагается рассматривать в контексте идей Пьера Нора как места памяти.

Цифровая гуманитаристика становится одним из главных направлений исследований в области наук об обществе и человеке и может быть рассмотрена как «зона обмена» или распределённая когнитивная лаборатория, включающая идеи, информационно-технологическую базу, коммуникационные практики и инструменты [22, с. 38]. Научное лидерство адептов цифровых исследований обеспечивается их маргинальным статусом и междисциплинарной позицией [23].

Цифровая гуманитаристика предлагает совокупность методов исследования и/или цифровых сервисов для гуманитарных наук, что означает необходимость постоянной рефлексии методологических позиций учёного, изучающего медиапространство. Концепция медиапространства позволяет сосредоточиться на информационных аспектах функционирования интернета, не обращая внимания на его технические особенности, и фокусироваться на аспектах динамики мировоззрения обычного пользователя. Этот подход применим на разных уровнях социогуманитарного анализа – от глобальных медиапроцессов до изучения локальных пользовательских практик в антропологической перспективе. Широкий методологический спектр категории «медиапространства» способен заинтересовать практически любого гуманитария, в том числе и исследователей советской ностальгии.

Анализ феномена советских ностальгических дискуссий основывается на различии рефлектирующей и реставрирующей ностальгии, предложенном С. Бойм [24]. Если первый тип ностальгии обращается к прошлому как месту, куда индивид «убегает» от реальности, находит утешение в воспоминаниях, то второй тип ностальгии использует прошлое как пример для подражания. В рамках реставрирующей ностальгии идеализированный образ позднесоветского периода наделяется наибольшей символической значимостью в современной России.

Настоящая статья опирается на результаты уже проведённых digital studies советской ностальгии, что позволяет оценить современный уровень развития цифровой гуманитаристики. Фиксация содержания и структуры научного поля изучения носталь-

гических споров в медиасреде предполагается через систематизацию и анализ работ ведущих российских исследователей, которые, по данным eLibrary.ru (библиометрической системы), были удостоены наибольшего количества цитирований.

Современные российские учёные в качестве объектов изучения советской ностальгии выбирают контент социальных сетей (например, «ВКонтакте»), мессенджеров (например, «Телеграм»), комментарии к видео, размещённым в YouTube, документальные фильмы и передачи, транслируемые по ТВ и т. п.

Результаты исследования и их суждение. Советская ностальгия в цифровой среде проявляется в 2000-е гг. на платформе «Живого Журнала», который, по сути, функционировал как социальная сеть, где блоги вели многие известные личности, а также партии, общественные движения и организации. Р. Н. Абрамов в 2011 г. обратил внимание на сообщества, посвящённые описанию советской повседневности 1960–1980-х гг. [12]. Через эмоциональное погружение в ностальгические чувства участники возвращались в эпоху беззаботного детства или молодости, демонстрируя пример рефлексирующей ностальгии.

Большинство ностальгических сообществ старалось избегать политических оценок позднесоветского периода, чтобы не провоцировать конфликты. Однако это не всегда удавалось, поскольку даже безобидные воспоминания о бытовых аспектах повседневности порождали споры. «Анти-советчики» и их противники вели идеологическую борьбу, рассматривая прошлое как зеркало для оценки современных социально-политических, культурных и экономических реалий, что может быть определено как пример транспонирования рефлексирующей ностальгии в реставрирующую.

Анализ ностальгической блогосферы позволил сделать вывод о фиктивном расставании с советской эпохой. Р. Н. Абрамов верно (как об этом мы можем судить спустя десятилетие) спрогнозировал сохранение ностальгии о советском в обозримом будущем, в связи с тем, что слишком многое из того времени остаётся неотъемлемой частью повседневной жизни и институциональных основ российского общества.

Преобладание в 2020-е гг. контента, нацеленного на выявление положитель-

ных аспектов жизни в Советском Союзе, в социальной сети «ВКонтакте» фиксируется А. Ю. Долговым [13]. Однако обсуждение часто сопровождается дискуссиями, включающими интернет-троллинг и провокации. Например, в сообществе «Мы из СССР» вместо конструктивного диалога пользователи переходили к острой критике «нынешнего российского общества» и взаимным оскорблениям в комментариях. При этом исследователь отмечает, что если фреймирование дискуссии не происходит через радикальные или провокационные заявления, то в обсуждении доминируют ностальгические чувства, связанные со сравнением «светлого прошлого» и «мрачного настоящего».

Таким образом, спектр мнений в социальных сетях (предоставляющих площадку для формирования альтернативных взглядов и контрнарративов) о прошлом может быть охарактеризован как весьма широкий. Однако обсуждения советской истории часто вызывают конфликт, особенно если касаются вопросов массовых репрессий, что скорее увеличивает разобщённость и уровень агрессии в обществе.

Ю. В. Зевако и Д. Н. Караваева пишут о трёх типах дискурсов о сталинском правлении: официального, либерального и православного [14, с. 107–115], отмечая, что наиболее активно и творчески виртуальное пространство используют представители либерального подхода. В то время как православные и официальные интернет-проекты политики памяти о периоде политических репрессий характеризуются фрагментарностью и ситуативностью.

Д. О. Хлевнюк и А. С. Максимова указывают на бытование двух основных нарративов о травме сталинского правления [15]. Первый апеллирует к травматическому опыту нарушения гражданских прав советских граждан. Второй нарратив проводит параллели между репрессиями и нарушением социально-экономических прав россиян в 1990-е гг., что коррелирует с выводами О. Ю. Малиновой о первом постсоветском десятилетии как родовой травме современного общества [25].

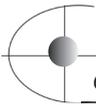
Таким образом, интернет-проекты, посвящённые событиям сталинской эпохи, могут провоцировать активное обсуждение экономических провалов периода шоковой терапии и приватизации, рыночных реформ, что объясняет положительное отношение к СССР.

В YouTube-пространстве существуют и места притяжения просоветски настроенных зрителей. К. И. Молотов к условно «коммунистическому сектору» относит Дмитрия Пучкова, Клим Жукова, Константина Семина, Андрея Рудого, Егора Иванова, активно обсуждающих современные либерально-документальные фильмы, посвящённые сталинским репрессиям. Блогеры, предлагающие альтернативный просоветский нарратив, собирают сотни тысяч просмотров на YouTube [17].

В интернет-пространстве присутствуют и ресурсы, свободные от идеологических споров. Например, анализ комментариев к передачам YouTube-проекта Л. Парфенова «НМДН» (посвящённым истории 1920-х и 1930-х гг.) не показал острого конфликта нарративов зрительской рецепции [16, с. 136–151]. Возможно, это связано с эффектом «эхо-камеры», предполагающим повышенный интерес к деятельности канала «Парфенон» тех пользователей, что изначально разделяют либеральные взгляды. Из комментариев видно, что интерес к советскому прошлому связан не столько с желанием вернуться к «великим свершениям» эпохи, сколько с ностальгией по советской бытовой и духовной культуре.

Таким образом, эстетика играет более важную роль, чем политика, а тяжёлые воспоминания о прошлом преобладают над триумфальными. Высказывание своих мыслей в комментариях и, следовательно, повторное переживание тяжёлых событий прошлого может быть рассмотрено как цифровой способ преодоления культурных травм, полученных российским обществом в советский период, что объясняет повышенный интерес именно либеральной части общественности к деятельности и личности Леонида Парфенова.

Ностальгические дискуссии могут сопровождаться спорами вокруг распада СССР. А. Ю. Бубнов на основе анализа содержания ведущих Telegram-каналов, посвящённых анализу истории, сделал вывод о соперничестве двух главных нарративов о распаде СССР: патриотического и либерально-западного [18, с. 79–97]. В либерально-западном нарративе распад СССР рассматривается как неизбежное и, возможно, даже желательное явление, отрицается его травматичный характер, делается акцент не на потерях, а на приобретениях. М. Гор-

бачёв характеризуется как политик, предотвративший катастрофические последствия.

Патриотический нарратив, объединяющий как правые, так и левые группы, определяет распад СССР как национальную травму (крупнейшую геополитическую катастрофу XX в.), вызванную слабостью и предательством власти.

А. А. Линченко и О. В. Головашина, проанализировав контент документальных фильмов и телепроектов конца 1990–2010-х гг., отмечают тенденцию увеличения проектов, в которых распад СССР определяется как катастрофа. Передачи, транслирующие травматический дискурс, преобладают по числу просмотров [19]. Использование методов машинного обучения и анализа настроений позволило определить, что большинство зрительских интернет-комментариев являются нейтральными, однако существует высокий процент записей, выражающих негативное отношение к распаду СССР, что может объясняться романтизацией советской повседневности, семейным опытом, а также медиавлиянием.

Заключение. Интернет-споры о советской истории не всегда соответствуют нормам аргументации. Грубость и троллинг может доминировать в связи с позицией организаторов группы или качества аудитории. Онлайн-акторы активно формируют (порой противоположные) нарративы о советском прошлом, основываясь как на официальных политических дискурсах, так и на собственном опыте. Социальные сети предоставляют площадку для создания альтернативных контрнарративов, что способствует плюрализации спектра мнений о прошлом. Однако обсуждение советских времён часто вызывает конфликт, что не способствует формированию социального сотрудничества или совместного конструктивного решения по определению единого поля исторической памяти российского социума.

Таким образом, в статье были определены основные нарративы онлайн-дискуссий и пользовательские реакции на интернет-контент о советском, а также новейшая исследовательская методология, применяемая в российской гуманитарной науке. Следует

отметить большой эвристический потенциал математических методов анализа медиарецепций (по сравнению с традиционными социологическими опросами), позволяющих выделять нарративы через исследование непосредственных дискуссий и реакций на контент, фиксируя следующие компоненты феномена советской ностальгии:

1) постоянные сравнения (актуализация) прошлого и настоящего;

2) идеологическое противостояние, опрокинутое в прошлое;

3) наслаждение советской эстетикой быта и теплотой человеческих отношений.

Исследование советской ностальгии фиксирует существование в современной России трёх идеологических расколов, определяющих существование лагеря условных либералов-антисоветчиков, советских патриотов и патриотов-державников.

С одной стороны, растёт уровень политизации обсуждения Советского Союза, что в терминологии С. Бойм указывает на попытки продвижения различными общественными институтами (в том числе и государственными структурами) реставрирующей ностальгии, предполагающей поиск в прошлом примеров «правильной жизни».

С другой стороны, вхождение в дискуссионное поле представителей молодого поколения (рождённых в постсоветской России) сопровождается увеличением случаев троллинга и эмоциональных провокаций. С третьей стороны, представители последнего советского поколения (рождённые в 1970-х гг.) демонстрируют интерес в первую очередь к советскому быту и эстетике, что может быть определено как проявление рефлектирующей ностальгии.

Исследование медиапространства позволяет получить дополнительную информацию об общественных дискуссиях вокруг роли и значения СССР. Анализ комментариев к интернет-проекту даёт ввести в научный оборот аргументы, имеющие хождение в массовом сознании России. Таким образом, методы цифровой гуманитаристики дополняют данные социологических опросов, расширяя наши представления о характере современной советской ностальгии.

Список литературы

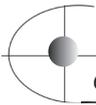
1. Blackburn M., Khlevnyuk D. Escaping the Long Shadow of Homo Sovieticus: Reassessing Stalin's Popularity and Communist Legacies in Post-Soviet Russia // *Communist and Post-Communist Studies*. 2024. No. 1. P. 154–173.

2. Głowacka-Grajper M. Memory in Post-Communist Europe: Controversies over Identity, Conflicts, and Nostalgia // *East European Politics and Societies*. 2018. No. 4. P. 924–935.
3. Post-Soviet Nostalgia: Confronting the Empire's Legacies / edited by O. Boele, B. Noordenbos, K. Robbe. New York: Routledge, 2021. 254 p.
4. Kalinin I. Nostalgic Modernization: The Soviet Past as., *Historical Horizon* // *Slavonica*. 2011. No. 2. P. 156–166.
5. Kasamara V., Sorokina A. Post-Soviet Collective Memory: Russian Youths about Soviet Past // *Communist and Post-Communist Studies*. 2015. № 2–3. P. 137–145.
6. Lee M. Nostalgia as a Feature of Glocalization: Use of the Past in Post-Soviet Russia // *Post-Soviet Affairs*. 2011. No. 2. P. 158–177.
7. Мацкевич М. Г. Времена выбирают: образы желаемого прошлого глазами россиян // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*. 2023. № 4. С. 113–140.
8. Долгов А. Ю., Мелешкина Е. Ю., Толпыгина О. А. От ностальгии к осмыслению настоящего: СССР в представлениях разных поколений // *Политическая наука*. 2021. № 1. С. 245–273.
9. Абрамов Р. Н. Отношение к позднему советскому прошлому как объект социологического исследования // *Общественные науки и современность*. 2019. № 5. С. 108–120.
10. Багдасарян В. Э. Восприятие СССР в историческом сознании современного российского социума: тенденции ресоветизации (по материалам социологических опросов) // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки»*. 2022. № 1. С. 7–19.
11. Тихонова С. В., Артамонов Д. С. Историческая память в социальных медиа. СПб.: Алетей, 2021. 341 с.
12. Абрамов Р. Н. «Советский чердак» российской блогосферы: анализ ностальгических виртуальных сообществ // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2011. Т. 5, № 6. С. 88–102.
13. Долгов А. Ю. «Онлайн-память» о советском прошлом: социальные сети как альтернативные арены споров об СССР // *Политическая наука*. 2022. № 1. С. 191–204.
14. Зевако Ю. В., Караваева Д. Н. Медиапространство политики памяти об эпохе политических репрессий (на примере тематических интернет-проектов) // *Уральский исторический вестник*. 2020. № 2. С. 107–115.
15. Хлевнюк Д. О., Максимова А. С. Родины нашего страха: рецепция фильма Юрия Дудя «Колыма» в социальных сетях // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2021. Т. 13, № 4. С. 28–46.
16. Целыковский А. А., Суслов И. В., Иванов А. Г., Сидоров С. П. Проект «НМДНИ»: исследование социальной рецепции // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2023. № 1. С. 136–161.
17. Молотов К. И., Максимова А. С., Хлевнюк Д. О. Способы конструирования экспертной позиции в YouTube: видео популярных блогеров-историков о сталинских репрессиях // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021. № 5. С. 92–117.
18. Бубнов А. Ю., Савельева М. А. Память о распаде СССР в контексте разломов общественного сознания современной России (на материалах Telegram) // *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*. 2022. № 6. С. 79–97.
19. Линченко А. А., Головашина О. В. Тридцать лет спустя: распад СССР в телевизионной журналистике и интернет-пространстве современной России // *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*. 2022. № 6. С. 56–781.
20. Thomson A. Memory and Remembering in Oral History // *The Oxford Handbook of Oral History* / Edited by D. A. Ritchie. New York: Oxford University Press, 2011. P. 77–95.
21. Assmann J. Communicative and Cultural Memory // *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook* / By edited A. Erll and A. Nünning. Berlin, New York: De Gruyter, 2008. P. 109–118.
22. Самостиенко Е. В. Digital Humanities в русскоязычном контексте: траектория институционализации и механизмы формирования автономных зон // *Вестник Вятского государственного университета*. 2018. № 4. С. 37–45.
23. Arnold E. Digital Humanities: Is it Research or is it Service? // *Digital Humanities München*. 2020. 26 Juli.
24. Бойм С. Будущее ностальгии // *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*. 2013. № 3. С. 118–138.
25. Malinova O. Constructing the Collective Trauma of The Hard 1990s as a Disregarded Tool of Legitimation for Putin's Authority // *Nationalities Papers*. 2022. No. 3. P. 619–623.

Информация об авторах

Суслов Иван Владимирович, кандидат социологических наук, Саратовская государственная юридическая академия; Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1; suslov85@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0991-6368>.

Тихонова Софья Владимировна, доктор философских наук, профессор, Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского; Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83; segedav@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2487-3925>.

Вклад авторов в статью

Суслов И. В. – основной автор, систематизировал и анализировал материал исследования.
Тихонова С. В. – организатор исследования, формулировала выводы и обобщала итоги реализации коллективного проекта.

Для цитирования

Суслов И. В., Тихонова С. В. Феномен советских ностальгических дискуссий в российском медиапространстве // Гуманитарный вектор. 2024. Т. 19, № 4. С. 91–99. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-91-99.

Статья поступила в редакцию 15.09.2024; одобрена после рецензирования 17.10.2024; принята к публикации 18.10.2024.

References

1. Blackburn, M., Khlevnyuk, D. Escaping the Long Shadow of Homo Sovieticus: Reassessing Stalin's Popularity and Communist Legacies in Post-Soviet Russia. *Communist and Post-Communist Studies*, no. 1, pp. 154–173, 2024. (In Eng.)
2. Głowacka-Grajper, M. Memory in Post-Communist Europe: Controversies over Identity, Conflicts, and Nostalgia. *East European Politics and Societies*, no. 4, pp. 924–935, 2018. (In Eng.)
3. Post-Soviet Nostalgia: Confronting the Empire's Legacies. Editors O. Boele, B. Noordenbos, K. Robbe. New York: Routledge, 2021. (In Eng.)
4. Kalinin, I. Nostalgic Modernization: The Soviet Past as Historical Horizon. *Slavonica*, no. 2, pp. 156–166, 2011. (In Eng.)
5. Kasamara, V., Sorokina, A. Post-Soviet Collective Memory: Russian Youths about Soviet Past. *Communist and Post-Communist Studies*, no. 2–3, pp. 137–145, 2015. (In Eng.)
6. Lee, M. Nostalgia as a Feature of Glocalization: Use of the Past in Post-Soviet Russia. *Post-Soviet Affairs*, no. 2, pp. 158–177, 2011. (In Eng.)
7. Matskevich, M. G. Times choose: images of the desired past through the eyes of Russians. *Politeia (The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics)*, no. 4, pp. 113–140, 2023. (In Rus.)
8. Dolgov, A. Yu., Meleshkina, E. Yu., Tolpygina, O. A. From nostalgia to understanding the present: the USSR in the representations of different generations. *Political science*, no. 1, pp. 245–273, 2021. (In Rus.)
9. Abramov, R. N. Attitude to the late Soviet past as an object of sociological research. *Social Sciences and Contemporary World*, no. 5, pp. 108–120, 2019. (In Rus.)
10. Bagdasaryan, V. E. Perception of the USSR in the historical consciousness of modern Russian society: trends of re-Sovietization (based on the materials of sociological surveys). *Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Sciences*, no. 1, pp. 7–19, 2022. (In Rus.)
11. Tikhonova, S. V., Artamonov, D. S. Historical memory in social media. SPb: Aleteyya, 2021. (In Rus.)
12. Abramov, R. N. "The Soviet Attic" of the Russian blogosphere: an analysis of nostalgic virtual communities. *Interaction. Interpretation*, no. 6, pp. 88–102, 2011. (In Rus.)
13. Dolgov, A. Y. "Online memory" of the Soviet past: social networks as alternative arenas of disputes about the USSR. *Political science*, no. 1, pp. 191–204, 2022. (In Rus.)
14. Zevako, Yu. V., Karavaeva, D. N. The media space of the politics of memory of the era of political repression (on the example of thematic Internet projects). *Ural Historical Journal*, no. 2, pp. 107–115, 2020. (In Rus.)
15. Khlevnyuk, D. O., Maksimova, A. S. The homeland of our fear: reception of Yuri Dud's film "Kolyma" on social networks. *Interaction. Interview. Interpretation*, no. 4, pp. 28–46, 2021. (In Rus.)
16. Tselykovsky, A. A., Suslov, I. V., Ivanov, A. G., Sidorov, S. P. The NMDNI project: a study of social reception. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, no. 1, pp. 136–161, 2023. (In Rus.)
17. Molotov, K. I., Maksimova, A. S., Khlevnyuk, D. O. Methods of constructing an expert position on YouTube: videos of popular bloggers and historians about Stalinist repressions. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 5, pp. 92–117, 2021. (In Rus.)
18. Bubnov, A. Yu., Savelyeva, M. A. Memory of the collapse of the USSR in the context of the fractures of public consciousness in modern Russia (based on Telegram materials). *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*, no. 6, pp. 79–97, 2022. (In Rus.)
19. Linchenko, A. A., Golovashina, O. V. Thirty years later: the collapse of the USSR in television journalism and the Internet space of modern Russia. *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*, no. 6, pp. 56–78, 2022. (In Rus.)
20. Thomson, A. Memory and Remembering in Oral History. Ed. by Ritchie, D. A. *The Oxford Handbook of Oral History*. New York: Oxford University Press, 2011: 77–95. (In Eng.)
21. Assmann, J. Communicative and Cultural Memory. Ed. by Erll, A., Nünning, A. *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin, New York: De Gruyter, 2008: 109–118. (In Eng.)

22. Samostienko, E. V. Digital humanities in the Russian-speaking context: the trajectory of institutionalization and mechanisms for the formation of autonomous zones. Herald of Vyatka State University, no. 4. pp. 37–45, 2018. (In Rus.)

23. Arnold, E. Digital Humanities: Is it Research or is it Service? Digital Humanities München, 26 Juli, 2020. (In Eng.)

24. Bojm, S. The Future of nostalgia. Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture, no. 3, pp. 118–138, 2013. (In Eng.)

25. Malinova, O. Constructing the Collective Trauma of The Hard 1990s as a Disregarded Tool of Legitimation for Putin's Authority. Nationalities Papers, no. 3, pp. 619–623, 2022. (In Eng.)

Information about the authors

Suslov Ivan V., Candidate of Sociological Sciences, Saratov State Law Academy; 1 Vol'skaya st., Saratov, 1410056, Russia; suslov85@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0991-6368>.

Tikhonova Sofya V., Doctoral Degree (Philosophy), Professor, Saratov State University; 83 Astrakhanskaya st., Saratov, 410012, Russia; segedasv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2487-3925>.

Contribution of the authors to the article

Suslov I. V. – the main author, who systematized and analyzed the research material.

Tikhonova S. V. – the organizer of the study, who formulates conclusions and summarizes the results of the implementation of the collective project.

For citation

Suslov I. V., Tikhonova S. V. Methods and Results of the Study of the Phenomenon of Soviet Nostalgia in the Russian Media Space // Humanitarian Vector. 2024. Vol. 19, no. 4. P. 91–99. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-91-99.

**Received: September 15, 2024; approved after reviewing October 17, 2024;
accepted for publication October 18, 2024.**

АКСИОЛОГИЯ МЕДИА

AXIOLOGY OF MASS MEDIA

Научная статья

УДК 070+81

DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-100-109

Репрезентация темы феминизма в российском медиапространстве: авторы и сюжеты

Никита Антонович Аргылов¹, Ксения Алексеевна Храмовская²

^{1,2}Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», г. Санкт-Петербург, Россия

¹nargylov@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3600-3193>

²kakhramtsovskaya@edu.hse.ru, <https://orcid.org/0009-0006-7777-9325>

Авторами рассматриваются особенности медиарепрезентации феминизма как актуального явления, изучаются связанные с ними сюжеты в российских СМИ и массмедиа последних лет. Целью исследования является определение динамики публикаций авторов и сюжетного развития феминистской темы в российском медиапространстве с 2017 г., выявление тенденции в развитии феминистской темы. Материалом для работы стали интернет-публикации с ключевым словом «феминизм» из восьми российских массмедиа: Wonderzine*, Meduza*, «Афиша Daily», «Такие дела», «Новая газета»*, «Комсомольская правда», «Аргументы и факты», The Voice (Cosmopolitan). Главными паттернами, которые наблюдаются среди ключевых авторов феминистских публикаций, становятся активизм и околофеминистские профессиональные интересы. Контент-анализ позволил выявить основные коммуникативные практики феминистского дискурса, тематические приоритеты. В статье даётся характеристика основных авторов публикаций и оцениваются возможности их конструктивного / деструктивного влияния на аудиторию. Возрастающее количество публикаций, установленных в рамках исследования, подтверждает повышение интереса журналистов к теме феминизма в российском медиапространстве. Установлено, что репрезентация темы феминизма выходит за рамки традиционных массмедиа в социальные сети. Замечены следующие закономерности: авторы публикаций про феминизм, которые не являются активными участниками феминистских акций, чаще всего представляют такие тематические направления, как история, литература, искусство; наибольшее количество публикаций принадлежит журналистам, участвующим в акциях или продвигающих «феминистскую повестку». Выявлено, что тексты, посвящённые феминизму, начинают приобретать политический характер, а обращение к политическим сюжетам отражает ухудшающуюся общественную динамику феминистского движения в контексте значимых мировых и российских событий.

Ключевые слова: феминизм, автор, медиадискурс, репрезентация, активизм, медиапространство, тематические сюжеты

* Признан Минюстом иностранным агентом.

Original article

Representation of Feminism in Russian Media Space: Authors and Narratives

Nikita A. Argylov¹, Ksenia A. Khramtsovskaya²^{1,2}National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia¹nargylov@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3600-3193>²kakhramtsovskaya@edu.hse.ru, <https://orcid.org/0009-0006-7777-9325>

The authors examine the features of media representation of feminism as a topical phenomenon and study related stories in Russian news and mass media over recent years. The aim of the study is to determine the dynamics of authors' publications and the feminist topic's development in the Russian media space since 2017, as well as to identify trends in the development of the feminist topic. The materials used for the work were online publications with key words "feminism" from eight Russian mass media: Wonderzine*, Meduza*, Afisha Daily, Takiye Dela, Novaya Gazeta*, Komsomolskaya Pravda, Argumenty i Fakty, The Voice (Cosmopolitan). The main patterns that are observed among key authors of feminist publications are activism and professional feminist interests. Content analysis which was conducted during the research presented the main communicative practices of feminist discourse and thematic priorities. Moreover, the work presents characteristics of the main authors and assesses their potential for constructive / destructive influence on the audience. The increasing number of publications established in the framework of the research confirms the rising journalists' interest in the feminism topic in the Russian media space. The research has proved that the representation of the feminism theme goes beyond traditional mass media and is being actively discussed on social networks. The following patterns were found – authors of feminism publications, who are not active participants of feminist actions/events, most often represent such thematic areas as history, literature, art, and others; the largest number of publications belongs to journalists participating in actions or promoting "feminist" agenda. Activity monitoring of the studied authors revealed a lack of systematicity in the feminist publications, but some find a newsworthy occurrence to return to the topic in their materials. We revealed that feminist texts are tended to acquire political color, and the appeal to political subjects reflects worsening social dynamics of feminist movement in the context of important world and Russian events.

Keywords: feminism, author, media discourse, representation, activism, media space, thematic stories

Введение. В зарубежном научном дискурсе тема феминизма является трендовой. ООН причисляет проблемы к разряду глобальных, и потому настоятельно рекомендуется развивать гендерные исследования. В зарубежных трудах обсуждаются многообразные аспекты феминизма, предлагается их разная типология (либеральный, социалистический, интерсекциональный и феминизм третьей волны) [1; 2]. Тема присутствует не только на специальных сайтах феминистских и правозащитных организаций, но и общественно-политических СМИ, крафтовых медиа¹ и блогосфере феминисток². Аудитория разных стран обсуждает сексизм и феминизм в СМИ – от популярных телевизионных шоу до приложений для знакомств. В повестке западных медиа появляются

не просто темы дискриминации женщин, сексизма, насилия и домогательства, но и темы, связанные с пострадавшими от унижений мужчин, трансгендеров, транссексуалов, что не является характерным для российского медиапространства [3; 4].

В России феминизм всё больше превращается в разновидность идеологического дискурса. Обсуждаются: «главные установки современного женского движения – не насилие и гуманистические ценности, эгалитаризм и партнёрство в качестве основы отношений между мужчиной и женщиной, признание их различий и взаимодополняемости при равных социальных возможностях» [5]. Однако немало текстов, в которых проявляются экстремистские начала.

Нарастающий интерес к феминистским исследованиям в России проявился в конце XX – начале XXI в. и ознаменовался работами О. А. Ворониной [6; 7], И. А. Жеребкиной [8], О. М. Здравомысловой [9] и А. А. Тёмкиной [10], С. Г. Айвазовой [11] и др. Исследователи рассматривали феминизм в основном в русле гуманитарно-социальных

¹ Lewis J. J. The ongoing struggle to achieve gender equality. – Текст: электронный // ThoughtCo. – 2019. – URL: <https://www.thoughtco.com/what-are-womens-rights-3529028> (дата обращения: 03.06.2024).

² The Core Ideas and Beliefs of Feminism. – URL: <https://www.coe.int/en/web/gender-matters/feminism-and-women-s-rights-movements> (дата обращения: 03.06.2024). – Текст: электронный.

* Registered as a foreign agent by the Ministry of Justice.

наук, но позднее стала заметна тенденция к междисциплинарному изучению темы.

Работы, которые рассматривают темы феминизма в российских СМИ, немногочисленны, но показательны в своих выводах. Например, О. М. Здравомыслова и Н. И. Кигаи отмечают, что *«ясно ощущается внутреннее сопротивление большинства журналистов – как мужчин, так и женщин – разработке женской темы, которая на подсознательном представляется скорее опасной, чем неинтересной»*¹.

Можно согласиться с выводами Т. Л. Каминской, подчёркивающей актуальность темы: «В России за последние два года сложился масштабный феминистский дискурс в цифровой среде, вовлекающий в коммуникацию всё большее число адресатов и социальных акторов. Сегодня очевидно наличие дискурсивно оформленной повестки для феминизма в Интернете и её влиянии на социум, особенно на молодёжь» [12].

Ряд исследователей видят деструктивные начала в возрождении темы феминизма. Так, Э. Н. Жирнова полагает, что «влияние феминистических идей сказывается непосредственным образом на ходе противостояния в Интернете пользователей сети различной гендерной принадлежности (как было отмечено выше, сейчас все люди получили равные и различные возможности высказывать свои мысли и идеи, в чём раньше были ограничены), сопровождающегося достаточно заметным расколом, который в перспективе может иметь тяжкие последствия» [13]. Исследователь имеет в виду слишком жёсткие формы проявления своего недовольства чем-либо через призму «мужского-женского». Эту же мысль повторяет О. А. Дворянкин в статье «Феминизм и харассмент – монстры нового мира, стремящиеся покорить людей через интернет...?» [14].

Феминизм и харассмент, по мнению исследователя, объединившись, смогут стать «монстрами нового мира», и при этом основным инструментом, который им в этом поможет покорить людей и навязать им своё видение мира, станет Интернет и непосредственно его информационные технологии» [Там же].

Неоднородность полученных результатов в исследовании вопроса могут подтвердить работы А. К. Ермоловой и Ю. А. Клец,

которые заключают, что большое количество общественно-политических СМИ активно освещают темы феминизма, пытаясь дать этому явлению готовую и интерпретированную оценку для аудитории, однако положительно воспринимают движение в целом [15].

Учёными также рассматривалась тема занятости женщины в медиаотрасли; результаты показали, что по-прежнему на ведущих позициях оказываются мужчины: *«...курс и тон развития российской журналистики выбирают и задают мужчины: 75 % генеральных директоров и главных редакторов ведущих СМИ в России – мужчины»* [16].

Цель исследования заключается в определении динамики работы авторов и сюжетного развития феминистской темы в российском медиапространстве с 2017 по 2022 г., определении тенденций в развитии феминистской темы.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

- 1) определить профессиональные журналистские интересы исследуемых авторов;
- 2) проанализировать участие авторов публикаций в активистской и просветительской деятельности феминистской направленности;
- 3) детерминировать возможную корреляцию между полученными «портретами» авторов, контекстами и сюжетами материалов.

В статье раскрываются важные, малоизученные аспекты в медиарепрезентации феминизма, такие как авторы текстов и сюжеты. В научный оборот включаются новые эмпирические данные, раскрывающие динамику работ авторов и развитие феминистской темы в российском медиапространстве. В качестве объектов исследования выступают журналисты популярных российских медиа, которые выпускали материалы с ключевым словом «феминизм» за период с 2017 по 2022 г. В выборку были включены следующие медиа: Wonderzine*, Meduza*, «Афиша Daily», «Такие дела», «Новая газета»*, «Комсомольская правда», «Аргументы и факты», The Voice (Cosmopolitan).

Методы исследования. Используются теоретические методы, которые предполагают проведение анализа представленности проблематики феминизма в российских массмедиа, классификацию публикаций по определённым схожим и отличительным признакам, обобщение особенностей ре-

¹ Здравомыслова О. М., Кигаи Н. И. Женская тема в средствах массовой информации. – URL: https://www.gorby.ru/userfiles/file/zhenskaya_tema_v_smi.pdf (дата обращения: 03.06.2024). – Текст: электронный.

презентации темы феминизма в российском медиапространстве в зависимости от временного периода. Количественные методы, использованные в данной работе, представляют собой статистическую обработку полученных данных, а также библиометрический анализ (см. таблицу).

Количественный анализ публикаций и авторов за исследуемый период

Исследуемые годы	Исследуемые публикации – поиск сервисом «СКАН-Интерфакс», доп. ручная верификация*	Кол-во авторов
2017 г.	107	79**
2020 г.	170	88***
2022 г.	69****	49

Примечания: *использовалось ключевое слово «феминизм»;
 **из выборки исключены: групповые, без указания авторства, дублирующие публикации. В качестве дополнительного фильтра установлено «минимальное количество публикаций» (не менее двух), что позволило выделить активных авторов;
 ***исходя из сравнительно большого количества материала, в 2020 г. учитывались авторы, имеющие три публикации и более с ключевым словом «феминизм»;
 ****полученная выборка имеет фрагментарный характер: в 2022 г. ряд общественно-политических («Медуза»*, «Новая газета»*), а также феминистское медиа (Wonderzine*) признали иноагентами, нежелательными на территории РФ

Результаты исследования. В ходе исследования изучены публикации, затрагивающие тематику феминизма, в российских средствах массовой информации Wonderzine*, Meduza*, «Афиша Daily», «Такие дела», «Новая газета»*, «Комсомольская правда», «Аргументы и факты», The Voice (Cosmopolitan).

2017 г. Изучение профессиональных интересов журналистов публикаций показывает, что чаще пишут или упоминают феминизм те авторы, в профессиональные интересы которых входят темы кино, литературы, моды и искусства, например, литературные или кинокритики, культурные и модные обозреватели.

Вместе с тем исследование активистской деятельности или личностных особенностей журналистов, публикующих материалы о феминизме, показало, что наиболее активные авторы причастны к активистской и просветительской (темы ЛГБТ-движения, квир-культуры и феминизма) деятельности,

что, как можно предположить, влияет и на количество публикаций, и на их сюжеты.

Заметна важная корреляция между активистской и просветительской деятельностью авторов и сюжетами, которые они освещали: наличие факта какого-либо участия в активизме или просветительской профеминистской деятельности скорее приведёт к тому, что журналист будет репрезентировать феминизм в контекстах политических и общественно значимых событий. Например, Е. Костюченко в серии публикаций освещала политическую фем-акцию на Красной площади¹, А. Наринская писала о разных подходах к дискуссии о движении #MeToo и харассменте², а также о первом феминистском ролике³, Н. Бесхлебная рассказала о белорусском феминистском проекте «Такая, как есть»⁴, О. Страховская выпустила большой материал об исследовательском проекте западной феминистки А. Саркисян о сексизме в видеоиграх и явлении #GamerGate⁵ и др.

Самыми популярными сюжетами для упоминания феминизма, к которым обра-

¹ Костюченко Е. Нужно заставить ФСО оправдываться. – Текст: электронный // Новая газета: [сайт]. – 2017. – URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2017/03/10/71743-fotoshop-aktivistki-zagovorili-my-diskreditirovali-ves-feminizm-nichego-sebe> (дата обращения: 03.06.2024); Костюченко Е. Феминистки захватили Кремль. – Текст: электронный // Новая газета: [сайт]. – 2017. – URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2017/03/08/71717-feministki-zahvatili-kreml> (дата обращения: 03.06.2024); Костюченко Е. Феминистки провели акцию в Кремле. – Текст: электронный // Новая газета: [сайт]. – 2017. – URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2017/03/08/129671-na-krasnoy-ploschadizaderzhali-aktivistok-i-korrespondentov-novoy-gazety> (дата обращения: 03.06.2024).

² Наринская А. Домогательства и гусары. – Текст: электронный // Новая газета: [сайт]. – 2017. – URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2017/11/17/74587-domogatelstva-i-gusary> (дата обращения: 03.06.2024).

³ Наринская А. Это феминизм или маркетинг? Анна Наринская о рекламе с благими намерениями. – Текст: электронный // Афиша Daily: [сайт]. – 2017. – URL: <https://daily.afisha.ru/relationship/4661-eto-feminizm-ili-marketing-anna-narinskaya-o-reklame-s-blagimi-namereniyami> (дата обращения: 03.06.2024).

⁴ Бесхлебная Н. В Белоруссии женщины раздеваются, чтобы побороть сексизм. Как это работает? – Текст: электронный // Афиша Daily: [сайт]. – 2017. – URL: <https://daily.afisha.ru/relationship/6497-v-belorusii-zhenschiny-razdevayutsya-chtoby-poborot-seksizm-kak-eto-rabotaet> (дата обращения: 03.06.2024).

⁵ Страховская О. Девы в беде. Анита Саркисян четыре года боролась с сексизмом в видеоиграх, а сторонники Трампа – с ней. – Текст: электронный // Meduza: [сайт]. – 2017. – URL: <https://meduza.io/feature/2017/05/19/devy-v-bede> (дата обращения: 03.06.2024).

щались ключевые авторы в 2017 г., стали феминистская акция на Красной площади, приуроченная к празднованию международного женского дня (12 публикаций), «феминизм» – слово года по версии словаря Уэбстера (9 публикаций), движение #MeToo (6 публикаций).

2020 г. Динамика по количеству наиболее частотных авторов не сильно поменялась в сравнении с предыдущим рассматриваемым периодом: 17 авторов в 2020 г. против 19 в 2017 г. Также заметно, что десять авторов 2017 г. попали в текущую выборку. Однако необходимо отметить, что, будучи ключевыми авторами в 2017 г., А. Таежная, Г. Юзефович, Н. Бесхлебная и Н. Серебрякова в 2020 г. выпустили меньше публикаций о феминизме (в среднем одна публикация за год), что помешало указать их среди частотных авторов в текущем периоде.

Нельзя сказать с определённой уверенностью, что публиковавшиеся в 2017 г., но не замеченные в 2020 г. авторы перестали писать на феминистскую тему или упоминать движение в своих материалах. Вероятно, за трёхлетний период журналисты могли сменить издание. Вместе с тем выборка 2020 г. показывает растущее число новых индивидуальных авторов; их появление может свидетельствовать о том, что феминистская тема во временной динамике становилась более привлекательной.

Если в 2017 г. некоторые выделенные авторы имели непосредственную причастность к активизму или использовали в качестве журналистского профиля темы феминизма, квин-культуры и ЛГБТ, то ключевые журналисты 2020 г. имеют мало общего с активизмом, однако некоторые из них активно участвуют в популяризации идей движения в массмедиа, используя такие инструменты, как создание фильмов или социальные сети для продвижения феминистских и околофеминистских материалов.

Например, А. Долин* в 2022 г. выпустил подборку ЛГБТ-фильмов на сайте издания «Медуза»: в содержании упоминается закон о пропаганде гомосексуализма, принятый в России в 2022 г., который журналист называет «фашистским»¹; Л. Зайцева выпускала ролики общественно-политического характера в сервисе TikTok под ником «@overthink.

¹ Долин А. В России вот-вот полностью запретят «пропаганду» ЛГБТ+. Вне закона окажутся и шедевры мирового кино. – Текст: электронный // Meduza: [сайт]. – 2022. – URL: <https://meduza.io/feature/2022/11/23/v->

girl»); С. Дурбой публиковала материалы про феминизм, вебкам-моделлинг², наркопотребителей с положительным ВИЧ-статусом³. Доминирующими профессиональными интересами среди авторов, как и в 2017 г., становятся киножурналистика и литературная критика. Таким образом, представляется, что в российском медиапространстве темы искусства (кино и литература) часто способствуют раскрытию феминистской темы.

В 2020 г. заметно включение непрофильных медиа в тему феминизма. Так, смена характера публикаций наблюдалась у журнала Cosmopolitan: за 2020 г. были опубликованы материалы о проблемах запрета абортов⁴, секс-работе⁵ и сексуального насилия над женщинами⁶. За рассматриваемый год издание выпустило 29 публикаций с ключевым словом «феминизм» по сравнению с шестью публикациями в 2017 г. Вероятно, на этот факт повлияло то, что в начале 2020 г. в Cosmopolitan сменился главный редактор, а печатное издание и сайт объединились⁷.

В течение года Cosmopolitan также выпускал материалы непосредственно о феминизме и бодипозитиве: «*Ты против феминизма? Посмотри, во что превратится россия-вот-вот-полностью-запретят-пропаганду-lgbt-vnezakona-okazhutsya-i-shedevry-mirovogo-kino* (дата обращения: 07.06.2023).

² Дурбой С. Личный опыт: как я два месяца работала вебкам-моделью и не смогла забрать свои деньги. – Текст: электронный // Афиша Daily: [сайт]. – 2021. – URL: <https://daily.afisha.ru/relationship/19471-lichnyy-opyt-kak-ya-dva-mesyaca-rabotala-vebkam-modelyu-i-ne-smogla-zabrat-svoi-dengi> (дата обращения: 03.06.2024).

³ Дурбой С. «Сейчас я не против уколоться, но возможности нет». – Текст: электронный // СПИД. Центр: [сайт]. – 2017. – URL: <https://spid.center/ru/articles/1337> (дата обращения: 03.06.2024).

⁴ Женское дело: почему мужчины не имеют права голоса в вопросе аборта. – Текст: электронный // The Voice: 2020. – URL: <https://www.thevoicemag.ru/lifestyle/stil-zhizni/zhenskoe-delo-pochemu-muzhchiny-ne-imeyut-prava-golosa-v-voprose-aborta> (дата обращения: 03.06.2024).

⁵ Топилина А. Проституция – это насилие: почему нам всем нужна шведская модель. – Текст: электронный // The Voice. – 2020. – URL: <https://www.thevoicemag.ru/social/crime/prostituciya-eto-nasilie-pochemu-nam-vsem-nuzhna-shvedskaya-model> (дата обращения: 03.06.2024).

⁶ Максимова А. «Я родила от насильника»: история от первого лица. – Текст: электронный // The Voice. – 2020. – URL: <https://www.thevoicemag.ru/social/stories/ya-rodila-ot-nasilnika-istoriya-ot-pervogo-lica> (дата обращения: 03.06.2024).

⁷ В Cosmopolitan сменился главный редактор. – Текст: электронный // Sostav.ru: [сайт]. – 2020. – URL: <https://www.sostav.ru/publication/v-cosmopolitan-novyy-glavnyj-redaktor-41364.html> (дата обращения: 03.06.2024).

твоя жизнь без него»¹, «"Я не феминистка": почему женщинам не нравится движение, защищающее их интересы»², «Модели plus-size: нам всё равно врут»³. В текстах отличительной чертой становится эмоциональность, с которой пишут авторы С. Грибацкая и Е. Попова: «Природа! Разве можно с ней спорить?»⁴; «Да что ты говоришь!».

Часто журналистка С. Грибацкая обращается к читателю на «ты», тем самым рассчитывая на молодую аудиторию и создавая доверительность повествования. Можно предположить, что некоторый вызов и провокационность публикаций, которые также исходят и от журналистского стиля авторов, присутствуют для увеличения реакции читателя, исходя из общей спорной направленности тем: «Ну как, ты всё ещё хочешь поиграть в мир без феминизма?»⁵. Смена главного редактора Cosmopolitan и общий фон общественных событий 2020 г. привели к смене вектора редакторской политики медиа в сторону частоты публикаций о феминизме. Забегая вперёд, отметим, что в 2022 г. это медиа продолжит публиковать материалы ярко феминистской направленности.

2020 год становится наиболее активным по количеству общих публикаций с ключевым словом «феминизм»; динамика сюжетов показывает, что в 2020 г. появилось больше публикаций с такими острополитизированными темами, как домашнее насилие, харассмент, ЛГБТ-движение, аборты и трансгендерность. Общей темой для 2017 и 2020 гг. становится волна движения #MeToo, которое продолжило набирать популярность в России и было тесно связано с появлением «новой этики». Другими популярными сюжетами стали уголовное дело Ю. Цветковой, домашнее насилие во время

самоизоляции, медиаскандал с участием телеведущей Р. Тодоренко, обвинение российского сериала «Чики» в пропаганде ЛГБТ и феминизма. В целом наблюдается ухудшающаяся общественная динамика относительно феминистского движения, например, в дискурсе массмедиа появилось словосочетание «пропаганда феминизма».

2022 г. Было отобрано 69 публикаций с ключевым словом «феминизм» и 49 единичных авторов. Необходимо отметить, что полученная выборка имеет фрагментарный характер: в 2022 г. ряд общественно-политических (Meduza*, «Новая газета»*), а также феминистское медиа (Wonderzine*) признали нежелательными на территории РФ. Блокировка сайтов изданий повлияла на то, что система «СКАН-Интерфакс» перестала учитывать их материалы в общей поисковой выборке. Несмотря на это, представляется важным обращение к периоду 2022 г. с точки зрения той динамики, которую репрезентация феминизма получила из-за отсутствия большинства публикаций запрещённых либеральных медиа.

В текущую выборку попали Е. Попова (Cosmopolitan / The Voice), С. Гудошников («Афиша Daily») и Т. Сыкова (Cosmopolitan / The Voice), чьи публикации появлялись часто. Е. Попова выпустила пять материалов профеминистской направленности, которые имеют положительную тональность по отношению к феминизму. Большинство из них несут просветительскую функцию, рассказывая о главных конфликтах между движением и обществом. Журналист сохранила схожую направленность публикаций, которую демонстрировала в 2020 г., затронув темы феминистского секса⁶ и женской эмансипации от патриархальной модели семьи⁷. С. Гудошников продолжает работать в жанре хроники и заметок, рассказывая о новостях, касающихся российского феминистского движения: например, уголовное дело Ю. Цветковой, законопроект о включе-

¹ Грибацкая С. Ты против феминизма? Посмотри, во что превратится твоя жизнь без него. – Текст: электронный // The Voice. – 2020. – URL: <https://www.thevoicemag.ru/lifestyle/society/ty-protiv-feminizma-posmotri-vo-chto-prevratitsya-tvoya-zhizn-bez-nego> (дата обращения: 03.06.2024).

² Там же.

³ Модели plus-size: нам всё равно врут. – Текст: электронный // The Voice. – 2020. – URL: <https://www.thevoicemag.ru/social/stories/modeli-plus-sizenam-vse-ravno-vrut> (дата обращения: 03.06.2024).

⁴ Грибацкая С. Ты против феминизма? Посмотри, во что превратится твоя жизнь без него. – Текст: электронный // The Voice. – 2020. – URL: <https://www.thevoicemag.ru/lifestyle/society/ty-protiv-feminizma-posmotri-vo-chto-prevratitsya-tvoya-zhizn-bez-nego> (дата обращения: 03.06.2024).

⁵ Там же.

⁶ Попова Е. «Парни считают это отвратительным»: как феминистки занимаются сексом. – Текст: электронный // The Voice. – 2022. – URL: <https://www.thevoicemag.ru/sex-love/sex/parni-schitayut-eto-otvratitelnym-kak-feministki-zanimayutsya-seksom> (дата обращения: 03.06.2024).

⁷ Попова Е. Напрасные жертвы: Екатерина Попова о том, почему служение семье бесполезно. – Текст: электронный // The Voice. – 2022. – URL: <https://www.thevoicemag.ru/psychology/psychology/naprasnye-zhertvy-ekaterina-popova-o-tom-pochemu-sluzhenie-seme-bespolezno> (дата обращения: 03.06.2024).

нии радикального феминизма и чайлдфри в реестр токсичного и незаконного контента. Т. Сыкова, которая специализируется на глянцево-журналистике, рассматривает феминизм через призму восприятия звёздных личностей и лидеров мнений (М. Маркл и принц Гарри). Схожие публикации Т. Сыкова выпускала в 2020 г., но акцент был поставлен на звёздах российского шоу-бизнеса (О. Акиншина, Л. Долина).

Стоит также отметить журналистов с наименьшим количеством публикаций, которые, однако, попали в выборку всех трёх рассматриваемых годов: А. Краснова (Cosmopolitan / The Voice), Е. Писарева («Афиша Daily», «Новая газета»), К. Мартынов* («Новая газета»). Такая стабильность публикаций, хоть и не самых частых, может говорить о постоянстве интересов, связанных с феминизмом, или об актуальности темы в профессиональном поле журналиста. Например, материалы А. Красновой и Е. Писаревой сохраняют феминистскую сюжетность во всех трёх периодах: оба автора остаются работать в своих жанрах, но так или иначе продолжают затрагивать темы харассмента и движения #MeToo¹, феминистского активизма², феминистской деятельности западных и российских представительниц шоу-бизнеса³, а также отечественные истории о женщинах в сфере мужской профессиональной индустрии⁴.

К. Мартынов упоминал феминизм как неотъемлемую часть происходящих политических событий в России: обсуждение

¹ Краснова А. Итоги 2017 года: громкие обвинения звёзд и не только в домогательствах и насилии. – Текст: электронный // The Voice. – 2017. – URL: <https://www.thevoicemag.ru/stars/krupnim-planom/itogi-2017-goda-gromkie-obvineniya-zvezd-i-ne-tolko-v-domogatelstvah-i-nasilii> (дата обращения: 03.06.2024).

² Краснова А. Голой грудью за правду: 10 громких акций распавшегося движения FEMEN. – Текст: электронный // The Voice. – 2020. – URL: <https://www.thevoicemag.ru/stars/krupnim-planom/goloy-grudyu-zapravdu-10-gromkih-akcii-raspavshegosya-dvizheniya-femen> (дата обращения: 03.06.2024).

³ Краснова А. Эволюция актрисы Эммы Уотсон: от волшебницы до феминистки. – Текст: электронный // The Voice. – 2020. – URL: <https://www.thevoicemag.ru/stars/krupnim-planom/evolyuciya-emmy-uotson> (дата обращения: 03.06.2024).

⁴ Писарева Е. Женщины в креативных индустриях: «Самое сложное – не встраиваться в иерархию насилия». – Текст: электронный // Афиша Daily: [сайт]. – 2020. – URL: <https://daily.afisha.ru/brain/16102-zhenschiny-v-kreativnyh-industriyah-samoe-slozhnoe-ne-vstraivatsya-v-ierarhiyu-nasilija> (дата обращения: 03.06.2024).

законопроекта о запрете радикального феминизма и внесение феминистских медиа в реестр токсичного контента. При этом автор подобного мнения не придерживается: *«Быть противником Black Lives Matter или феминизма в современном мире – значит сидеть в одной лодке с Валерием Зорькиным, писавшим несколько лет назад о преимуществах крепостничества»*⁵.

Видна тенденция неоднократного обращения к феминистской тематике в профессиональном поле на протяжении нескольких лет. Авторы с большей вероятностью сохранят прежний вектор публикаций о феминизме, тональность (положительную или нейтральную), но в ответ на меняющиеся общественный и политический контексты готовы подстраивать сюжетность своего материала, тем самым достигая актуальности.

Общая характеристика отобранных публикаций за 2022 г. без полноформатного участия «нежелательных» медиа показала, что после марта репрезентация феминизма частично потеряла свой политический контекст, в то время как оставшиеся медиаигроки сосредоточились на своих профильных сюжетах (кино, литература, звёздные хроники, быт).

Самым популярным инфоповодом 2022 г. стало предложение о создании реестра токсичного контента и включении в него ЛГБТ-движения и радикального феминизма. Государственная риторика относительно радикального течения движения акцентно-негативная – радикальный феминизм и чайлдфри упоминается в одном дискурсе с преступными элементами: *«В сети романтизируются террористы, преступники, маньяки, убийцы. Под видом защиты нарушенных прав женщин очерняются традиционные семейные ценности и роль женщины в семье – так называемый радикальный феминизм. Под видом свободы выбора пропагандируется отказ от создания семьи и рождения детей – так называемый чайлдфри»*⁶. В то же время авторы не выражают оценочного суждения относительно инфоповода и чаще остаются в рамках

⁵ Мартынов К. Кто куёт совок. – Текст: электронный // Новая газета: [сайт]. – 2020. – URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/06/30/86073-kto-kuets-sockov> (дата обращения: 03.06.2024).

⁶ Что произошло за ночь 17 февраля. Коротко. – Текст: электронный // Новая газета: [сайт]. – 2022. – URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2022/02/17/chto-proizoshlo-za-noch-17-fevralia-korotko-news> (дата обращения: 03.06.2024).

жанра хроники. Отдельно стоит отметить материал Н. Афанасьевой, одного из частотных авторов, в «Афише Daily», который рассказал о негативной реакции российского фем-общества на новость о готовящемся реестре токсичного контента – флешмоб #яфеминистка¹.

Обсуждение результатов исследования. Динамика количества публикаций в рассматриваемых выборках показывает: чаще всего упоминали феминизм в своих публикациях такие издания, как «Афиша Daily», «Медуза», «Новая газета» и The Voice (Cosmopolitan). Напротив, эта тематика реже встречалась в профильном Wonderzine, а также в общественно-политических СМИ: «Комсомольская правда» и «Аргументы и факты». Не найдено публикаций с ключевым словом «феминизм» в массмедиа «Такие дела».

Для авторов, публикующих материал с ключевым словом «феминизм», становится характерным участие в активистской деятельности, а также наличие таких тем в качестве профессиональных интересов, как сам феминизм, ЛГБТ-движение и квир-культура. Авторы с упомянутыми характеристиками чаще обращаются к общественно-политическим сюжетам и репрезентируют движение в контексте значимых мировых и российских событий: движение #MeToo, «феминизм» – слово 2017 г. по версии словаря Уэбстера, феминистский проект А. Саркисян о сексизме в видеоиграх, фем-акция на Красной площади, первый феминистский ролик “Nike Russia”, уголовное дело Ю. Цветковой, медиаскандал с участием Р. Тодоренко, предложение о создании реестра токсичного контента и включение в него радикального феминизма и чайлдфри.

Динамика также показала, что тенденция сохранения высокой частоты публикаций авторов из одного года в другой не прослеживается. Вместе с этим в 2020 и 2022 гг. присутствуют повторяющиеся авторы без особых характеристик (активизм, общественно-политическая направленность материала). Три автора (А. Краснова,

Е. Писарева, К. Мартынов) попали в выборку каждого из трёх годов, что может свидетельствовать о том, что авторы, публикующие тексты с феминистской тематикой, возвращаются к ним в своей профессиональной деятельности.

Для самих СМИ и массмедиа важными особенностями становятся их тематическая направленность: чем либеральнее издание, тем выше вероятность того, что феминизм будет упоминаться с нейтральной или положительной тональностями («Новая газета», «Медуза», «Афиша Daily»). Также смена редакционной политики способна во многом повлиять на репрезентацию феминизма: после смены главного редактора в онлайн-издании The Voice (Cosmopolitan) публикации с ключевым словом «феминизм» увеличились с шести публикаций в 2017 г. до 29 в 2020 г.

Заключение. Таким образом, тема феминизма сохраняет свою актуальность, привлекает внимание журналистов, набирая силу в медиапространстве, выходя за рамки традиционных СМИ. На сегодняшний день активно освещаются вопросы феминизма в социальных сетях, подкастах, фильмах и других объектах искусства. Исследование показало, что основной сферой интересов авторов, публикующих статьи про феминизм, но не являющихся активными участниками профеминистских акций, является освещение политической истории страны, а также литература, искусство и кино.

Журналисты, участвующие в активистских акциях и/или просветительской профеминистской деятельности, активнее других публикуют статьи на рассматриваемую тематику. Не прослеживается чёткая динамика активности авторов от года к году, однако часть авторов возвращается к теме феминизма в своих публикациях на протяжении всего периода. Вместе с тем большинство публикаций отличается поверхностностью и некорректностью в освещении разных аспектов феминизма. Приоритетным оказывается тематика, связанная с радикальным феминизмом. Поводом для публикаций становятся не реальные проблемы и права женщин, а в основном скандальные и незаконные действия, усиливающие гендерную чувствительность.

¹ Афанасьева Н. #яфеминистка: флешмоб, доказывающий чиновникам, что матери и жены тоже бывают феминистками. – Текст: электронный // Афиша Daily: [сайт]. – 2022. – URL: <https://daily.afisha.ru/infoporn/22471-yafeministka-fleshmob-dokazyvayuschichinovnikam-chto-materi-i-zheny-tozhe-byvayut-feministkami> (дата обращения: 03.06.2024).

Список литературы

1. Drazkiewicz E., Strong T. Repealing Ireland's Eighth Amendment: abortion rights and democracy today // *Social Anthropology*. 2020. Vol. 28, no. 3. P. 561–584.
2. Ruberg B. Representing sex workers in video games: feminisms, fantasies of exceptionalism, and the value of erotic labor // *Feminist Media Studies*. 2019. Vol. 19, no. 3. P. 313–330.
3. Cheshmedzhieva-Stoycheva D. S. Media discourse on women in politics: The first Muslim woman of colour in US Congress // *Media Linguistics*. 2020. Vol. 7, no. 4. P. 490–500.
4. Ullah H., Khan A. N., Khan H. N., Ibrahim A. Gender representation in Pakistani print media—a critical analysis // *Pakistan Journal of Gender Studies*. 2016. No. 12. P. 53–70.
5. Муслумова Т. В. Феминизм: истоки, этапы развития и основные направления // *Вестник Шадринского государственного педагогического университета*. 2015. Т. 4, № 28. С. 114–120.
6. Воронина О. А. Теоретические, эмпирические и политические аспекты гендерных исследований в России // *Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»*. 2023. № 2. С. 84–92. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-2-84-92.
7. Воронина О. А. Защита прав женщин – одна из важнейших социальных задач // *Вестник Российской академии наук*. 2011. Т. 81, № 11. С. 1029–1034.
8. Жеребкина И. А. Феминизм в эпоху тоталитаризма, или Феминистская интервенция в сталинизм // *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. 2018. № 3. С. 33–47. DOI: 10.23683/2218-5518.2018.3.3347.
9. Здравомыслова О. М. «Девочки просят внимания», или Исследования девичества сегодня // *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*. 2018. Т. 3, № 119. С. 142–144.
10. Тёмкина А. А., Здравомыслова Е. А. Интерсекционный поворот в гендерных исследованиях // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2017. Т. 20, № 5. С. 15–38.
11. Айвазова С. Г. Гендерный дискурс в поле консервативной политики // *Женщина в российском обществе*. 2017. Т. 4, № 85. С. 3–13. DOI: 10.21064/WinRS.2017.4.1.
12. Каминская Т. Л. Феминизм как модный медиадискурс: речевой аспект // *Мир русского слова*. 2021. № 2. С. 25–35. DOI: 10.24412/1811-1629-2021-2-25-35.
13. Жирнова Э. Н. Феминизм как часть медиакультуры. Текст: электронный // *Медиа. Информация. Коммуникация*. 2018. № 27. URL: <https://mic.org.ru/vyp/27-nomer-2018/feminizm-kak-chast-mediakultury> (дата обращения: 12.06.2024).
14. Дворянkin О. А. Феминизм и харассмент – монстры нового мира, стремящиеся покорить людей через интернет...? // *Евразийский Союз ученых*. 2021. Т. 82. С. 29–38. DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2021.3.82.1219.
15. Ермолова А. К., Клец Ю. А. Медиаотражение темы феминизма в отечественных общественно-политических интернет-СМИ // *Медиасреда*. 2020. № 1. С. 135–140. DOI: 10.24411/2070-0717-2020-10129.
16. Александрова О. А., Хоткина З. А., Бурдастова Ю. В., Ненахова Ю. С. Гендерные аспекты занятости в российских масс-медиа: влияние социально-политического контекста и информационных технологий // *Народонаселение*. 2020. Т. 23, № 2. С. 149–160. DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.2.13>.

Информация об авторах

Аргылов Никита Антонович, кандидат политических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 190121, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16; nargylov@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3600-3193>.

Храмцовская Ксения Алексеевна, магистр, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 190121, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16; kakhramtsovskaya@edu.hse.ru, <https://orcid.org/0009-0006-7777-9325>.

Вклад авторов

Аргылов Н. А. – основной автор, определивший методологию и направление анализа материалов исследования.

Храмцовская К. А. – систематизировала, анализировала и оформляла материал исследования.

Для цитирования

Аргылов Н. А., Храмцовская К. А. Репрезентация темы феминизма в российском медиапространстве: авторы и сюжеты // *Гуманитарный вектор*. 2024. Т. 19, № 4. С. 100–109. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-100-109.

Статья поступила в редакцию 10.09.2024; одобрена после рецензирования 15.10.2024; принята к публикации 17.10.2024.

References

1. Drazkiewicz, E., Strong, T. Repealing Ireland's Eighth Amendment: abortion rights and democracy today. *Social Anthropology*, no. 3, pp. 561–584, 2020. (In Eng.)
2. Ruberg, B. Representing sex workers in video games: feminisms, fantasies of exceptionalism, and the value of erotic labor. *Feminist Media Studies*, no. 3, pp. 313–330, 2019. (In Eng.)
3. Cheshmedzhieva-Stoycheva, D. S. Media discourse on women in politics: The first Muslim woman of colour in US Congress. *Media Linguistics*, no. 4, pp. 490–500, 2020. (In Eng.)
4. Ullah, H., Khan, A. N., Khan, H. N., Ibrahim, A. Gender representation in Pakistani print media—a critical analysis. *Pakistan Journal of Gender Studies*, no. 12, pp. 53–70, 2016. (In Eng.)
5. Muslumova, T. V. Feminism: its origins, stages of development and the main movements. *Vestnik of Shadrinsk state pedagogical university*, no. 28, pp. 114–120, 2015. (In Rus.)
6. Voronina, O. A. Theoretical, empirical, and political aspects of gender studies in Russia. *Vestnik of RGGSU*, no. 2, pp. 84–92, 2023. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-2-84-92. (In Rus.)
7. Voronina, O. A. Protection of women's rights – one of the most important social tasks. *Vestnik of Russian Academy of Sciences*, no. 11, pp. 1029–1034, 2011. (In Rus.)
8. Zherebkina, I. A. Feminism in the totalitarian era, or feminist intervention in stalinism. *Political conceptology: journal of interdisciplinary studies*, no. 3, pp. 33–47, 2018. DOI: 10.23683/2218-5518.2018.3.3347. (In Rus.)
9. Zdravomyslova, O. M. "Girls demand attention" or studies of girlhood today. *Debates on politics and culture*, no. 119, pp. 142–144, 2018. (In Rus.)
10. Temkina, A. A., Zdravomyslova, E. A. Intersectional turn in gender studies. *The Journal of sociology and social anthropology*, no. 5, pp. 15–38, 2017. (In Rus.)
11. Aivazova, S. G. Gender discourse in the field of conservative politics. *Woman in Russian society*, no. 85, pp. 3–13, 2017. DOI: 10.21064/WinRS.2017.4.1. (In Rus.)
12. Kaminskaya, T. L. Feminism as a fashionable media course: speech aspect. *World of the Russian word*, no. 2, pp. 25–35, 2021. DOI: 10.24412/1811-1629-2021-2-25-35. (In Rus.)
13. Zhirnova, E. N. Feminism as part of media culture. *Media. Information. Communication*, no. 27, 2018. Web. 12.06.2024. <https://mic.org.ru/vyp/27-nomer-2018/feminizm-kak-chast-mediakultury>. (In Rus.)
14. Dvoryankin, O. A. Feminism and harassment are monsters of the new world, seeking to conquer people through the internet...?! *Eurasian union of scientists*, pp. 29–38, 2021. DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2021.3.82.1219. (In Rus.)
15. Ermolova, A. K., Klets, Yu. A. Media reflection of the theme of feminism in domestic socio-political online media. *Media environment*, no. 1, pp. 135–140, 2020. DOI: 10.24411/2070-0717-2020-10129. (In Rus.)
16. Alexandrova, O. A., Khotkina, Z. A., Burdastova, Yu. V., Nenahova, Yu. S. Gender aspects of employment in Russian mass media: impact of socio-political context and information technologies. *Population*, vol. 23, no. 2, pp. 149–160, 2020. DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.2.13>. (In Rus.)

Information about the authors

Argylov Nikita A., Candidate of Political Science, associate professor, National Research University Higher School of Economics; 16 Soyuz Pechatnikov st., St. Petersburg, 190121, Russia; nargylov@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3600-3193>.

Khramtsovskaya Ksenia A., Master Student, National Research University Higher School of Economics; 16 Soyuz Pechatnikov st., St. Petersburg, 190121, Russia; kakhrantsovskaya@edu.hse.ru, <https://orcid.org/0009-0006-7777-9325>.

Contribution of the authors to the article

Argylov N. A. – main author, who defined the methodology and direction of the analysis of the research materials.

Khramtsovskaya K. A. – systematized, analyzed and designed the research material.

For citation

Argylov N. A., Khramtsovskaya K. A. Representation of Feminism in Russian Media Space: Authors and Narratives // *Humanitarian Vector*. 2024. Vol. 19, no. 4. 100–109. P. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-100-109.

Received: September 10, 2024; approved after reviewing October 15, 2024; accepted for publication October 17, 2024.

Научная статья

УДК 070.4

DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-110-119

Медиакритика как форма репрезентации ценностных ориентиров редакции дореволюционной газеты (на материале «Нижегородского листка» начала XX в.)

Елена Юрьевна Гордеева

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия
Elgord1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2313-619X>*

Предпринятое исследование направлено на изучение медиакритических выступлений «Нижегородского листка» начала XX в., особенно представленных в авторских колонках редактора и ведущих сотрудников газеты, с целью выявления в них ценностных ориентиров редакции издания. В научный оборот введён новый эмпирический материал: медиакритические тексты, печатавшиеся в авторских колонках («Случайные заметки» А. Дробыш-Дробышевского, «Литература и жизнь» В. Львова-Рогачевского, «Журнальные заметки» В. Чешихина). Актуальность предложенной темы обусловлена необходимостью изучения аксиологического вектора провинциального издания в предреволюционной России, что может быть востребовано при формировании новостной повестки и редакционной политики современными региональными СМИ. В работе использованы историко-типологический метод, что важно для типологической характеристики «Нижегородского листка» и выявления его редакционной политики, а также методы сплошного просмотра и текстуального анализа, позволяющие сделать выводы о формах репрезентации ценностных ориентиров изучаемого издания. Автор делает вывод, что участие в газете «Нижегородский листок» известных писателей и публицистов (М. Горького, В. Короленко, В. Львова-Рогачевского, В. Чешихина, А. Дробыш-Дробышевского) обеспечивало высокий уровень размещённых в ней текстов, в том числе и медиакритических выступлений. Использование авторской колонки как особой формы журналистской критики давало возможность изданию транслировать аудитории свои ценностные ориентиры, полемизировать как с нижегородскими (газета «Волгарь»), так и столичными периодическими изданиями. Анализ эмпирического материала позволил установить, что в числе основных редакционных ценностей «Нижегородского листка» были защита свободы слова и распространение гласности, борьба за достоверность передаваемой информации и ответственность за формирование общественного мнения. Результаты проведённого исследования в будущем можно использовать при изучении истории медиакритики в дореволюционной России, а также редакционных установок других провинциальных изданий, в том числе нижегородских.

Ключевые слова: история русской журналистики, «Нижегородский листок», медиакритика, редакция СМИ, аксиология журналистики, авторская колонка

Original article

Media Criticism as a Form of Representation of the Value Orientations of Editorial Staff of a Pre-revolutionary Newspaper (Based on the Material of "Nizhegorodskiy Listok" of the Early 20th Century)

Elena Yu. Gordeeva

*National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia
Elgord1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2313-619X>*

The undertaken research is oriented at studying the media criticism of "Nizhegorodskiy Listok" of the early 20th century, especially presented in the author's columns of the editor and leading publicists of the newspaper, with the aim to identify the editorial values. New empirical material is introduced into scientific circulation: media critical texts published in the author's columns ("Random Notes" by A. Drobyshevsky, "Literature and Life" by V. Lvov-Rogachevsky, "Journal Notes" by V. Cheshikhin). The relevance of the proposed topic is due to the need to study the axiological vector of a provincial publication in pre-revolutionary Russia, which may be in demand for forming the news agenda and editorial policy of modern regional media. We use the histori-

© Гордеева Е. Ю., 2024

cal-typological method, which is important for the typological characteristics of "Nizhegorodskiy Listok" and the identification of its editorial policy, as well as methods of entire overview and textual analysis, which allow us to draw conclusions about the forms of representation of the value orientations of the studied newspaper. The author comes to the conclusion that the participation of famous writers and publicists (M. Gorky, V. Korolenko, V. Lvov-Rogachevsky, V. Cheshikhin, A. Drobysh-Drobyshevsky) in the newspaper "Nizhegorodskiy Listok" ensured the high level of texts published in it, including media criticism. The use of the author's columns as a special form of media criticism gave the periodical an opportunity to convey its value orientations to the audience and to polemicize with Nizhny Novgorod press (the newspaper "Volgar") as well as capital city periodicals. The analysis of the empirical material made it possible to establish that the main editorial values of "Nizhegorodskiy Listok" were: the protection of freedom of speech and the spreading of publicity, the fight for the reliability of the delivered information and responsibility for the formation of public opinion. The results of the research can be used in studying of the history of media criticism in pre-revolutionary Russia, as well as the editorial guidelines of other provincial periodicals, including the newspapers of Nizhny Novgorod.

Keywords: history of Russian journalism, "Nizhegorodskiy Listok", media criticism, editorial staff of a media, axiology of journalism, author's column

Введение. Исследователи истории журналистики неоднократно указывали на условность употребления термина «медиа-критика» применительно к текстам русской периодики XIX и XX вв. Анализируя газетно-журнальный мир дореволюционного и советского периодов, обычно использовали обозначения, не раскрывающие всей специфики определённых публикаций, например такие, как «журнальная критика» или «журналистская критика» [1, с. 220]. При этом имелись в виду материалы прессы, связанные с позиционированием издания в глазах читателей и способами коммуникации с аудиторией, саморефлексией журналистов об особенностях своей профессии и собственном творческом кредо, оценкой других периодических изданий или даже полемикой с ними. Изучение данных публикаций, как бы их сегодня ни называли медиаисследователи, очень важно с точки зрения определения аксиологических векторов редакций дореволюционных изданий, традиции которых могут быть учтены и современными СМИ. Согласимся с В. В. Прозоровым, который писал, что «критик СМИ публично пробует определить ценностные параметры новых журналистских текстов, общественно значимые, творческие, этические аспекты журналистской деятельности» [2, с. 11].

Изучение журналистской критики в дореволюционной прессе осуществлялось в основном на материале столичных изданий. Однако медиакритика направлена на оперативный анализ только что опубликованных журналистских произведений, а также на выявление и изучение тех процессов, которые происходят в СМИ и отдельных регио-

нов, и страны в целом¹. Поэтому мы вводим в научный оборот медиакритические тексты провинциальных изданий, прежде всего оппозиционного издания Нижнего Новгорода – «Нижегородский листок», чем определяется новизна предпринятого исследования.

Указанная ежедневная общественно-литературная, политическая и биржевая газета выходила с 1895 по 1917 г. и была известна литераторами, печатавшимися на её страницах. В числе её сотрудников указывались В. Г. Короленко, Н. Г. Гарин-Михайловский, Е. Н. Чириков, М. Горький и др. В период с 1894 по 1895 г. и с 1906 по 1916 г. газету редактировал А. А. Дробыш-Дробышевский (1856–1920), участвовавший также в таких дореволюционных нижегородских изданиях, как «Волгарь» и «Иллюстрированное приложение к газете "Нижегородский листок"». В научной литературе о нём писали в основном лишь как о литераторе из окружения В. Г. Короленко и М. Горького [3]. Самобытность журналистского и редакторского стиля А. А. Дробыш-Дробышевского, в том числе в медиакритических текстах, ранее не привлекала внимания учёных. Таким образом, цель представленной статьи – изучить медиакритические выступления редактора и других сотрудников «Нижегородского листка», что позволит прояснить ценностные ориентиры издания.

Известно, что в периодике редактор «Нижегородского листка» публиковался под псевдонимами Перо; А. У.; А. Уманьский, А. Дробышевский и др.² Он вёл на страни-

¹ Баканов Р. П. Медийная критика в системе современной журналистики России: учеб. пособие. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. – С. 7.

² Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. – М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1960. – Т. 4. – С. 171.

цах газеты постоянные рубрики (колонки): под псевдонимом «Перо» – «Мимоходом» (с 1901 г.) и «Случайные заметки» (с 1910 г.); под псевдонимом А. Уманьский – «Из современной литературы» (с 1903 г.). В этих авторских колонках А. А. Дробыш-Дробышевский обращался к событиям как общероссийского масштаба, так и из жизни нижегородцев. Важно также учитывать, что авторская колонка, являясь особой формой медиакритики, даёт автору широкие возможности для творческой самореализации [4, с. 37], «презентации оценочного контекста» [5, с. 165] и диалога с читателем, выражает личную точку зрения публициста, раскрывающую суть издания, его проблематику и редакционную политику.

Соответственно изучение материала авторских колонок медиакритической направленности на страницах «Нижегородского листка» позволит прояснить редакционные установки провинциального издания в дореволюционной России. Это важно как с точки зрения истории литературы и журналистики, так и для уточнения социокультурного и общественного-политического контекста функционирования периодики начала XX в., а также подчёркивает актуальность настоящей работы.

Обзор литературы. В последние годы предпринимались исследования, посвящённые теории медиакритики [6; 7], в том числе учитывающие её российские особенности [8]. Ряд работ связан со становлением и историей отечественной медиакритики [9; 10], а также её жанровым своеобразием [11; 12]. Исследуется современное состояние медийной критики [13; 14]. Серьёзное внимание медиаисследователей уделяется контексту изучения медиакритики [15; 16], в том числе представленным работами по медиаобразованию [17; 18]. Появляются труды, посвящённые специфике медийной критики в колумнистике [19]. В научном дискурсе обсуждаются генетические связи медиакритики и литературной критики, обусловленные изначальной литературоцентричностью российской журналистики [20; 21]. Получают развитие идеи, связанные с аксиологией массмедиа [22; 23]. Отдельного внимания заслуживают работы о ценностных ориентирах медиакритических текстов [24; 25], в том числе тех, что представлены колумнистикой [26]. Ряд исследований посвящён специфике медиакритики в региональной журнали-

стике России [27; 28], особенностям репрезентации в ней вопросов литературы [29; 30], в том числе на материале нижегородской периодической печати [31; 32]. Анализ существующей научной литературы позволяет сделать вывод о том, что особенности рецепции ценностных ориентиров редакций провинциальных газет в медиакритических текстах дореволюционной периодики, в том числе и нижегородской, никогда ранее не становились предметом монографического исследования. Данная статья призвана восполнить существующий пробел.

Методы и материалы исследования.

В ходе работы были использованы историко-типологический и системный методы, а также структурно-функциональный подход для определения места «Нижегородского листка» в системе прессы дореволюционной России. Для исследования ценностной базы газеты «Нижегородский листок», выявления особенностей её редакционной политики применялся метод сплошного просмотра. При анализе медиакритических текстов редактора и сотрудников изучаемого издания, позволяющих прояснить ценностные ориентиры редакции провинциальной газеты, задействован метод текстуального анализа. В качестве эмпирического материала привлечены номера газеты «Нижегородский листок». В выборку включено по 52 номера за 1901 и 1910 гг., т. е. по одному номеру в неделю за те годы, когда А. А. Дробыш-Дробышевский начинал вести свои колонки «Мимоходом» и «Случайные заметки», а также 52 номера газеты за 1902 г., период участия в издании известного литературного критика В. Л. Львова-Рогачевского.

Результаты исследования и их обсуждение. Как указывалось выше, колонка как форма журналистской критики расширяет творческий диапазон автора в плане выражения его оценочных суждений, а также способствует установлению коммуникации редакции с аудиторией. Все эти функции на страницах «Нижегородского листка» выполняла рубрика «Случайные заметки», которую вёл редактор А. А. Дробыш-Дробышевский. Так, в рамках данной авторской колонки в одном из августовских номеров за 1910 г. он даёт оценку тому, как российская пресса освещает сенаторские ревизии: «Князь Мещерский в “Гражданине” обрушился на ревизии. Он находит в них мало пользы, а много шума, подрывающего пре-

стиж власти. Таково мнение консерватора, имеющее своё основание, потому что ведь ревизии в самом деле не уничтожают зла, но обнаруживают недостатки системы, порождающей зло, преследуемое ревизиями»¹.

Речь идёт в том числе о деятельности сенатора Н. П. Гарина, которому в 1907 г. была поручена ревизия московского градоначальства и московской полиции, раскрывшая массу злоупотреблений и инициировавшая судебное разбирательство в отношении московского градоначальника Рейнбота. В 1909 г. Гарин проводит ревизию военных округов, что также способствовало выявлению различных преступлений.

Примечательно, что среди отделов, указанных в объявлении о подписке на «Нижегородский листок», значилось «Обозрение газет и журналов». Фактически на страницах издания оно было представлено рубрикой «Среди газет и журналов», которую, по-видимому, иногда вёл сам редактор А. А. Дробыш-Дробышевский. Иначе как объяснить то обстоятельство, что на следующий день после полемики с князем Мещерским в авторской колонке «Случайные заметки» тема сенаторских ревизий продолжается и усиливается в рубрике «Среди газет и журналов», медиакритический характер которой подчёркивается самим названием. В этой рубрике давались фрагменты перепечатанных, как правило из столичной прессы, материалов, в сопровождении лаконичных комментариев, выражавших отношение сотрудников «Нижегородского листка» к материалам своих коллег.

Выбор самих текстов, а также изданий, которые они представляли, позволял подчеркнуть редакционные установки «Нижегородского листка». Итак, в рубрике «Среди газет и журналов» читаем по поводу уже известной нам полемики: «Князь Мещерский недоволен ревизиями. Вот как высказывается он о них в «Гражданине» устами г. Икс: «Слава о Гарине загремела в русской земле. Московский градоначальник лежит трупом. Рассажены всякие обвиняемые по местам заключения. По безымянным доносам вызывали, допрашивали, брали людей под надзор и имена их посылали в газеты для публичного ошельмования. Ни следователь, ни прокурор не смели пикнуть. С высоты своей бородавки Гарин кричал: весь суд в

Сибирь сошлю, если посмеете мне перечить»². В данном случае редакция «Нижегородского листка» делегирует полномочия полемизировать с Мещерским столичной газете «Россия», которая, как считает автор нижегородской газеты, «возмутилась» подобными мнениями и читает князю нотацию: «Публицисту, объявляющему себя неизменным сторонником законной власти, едва ли достойно издеваться над столь серьёзными и необходимыми мероприятиями, как сенаторские ревизии. Кн. Мещерский не хуже нас знает, на чём зиждется истинный консерватизм»³.

Так, используя «цитатное письмо», либеральный и оппозиционный «Нижегородский листок» подытоживает суть полемики в жанре обзора периодической печати. Заметим, что материалы данной жанровой направленности выполняют среди прочих коммуникативную функцию, нацеленную на диалог с читателями, авторами и другими критиками, а также способствуют выражению ценностных ориентиров самой редакции. В данном случае использование постоянных рубрик «Случайные заметки» и «Среди газет и журналов» становится формой репрезентации таких ценностей, за которые выступает редакция «Нижегородского листка», как принципы журналистской этики и объективности.

В числе сотрудников газеты в начале XX в. были В. Е. Чешихин и В. Л. Львов-Рогачевский, авторитетные литературные критики, историки русской литературы, литературоведы. За свою общественную деятельность эти публицисты подвергались административному преследованию, в том числе высылались в провинциальные города. Именно в силу указанных жизненных обстоятельств каждый из них становится сотрудником «Нижегородского листка». В. Е. Чешихин часто публиковал свои тексты на страницах газеты под псевдонимом «Ч. Ветринский», В. Л. Львов-Рогачевский писал здесь в основном под псевдонимом «Ното». И Чешихин, и Львов-Рогачевский вели свои авторские колонки. Для первого это была рубрика «Журнальные заметки», для второго – «Литература и жизнь», уникальные образцы провинциальной медиакритики столичного уровня, проясняющие редакционное кредо «Нижегородского листка».

² Б. П. Среди газет и журналов // Нижегородский листок. – 1910. – 27 авг. (№ 233). – С. 1.

³ Там же.

¹ Перо. Случайные заметки // Нижегородский листок. – 1910. – 26 авг. (№ 232). – С. 3.

Обозревая содержание столичных журналов, сотрудники провинциальной газеты позволяли себе критику в адрес известных изданий и их авторов. Так, например, В. Л. Львов-Рогачевский писал в авторской колонке «Литература и жизнь» по поводу специализированных исторических журналов: «Русская старина» «напоминает нам дряхлого согбенного старца», который «ничего не помнит, что было вчера, но знает до тонкости всё, что “тогда” было»; «Исторический вестник» – «тучную даму уже “в летах”, страдающую водянкой», любящую «сочинить от себя какой-нибудь роман или повесть, и тогда приступ водянки начинает душить слабую женщину»; «Вестник всемирной истории» – «тех молодых людей, которые на всю жизнь остаются многообещающими» и т. д.¹ Название авторской колонки, где опубликован указанный текст, – «Литература и жизнь», как, впрочем, и её содержательное наполнение, указывает на тесную связь в дореволюционной журналистике литературной и медиакритики, их синкретизм. Существенно, что оба вида критики использовались провинциальными изданиями в дореволюционной России в том числе и для выражения редакционных установок.

Интересно, что более примирительный характер, чем в оценке столичных изданий, литературно-критические и медиакритические рубрики «Журнальные заметки» или «Литература и жизнь» приобретают в основном тогда, когда в них рассматриваются тексты, известные читателям «Нижегородского листка» по перепечаткам из столичных изданий, а также созданные сотрудниками газеты. В этом проявляется такая ценностная установка редакции «Нижегородского листка», как соблюдение корпоративной солидарности.

Напомним, что медиакритик вынужден иногда уточнять в глазах читателей собственное журналистское кредо, редакционные установки представляемого им издания, вступать в бой с противниками и конкурентами. Так, в июне 1901 г. на страницах «Нижегородского листка» развернулась полемика с другой нижегородской газетой – «Волгарь» С. И. Жукова, а также со столичными изданиями «Московский листок» и «Курьер». Событие, ставшее причиной разногласий в прессе, – убийство по неосто-

рожности 8-летнего мальчика, совершённое во время рыбной ловли на реке Линда издателем «Московского листка» Н. И. Пастуховым. «Нижегородский листок» изложил весьма осторожно отношение к этому происшествию не только собственным читателям, но и через телеграммы, посланные корреспондентами издания, подписчикам петербургской газеты «Новое время».

В результате этих публикаций развернулась полемика между «Нижегородским листком» и её конкурентом по нижегородской периодике «Волгарем», выходявшим ежедневно с 1892 по 1918 г. Отражением информационных разногласий стали такие тексты, опубликованные в «Нижегородском листке», как «Ещё раз о драме на Линде и о “Волгаре”»², «Полемика “Волгаря”»³ и др. «Волгарь» нападал на «Нижегородский листок» за то, что последний якобы объяснял поведение Пастухова злонамеренностью. Разумеется, мы не ставим своей целью дать юридическую оценку происшествию на реке Линда. Нас интересуют исключительно рецепция этого инцидента в прессе и связанная с ним полемика. Попытки «Курьера» и «Волгаря» декриминализировать эту историю встречают гневную отповедь со стороны «Нижегородского листка»: «Осуждение со стороны такой компании, стремящейся во что бы то ни стало снять ответственность с г. Пастухова, вряд ли кого-нибудь может смутить. Все усилия этой компании сделать белое из чёрного нас действительно смущают как недобросовестное пользование печатным словом»⁴.

Заметим, что данная полемика затрагивает не собственно сферу журналистского мастерства, например, владения словом, творческих методов и приёмов; она является способом репрезентации морально-этических установок редакции газеты, связанных с ответственностью журналистов за передачу достоверной информации и формирование общественного мнения: «Несколько фактических заметок, передающих, как было дело на Линде, всхлынули болото, и нам пришлось дать отпор клеветникам и лжецам. Нельзя было пройти молчанием попытки служащих и прислуживающихся

¹ Ното (Львов). Литература и жизнь // Нижегородский листок. – 1902. – 8 апр. (№ 95). – С. 2.

² Б. П. Ещё раз о драме на Линде и о «Волгаре» // Нижегородский листок. – 1901. – 22 июня. (№ 167). – С. 3.

³ Б. П. Полемика «Волгаря» // Нижегородский листок. – 1901. – 24 июня. (№ 167). – С. 2–3.

⁴ Там же.

г-ну Пастухову ввести в заблуждение общественное мнение»¹. Здесь важно понимать, что редакционные ценности «Нижегородского листка» выражались не только в стремлении следовать профессиональной объективности, бороться за достоверность передаваемой информации, чувствовать ответственность за формирование общественного мнения, но и проявлять особую моральную щепетильность по отношению к инциденту, в который был вовлечён известный человек из мира журналистики. Что же касается эмоционально-экспрессивной окрашенности и полемичности приведённых текстов, то эти характеристики являются, как известно, важнейшими для медиакритики.

Ещё одно экспрессивное выступление против «Волгаря», а заодно и против методов работы Петербургского телеграфного агентства находим в рубрике «Случайные заметки» в сентябре 1910 г. Автор рубрики, редактор А. А. Дробыш-Дробышевский, пишет о том, что газета «Волгарь» сообщила о назначении нижегородского губернатора вологодским губернатором одновременно с «Правительственным вестником» (в тот период назначение считалось состоявшимся только тогда, когда о нём давали информацию в «Правительственном вестнике»).

Редактор «Нижегородского листка» недоумевает, откуда «Волгарь» мог получить эксклюзивную информацию, и находит ответ на страницах самого конкурирующего издания: из специальной телеграммы Петербургского телеграфного агентства. А. А. Дробыш-Дробышевский возмущён: «До сих пор о существовании таких «специальных телеграмм» при Санкт-Петербургском телеграфном агентстве мы совершенно не слышали и находим их решительно недопустимыми. По самому существу своему, телеграфное агентство должно немедленно сообщать всем известия, представляющие для читателя интерес. За это оно и получает с подписчиков деньги <...> Если бы это делалось за особую плату в расчёте на интерес известия, то это можно бы назвать вымогательством. Если же это было сделано из любезности, по просьбе или по знакомству, то это называется кумовством»². В данном случае редакция ратует за равенство всех СМИ в плане доступа к объективной информации,

¹ Б. П. Полемика «Волгаря» // Нижегородский листок. – 1901. – 24 июня. (№ 169). – С. 3.

² Перо. Случайные заметки // Нижегородский листок. – 1910. – 3 сент. (№ 240). – С. 3.

тем более той, что распространяется с помощью национального информационного агентства.

Можно выделить и другие тексты медиакритической направленности на страницах «Нижегородского листка», например, те, что публиковались в традиционной для дореволюционной периодики рубрике «Письма в редакцию». Например, В. Е. Чешихин публикует в этой рубрике в апреле 1901 г. возмущённый текст, полемически заострённый против заметки «Волгаря» о заседании правления нижегородского Общества учителей и учительниц, в которой сказано, что именно он сделал предложение, «которое послужит началом ограничения гласности»³. Как видим, в числе основных ценностных ориентиров, постоянно транслируемых целевой аудитории, редакция «Нижегородского листка» выделяет защиту свободы слова и гласности, объективность журналистов и права читателей на получение достоверной информации.

Заключение. Подводя итоги, следует отметить, что, хотя «Нижегородский листок», являвшийся оппозиционным и либеральным изданием предреволюционного Нижнего Новгорода, формально принадлежал к провинциальной периодике, уровень многих публикаций в нём, в том числе благодаря участию известных писателей и публицистов (и не только М. Горького и В. Короленко, но и В. Львова-Рогачевского, В. Чешихина, А. Дробыш-Дробышевского), не отставал от уровня столичных газет. Высокий творческий потенциал редактора и сотрудников издания позволял использовать на страницах «Нижегородского листка» различный жанровый инструментарий, умело задействовать профессиональные методы и приёмы для поддержания диалога с аудиторией.

Одной из стратегий редакции газеты являлось привлечение медиакритического потенциала отдельных текстов и многообразных рубрик, включая авторские колонки («Случайные заметки» А. Дробыш-Дробышевского, «Литература и жизнь» В. Львова-Рогачевского, «Журнальные заметки» В. Чешихина и др.). Использование авторской колонки как особой формы медийной критики давало возможность изданию уточнять в глазах читателей свою редакционную политику, свободно полемизировать как с

³ Чешихин В. Е. Письма в редакцию // Нижегородский листок. – 1901. – 30 апр. (№115). – С. 3.

поволжскими, так и столичными журналистами.

Включение в жанровый арсенал «Нижегородского листка» различных медиакритических выступлений способствовало уточнению ценностных ориентиров издания. Медиакритика на страницах газеты становится формой репрезентации таких ценностных ориентиров её редакции, как профессиональная этика и объективность, достоверность передаваемой информации, ответственность за формирование общественного мнения, корпоративная солидарность, отстаивание прав своих читателей, защита свободы слова и гласности.

С учётом рассматриваемой исторической эпохи следует признать, что основные темы медиакритических публикаций про-

винциальной газеты в начале XX в. касались не столько проблем профессионального мастерства, публицистических методов и приёмов, сколько этических, нравственных и правовых аспектов журналистской деятельности.

Выявленный потенциал медиакритики с точки зрения её использования для трансляции ценностных ориентиров газетной редакции в дореволюционной России делает возможным распространение результатов проведённого исследования на изучение аксиологического вектора редакций сегодняшних СМИ. Полученные выводы актуализируют опыт журналистов прошлого, демонстрируют необходимость использования в современной медиасфере традиций, заложенных публицистами начала XX в.

Список литературы

1. Щербакова Г. И. Из истории формирования медиакритики в России (на примере журнала-газеты «Гражданин») // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2014. № 4. С. 219–227.
2. Прозоров В. В. От редактора // История медиакритики в России: очерки и материалы: науч. издание / под ред. В. В. Прозорова. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2019. С. 7–17.
3. Шиян Л. И. А. А. Дробыш-Дробышевский – литератор из нижегородского окружения В. Г. Короленко // Нижегородский краевед: сб. науч. ст. / под ред. Ф. А. Селезнёва. Н. Новгород: Центр краеведческих исследований ИМОИ ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2023. Вып. 7. С. 138–148.
4. Игнатова И. Б. Медиакритика в формате авторской колонки: к теории вопроса // Медиаисследования. 2018. № 5. С. 35–38.
5. Игнатова И. Б. Авторская колонка в отечественном массмедийном дискурсе последней трети XIX века (на материале газеты «Новое время») // Журналистика в контексте времени: науч. монография / под ред. Т. Н. Владимировой, В. А. Славиной, Н. В. Кодола. М.: МПГУ, 2020. С. 151–172.
6. Короченский А. П. Культурный аспект просветительской функции медиакритики // Медиа в современном мире. 61-е Петербургские чтения: сб. ст. междунар. науч. форума. СПб.: ООО «Медиапапир», 2022. Т. 2. С. 81–82.
7. Korochensky A. P., Srybnyy D. S., Tyazhelov Y. I. Civil media criticism and political processes in mediatized society // Media Education. 2019. Vol. 59, no. 3. P. 393–399.
8. Баканов Р. П. Медиакритика в контексте повседневности: депрофессионализация vs модернизация? // Динамика медиасистем. 2023. Т. 3, № 1. С. 39–47.
9. Волоконская Т. А. Вопросы медиакритики на страницах еженедельника «Всемирная иллюстрация» // Известия Саратовского университета. Серия «Филология. Журналистика». 2017. Т. 17, № 4. С. 469–471. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-4-469-471.
10. Прохорова И. Е. «Я журналист; мне всё журнальное не чуждо». П. А. Вяземский у истоков теории журналистики и медиакритики. Текст: электронный // Медиаскоп. 2014. № 3. URL: <http://www.mediascope.ru/1588> (дата обращения 28.08.2024).
11. Balashova Y. B. Literary specifics of the Russian media criticism // Russian Linguistic Bulletin. 2016. No. 1. DOI: 10.18454/RULB.5.08.
12. Артёменко С. В. Критерии оценивания журналистской деятельности и медиакритические жанры в «Московском вестнике» М. П. Погодина // Известия Саратовского университета. Серия «Филология. Журналистика». 2019. Т. 19, № 1. С. 93–97. DOI: 10.18500/1817-7115-2019-19-1-93-97.
13. Гордиенко Н. Н. Просветительская деятельность современных СМИ // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 123–128. DOI: 10.34216/1998-0817-2022-28-1-123-128.
14. Гордиенко Н. Н. Медиакритика – навигатор развития современной прессы // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. Серия «Филология. Журналистика». 2022. Т. 2, № 2. С. 164–171. DOI: 10.51965/20767919_2022_2_2_164.
15. Levitskaya A. The potential of an alliance of media literacy education and media criticism in Russia // European Journal of Contemporary Education. 2015. Vol. 14. P. 223–231. DOI: 10.13187/ejced.2015.14.223.

16. Kim Se-ik. A study on cultural contents studies and cultural contents criticism in the age of media complexity // Humanities Contents. 2022. Vol. 66. P. 95–111. DOI: 10.18658/humancon.2022.09.103.
17. Fedorov A., Levitskaya A. The framework of media education and media criticism in the contemporary world: the opinion of international experts // Comunicar. 2015. Vol. 23, no. 45. P. 107–115. DOI: 10.3916/C45-2015-11.
18. Fedorov A., Levitskaya A. Media education and media criticism in the educational process in Russia // European Journal of Contemporary Education. 2017. Vol. 6, no. 1. P. 39–47. DOI: 11.13187/ejced.2017.1.394.
19. Teplyasyina A. N., Pavlushkina N. A. Media criticism as a form of literary journalism: updating theoretical approaches to a meta-genre // World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies. 2017. No. 7. P. 283–310.
20. Fedorov A., Levitskaya A. Media literacy function in critical blogs // European Researcher. 2015. No. 4. P. 331–334. DOI: 10.13187/er.2015.93.33.
21. Lysova N. Modern literary criticism in the context of the new culture evolvement // Media Education. 2021. No. 2. P. 333–337.
22. Андреева А. В. Аксиология журналистики: категории и понятия // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2022. № 1. С. 179–201. DOI: 1026456/vtfild/2022/1/197.
23. Сидоров В. А. Аксиология массмедиа: проблемные поля и стратегии изучения // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 4. С. 117–25. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-117-125.
24. Баканов Р. П. Ценностные ориентиры в авторской позиции телекритика Александра Кондрашова // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2011. Т. 2, № 8. С. 42–50.
25. Olkhovaya T. A., Myasnikova T. I. Axiological milestones of media education practice // Education Transformation Issues. 2014. No. 1. P. 93–98.
26. Саенкова-Мельницкая Л. П. Аксиологические и документально-художественные основания колумнистики В. Степана // Язык как ценность бытия: сб. науч. тр. в честь юбилея проф. М. И. Коношкевич / отв. ред. Т. А. Пивоварчик. Гродно: Гроднинский гос. ун-т им. Янки Купалы, 2023. С. 334–341.
27. Баканов Р. П. Медийная критика в современных российских региональных СМИ: необходимость возрождения и проблемы становления // Региональная школа журналистики: векторы исследования (К 30-летию создания кафедры журналистики ННГУ им. Н. И. Лобачевского): материалы междунар. науч.-практ. конф. Н. Новгород: ННГУ, 2022. С. 39–45.
28. Даниелян Т. Р. Русская и русскоязычная журналистика в восприятии армянской прессы Тифлиса (1865–1918 гг.) // Имагология и компаративистика. 2021. № 15. С. 248–263. DOI: 10.17223/24099554/15/15.
29. Елина Е. Г. Жанровая палитра литературных материалов на страницах газеты «Саратовский вестник» 1910-х годов // Жанры речи. 2023. Т. 18, № 2. С. 166–174. DOI: 10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-166-174.
30. Орлицкий Ю. Б. Художественная словесность в русской провинциальной журналистике начала XX века // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2023. № 1. С. 18–26. DOI: 10.20339/PhS.1-23.018.
31. Гордеева Е. Ю. Медиакритика на страницах «Нижегородского листка» в начале XX в.: жанрово-тематический аспект // Медиа в современном мире. 63-и Петербургские чтения: материалы междунар. науч. форума. СПб.: ООО «Медиапапир», 2024. Т. 1. С. 19–20.
32. Гордеева Е. Ю. В. Е. Чехихин-Ветринский на страницах «Нижегородского листка» // Журналистика в поисках моделей развития: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. Томск: Нац. исслед. Томский гос. ун-т, 2024. С. 11–17. DOI: 10.17223/9785907722583/2024/2.

Информация об авторе

Гордеева Елена Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского; 603022, Россия, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23; Elgord1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2313-619X>.

Для цитирования

Гордеева Е. Ю. Медиакритика как форма репрезентации ценностных ориентиров редакции дореволюционной газеты (на материале «Нижегородского листка» начала XX в.) // Гуманитарный вектор. 2024. Т. 19, № 4. С. 110–119. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-110-119.

Статья поступила в редакцию 10.09.2024; одобрена после рецензирования 15.10.2024; принята к публикации 16.10.2024.

References

1. Shcherbakova, G. I. From the history of the formation of media criticism in Russia (using the example of the magazine-newspaper “Grazhdanin”). Vector of Science of Togliatti State University, no. 4, pp. 219–227, 2014. (In Rus.)

2. Prozorov, V. V. From the editor. Ed. by Prozorov, V. V. History of media criticism in Russia: essays and materials. Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta, 2019: 7–17. (In Rus.)
3. Shiyani, L. I. Drobyshevsky – a writer from the Nizhny Novgorod circle of V. G. Korolenko. Ed. by Seleznev F. A. Nizhny Novgorod regional historian, iss. 7. Nizhny Novgorod: Tsentr kraevedcheskikh issledovaniy IMOMI NNGU im. N. I. Lobachevskogo, 2023: 138–148. (In Rus.)
4. Ignatova, I. B. Media criticism in the format of an author's column: towards a theory of the issue. Media studies, no. 5, pp. 35–38, 2018. (In Rus.)
5. Ignatova, I. B. Author's column in the domestic mass media discourse of the last third of the 19th century (based on the newspaper New Time). Ed. by Vladimirova, T. N., Slavina, V. A., Kodol, N. V. Journalism in the context of time. M: MPGU, 2020: 151–172. (In Rus.)
6. Korochenskii, A.P. The cultural aspect of the educational function of media criticism. Media in the modern world. 61st St. Petersburg readings. Proceedings of the international scientific forum. SPb: 2022. Vol. 2. P. 81–82. (In Rus.)
7. Korochensky, A. P., Srybnyy, D. S., Tyazhelov, Y. I. Civil media criticism and political processes in mediatized society. Media education, no. 3, pp. 393–399, 2019. (In Eng.)
8. Bakanov, R. P. Media criticism in the context of everyday life: deprofessionalization vs. modernization? Dynamics of media systems, no. 1, pp. 39–47, 2023. (In Rus.)
9. Volokonskaya, T. A. Media Criticism Issues on the Pages of the Weekly "World Illustration". News of the Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism, no. 4, pp. 469–471, 2017. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-4-469-471. (In Rus.)
10. Prokhorova, I. E. "I am a journalist; everything magazine is not alien to me." P. A. Vyazemsky at the origins of the theory of journalism and media criticism. Mediascope, no. 3, 2014. Web. 28.08.2024. <http://www.mediascope.ru/1588>. (In Rus.)
11. Balashova, Y. B. Literary specifics of the Russian media criticism. Russian Linguistic Bulletin, no. 1, 2016. DOI: 10.18454/RULB.5.08. (In Eng.)
12. Artemenko, S. V. Criteria for assessing journalistic activity and media critical genres in M. P. Pogodin's "Moscow Herald". News of the Saratov University. New series. Series: Philology. Journalism, no. 1, pp. 93–97, 2019. DOI: 10.18500/1817-7115-2019-19-1-93-97. (In Rus.)
13. Gordienko, N. N. Educational activities of modern media. Bulletin of Kostroma State University, no. 1, pp. 123–128, 2022. DOI: 10.34216/1998-0817-2022-28-1-123-128. (In Rus.)
14. Gordienko, N. N. Media criticism – a navigator of the development of the modern press. Bulletin of Volzhsky University named after V. N. Tatishchev. Series: Philology. Journalism, no. 2, pp. 164–171, 2022. DOI: 10.51965/20767919_2022_2_2_164. (In Rus.)
15. Levitskaya, A. The potential of an alliance of media literacy education and media criticism in Russia. European journal of contemporary education, is. 4, pp. 223–231, 2015. DOI: 10.13187/ejced.2015.14.223. (In Eng.)
16. Kim, Se-ik. A study on cultural contents studies and cultural contents criticism in the age of media complexity. Humanities contents, vol. 66, pp. 95–111, 2022. DOI: 10.18658/humancon.2022.09.103. (In Eng.)
17. Fedorov, A., Levitskaya, A. The framework of media education and media criticism in the contemporary world: the opinion of international experts. Comunicar, vol. 23, no. 45, pp. 107–115, 2015. DOI: 10.3916/C45-2015-11. (In Eng.)
18. Fedorov, A., Levitskaya, A. Media education and media criticism in the educational process in Russia. European journal of contemporary education, no. 1, pp. 39–47, 2017. DOI: 10.13187/ejced.2017.1.394. (In Eng.)
19. Teplyasyina, A. N., Pavlushkina, N. A. Media criticism as a form of literary journalism: updating theoretical approaches to a meta-genre. World of Media. Journal of Russian media and journalism studies, no. 7, pp. 283–310, 2017. (In Eng.)
20. Fedorov, A., Levitskaya, A. Media literacy function in critical blogs. European researcher, no. 4, pp. 331–334, 2015. DOI: 10.13187/er.2015.93.33. (In Eng.)
21. Lysova, N. Modern literary criticism in the context of the new culture evolvement. Media education, no. 2, pp. 333–337, 2021. (In Eng.)
22. Andreeva, A. V. Axiology of journalism: categories and concepts, Bulletin of Tver State University. Series: Philology, no. 1, pp. 179–201, 2022. DOI: 10.26456/vtfield/2022/1/197. (In Rus.)
23. Sidorov, V. A. Axiology of mass media: problem fields and study strategies. Humanitarian vector, no. 4, pp. 117–125, 2021. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-117-125. (In Rus.)
24. Bakanov, R. P. Value guidelines in the author's position of TV critic Alexander Kondrashov. Sign: problematic field of media education, no. 8, pp. 42–50, 2011. (In Rus.)
25. Olkhovaya, T. A., Myasnikova, T. I. Axiological milestones of media education practice. Education transformation issues, no. 1, pp. 93–98, 2014. (In Eng.)
26. Saenkova-Mel'nitskaya, L. P. Axiological and documentary-artistic foundations of V. Stepan's columnistics. Ed. by Pivovarchik T. A. Language as a value of being. Grodno: Grodninskii gos. un-t im. Yanki Kupaly, 2023: 334–341. (In Rus.)

27. Bakanov, R. P. Media criticism in modern Russian regional media: the need for revival and problems of formation. Regional school of journalism: research vectors (On the 30th anniversary of the establishment of the Department of Journalism of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod). Proceedings of the international scientific and practical conference. Nizhny Novgorod: 2022: 39–45. (In Rus.)

28. Danielyan, T. R. Russian and Russian-language journalism in the perception of the Armenian press of Tiflis (1865–1918). Imagology and comparative studies, no. 15, pp. 248–263, 2021. DOI: 10.17223/24099554/15/15. (In Rus.)

29. Elina, E. G. Genre palette of literary materials on the pages of the newspaper «Saratovsky Vestnik» of the 1910s. Genres of speech, vol. 18, no. 2, pp. 166–174, 2023. DOI: 10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-166-174. (In Rus.)

30. Orbitskii, Yu. B. Fiction in Russian Provincial Journalism of the Early Twentieth Century. Philological Sciences. Scientific Reports of Higher Education, no. 1, pp. 18–26, 2023. DOI: 10.20339/PhS.1-23.018. (In Rus.)

31. Gordeeva, E. Yu. Media criticism on the pages of the Nizhny Novgorod Leaflet at the beginning of the 20th century: genre and thematic aspect. Media in the modern world. 63rd St. Petersburg readings. Proceedings of the international scientific forum. St. Petersburg, 2024. Vol. 1. P. 19–20. (In Rus.)

32. Gordeeva, E. Yu. V. E. Cheshikhin-Vetrinsky on the pages of the Nizhny Novgorod Leaflet. Journalism in Search of Development Models. Proceedings of the VII International scientific and practical conference. Tomsk: 2024: 11–17. DOI: 10.17223/9785907722583/2024/2. (In Rus.)

Information about the author

Gordeeva Elena Yu., Candidate of Philology, Associate Professor, National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky; 23 Gagarin ave., Nizhny Novgorod, 603022, Russia; Elgord1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2313-619X>.

For citation

Gordeeva E. Yu. Media Criticism as a Form of Representation of the Value Orientations of Editorial Staff of a Pre-revolutionary Newspaper (Based on the Material of “Nizhegorodskiy Listok” of the Early 20th Century) // Humanitarian Vector. 2024. Vol. 19, no. 4. P. 110–119. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-110-119.

**Received: September 10, 2024; approved after reviewing October 15, 2024;
accepted for publication October 16, 2024.**

Научная статья

УДК 070

DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-120-131

Историческая память в медиадискурсе о Специальной военной операции

Виктор Александрович Сидоров

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия
v.sidorov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8819-6815>

В исследовании рассматривается вопрос актуализации фактов исторической памяти как формы медиапамяти в современном медиадискурсе, выясняется её место и роль в пропаганде, в данном случае понимаемой как распространение знаний и формирование научного мировоззрения. Историческая память изучается через её проявления в дискурсе (де-факто официальный медиадискурс) о Специальной военной операции на примере программы «Время» (1-й канал телевидения) за первые десять месяцев проведения СВО. Разработка модели актуализации медиапамяти в контексте новостей выступает целью исследования, а также определяет его новизну. Применяемая методология комплексна – используются методы как первичного, так и вторичного анализа информации. Для этого проводится контент-анализ передач программы «Время», организуется фокус-группа, отбирается массив социологических данных из открытых источников ВЦИОМ. В итоге получены данные, позволившие установить, что способы обращения к фактам памяти о Великой Отечественной войне в исследуемом нарративе идентичны известным подходам к организации медиапропаганды, что на создание исторической памяти влияют как объективно действующие факторы медиасоциума, так и субъективированные – усилия политических акторов на установление в общественном сознании модели медиапамяти, соответствующей текущей политической ситуации: выбираются локус истории, на который направляется внимание аудитории, и набор утверждаемых ценностных суждений о прошлом в связи с актуальным настоящим. Так что события специальной военной операции воспринимаются через призму героического прошлого, приобретают сакральность, а попытки их принижения выглядят как подрыв ценностного строя общества. Интенция подкрепляется оптимизмом общего настроения передач, в которых рассказывается об успешном преодолении Россией возникших под влиянием западных санкций трудностей в народно-хозяйственной и финансовой сферах.

Ключевые слова: историческая память, медиапамять, медиасоциум, аудитория, пропаганда, ценности

Благодарности: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-28-00577 (<https://rscf.ru/project/24-28-00577>).

Original article

Historical Memory in the Media Discourse on the Special Military Operation

Viktor A. Sidorov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
v.sidorov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8819-6815>

The study examines the issue of actualization of facts of historical memory as a form of media memory in modern media discourse, and clarifies its place and role in propaganda, in this case understood as the dissemination of knowledge and the formation of a scientific worldview. Media memory is studied through its manifestations in the discourse (de facto official media discourse) about the Special Military Operation on the example of the program "Vremya" (Channel 1 of television) for the first 10 months of the SMO. The development of a model of media memory actualization in the context of news is both the goal of the research and determines its novelty. The methodology applied is complex – both primary and secondary information analysis methods are used. For this purpose, a content analysis of the "Vremya" program broadcasts is conducted, a focus group is organized, and an array of sociological data from open sources of VTsIOM is selected. As a result, the data was obtained, which allowed us to establish that the ways of addressing the facts of the Great Patriotic War memory in the studied narrative are identical to the known approaches to the organization of media propaganda, that the creation of historical memory is influenced by both objectively acting factors of the media society and subjective ones – the efforts of political actors to establish in the public consciousness a model of media memory that cor-

responds to the current political situation: the locus of history, to which the audience's attention is directed, and a set of asserted goals are chosen. Thus, the events of the Special Military Operation are perceived through the prism of the heroic past, they acquire sacredness, and attempts to belittle them look like undermining the value system of society. The intension is reinforced by the optimism of the general mood of the programs, which tell about Russia's successful overcoming of difficulties in the economic and financial spheres that arose under the influence of Western sanctions.

Keywords: historical memory, media memory, media society, audience, propaganda, values

Acknowledgments: the study was supported by the Russian Science Foundation grant no. 24-28-00577 (<https://rscf.ru/project/24-28-00577>).

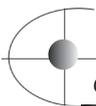
Введение. Феномен социальной, исторической и культурной памяти в последние десятилетия вызывает пристальный интерес со стороны философов, политологов, культурологов. Считается, что в цифровую эпоху историческая память принимает форму медиапамяти [1, с. 188; 2, с. 79]. Поль Рикёр, ссылаясь на труды Дж. Локка, раскрывает одну из причин общего интереса: память – критерий политической и культурной идентичности общества [3, с. 119]. В понимании Яна Ассмана, без упоминания трудов которого сегодня не обходится дискурс о памяти, можно наблюдать инверсию: идентичность сама по себе служит основанием памяти [4, с. 93]. Однако в представлениях А. Мегилла «идентичность превратилась в предмет дискуссий и сомнений», и учёный тесно увязывает память с «требованиями подлинности и истинности», переводит её в «привилегированный тип дискурса» [5, с. 133]. Привилегированный, потому что тесно связан с «доминирующей (в государстве) моделью (pattern) политики памяти о конкретном событии или процессе прошлого, имевшем значимые последствия, которая наличествует в данном обществе в данный момент» [6].

Память в медиа становится «опосредованной» в сочетании личных свидетельств, постов в социальных медиа и новостных репортажей СМИ. Цифровые медиа оказывают определяющее влияние на немедленную интерпретацию истории в дискурсах устойчивых эмоций и нарративов [7]. Именно поэтому память не является исключительно индивидуальным феноменом, а имеет корни в коллективном опыте сообщества: «она включает в себя коллективное бессознательное, поток сознания, который связывает всё» [8, с. 274–276].

Представления о прошлом занимают ключевое место в структуре идентичности, причём «чем меньше сообщество укоренено в существующих и хорошо функционирующих социальных практиках, тем более

проблематична его идентичность, тем более конститутивным для него является его вспоминаемое прошлое» [4, с. 147]. Необходимо учитывать субъективную природу идентичности и её подвижный характер. Формирование коллективной идентичности – это непрерывный процесс. Социальная память «вырастает» из разделяемых или оспариваемых смыслов и ценностей прошлого, которые «вплетаются» в понимание настоящего [См.: 9]. Смыслы и ценности познаваемого прошлого становятся основой исторической культуры социума. Историческая культура выступает как артикуляция исторического сознания общества, однако она также включает «другие формы исторической памяти», все относящееся «к прошлым временам», т. е. все случаи «присутствия» прошлого в повседневной жизни [10, с. 6].

В современной России историческая память сфокусирована на отдельных страницах давнего и недавнего прошлого, именно на них формируется дискурс, в котором находят своё место неоднозначные оценки исторических событий, актуализированные в сознании общества. В этом как политический заказ со стороны государства проявляются текущие идеологические установки на цели развития страны. Ожесточённые идейные бои разворачиваются вокруг истории Великой Отечественной войны. Поэтому не мог не сформироваться медиадискурс исторической памяти о победе советского народа в минувшей войне. Такой медиадискурс, с одной стороны, опираясь на факт несомненного общественного признания общенародного движения «Бессмертный полк», обладает свойствами к расширению и постоянному присутствию в культуре общества, с другой – уже начал приобретать очертания политически мотивированного официоза. Дифференциация процесса могла дойти до своего закономерного завершения – официальная часть дискурса начнёт доминировать, а её противоположность – всенародная поддержка – окажется в тени.

Однако логика распада медиадискурса оказалась прерванной – изменилась политическая ситуация в России и мире, и общественно значимые мотивы роста внимания к актуальным страницам прошлого снова оказались в эпицентре публичной сферы.

Так что и в корне изменившейся ситуации принцип социальной предопределённости исторической памяти неизменен. Это означает, что «основу исторической памяти человека и общества создаёт та коммуникационная и информационная среда, в которой он находится» [11, с. 185]. Здесь формируется медиапамять, вобравшая в себя «формы памяти доцифрового мира... Интернет-пользователи привнесли в медиапамять коммуникативные тенденции, характерные для цифрового общества» [12, с. 55]. Опираясь на положения Ю. М. Лотмана, добавим, что «смыслы в памяти не “хранятся”, а растут» [13]. Следовательно, смыслы и ценности исторической памяти – это своего рода детище культуры общества на всех этапах её развития, но при этом всякий раз в понимании исторической памяти особо значим тот этап истории, который своим содержанием предваряет актуальные события настоящего времени и раскрывается через практики медиакommunikаций, связанные со всеобъемлющей медиатизацией жизни общества.

Вместе с тем сегодня нельзя не учитывать возникшую опасность, когда «медиа существенно влияют на историческое познание, изменяя реальность истории, делая её в высшей степени субъективно ориентированной» [14, с. 359]. Примерно так рассуждал и Ф. Анкерсмит, когда исторической памяти противопоставил исторический опыт. Он нашёл, что исторической памяти сопутствуют процессы её «приватизации», следовательно, она эмоциональна, оттого субъективирована, в то время как исторический опыт соединяет настоящее с нашим прошлым только на объективной основе наработанного опыта. Тем не менее в этом аспекте конструкция культуролога не безупречна, поскольку в ней замечается и субъективная сторона – сам же Анкерсмит подчёркивает эмоциональную составляющую феномена: «исторический опыт – дар мгновения. Он приходит, не возвещая о себе, и не повторяется по нашему желанию» [15, с. 23–29, 189]. В этом смысле такое мгновение – действительно дар времени и

пространства. Отчего прибавим к данному определению географический компонент – так называемое «территориальное заземление» памяти [16, с. 129], которое особенно уместно для России с её просторами.

Подобные «заземления», казалось бы, решительно во всём опираются на представляемую каждым из нас материальную действительность, но и эта действительность всё же приходит к человеку из медиа – из «среды текучести контуров и нелинейности точек самоидентификации» [17, с. 225–229]. Текучесть медийности будто бы ослабляет силу рожденного образа события или факта, но на деле, как отмечают культурологи, образ удваивает реальность. Поэтому эффективность воздействия медиапамяти на сознание общества всякий раз приходится оценивать заново, потому что «медиаобразы заменяют индивиду его собственные воспоминания... становятся частью воспоминаний индивида в силу принятия им их очевидности, выраженной через медиа. Медиа играют решающую роль в стабилизации памяти об исторических событиях... История создаётся и пересоздаётся в ходе реализации коммуникативных практик» [12, с. 43–44, 48]. Последнее замечание можно понимать в качестве своеобразного ключа к нашему исследованию.

В научном сообществе нескончаем спор по поводу определения исторической памяти – то ли это формируемый идеологами и пропагандистами конструкт, то ли неременная и не исчезающая составляющая общественного сознания, связанная с исконными традициями и ценностями социума. Мы придерживаемся третьей точки зрения – о правомерности того и другого подхода. Мы полагаем, во-первых, что формирование исторической памяти представляет собой непрерывный, заметно выраженный в динамике процесс. Во-вторых, никакие усилия извне не могут сконструировать в обществе ментально чуждую ему историческую память, так как не может быть игнорирован объективный закон эффективной пропаганды – использовать в общественном сознании имеющиеся в нём интенции, а не противостоять им. В-третьих, традиционные ценности, присущие данному обществу, если их не подавлять репрессивными мерами, сами способствуют обнаружению и укреплению актуализируемой в медиапамяти. Необходимо учитывать состояние медийной сре-

ды – если ранее пропаганда действовала по принципу «один-ко-многим», то сегодня работает на принципе «многие-ко-многим» [18]. Плюс к тому отмечаем тотальную цифровизацию общественной жизни – одним из её следствий для индивида становится медийная определённость его оценок исторического прошлого. Очертить модель формирования такой определённости – важная задача нашего исследования.

Методы и материалы исследования.

Данное исследование включает в себя повседневный мониторинг федеральных каналов телевидения, контент-анализ программы «Время» (1-й канал) – 106 репортажей в 43 выпусках передачи, а также проведение фокус-группы студентов (17 участников) для анализа использования в традиционных СМИ феномена исторической памяти. Полученные данные по времени соотносятся с десятью месяцами с начала Специальной военной операции. За счёт введения данных в контекст соответствующих исследований ВЦИОМ повышается их репрезентативность (аналитика социологов берётся из открытых источников).

Результаты исследования и их об-суждение. С началом Специальной военной операции (СВО-2022) в российском обществе усилилось внимание не только к ежедневным сообщениям СМИ из зоны военного конфликта, что не требует особых пояснений, но и к феномену войны как явлению. Такое состояние общественного сознания во многом отражается в публичном диалоге, динамично расширяющемся в медийном пространстве. Медиадиалог отмечается присутствием в двух группах публичных коммуникаций:

1) в традиционных СМИ (телевидение, газеты), которые в современной России представляют главным образом официальные и полуофициальные источники сообщений;

2) в сетевом медийном пространстве, образуемом, прежде всего, неофициальными субъектами информационных отношений в обществе, среди которых писатели, философы, журналисты-блогеры.

В последнем случае нельзя не упомянуть медиадилетантов – охочих до пересудов роящихся над актуальной проблематикой представителей массового общества. В общем, картина пестрая. Тем не менее выделим существенное.

Проведённый нами мониторинг федеральных телеканалов (1-й, Россия, НТВ,

Звезда) за период с февраля по декабрь 2022 г. показал, что в традиционных СМИ превалирует новостная составляющая; аналитически война как социально-политическое явление не рассматривается. Обращение к фактам исторической памяти в виде актуальных аналогий с периодом Великой Отечественной войны усечено до исторической хроники по памятным датам и материалов о праздновании Победы. Частично это можно объяснить тем, что по статусу проведения СВО Россия и Украина не находятся в состоянии войны, проводится территориально ограниченная военная операция, поэтому нет и не может быть официально поддерживаемого дискурса о войне, в осмыслении которого должны присутствовать такие концепты, как «народное бедствие», «испытание стойкости», «напряжение сил нации», «всеобщая мобилизация» и т. д.

Тем не менее из этого ряда концепт «народное единство» всё же нашёл преломление в СМИ, поддерживающих проведение СВО на Украине: в новостных сюжетах по телевидению сообщается об инициативах организации «Народный фронт», результативности этих инициатив (сбор средств в пользу участников СВО – на некоторые виды военного снаряжения, автомобильную технику, дроны, средства санитарии и гигиены). Это один из постоянно возникающих в медиа концептов, связанных с общенациональным переживанием войны, потенциально заключающий в себе условия к перерастанию в концепт исторической травмы. Возможно, в медийной среде он проявится в будущем, как это было с переживанием в советском обществе последствий введения войск СССР в Афганистан (1980–1989): тогда острота реакции на полученную травму пришлась на период с 1987 по 1991 г.

За первый год проведения СВО сообщения о ней в новостных программах телевидения в основном отмечались по следующим сюжетным линиям:

1. Новости об освобождении больших и малых населённых пунктов Донбасса.

2. Информация о налаживании в освобождённых городах и сёлах мирной жизни по российским законам.

3. Новости об успешном отражении атак украинских националистов.

4. Сообщения (текст + видео) об уничтоженной военной технике ВСУ, потерях в живой силе противника.

5. Портреты отличившихся солдат и офицеров, дополняемые кратким рассказом об их героических действиях.

6. Проведение аналогий между подвигами солдат и командиров Красной армии и участников Специальной военной операции.

7. Сообщения (текст + видео) о поддержке Российской армии патриотическими организациями и политическими силами России – передача находящимся на передовой линии фронта военного снаряжения, технических устройств и пр.

8. Критика распространяемых в массмедиа зарубежных оценок задач проведения СВО (контрпропаганда).

Полученная по итогам повседневного мониторинга картина сообщений СМИ о СВО легла в основу контент-анализа программы «Время», проведённого для интерпретации фактов официального пропагандистского дискурса. Была сделана выборка передач (март – декабрь 2022 г.) с шагом в одну неделю – каждую среду, 21.00, мск.: 43 информационные программы, собирающие у экранов наибольшее число телезрителей.

Итоги анализа позволяют понять, что официальная / полуофициальная часть традиционных медиа, которая, по данным социологов, является референтной, прежде всего, для граждан страны старше 45 лет¹, обеспечивает выполнение идеологического заказа со стороны государства по укреплению поддержки обществом целей военной операции на Украине. Результаты анализа также дают понять, что военная тематика в традиционных медиа переводится на событийный уровень, тогда как проблемный уровень восприятия и переживания войны обществом в них не затрагивается.

Отмеченная тенденция зародилась ранее 2022 года. Чтобы убедиться в этом, обратимся к архивам ВЦИОМ, который вот уже четверть века изучает динамику отношения общества к Дню Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Выделим результаты исследования, соответствующего началу Специальной военной операции (май, 2022), и на следующий год после начала СВО (май, 2023). Концепцией исследований утверждается День Победы в качестве

¹ См.: Результаты мониторингового опроса россиян о СМИ «Новости, достойные доверия. Доверие россиян к информации из соцсетей и блогов постепенно растёт». ВЦИОМ, 23 декабря 2023 г. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/novosti-dostoinye-doverija> (дата обращения: 15.08.2024). – Текст: электронный.

главного общенародного праздника – как наиболее важный праздник для россиян в череде ежегодных торжеств (05.05.2022 – 67 %)². Большая часть россиян называет День Победы самым важным праздником (04.05.2023 – 65 %)³. Таким образом, и в сложившейся новейшей военно-политической истории России, в условиях проведения СВО, День Победы остаётся фактом памяти – общепризнанным в народе, официально поддерживаемым, не утрачивающим актуального политического значения.

Однако актуальность военной проблематики обуславливает не столько задачу сосредоточить внимание общества на праздничном эпилоге – всенародном торжестве победителей, сколько на самой войне, понимаемой как тяжелейшее социальное испытание. На этот счёт в комментарии ВЦИОМ говорится: «Формирование исторической памяти о Великой Отечественной войне базируется на двух взаимодополняющих контекстах. Первый – социально-культурный... В нём есть место переживанию как социальной драмы, так и коллективного триумфа... Второй – персональный, связанный с семейными историями»⁴.

И всё же публикуемые социологами материалы не касаются оценок войны как глубокого социального потрясения. Даже ранее проведённая ВЦИОМ экспертная дискуссия не была нацелена на подобное, её участников в большей степени интересовала актуализация памяти о войне, в какой мере она является для общества «объединительным мотивом», как действует «межпоколенческий аспект» памяти, насколько память о войне может использоваться для патриотического воспитания молодёжи⁵. Таким обра-

² День Победы – главный праздник страны. Аналитический обзор ВЦИОМ, 05.05.2022. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-pobedy-glavnyi-prazdnik-strany> (дата обращения: 15.08.2024). – Текст: электронный.

³ Военный парад, георгиевская ленточка и «Бессмертный полк» – главные элементы праздника 9 мая. Аналитический обзор ВЦИОМ, 04.05.2023. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-pobedy-2023> (дата обращения: 15.08.2024). – Текст: электронный.

⁴ 22 июня: знаем, помним, скорбим. Комментарий ВЦИОМ [Степан Львов], 22.06.2022. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/22-ijunja-znaem-pomnim-skorbim> (дата обращения: 15.08.2024). – Текст: электронный.

⁵ Память о войне или война с памятью? Поколенческие аспекты исторической памяти. Экспертная онлайн-дискуссия. ВЦИОМ, 23.06.2020. – URL: <https://profi.wciom.ru/index.php?id=2306> (дата обращения: 15.08.2024). – Текст: электронный.

зом, война как драма, как переживание каждого, кто был к ней причастен, – на фронте или в тылу, – остаётся за скобками официального дискурса, что и было подтверждено нашим анализом содержания передач программы «Время» с 24.02.2022 – дата начала Специальной военной операции на Донбассе – по 27.12.2022, день, когда ВЦИОМ провёл в масштабе страны опрос россиян старше 18 лет об их оценке результатов СВО спустя 10 месяцев после начала военной операции.

Именно этот опрос показал, что индекс значимости в обществе по всем тестируемым событиям СВО колеблется в диапазоне 72–83 пунктов. 85 % респондентов наиболее весомым событием посчитали снятие водной блокады Крыма; 79 % – отметили консолидацию российского общества на фоне поддержки гражданами российских солдат и офицеров, а также на фоне помощи фронту, жителям новых регионов, переселенцам (78 %); столько же – удовлетворены изменением статуса Азовского моря (стало внутренним водоёмом России), что исключило возможность создания баз ВМФ странами НАТО на азовском побережье. Также следует отметить выделяемое респондентами повышение чувства ответственности у россиян за своё дело, будущее страны (77 %)¹.

По результатам проведённого нами контент-анализа сюжетов о СВО в программе «Время» можно понять, в какой мере данные социологов соответствуют создаваемой традиционными СМИ медийной картине события. Безусловно, непосредственной корреляции полученных данных с результатами социологического опроса ВЦИОМ нет. Для сближения полученной из разных источников социологической информации в наше исследование были введены дополнительные сведения. Ими стали данные социологов о фактах доверия к медиа со стороны российских граждан. Дата проведения этого опроса ВЦИОМ – 13 февраля 2023 г., т. е. почти через год с начала СВО. В аналитической записке социологов отмечается, что «события минувшего года стали серьёзным вызовом как для отечественных СМИ, так и для их аудитории. В условиях насыщенной информационной повестки потребите-

лям контента особенно важно оперативно получать объективные новости о текущей ситуации в стране и мире. Как показал январский опрос, уровень доверия россиян к различным видам СМИ серьёзно разнится, но приоритет по-прежнему за традиционным медиа – телевидением. Наибольшим общественным доверием в России пользуется центральное телевидение (53 %). Неформальные источники информации, а это «мессенджеры (WhatsApp, Viber) и социальные сети, блоги в интернете серьёзно проигрывают телевидению, не доверяют им 43 % опрошенных»².

Анализ работы программы «Время» за первые десять месяцев проведения СВО позволил выделить, на первый взгляд, кажущуюся противоречивой особенностью показа в репортажах символики этого события. В большинстве выпусков программы «Время» непременно присутствуют кадры видеосюжетов, где на участниках Специальной военной операции – бойцах и командирах, на военной технике – замечается не предусмотренная уставами современной Российской армии символика СССР (заметим, что и жители освобождённых районов ДНР и ЛНР встречают российских воинов флагами России и Советского Союза). Подчеркнём, это особенность фактов видеоряда в официально поддерживаемом медиадискурсе, в чём усматривается его два уровня, поощряемых со стороны государства:

1) отражение медиасредствами присутствующего в обществе желания воссоединить незабываемое прошлое с конфликтным настоящим, в котором ещё вчера присутствовала ментально чуждая социуму символика украинского государства;

2) встраивание официальной идеологической доктрины в интенции народной исторической памяти. Ряд исследователей указал на их наличие и до начала СВО. Например, по результатам контент-анализа сетевой среды 2010–2015 гг. отмечалось, что в исторической памяти о Великой Отечественной войне особое место занимает «доминирование советских идеологических клише», и в указании на доминанту выделялась «взаимосвязь обсуждения с современ-

¹ Десять месяцев СВО: оценка результатов. ВЦИОМ, 29.12.2022. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/desjat-mesjacev-svo-ocenka-rezultatov> (дата обращения: 15.08.2024). – Текст: электронный.

² Доверие СМИ в России: рейтинг общественного доверия возглавляет телевидение, на последнем месте – социальные сети, блоги в интернете. ВЦИОМ, 10.02.2023. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-smi-v-rossii> (дата обращения: 11.06.2024). – Текст: электронный.

ными внешне- и внутривосточными проблемами» [19, с. 130]. Как раз тот самый эффект, который показали нам телевизионные кадры первых месяцев проведения СВО.

Итоги контент-анализа передачи (см. таблицу) также позволили установить, что в медиадискурсе возвращение из прошлого имён, событий, символики как попутно возникающих в телесюжетах образов углубляется в репортажах и сообщениях, специально нацеленных на раскрытие обширной темы исторической памяти, включая активную позицию авторов репортажей в их противодействии фальсификации истории. Проведение этой линии, конечно, зависимо от наличия или отсутствия соответствующих информационных поводов, но всё же равномерно распределилось по неделям изучаемого периода. Исключение в образовавшейся «очередности» составил, по вполне понятным причинам, выпуск программы за 22 июня 2022 г., полностью пронизанный памятью о трагедии и героике прошлого страны и актуализацией народной памяти. В названиях материалов подчёркнута эта интенция: «Свеча памяти», «Фильм “Начальник разведки” удостоен премии “За верность исторической правде”» и т. д.

Исходя из общего числа прошедших процедуру контент-анализа программ, можно заключить, что публикация новых имён героев СВО выступает обязательной составляющей пропагандистского дискурса – обновление пантеона героев страны. На это указывает практически стопроцентная частотность таких публикаций. В исследованной части программы «Время» также отмечается периодичность материалов, характеризующихся нами в качестве медиафактов контрпропаганды и всенародной поддержки вступивших в бой российских воинских

подразделений: частота обращений к этим сюжетам – в совокупности 40 % от общего числа репортажей и сообщений.

Приведённые данные имеют особое значение, если учесть, что контекст выделенных в исследовании медиафактов дозированно оттеняется обращёнными к истории сюжетами (14 из 107). Их не так много, но по равномерности распределения можно, во-первых, заключить, что в сознание аудитории время от времени вводится всё новое и новое напоминание о героическом прошлом отечества – в некотором роде активация исторической памяти. И это важно, когда в цифровой среде, по теории Л. Мановича и М. Кастельса, каждый интернет-пользователь – автор собственной коммуникативной среды, сам выбирает источники информации и находит единомышленников в едином интерактивном информационном пространстве [20; 21], сам настроен настраивать локус своей медиапамяти.

Следовательно, значимыми становятся любые элементы пропаганды в обращённых к истории телесюжетах. Во-вторых, по распределению этих материалов в выпусках программы «Время» можно прочертить генеральное направление в построении модели медиадискурса исторической памяти, формируемое интеграцией смыслов двух направлений, составляющих основу информационного костяка программы:

1) репортажи, сообщения, связанные с историей Великой Отечественной войны и возвращающие память аудитории к героическим страницам прошлого и победам страны (в исследуемый период тематика возникает планомерно, периодически);

2) репортажи, новости, официальная хроника текущих событий в ходе Специальной военной операции (повседневно).

**Программа «Время»: историческая память, героизм и общество
(март – декабрь 2022 г., каждая среда, 21.00, мск)**

1	Новые имена героев Специальной военной операции – официальная хроника	42
2	Репортажи и сообщения журналистов о героях и героизме в ходе СВО	10
3	Репортажи и сообщения, содержащие факты укрепления исторической памяти и противодействия фальсификации исторического прошлого	14
4	Материалы о поддержке проведения Специальной военной операции патриотическими организациями, политическими партиями и обществом	20
5	Разоблачение современного нацизма, русофобии, практик западных СМИ по освещению СВО как элементы контрпропаганды	21

¹ Выпуск программы «Время», 22.06.2022. – URL: <https://www.1tv.ru/news/issue/2022-06-22/21:00> (дата обращения: 15.08.2024). – Текст: электронный.

Таким образом, актуальные события СВО воспринимаются через призму героического прошлого страны, приобретают черты сакральности, тем самым любая попытка критического отношения к ним становится чужеродной, выглядит как нарушение традиционного ценностного строя индивида. Не менее важно и то, что на сознание аудитории, формирующееся в данном случае под воздействием интеграции отмеченных линий пропаганды, накладывается оптимизм сюжетов (в каждом выпуске программы), в которых рассказывается об успешном преодолении Россией препятствий, возводимых политикой западных санкций в экономике и финансовой сфере, при этом утверждается, что санкции, вопреки замыслам организаторов, объективно пошли на пользу народному хозяйству страны: так было в прошлом, так повторяется в наши дни, поэтому общество нуждается в знании подлинной истории своей страны, отчего следует бороться с разного рода фальсификациями по отношению к истории Великой Отечественной войны.

Выводы по результатам контент-анализа программы «Время» надёжно коррелируют с данными опроса ВЦИОМ от 14 сентября 2022 г.: абсолютное большинство россиян (96 %) считает важным знание истории России, за 7 лет их убежденность в этом вопросе выросла (2015 г. – 92 %). Причём многие опрошенные (22 %) уверены, что цель фальсификаторов – ослабление России, разобщение российского общества и введение граждан в заблуждение¹.

На создание / пересоздание исторической памяти влияют как объективно действующие факторы функционирования цифрового медиасоциума, так и субъективированные – направляемые акторами политики и медиа усилия на установление в общественном сознании определённой модели исторической памяти. Последнее выражается, прежде всего, в выборе локуса истории, на который направляется внимание аудитории медиа, и набора утверждаемых ценностных суждений о прошлом в связи с актуальным настоящим. Но не всё столь однозначно, так как наступает «исчезновение чувства времени, поскольку оно постоянно трансформируется и ускользает». На место

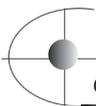
¹ Фальсификация истории – и как с ней бороться? ВЦИОМ, 14.09.2022. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/falsifikacija-istorii-i-kak-s-nei-borotsja> (дата обращения: 15.08.2024). – Текст: электронный.

«погружения» в прошлое приходит присвоение этого прошлого, в котором человек проживает своё «здесь-и-сейчас» [22]. Так что, как пишет Дж. Тош, «мало просто обращаться к прошлому; необходима убежденность в важности достоверного представления о нём» [23, с. 15].

Обычно максимально субъективированное пересоздание исторической памяти свойственно конфликтным политическим ситуациям, условиям гибридных войн, в которых «информационно-психологические операции армии “сильных мира сего” нацелены на то, чтобы “дать урок” превосходства своих ценностей, силы, appetitov всему остальному миру. Эти уроки, – пишет специалист по когнитивной безопасности, – буквально “вываливаются” на нас из всех СМИ» [24, с. 56]. Это значит, что ценности, закрепляемые в сознании индивида его исторической памятью, находятся в смысловом эпицентре информационной войны, являются целью оппозиционно настроенных сторон пропагандистской деятельности, а культурные рамки задают структуру мышления и позволяют необработанный опыт восприятия прошедшего превратить в готовые структурированные воспоминания [25].

На это обстоятельство обратили внимание студенты – участники фокус-группы (n = 17), созданной из числа слушателей спецкурса «Стратегии политической пропаганды в журналистике». Среди актуальных фактов медийной жизни обсуждались итоги информационного противостояния в мире в связи с проведением СВО (2022). Респонденты оценивали сетевые практики создания / пересоздания исторической памяти, указывали на средства и методы её формирования, её топологию. В качестве стимульного материала к дискуссии были предложены телевизионные репортажи (программа «Время») из произведённой исследователем выборки. Респонденты сосредоточили своё внимание на репортаже о восстановлении фигуры солдата-освободителя на мемориальном комплексе «Саур-могила», посвящённом героям Великой Отечественной войны². Комплекс был разрушен прицельным огнём с украинской стороны, и вот теперь, когда снова оказался в безопасности, восстановлен. В репортаже сошлись новости СВО и факты

² В Донбассе на мемориале павшим «Саур-могила» устанавливают фигуру Солдата Победы. – URL: <https://www.1tv.ru/news/issue/2022-08-10/21:00#16> (дата обращения: 15.08.2024). – Текст: электронный.

исторической памяти, которую берегут нынешние защитники Донбасса.

Участники фокус-группы в ходе обсуждения высказали гипотезу о фундаментальном родстве обращения к исторической памяти с методологией пропаганды в периоды экстремальных политических процессов: «Стратегия пропаганды та же, как и в годы холодной войны, посмотрите на политические передачи федеральных каналов» (М. Бодрова). «Скорее всего, это связано с ценностными стратегиями государств» (Р. Боровский). «Есть приёмы пропаганды, которые актуальны и сегодня. Например, метод отсылки к истории; ввод в контекст публикаций концепта бессознательных фобий» (П. Тихонова). «Поэтому до сих пор действуют опора на страхи – красная / русская угроза; возвращение нацизма» (Н. Тренклер). «Стратегии пропаганды остаются, но осовремениваются и выглядят иначе – яростнее, ведь мы сейчас оказались в состоянии информационной войны, когда “все средства хороши”» (С. Файзиева). Своеобразный и очень интересный итог работы фокус-группы подвёл студент из Китая: «Инструменты пропаганды исторической памяти используются для укрепления идентичности общества, поддержания патриотизма и мобилизации населения вокруг общих ценностей. Они создают образ России – сильной и защищающей свои интересы страны» (Т. Чжао). В известном смысле эти слова резонируют с позднее выраженной позицией философа и публициста А. Г. Дугина, заявившего в своём блоге: «Должна быть мобилизация медийного патриотизма в целом»¹.

Заключение. Исследование роли исторической памяти в медиадискурсе проводилось на основе анализа авторитетной в российской аудитории программы «Время» (1-й канал) за первые десять месяцев с начала на Донбассе Специальной военной операции (февраль – декабрь 2022 г.). В дополнение к контент-анализу программы в исследовательское поле введены соответствующие по времени и содержанию результаты опросов ВЦИОМ. Вторичный анализ этих данных позволил в едином смысловом пространстве интерпретировать итоги изучения программы «Время» как репрезентативные для понимания необходимости использования в этой передаче фактов медиапамяти с целью

¹ Дугин А. Г. У войны своя логика. 2024. 7 авг. – URL: https://dzen.ru/b/ZrN6SvV_D37eYQ4q (дата обращения: 17.08.2024). – Текст: электронный.

повышения эффективности для решения задач пропаганды в телевидении. В данном случае такой задачей явилось обеспечение поддержки российским обществом проведения Специальной военной операции.

Достижение эффективности официального медиадискурса 1-го канала телевидения подтверждает ряд факторов:

– во-первых, по результатам исследований ВЦИОМ, именно телеканалы федерального значения пользуются устойчивым и высоким доверием со стороны граждан России;

– во-вторых, на этом фоне отмечается отрицательное значение индексов популярности мессенджеров, социальных сетей, блогов², но так как внимание аудитории к событиям СВО не ослабевает, то оно переключается на другие источники новостей, в данном случае на традиционные официально значимые СМИ;

– в-третьих, в таком СМИ – программе «Время» 1-го канала – отмечается введённое в систему регулярное обращение к фактам исторической памяти о победах советского народа в годы Великой Отечественной войны;

– в-четвёртых, используемые в передачах факты медиапамяти в своём содержании непосредственно перекликаются с событиями и героями СВО.

Историческая память как составляющая медиадискурса о Специальной военной операции выступает многоаспектным компонентом медиапамяти в целом. Прежде всего, следует отметить прагматический аспект: введение в актуальный медиадискурс о СВО соответствующих фактов исторической памяти создаёт контекст для новостей о текущих событиях и героях военной операции, который формирует их сакрализацию, тем самым в особой мере воздействует на сознание аудитории. В такой интерпретации использование фактов медиапамяти следует считать органической частью пропагандистского дискурса; место и роль медиапамяти в этом дискурсе определяется задачей повышения его эффективности.

Вместе с тем наличие фактов исторической памяти в наиболее важном для соци-

² Доверие СМИ в России: рейтинг общественного доверия возглавляет телевидение... ВЦИОМ, 10.02.2023. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-smi-v-rossii> (дата обращения: 11.06.2024). – Текст: электронный.

ума медиадискурсе обладает духовно-нравственной значимостью – такая практика, повышая уровень просвещения общества в вопросах истории, решает актуальную задачу по противодействию попыткам фальсификации страниц истории.

фикации страниц истории. Так что модель введения фактов исторической памяти в медиадискурс подразумевает применение методов пропаганды нравственных ценностей общества и подлинных знаний истории.

Список литературы

1. Артамонов Д. С., Тихонова С. В. Темпоральные структуры медиапамяти // Миф в истории, политике, культуре: сб. ст. Севастополь: Филиал МГУ им. М. В. Ломоносова в г. Севастополе, 2020. С. 188–191.
2. Артамонов Д. С. Медиапамять: теоретический аспект // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2022. Т. 4, № 2. С. 65–83. DOI: 10.46539/gmd.v4i2.269.
3. Рикёр П. Память, история, забвение / пер. с фр. М.: Изд-во гуманит. лит., 2004. 725 с.
4. Ассман Ян. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
5. Мегилл А. Историческая эпистемология / пер. с англ. М.: «Канон+» – РООИ «Реабилитация», 2007. 479 с.
6. Kubik J., Bernhard, M. A theory of the politics of memory. Текст: электронный // *Twenty Years after Communism: The Politics of Memory and Commemoration* / ed. M. Bernhard, J. Kubik. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 7–34. URL: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199375134.003.0002> (дата обращения: 10.09.2024).
7. Garde-Hansen J., Hoskins A., Reading A. Save as... Digital memories. L.: Palgrave Macmillan, 2009. DOI: 10.1057/9780230239418.
8. Hoskins A. 7/7 and connective memory: Interactional trajectories of remembering in post-scarcity culture // *Memory Studies*. 2011. Vol. 4. P. 269–280. DOI: 10.1177/1750698011402570.
9. Social Memory and History: Anthropological Perspectives / ed. by J. J. Climo, M. G. Gattell. Walnut Creek, 2002. 237 p.
10. Rüsen J. Was ist Geschichtskultur? Überlegungen zu einer neuen Art, über Geschichte nachzudenken // *Historische Faszination. Geschichtskultur heute* / eds. K. Fußmann, H. T. Grütter, J. Rüsen. Köln, 1994. S. 5–7.
11. Тюкина Л. А. Память и историческая память: соотношение понятий // *Верхневолжский филологический вестник*. 2020. № 1. С. 181–187. DOI: 10.20323/2499-9679-2020-1-20-181-187.
12. Артамонов Д. С. Медиапамять в эпоху цифры. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2023. 180 с.
13. Лотман Ю. М. Память культуры // *Семиосфера: культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки*. СПб.: Искусство-СПб, 2000. С. 614–621.
14. Артамонов Д. С., Тихонова С. В. Медиатизация истории и проблемы исторического образования в цифровом мире // *Современное культурно-образовательное пространство гуманитарных и социальных наук* / под общ. ред. Ю. Ю. Андреевой, И. Э. Рахимбаевой. Саратов, 2020. С. 357–365.
15. Анкерсмит Ф. Р. Возвышенный исторический опыт / пер. с нидерланд. М.: Изд-во «Европа», 2007. 609 с.
16. Вандышев М. Н. Индустриальная память: масштабы и множественность. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. 264 с.
17. Жижек С. Чума фантазий / пер. с англ. Харьков: Гуманитарный центр, 2014. 388 с.
18. Crosbie V. What is New Media? URL: https://www.academia.edu/37596635/What_is_New_Media_April_27_2004_ (дата обращения: 10.09.2024). Текст: электронный.
19. Головашина О. В., Линченко А. А., Аникин Д. А. Память о Великой Отечественной войне: день победы в историческом сознании россиян // *Социологические исследования*. 2017. № 3. С. 123–133.
20. Manovich L. The Language of New Media. Cambridge: MIT Press, 2001. 354 p.
21. Castells M. The Rise of the Network Society. The Information Age. Economy, Society, and Culture. 2nd Edition with a New Preface edition. Oxford: Wiley-Blackwell, 2009. Vol. 1. 656 p.
22. Шапинская Е. Н. История в цифровом формате: будущее нашего прошлого // *Культура культуры*. 2020. № 1.
23. Tosh J. The Pursuit of History: Aims, Methods and New Directions in the Study of Modern History. Third edition. L.; N. Y., 2000. 357 p.
24. Кефели И. Ф. Глобальные риски современного мира // *Прологомены когнитивной безопасности* / под ред. И. Ф. Кефели. СПб.: ИД «Петрополис», 2023. С. 14–66.
25. Dijck J. Mediated Memories in the Digital Age. Stanford UP, 2007. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/1896878.pdf> (дата обращения: 10.09.2024). Текст: электронный.

Сведения об авторе

Сидоров Виктор Александрович, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; v.sidorov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8819-6815>.

Для цитирования

Сидоров В. А. Историческая память в медиадискурсе о Специальной военной операции // Гуманитарный вектор. 2024. Т. 19, № 4. С. 120–131. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-120-131.

Статья поступила в редакцию 15.09.2024; одобрена после рецензирования 20.10.2024; принята к публикации 22.10.2024.

References

1. Artamonov, D. S., Tikhonova, S. V. Temporal structures of media memory. Myth in history, politics, culture. Sevastopol: Lomonosov MSU Branch in Sevastopol, 2020: 188–191. (In Rus.)
2. Artamonov, D. S. Media memory: theoretical aspect. In: Galactica Media: Journal of Media Studies, no. 2, pp. 65–83. 2022. DOI: 10.46539/gmd.v4i2.269. (In Rus.)
3. Riker, P. Memory, history, oblivion. Translation from French. M: Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury, 2004. (In Rus.)
4. Assman, Ian. Cultural Memory: Writing, Memory of the Past, and Political Identity in the High Cultures of Antiquity. Translation from German. M: lazyki slavianskoi kul'tury, 2004. (In Rus.)
5. Megill, A. Historical Epistemology. Translation from English. M: "Kanon+" ROOI "Reabilitatsiia", 2007. (In Rus.)
6. Kubik, J., Bernhard, M. A theory of the politics of memory. M. Bernhard, J. Kubik (Ed.), Twenty Years after Communism: The Politics of Memory and Commemoration. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 7–34. Web. 10.09.2024. <http://10.1093/acprof:oso/9780199375134.003.0002>. (In Eng.)
7. Garde-Hansen, J., Hoskins, A., Reading, A. Save as... Digital memories. L: Palgrave Macmillan, 2009. DOI: 10.1057/9780230239418. (In Eng.)
8. Hoskins, A. 7/7 and connective memory: Interactional trajectories of remembering in post-scarcity culture. Memory Studies, no. 4, pp. 269–280, 2011. DOI: 10.1177/1750698011402570. (In Eng.)
9. Social Memory and History: Anthropological Perspectives. Ed. by J. J. Climo, M. G. Gattell. Walnut Creek, 2002. (In Eng.)
10. Rösen, J. Was ist Geschichtskultur? Überlegungen zu einer neuen Art, über Geschichte nachzudenken. Historische Faszination. Geschichtskultur heute / Eds. K. Fußmann, H. T. Grütter, J. Rösen. Köln, 1994. P. 5–7. (In German)
11. Tiukina, L. A. Memory and historical memory: the relationship between concepts. Upper Volga Philological Herald, no. 1, pp. 181–187, 2020. DOI: 10.20323/2499-9679-2020-1-20-181-187. (In Rus.)
12. Artamonov, D. S. Media Memory in the Digital Age. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2023. (In Rus.)
13. Lotman, Yu. M. Memory of Culture. Semiosphere: Culture and Explosion. Inside Thinking Worlds. Articles. Research. Notes. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb, 2000. P. 614–621. (In Rus.)
14. Artamonov, D. S., Tikhonova, S. V. Mediatization of History and Problems of Historical Education in the Digital World. Andreeva Yu. Yu., Rakhimbaeva I. E. editors Modern cultural and educational space of humanities and social sciences. Saratov, 2020. P. 357–365. (In Rus.)
15. Ankersmit, F. R. Sublime Historical Experience. Translation from Dutch. Moscow: Izdatel'stvo Evropa, 2007. (In Rus.)
16. Vandyshev, M. N. Industrial Memory: Scale and Multiplicity. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2022. (In Rus.)
17. Zhizhek, S. Plague of Fantasy. Translation from English. Khar'kov: Gumanitarnyi Tsentri, 2014. (In Rus.)
18. Crosbie, V. What is New Media? Web. 10.09.2024. https://www.academia.edu/37596635/What_is_New_Media_April_27_2004_ (In Eng.)
19. Golovashina, O. V., Linchenko, A. A., Anikin, D. A. In Memory of the Great Technical War: Our Lives in Russian Historical Society. Sociological Research, no. 3, pp. 123–133, 2017. (In Rus.)
20. Manovich, L. The Language of New Media. Cambridge: MIT Press, 2001. (In Eng.)
21. Castells, M. The Rise of the Network Society. The Information Age. Economy, Society, and Culture. Vol. 1; 2nd Edition with a New Preface edition. Oxford: Wiley-Blackwell, 2009. (In Eng.)
22. Shapinskaia, E. N. History in digital format: the future of our past. In: Culture of Culture, no. 1, 2020. (In Rus.)
23. Tosh, J. The Pursuit of History: Aims, Methods and New Directions in the Study of Modern History. Third edition. L.; N. Y., 2000. (In Eng.)
24. Kefeli, I. F. Global risks of the modern world. In: Prolegomena of cognitive security. Edited by I. F. Kefeli. St. Petersburg: ID "Petropolis", 2023: 14–66. (In Rus.)
25. Dijck, J. Mediated Memories in the Digital Age. Stanford UP, 2007. Web. 10.09.2024. <https://core.ac.uk/download/pdf/1896878.pdf>. (In Eng.)

Information about the author

Sidorov Viktor A., Doctoral Degree (Philosophy), Professor, Saint Petersburg State University; 7/9 Universitetskaya emb., Saint Petersburg, 199034, Russia; v.sidorov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8819-6815>.

For citation

Sidorov V. A. Historical Memory in the Media Discourse on the Special Military Operation // Humanitarian Vector. 2024. Vol. 19, no. 4. P. 120–131. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-120-131.

**Received: September 15, 2024; approved after reviewing October 20, 2024;
accepted for publication October 22, 2024.**

Научная статья

УДК 070: 304.4

DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-132-140

**Аксиологический потенциал эмоционального интеллекта
военного журналиста в медиадискурсе**

Ирина Викторовна Ерофеева¹, Людмила Ивановна Михалёва²

¹*Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия*

²*Российский новый университет, г. Москва, Россия*

¹irina-jour@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5653-2792>

²mihaleva2004@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-9929-1874>

Актуальность исследования обусловлена развернувшейся в современном мире глобальной когнитивной войной против России, сопряжённой с военными действиями на Украине. В статье представлена лингвокультурологическая характеристика эмоционального интеллекта журналиста, освещающего специальную военную операцию. Подчёркивается обусловленность проявления эмоционального интеллекта ценностными приоритетами военкора. Цель исследования – выявить аксиологические константы эмоционального интеллекта военного журналиста, репрезентированные в медиадискурсе. Кроме лингвокультурологического анализа, используются аксиологический подход и когнитивный анализ – декодирование ключевых смысловых конструкторов текста как отражение интенции языковой личности автора интерпретировать реальность с учётом национальной картины мира. В качестве эмпирической базы выбран медиадискурс интернет-изданий «Аргументы и факты», «Комсомольская правда», Правда.Ру. Результаты исследования опираются на более 250 материалов, опубликованных в 2022–2024 гг., следующих журналистов: Дмитрий Григорьев, Александр Коц, Дмитрий Стешин, Дарья Асламова, Юлия Андриенко. Эмоциональный интеллект журналиста рассматривается как способность идентифицировать свои и чужие эмоции в контексте их понимания и дешифровки, управления и использования в профессиональной деятельности с учётом национальных интересов страны и с опорой на традиционные ценности. Согласно результатам исследования, в доминирующем инфополе выявлены следующие ценности, определяющие аксиологический вектор проявления эмоционального интеллекта военного журналиста: ответственность за свои поступки, взаимовыручка, самоотверженность и смелость, патриотизм и единение с традициями народа, любовь к жизни и другим людям (оптимизм), вера в победу и справедливое возмездие. Менее активно, но также представлены ценности: честность и искренность, сопереживание и чуткость, милосердие к врагу. Принципиальные гендерные различия в аксиологии медиадискурса женщин и мужчин военкоров не выявлены. Однако в женском контенте более ярко представлены художественно-публицистические средства. Преобладание традиционных ценностей в медиадискурсе обуславливает его популярность со стороны потребителя как носителя исторической памяти. Перспективы исследования связаны с формулированием алгоритмов или технологий создания медиатекста ресурсами национальной картины мира.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, военная журналистика, языковая личность журналиста, медиадискурс, национальная модель мира, духовно-нравственные ценности

Original article

Axiological Potential of Military Journalist's Emotional Intelligence in Media Discourse

Irina V. Erofeeva¹, Lyudmila I. Mikhaleva²

¹*Transbaikal State University, Chita, Russia*

²*Russian New University, Moscow, Russia*

¹irina-jour@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5653-2792>

²mihaleva2004@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-9929-1874>

The relevance of the research is caused by the global cognitive war launched against Russia in the modern world, which is connected with the military actions in Ukraine. The article presents the linguocultural characteristic of the emotional intelligence of a military journalist covering a special military operation. We emphasize the conditionality of emotional intelligence by value priorities of a war correspondent. This study aims to identify axiological constants of the military journalist's emotional intelligence represented in media discourse. The method we applied involved linguocultural analysis as well as axiological approach and cognitive analysis – decoding

the key semantic constructs of the text as a reflection of the author's linguistic personality's intention to interpret reality, taking into account the national picture of the world. The empirical foundation in the study was media discourse of the online publications *Argumenty i Fakty*, *Komsomolskaya Pravda* and *Pravda.ru*. The findings of the study are based on more than 250 publications between the years 2022 and 2024 by such journalists as Dmitry Grigor'ev, Aleksander Kots, Dmitry Steshin, Daria Aslamova, Yulia Andrienko. The emotional intelligence of a journalist is viewed as the ability to identify one's own and others' emotions within the context of comprehending and interpreting them, managing and applying them in professional activities, considering the national interests of the country, adhering to traditional values. The results obtained show that in the dominant information flow we can reveal the following values determining the axiological vector of a military journalist's emotional intelligence: responsibility for one's actions, mutual assistance, selflessness and courage, patriotism and unity with the traditions of the people, love for life and other people (optimism), faith in victory and just retribution. Such values as honesty and sincerity, empathy and sensitivity, and mercy to the enemy are as well represented, although not so often. No fundamental gender differences in the axiology of media discourse of women and men war correspondents were revealed. However, in women's content artistic and journalistic techniques are more vividly presented. The prevalence of traditional values in media discourse determines its popularity among consumers as bearers of historical memory. The prospects of the research include the development of algorithms or technologies for creating a media text with the resources of the national picture of the world.

Keywords: emotional intelligence, military journalism, journalist's linguistic personality, media discourse, national model of the world, spiritual and moral values

Введение. Современная цивилизация пребывает в коллизиях глобальной информационно-психологической войны, сопровождающейся реальными столкновениями на поле боя: Израиль, Палестина, Сирия, Украина и т. д. Военная журналистика непосредственно вовлечена в подобные конфликты и, ввиду особенностей цифровой эпохи, выполняет не только информационную функцию, но и социально ориентированную. Эмоциональный интеллект журналиста и его ценностная картина мира выступают гарантом профессиональной работы. Война XXI в. есть противоборство цивилизаций и аксиологических приоритетов социума [1]. Так, против России разворачивается тотальная когнитивная война, предполагающая экзистенциальную трансформацию общества, объектом воздействия становятся историческая память, семиотика культуры, традиционные ценности. Русскую культуру подвергают остракизму и пытаются «отменить» [2].

Подобная война имеет нарастающий характер интенсивности и поражения, направлена против менталитета и национальной философии народа, предполагает нейтрализацию всех социальных институтов общества [3], задействует различные когнитивные инструменты восприятия, обработки и интерпретации мира человеком – познание, эмоции и поведение, его потребности и установки. В данном процессе активно задействован лингвистический инструментарий, язык как сосредоточие национальной картины мира, как знаковая реальность определённой культуры [4].

С одной стороны, военный журналист, в силу потенциала своего эмоционального интеллекта, определённым образом вовлечён в созерцание и интерпретацию реальности военных действий, сопряжённых со страхом, болью и отчаянием людей, с другой стороны, журналист как автор является обладателем национальной картины мира, которая ресурсами родного языка находит отражение (репрезентируется) в медиадискурсе. В рамках когнитивной лингвистики автор есть носитель «культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей определённой культуры» [5, с. 166].

Цель исследования – выявить и дать характеристику ценностным приоритетам военного журналиста, которые непосредственно обуславливают содержание его эмоционального интеллекта и находят своё отражение в медиадискурсе.

Методы и методология исследования. В качестве основного метода исследования используется лингвокультурологический анализ, подразумевающий единство языка и культуры в процессах видения, обработки фактуры и создании медиатекста языковой личностью автора. Мы также апеллируем к аксиологическому подходу, основанному на ценностях, которые являются ведущими и востребованными для представителей определённого социума. Исследование медиадискурса осуществляется с использованием когнитивного анализа – анализа концептуализированной сферы дискурса, в процессе которого декодируются ключевые смыслы текста как воплощение интенции языковой личности автора или

её внутренней готовности интерпретировать реальность с учётом национальной картины мира.

Объектом анализа выступает медиадискурс интернет-изданий «Аргументы и факты», «Комсомольская правда», Правда. Ру. (Pravda.RU). Результаты исследования опираются на более 250 материалов следующих журналистов: Дмитрий Григорьев, Александр Коц, Дмитрий Стешин, Дарья Асламова, Юлия Андриенко. Временные рамки материалов – с 2022 по 2024 г. В процессе работы были задействованы поисковые системы Яндекс и Гугл, специализированные рубрики военкоров и подборки «Комсомольской правды» (<https://www.kp.ru/daily/theme/16422/>) и «АиФ» (<https://perm.aif.ru/opinion/author/21326?ysclid=m1hntbq3o0398605518>).

Обзор литературы. Эмоциональный интеллект – это способность человека идентифицировать свои и чужие эмоции, а также его умения использовать данные знания при решении корпоративных задач [6]. Эмоциональный интеллект включает широкое поле жизнедеятельности человека: восприятие и расшифровка эмоций, понимание полноты и сложности эмоций, управление эмоциями и использование их в жизни [7]. Само понятие стало популярным с 90-х гг. прошлого века в разных научных сферах – от психологии до социальной философии. В последнее время востребованность категории «эмоциональный интеллект» обусловлена экологическими и техногенными катастрофами, политическим напряжением, переходящим в разные типы войн.

Популярность исследований по эмоциональному интеллекту связана и с экономическими параметрами деятельности человека на современном производстве: наличие интеллекта прямо пропорционально эффективности труда [8]. В зависимости от специфики той или иной работы требуются различные составляющие данного интеллекта, способствующие определённому формату и стратегиям профдеятельности [9; 10].

И. Н. Блохин рассматривает эмоциональный интеллект как компонент структуры профессионального журналистского общения, влияющий на выбор и специфику работы в разных каналах коммуникации [11]. Именно эмоциональный интеллект является связующим звеном между сотрудниками, обеспечивая обмен знаниями и опытом, а

также поддержку в рамках корпоративной культуры [12].

В 1995 г. психолог и журналист Даниэл Гоулман определил набор компетенций эмоциональной сферы человека, тренировка которых позволит добиться успеха [13, с. 36]. По мнению исследователя, развитый эмоциональный интеллект – залог психического здоровья и эффективной работы лидера. Рувен Бар-Он рассматривает данный тип интеллекта в контексте совладания с требованиями и давлением окружающей среды, адаптации человека к реальной жизни [14, с. 14]. Психолог выделяет социальную обусловленность интеллекта – возраст, пол и этническую принадлежность.

Учитывая сказанное, важно обратить внимание на работы А. А. Ковалёва, который пишет о полезности эмоционального интеллекта в процессе обеспечения ментальной безопасности и эмоциональной поддержки людей, нуждающихся в помощи в состоянии стресса и депрессии [15]. Навыки эмоционального интеллекта необходимы для успешного решения конфликтных ситуаций и предотвращения насилия. Более того, ряд учёных видят в проявлении эмоционального интеллекта, в первую очередь, нравственную оценку происходящего, поэтому настаивают на тесной взаимосвязи между ценностями человека и уровнем развития его эмоционального интеллекта [16]. И. А. Дружинина в своих работах предлагает подробный анализ личностного и социального перехода от эмоций к духовности [17]. О взаимодействии эмоционального и духовного интеллекта частотно рассуждают в научном дискурсе, посвящённом личности в образовании [18]. По данным эмпирических исследований, социальная компетентность определяется корреляционной зависимостью между духовным и эмоциональным, также установлена связь между межличностным эмоциональным интеллектом и высокой нравственностью – общим уровнем развития духовности личности [19].

Несмотря на объёмный пласт исследований по эмоциональному интеллекту, мы не встретили работы по обусловленности проявления данного типа интеллекта системой ценностей военного журналиста.

Результаты исследования и их об- суждение. Эмоциональный интеллект военного журналиста включает объёмный набор

компонентов, необходимых для профессиональной работы. Если объединить разные подходы и взгляды исследователей, то задачи эмоционального интеллекта можно определить следующим образом:

- точная оценка и идентификация своих и чужих эмоций;
- интеллектуальная рефлексия, осознание и принятие состояний и чувств;
- дифференциация и понимание эмоциональных состояний;
- адекватное выражение эмоций;
- выстраивание взаимоотношений и связей – эмоциональное взаимодействие;
- поддержание функционирования системы жизнедеятельности при изменении условий внешней среды;
- эффективное регулирование и контроль своих и чужих эмоций;
- эффективное решение проблем, в частности при овладении новым кругом жизненных задач [20];
- успешное решение конфликтных ситуаций, преодоление разрыва между ожиданиями и реальностью.

Соответственно эмоциональный интеллект, учитывая его двунаправленность – на себя и вовне, внутреннее и внешнее проявления, включает следующие **качества человека, которые непосредственно существуют с аксиологией личности:**

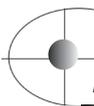
- самооценка;
- уровень развития чувственного опыта (эмоциональное самосознание и понимание себя);
- общительность и социальная смелость, эмоциональная креативность;
- честность, независимость и уверенность в себе (независимость от внешних влияний и оценок, способность жить своим умом, достигать своих целей и отстаивать свои ценности) [21, с. 57–58];
- оптимизм, жизнестойкость;
- мотивация и самоактуализация (способность вдохновлять и стимулировать себя и других);
- адаптивность и гибкость, стрессоустойчивость;
- самоконтроль (контроль импульсивности);
- социальная ответственность и вежливость;
- социальная чуткость и эмпатия – понимание и сопереживание Другому – человеку, а также животному миру.

Эмоциональный интеллект тесно связан с языковым потенциалом его воспроизведения в дискурсе коммуникации. Данная постановка вопроса особенно актуальна в эпоху речевой агрессии и информационных войн. В. И. Шаховский рассматривает эмоциональный интеллект как фактор, обеспечивающий возможность результативного бесконфликтного общения в условиях «изменившейся экспрессии языка и негативизации процесса коммуникации» [22, с. 13].

При этом в современной медийной сфере мы можем наблюдать как «тёмную сторону эмоционального интеллекта» – рейтинговая и модная эмоциональная взрывчатость, эмоциональная тупость и бесчувственность или парадоксальность [23], так и «духовно затратные техники совладающего поведения» [Там же, с. 97]. Последнее утверждение, на наш взгляд, имеет непосредственное отношение к сфере военной журналистики.

В работе военного журналиста эмоциональный контекст реагирования на реальность основывается на сложившейся в социуме системе ценностей. У данной аксиологической парадигмы триединая связь: 1) личностная чувствительность/чуткость и честность принятия мира; 2) этика профессионального сообщества, регламентирующая эмоциональный отклик журналиста; 3) историческая память, сфокусированная в национальной картине мира языковой личности автора-журналиста. Поэтому, как правило, продуктивная эмоциональная работа связана с принятием и воспроизведением традиционной аксиологии – например, честность и искренность, понимание и принятие другого, оптимизм и любовь к людям и миру, сопереживание и душевное единение с другими. Напротив, антиценности вредят выполнению профессиональных задач: страх, равнодушие, зависть, ненависть, цинизм, агрессивность, лицемерие и т. д. не позволяют выстроить успешную коммуникацию.

Анализ медиадискурса военных журналистов разных интернет-изданий показал гармоничный синтез индивидуальных характеристик журналиста и конструкторов национального мировидения. Военкоры работают в экстремальных ситуациях, и именно аксиологическое основание данной совокупности и сопряжения позволяет справляться с негативными эмоциями страха, тревоги и гнева. Также именно единение личностного и национального гарантирует принятие

аудиторией предлагаемого дискурса. Глубокое сопереживание контенту возможно лишь при условии совпадения ментальных представлений и энергии протекста автора и читателя/слушателя/зрителя – а именно, с одной стороны, селекции фактов журналистом и отбрасывания ненужного в парадигме исторической памяти, с другой стороны, дешифровки потребителем медиадискурса инструментарием национальной картины мира.

Просмотр более 250 материалов, опубликованных в 2022–2024 гг., журналистами разных изданий (Дмитрий Григорьев, Александр Коц, Дмитрий Стешин, Дарья Асламова, Юлия Андриенко) позволил ресурсами когнитивного анализа выделить доминирующие ядерные конструкты ценностного мировидения военкоров: Ответственность, Вера в победу, Взаимовыручка, Самоотверженность, Патриотизм, Любовь к жизни и другим людям, Сопереживание, Милосердие, Искренность. Частотность репрезента-

ции ценностных конструктов представлена в табл. 1, 2.

Замеченные в процессе исследования гендерные особенности обработки фактуры привели нас к дифференциации результатов.

Как мы видим, в дискурсе мужчин и женщин – авторов доминируют ценности: *Ответственность за поступки, Самоотверженность, Патриотизм, Любовь к жизни и другим*. Также относительно частотен конструкт *Вера в победу и возмездие врагам*, однако наиболее частотна ценность представлена в мужском контенте. Такая же ситуация с *Взаимовыручкой*, наиболее ярко объективированной в женском дискурсе.

Милосердие и Сопереживание/Душевность, как традиционные черты нашего отечественного мировидения, имманентно репрезентируются в контенте разных авторов, но не являются основными. Конструкты *Честность и Искренность* акцентируются больше в дискурсе женщин.

Таблица 1

Ценностные конструкты мужского медиадискурса

Ценности	Дмитрий Григорьев (АиФ)	Александр Коц (КП)	Дмитрий Стешин (КП)
Ответственность за свои поступки	13	13	11
Милосердие к врагу/Возможность делать адекватный вывод	7	7	7
Вера в победу и в справедливое возмездие врагам	15	15	12
Взаимовыручка	18	7	8
Честность/Искренность	6	7	5
Самоотверженность/Смелость/Бесстрашие	17	14	15
Патриотизм/Единение с традициями	12	21	15
Любовь к жизни и другим людям/Оптимизм	16	11	11
Сопереживание/Душевность/Чуткость	10	5	6

Таблица 2

Ценностные конструкты женского медиадискурса

Ценности	Дарья Асламова (Правда.Ру)	Юлия Андриенко (КП)
Ответственность за свои поступки	11	15
Милосердие к врагу/Возможность делать адекватный вывод	8	4
Вера в победу и в справедливое возмездие врагам	12	9
Взаимовыручка	13	13
Честность/Искренность	10	9
Самоотверженность/Смелость/Бесстрашие	15	18
Патриотизм/Единение с традициями	19	14
Любовь к жизни и другим людям/Оптимизм	9	16
Сопереживание/Душевность/Чуткость	7	8

Как правило, в одном материале можно было встретить несколько ценностных доминант. Например: «Из ботинка пальцы доставала». ВСУ устраивают сафари на жителей Горловки» (Дмитрий Григорьев. АиФ. 20.10.2024 – самоотверженность, любовь к жизни, патриотизм, чуткость, справедливое возмездие врагам, честность); «Железная кухня СВО: повара-воины рассказали, как кормят российских бойцов» (Дмитрий Стешин. Комсомольская правда. ru. 15.12.2023 – любовь к жизни и другим людям, оптимизм, патриотизм, искренность, чуткость, самоотверженность); «До последнего вздоха бил врага: Комбат-герой отдал жизнь за своих бойцов в Курской “Брестской крепости”» (Александр Коц. Комсомольская правда. ru. 31.08.2024 – патриотизм, честность, смелость, взаимовыручка, любовь к жизни и другим людям, ответственность за свои поступки); *Батя Харьковский: «Украинцы – это наши люди, которых у нас просто украли»* (Дарья Асламова. Pravda. RU. 03.06.2024 – сопереживание, патриотизм, честность, взаимовыручка, оптимизм, милосердие к врагу, вера в победу); «Испуганные взрывами лошади бежали и гибли на минных полях» (Юлия Андриенко. Комсомольская правда. ru. 27.09.2024 – патриотизм, вера в победу и справедливое возмездие врагам, самоотверженность).

Также, несмотря на общие профессиональные требования к журналистскому интернет-тексту, отмечены композиционные и стилистические отличия материалов, созданных мужчинами или женщинами. Репортёры-мужчины больше внимания уделяют непосредственно ходу боевых действий, идеям антимилитаризма, фиксации фактов военных преступлений, героической работе российской армии на передовой.

Тексты Дарьи Асламовой и Юлии Андриенко отличаются эмоциональностью и трагизмом повествования. Они значительно больше внимания уделяют судьбам гражданских лиц: женщин, детей, стариков. Их интересует не столько геополитический результат военной операции, сколько развернувшаяся человеческая драма. В дискурсе активно используются образы и художественно-выразительные средства – сравнения, эпитеты, метафоры: «В войне есть своя красота, пусть и основанная на страшных событиях» (Комсомольская правда. ru. 14.09.2024); «Боги превратили

людей в аистов, чтобы уничтожить всю нечисть» (Pravda.RU. 13.06.2024); «Курск встречает меня сиреной воздушной тревоги... Она протяжно набирает обороты, будто звинчиваясь с каждым новым иу-у-у в мозг, и замолкает обиженно и разочарованно» (Комсомольская правда. ru. 25.09.2024).

Заключение. Работа журналиста в зоне боевых действий и на освобождённых территориях связана с гиперконцентрацией душевных усилий и эмоционального напряжения. Минимизировать негатив окружающей тебя реальности возможно только за счёт внутреннего, как духовного, так и профессионального багажа личности. Историческая память даёт мотивацию для активной работы, а профессиональные навыки способствуют оперативному решению возникающих «здесь и сейчас» проблем. Ценностные основания эмоционального выбора военного журналиста определяют идейно-концептуальную канву текста, демонстрируют отношение автора к фактам и событиям, его эмоциональный потенциал сочувствия и сопереживания не только героям материала, но и, по сути, историческим событиям сегодняшнего дня.

Подводя итоги проведённого исследования, мы пришли, наверное, к основному выводу в аксиологии медиатекста. Негативные коннотации, экспрессия страха и насилия вовлекает в процесс видения фактов лицом к лицу, в их мозаике безысходности и отчаяния. Измерение происходящего в контексте духовно-нравственного осмысления событий, с точки зрения истории своего народа и возможного самостоятельного дыхания его будущего, позволяет выстраивать повествование о конкретных людях, их семьях и домах в атмосфере надежды на лучшее и веры в победу нашей Правды и наших ценностей. Истинная журналистская объективность – не в клиповом воспроизводстве реальности, а в видении главного – смысловой сущности происходящего, которую журналист определил, почувствовал, принял, пережил и сумел донести до аудитории.

В качественном медиадискурсе о войне мы наблюдаем эмоциональный код отечественной культуры: наша соборность проявляется в ценностях «любви к Другому», «взаимовыручки» (как писал А. С. Хомяков, это «единство органическое и живое... благодать взаимной любви» [24, с. 101], также

в единении с традициями, в чувстве ответственности, которое в соборной культуре по природе коллективно. Духовное братство есть и патриотическое единение, по выражению И. А. Ильина, «основанное на любви к своему народу, на вере в его духовную силу и призвание, на созерцании его души» [25, с. 80–81]. Русская душевность рождает милосердие и искренность, сопереживание и чуткость. В процессе работы языковая

личность военного журналиста имманентно воспроизводит ценности родного социума, выстраивает в общении с аудиторией энергетически ёмкий текст о военных событиях, поддерживая необходимую сегодня национальную идентификацию.

Однако в современной науке вопрос об инструментарии объективации национальной картины мира в медиадискурсе остаётся открытым.

Список литературы

1. Krasovskaia N. A., Gulyaev A. A. Main Criteria for Classification of the Types of Information Confrontation // International Journal of Social Sciences and Interdisciplinary Studies. 2019. Vol. 41, no. 2. P. 45–50.
2. Пензина А. И., Пархитко Н. П. Информационная война как альтернативный инструмент продвижения национальных интересов // Вопросы национальных и федеральных отношений. 2019. № 4. С. 488–494.
3. Гулевская Н. А., Гулевский А. Н. К вопросу понимания ментальной войны // Вестник Калмыцкого университета. 2024. № 1. С. 134–139.
4. Приходько М. В. Лингвистическая модель информационной войны: структурные элементы и уровни воздействия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». 2023. № 3. С. 57–71.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
6. Мещерякова М. И. Изучение эмоционального интеллекта: возникновение понятия «эмоциональный интеллект», его компонентов и функций // Модернизация российского общества и образования: новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров: материалы XXIII Национальной науч. конф. (с междунар. участием). Таганрог, 2022. С. 762–765.
7. Mayer J. D. Salovey P. The intelligence of Emotional Intelligency // Intelligence. 1993. No. 17. P. 433–442.
8. Melnichuk M. V. Emotional intelligence as a factor in the development of the intellectual capital of the organization // Management Sciences. 2023. Vol. 13, no. 2. P. 26–35.
9. Chung M. C., Sabirova R. Sh., Umurkulova M. M. The interrelationship between policemen's coping strategies and features of emotional intelligence // Bulletin of the Karaganda University. History. Philosophy Series. 2019. Vol. 94, no. 2. P. 120–126.
10. Schröder K., Siegfried P. Die emotionale intelligenz – ein erfolgfaktor weiblicher führungskräfte? // Beneficium. 2022. No. 2. P. 112–120.
11. Блохин И. Н. Эмоциональный интеллект журналиста в структуре профессиональной коммуникации // Медиа в современном мире. 63-и Петербургские чтения: материалы междунар. науч. форума (18–20 апреля 2024 г.): в 2 т. / отв. ред. А. А. Малышев. СПб.: Медиапапир, 2024. Т. 1. С. 75–77.
12. Sabahattin Ç., Ayhan K. Effects of Emotional Intelligence on Knowledge Sharing Among Employees: a Study of Horeca Companies in Turkey // The Manager. 2021. Vol. 12, no. 3. P. 44–55.
13. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект / пер. с англ. А. П. Исаевой. М.: Изд-во «Манн, Иванов и Фербер», 2021. 545 с.
14. Bar-On R. Bar-On Emotional Quotient Inventory: Technical manual. Toronto, 1997. 216 p.
15. Ковалев А. А. Роль философии в разработке стратегий обеспечения ментальной безопасности в условиях «гибридных войн» современности // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 4. С. 31–41.
16. Сирьянто Т., Бондаренко В. А. Взаимодействие эмоционального и духовного интеллекта в рамках развития социальной компетентности педагога экономических специальностей // Вестник Ростовского государственного экономического университета. 2018. № 3. С. 61–68.
17. Дружинина И. А., Солодухо Н. М. Переход от эмоций к духовности в «разрезе бытия» // Вестник Казанского государственного технического университета имени А. Н. Туполева. 2013. № 3. С. 214–217.
18. Сизова Е. В. Методы формирования эмоционального интеллекта студентов факультета журналистики средствами иноязычной подготовки // Концепт. 2023. № 3. С. 29–45.
19. Даукша Л. М., Милахович Т. В. Связь духовного и эмоционального интеллекта студентов // Личность в культуре и образовании: психологическое сопровождение, развитие, социализация: материалы междунар. науч.-практ. конф. Ростов н/Д., 2020. № 8. С. 58–64.
20. Сергиенко Е. А., Ветрова И. И. Эмоциональный интеллект: русскоязычная адаптация теста Мэйера – Сэловея – Карузо. Текст: электронный // Институт психологии РАН. URL: <https://psystudy.ru/index.php/nim/article/view/951/488> (дата обращения: 28.03.2024).
21. Линн А. Сила эмоционального интеллекта. Как его развивать для работы и жизни. М.: Изд-во «Манн, Иванов и Фербер», 2019. 320 с.

22. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
23. Шевченко А. В. Инвалидизация эмоционального интеллекта как высшей формы духовного содержания журнализма // Медиа в современном мире. 63-и Петербургские чтения: материалы междунар. науч. форума (18–20 апреля 2024 г.): в 2 т. / отв. ред. А. А. Малышев. СПб.: Медиапайр, 2024. Т. 1. С. 96–98.
24. Хомяков А. С. Сочинения: в 2 т. М.: Медиум, 1994. Т. 1. 590 с.
25. Ильин И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России: в 2 т. М.: МП «РАРОГЪ», 1992. Т. 2. 272 с.

Информация об авторах

Ерофеева Ирина Викторовна, доктор филологических наук, доцент, Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30; irina-jour@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5653-2792>.

Михалёва Людмила Игоревна, старший преподаватель, Российский новый университет; 125284, Россия, г. Москва, Россия, Хорошёвское ш., д. 12а; mihaleva2004@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-9929-1874>.

Вклад авторов в статью

Ерофеева И. В. – основной автор, инициировала исследование, осуществляла постановку научной проблемы исследования, определяла основные направления её решения, структурировала и осуществляла анализ полученных результатов, готовила текст статьи.

Михалева Л. И. – собирала эмпирический материал, проводила когнитивный анализ, систематизировала и анализировала материал исследования.

Для цитирования

Ерофеева И. В., Михалева Л. В. Аксиологический потенциал эмоционального интеллекта военного журналиста в медиадискурсе // Гуманитарный вектор. 2024. Т. 19, № 4. С. 132–140. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-132-140.

Статья поступила в редакцию 28.08.2024; одобрена после рецензирования 30.09.2024; принята к публикации 3.10.2024.

References

1. Krasovskaia, N. A., Gulyaev, A. A. Main Criteria for Classification of the Types of Information Confrontation. *International Journal of Social Sciences and Interdisciplinary Studies*, vol. 41, no. 2, pp. 45–50, 2019. (In Eng.)
2. Penzina, A. I., Parkhitko, N. P. Information warfare as an alternative tool for promoting national interests. *Issues of national and federal relations*, no. 4, pp. 488–494, 2019. (In Rus.)
3. Gulevskaya, N. A., Gulevsky, A. N. On the issue of understanding mental warfare. *Bulletin of Kalmyk University*, no. 1, pp. 134–139, 2024. (In Rus.)
4. Prikhodko, M. V. Linguistic model of information warfare: structural elements and levels of impact. *Bulletin of the Moscow State Regional University, series: Linguistics*, no. 3, pp. 57–71, 2023. (In Rus.)
5. Karasik, V. I. *Language circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremena, 2002. (In Rus.)
6. Meshcheryakova, M. I. Study of emotional intelligence: emergence of the concept of “emotional intelligence”, its components and functions, *Modernization of Russian society and education: new economic guidelines, management strategies, issues of law enforcement and personnel training*, Proceedings of the XXIII International Scientific and Practical. Taganrog, 2022: 762–765. (In Rus.)
7. Mayer, J. D. Salovey, P. The intelligence of Emotional Intelligency, *Intelligence*, no. 17, pp. 433–442, 1993. (In Eng.)
8. Melnichuk, M. V. Emotional intelligence as a factor in the development of the intellectual capital of the organization, *Management Sciences*, vol. 13, no. 2, pp. 26–35, 2023. (In Eng.)
9. Chung, M. C., Sabirova, R. Sh., Umrkulova, M. M. The interrelationship between policemen's coping strategies and features of emotional intelligence, *Bulletin of the Karaganda university, History. Philosophy Series*, vol. 94, no. 2, pp. 120–126, 2019. (In Eng.)
10. Schröder, K., Siegfried, P. Die emotionale intelligenz – ein erfolgfaktor weiblicher führungskräfte? *Beneficium*, no. 2, pp.112–120, 2022. (In Germ.)
11. Blokhin, I. N. Emotional intelligence of a journalist in the structure of professional communication, *Media in the modern world*, Proceedings of the 63rd. St. Petersburg readings, vol. 1, St. Petersburg: Mediapapir, 2024: 75–77. (In Rus.)
12. Sabahattin, Ç., Ayhan, K. Effects of Emotional Intelligence on Knowledge Sharing Among Employees: a Study of Horeca Companies in Turkey, *The Manager*, vol. 12, no. 3, pp. 44–55, 2021. (In Eng.)
13. Goleman, D. *Emotional Intelligence*. M: Mann, Ivanov and Ferber, 2021. (In Rus.)

14. Bar-On, R. Bar-On Emotional Quotient Inventory: Technical manual. Toronto, 1997. (In Eng.)
15. Kovalev, A. A. The role of philosophy in the development of strategies for ensuring mental security in the context of modern “hybrid wars”, *Humanitarian vector*, vol. 18, no. 4, pp. 31–41. 2023. (In Rus.)
16. Siryanto, T., Bondarenko, V. A. Interaction of emotional and spiritual intelligence in the framework of the development of social competence of a teacher of economic specialties, *Bulletin of the Rostov State University of Economics*, no. 3, pp. 61–68, 2018. (In Rus.)
17. Druzhinina, I. A., Solodukho, N. M. The transition from emotions to spirituality in the “cut of being”, *Bulletin of the Kazan State Technical University named after A. N. Tupolev*, no. 3, pp. 214–217, 2013. (In Rus.)
18. Sizova, E. V. Methods of Forming Emotional Intelligence of Students of the Faculty of Journalism by Means of Foreign Language Training, *Scientific and Methodological Electronic Journal “Concept”*, no. 3, pp. 29–45, 2023. (In Rus.)
19. Dauksha, L. M., Milakhovich, T. V. The Connection between Students’ Spiritual and Emotional Intelligence, *Personality in Culture and Education: Psychological Support, Development, Socialization*, Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Rostov on/D., no. 8, pp. 58–64, 2020. (In Rus.)
20. Sergienko, E. A., Vetrova, I. I. Emotional intelligence: Russian-language adaptation of the Mayer-Salovey-Caruso test, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Russian Orthodoxy. Web. 28.03.2024. <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/951/488>. (In Rus.)
21. Lynn, A. The power of emotional intelligence. How to develop it for work and life. M: Mann, Ivanov and Ferber. 2019. (In Rus.)
22. Shakhovskiy, V. I. Linguistic theory of emotions. M: Gnosis, 2008. (In Rus.)
23. Shevchenko, A. V. Disability of emotional intelligence as the highest form of spiritual content of journalism, *Proceedings of the 63rd. St. Petersburg readings*, vol. 1, St. Petersburg: Mediapapir, 2024: 96–98. (In Rus.)
24. Khomyakov, A. S. Works. Collected works. In 3 t. Vol. 1. M.: Medium, 1994. (In Rus.)
25. Ilyin, I. A. Our tasks. Historical fate and future of Russia. Collected works. In 2 t. Vol. 2. M.: MP “RAROG”, 1992. (In Rus.)

Information about the authors

Erofeeva Irina V., Doctoral Degree (Philology), Associate Professor, Transbaikalian State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; irina-jour@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5653-2792>.

Mikhaleva Lyudmila I., Senior Lecturer, Russian New University; 12a Khoroshevskoe sh., Russia, Moscow, 125284, Russia; mihaleva2004@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-9929-1874>.

Contribution of the authors to the article

Erofeeva I. V. – the main author, initiation of the study, statement of the research problem and identification of the main ways to solve it, structuring and analysis of the results obtained, prepared the text of the article.

Mikhaleva L. V. – collected empirical material, conducted a cognitive analysis, systematized and analyzed the research material.

For citation

Erofeeva I. V., Mikhaleva L. V. Axiological Potential of Military Journalist’s Emotional Intelligence in Media Discourse // *Humanitarian Vector*. 2024. Vol. 19, no. 4. P. 132–140. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-132-140.

**Received: August 28, 2024; approved after reviewing September 30, 2024;
accepted for publication October 3, 2024.**

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

Рецензия

УДК 316.77

DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-141-150

Экранная культура и литературная мифология массового сознания (два «Онегина» – 1999 и 2024 гг.)

Сергей Николаевич Ильченко

*Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия
tv_and_radio@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7301-3203>*

В статье рассматривается практика продвижения в современной экранной культуре образов и смыслов классических произведений русской литературы. Актуальность этой темы связана с повсеместным использованием образов отечественной словесности в тех образцах экранной культуры, с которыми сталкивается современный массовый зритель. В качестве основного метода исследования применён метод сравнительного анализа. Автор предлагает сравнить две кинематографические версии одного из ключевых произведений отечественной литературы – роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». В ходе анализа предлагается исследовать обстоятельства создания обоих фильмов, культурный и социально-психологический контекст появления экранизаций, общий исторический фон. Особое внимание будет обращено на страну-производителя каждой из картин (Великобритания и Россия), что, несомненно, не могло не повлиять на окончательный результат. Автор исследует адекватность экранных версий с учётом существующих традиций киносмотрения и киновосприятия, определяемых не только практикой самих зрителей, но и доминирующими информационно-аналитическими трендами, характерными для каналов массовых коммуникаций с учётом обстоятельств их функционирования в каждом конкретном, хронологически детерминированном случае. Особое внимание автор уделил принципам создания обеих картин, факторам, которые формировали окончательное эстетическое решение каждой из версий – от подбора актёров до выбора локаций и натуральных мест съёмок. В статье также затронута история кинематографических версий литературного первоисточника. Учитываются и традиции литературоведческого и критического анализа оригинального текста А. С. Пушкина в отечественном литературоведении. Уделено внимание и прокатной судьбе каждой из картин, поскольку они были созданы в совершенно разных условиях и в разных системах кинопроизводства с необходимыми для последующего продвижения к аудиториям различными культурными традициями. Автор приходит к выводу о различной степени эстетической адекватности анализируемых явлений экранной культуры литературному первоисточнику, когда, по его мнению, предпочтительным является подход британских кинематографистов.

Ключевые слова: «Евгений Онегин», Пушкин, экранная культура, литература, Рэйф Файнс, Сарик Андреасян, массовое сознание

Review

Screen Culture and Literary Mythology of Mass Consciousness
(two “Onegin” – 1999 and 2024)

Sergey N. Ilchenko

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
tv_and_radio@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7301-3203>

The article discusses the practice of promoting the images and meanings of classical works of Russian literature in modern screen culture. The relevance of this topic is connected with the widespread use of images of Russian literature in those samples of screen culture that the modern mass audience is faced with. In the article, the method of comparative analysis will be used as the main research method. The author proposes to compare two cinematic versions of one of the key works of Russian literature - the novel ‘Eugene Onegin’ by A. S. Pushkin. In the course of the analysis, it is proposed to study the circumstances of the creation of both films, the cultural and socio-psychological context of the appearance of screen adaptations, and the general historical background. Particular attention will be paid to the country of origin of each of the films (Great Britain and Russia), which, of course, could not affect the final result. The author examines the adequacy of screen versions, taking into account the existing traditions of film viewing and film perception, determined not only by the practice of the viewers themselves, but also by the dominant information and analytical trends characteristic of mass communication channels, taking into account the circumstances of their functioning in each specific, chronological deterministic case. The author paid special attention to the principles of creating both films, the factors that formed the final aesthetic solution of each of the versions - from the selection of actors to the choice of locations and location locations. The article also touches upon the history of cinematic versions of the literary source. The traditions of literary criticism and critical analysis of the original text by A. S. Pushkin in Russian literary criticism are also taken into account. Attention is also paid to the distribution fate of each of the films, since they were created in completely different conditions and in different systems of film production with different cultural traditions necessary for subsequent promotion to audiences. The author comes to the conclusion about the varying degree of aesthetic adequacy of the analyzed phenomena of screen culture to the literary source, when, in his opinion, the approach of British cinematographers is preferable.

Keywords: ‘Eugene Onegin’, Pushkin, screen culture, literature, Ralph Fiennes, Sarik Andreasian, mass consciousness

Введение. Отношения экранной культуры с литературой есть величина постоянная не только в современном медийном пространстве, но и с самого первого этапа существования кинематографа (а затем и телевидения) как нового средства отражения эмпирической действительности. Под экранной культурой в данном случае мы будем понимать совокупность аудиовизуальных средств массовой коммуникации, характерных как для кино, так и для телевидения. Литература в подобной парадигме изучения её отношений с новейшими видами художественной коммуникации нас будет интересовать как один из вариантов вербализации массовых настроений в зрительской среде. Для этого мы привлекли к анализу две киноверсии пушкинского романа в стихах «Евгений Онегин». Одна из них датируется 1999 годом, другая – 2024-м.

Обзор литературы. Классический текст А. С. Пушкина постоянно присутствовал в дискурсе отечественной критической мысли. В. Г. Белинский, например, посвятил роману в стихах две статьи в своём известном цикле

о творчестве поэта¹. В современном литературоведении также внимательно исследуется и анализируется как сам текст «Евгения Онегина», так и обстоятельства, сопровождавшие его появление. Этой проблематике посвящены исследования М. Л. Гофмана [1], О. Н. Гринбаума [2], С. А. Фомичева [3]. Глоссарий интересующего нас литературного первоисточника, а также сопутствующая эмпирическая фактура присутствует в универсальном справочном издании – «Онегинской энциклопедии»². Принципиально важное значение для понимания всей глубины и уровней привнесённых в текст смыслов и параллелей с современной автору эмпирической действительностью имели работы

¹ Белинский В. Г. Статьи о Пушкине. Статья 8-я «Евгений Онегин» // Собрание сочинений: в 9 т. – М.: Худож. лит., 1981. – Т. 6. – С. 362–399; Белинский В. Г. Статьи о Пушкине. Статья 9-я «Евгений Онегин» (окончание) // Собрание сочинений: в 9 т. – М.: Худож. лит., 1981. – Т. 6. – С. 399–426.

² Онегинская энциклопедия: в 2 т. / под общ. ред. Н. И. Михайловой; сост. Н. И. Михайлова, В. А. Кошелев, М. В. Строганов. – М.: Русский путь, 1999–2004. – Т. 1: А–К. – 576 с.; Т. 2: Л–Я; А–Z. – 804 с.

известных комментаторов данного сочинения – В. В. Набокова [4], Ю. М. Лотмана¹ [5].

Что же касается непосредственно отношений пушкинского творчества с экранной культурой, то необходимо отметить цикл работ Н. С. Горницкой, внесшей значительный вклад в изучение и анализ кинопушкинианы XX в. [6–9]. Дополнительным источником всей номенклатуры подобных проектов, относящихся к экранной культуре, может служить Пушкинский кинословарь, структурирующий соответствующую видеопroduкцию, тематически относящуюся к личности и творчеству А. С. Пушкина². Существует и ещё одно справочное издание, которое касается российских фильмов, выпущенных до 1917 г.³ И это немаловажно, так как в истории отечественного кинематографа первая экранная версия «Евгения Онегина» датируется 1911 годом (режиссёр – Василий Гончаров). Главную роль в этом немом фильме сыграл Пётр Чардынин.

Методически важной для нашего исследования является монография Льва Аннинского, посвящённая отношениям кинематографа и произведений Л. Н. Толстого [10]. Важные теоретические идеи относительно пересечения кинематографа и литературы можно найти в работах советских исследователей Ю. А. Богомолова [11] и Ю. М. Лотмана [12], которые уделили достаточно внимания особенностям коммуникационного воздействия данных видов творческой активности. Стоит также заметить, что проблему воздействия экранной культуры на массового зрителя с разных точек описывали и изучали Я. С. Варшавский [13] и И. С. Левшина [14].

Проблема существования литературы как особого вида выражения общественного и индивидуального сознания рассматривается и в серии интервью двух ярких представителей зарубежной культуры – известного сценариста Жана-Клода Карьера и писателя Умберто Эко [15]. Однако в научном дискурсе компаративный подход к двум

совершенно разным попыткам сотворить экранный эквивалент одного и того же ключевого текста российской культуры ранее не предпринимался, что является ещё одним фактором, определяющим актуальность нашего анализа.

Методология и методы исследования. Основным методом исследования заявленной нами проблемы является историко-сравнительный метод, который позволит чётко обозначить не только номинативный аспект форматов и жанров, характеризующих особенности двух экранных версий классического текста русской культуры XIX в., но и выявить те предпосылки, которые не могли не повлиять на обращение к тексту Пушкина в условиях совершенно разного исторического и культурно-массового контекста.

Объектом исследования в таком случае становятся две экранные версии романа в стихах «Евгений Онегин», премьеры которых состоялись в 1999 и 2024 гг. соответственно. Предметом исследования, таким образом, становятся в каждом из фильмов особенности создания экранной реальности и её коннотация с текстом литературного первоисточника, исторической конкретикой времени его создания и обозначенного в нём периода действия и соотношение с общими тенденциями развития отношения современной экранной культуры и отечественной словесности соответствующей эпохи.

Актуальность заявленной нами проблематики исходит из перманентного тренда экранной культуры (кино и телевидения), предполагающей поиск сюжетов и образов, имеющих потенциал для адекватного восприятия массовой зрительской отечественной аудиторией.

Результаты исследования. Часть 1. Для того чтобы понять специфику функционирования знаменитого пушкинского творения в отечественной культуре и соответственно – литературе, необходимо разобраться с его эстетической спецификой и жанровым разнообразием. В теории литературы проблема типологии жанров словесного творчества является одной из парадигмальных, так как в ней реализуется своеобразная саморефлексия данного вида человеческой деятельности. Недаром почти два столетия назад уже возникали очаги подобных дискуссий. Можно вспомнить хрестоматийную реплику А. С. Пушкина в пись-

¹ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: комментарий: пособие для учителя // Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПб, 1995. – С. 472–762.

² Пушкинский кинословарь / авт.-сост.: Е. М. Барыкин, В. Ф. Семерчук, С. В. Сквородникова, А. С. Дерябин, при участии Т. В. Сергеевой, Н. М. Чемодановой. – М.: Госфильмофонд России, 1999. – 375 с.

³ Вишневский В. Художественные фильмы до революционной России (фильмографическое описание). – М.: Госкиноиздат, 1945. – 192 с.

ме П. А. Вяземскому от 4 ноября 1823 г. (из Одессы в Москву): «Что касается до моих занятий, я теперь пишу не роман, а роман в стихах – дьявольская разница. Вроде “Дон Жуана” – о печати и думать нечего; пишу спустя рукава»¹. Эта цитата отсылает нас к самому началу сочинения «Евгения Онегина». Окончена рукопись была в октябре 1830 г. в Болдине.

Жанровая идентификация печатного текста – прямой путь к структуризации его бытования в системе массовых коммуникаций, возможность отнесения к определённой знаковой системе; в конце концов, часть процесса объективизации субъективных намерений автора всего вербального массива, имеющего вполне определённый размер, структуру, несущего определённое количество информации и соответственно воздействующего на вероятного его потребителя. Можно утверждать, что понятие «жанр литературного произведения» в какой-то степени «помогает» идентифицировать принадлежность того или иного текста (по преимуществу печатного) к виду или роду литературы. Всё это может быть отнесено и к «Онегину».

В практике функционирования современной экранной культуры мы отмечаем два генеральных вида зрительского знакомства с экранным произведением – традиционный просмотр в кинотеатре и домашний просмотр. Последний, в свою очередь, подразделяется на телесмотрение и знакомство с аудиовизуальной продукцией путём соответствующей стриминговой платформы в Сети.

Индивидуализация телесмотрения как одна из очевидных и главенствующих тенденций в сфере массовой коммуникации не только несёт в себе положительный эффект, основанный на учёте интересов потребителя информации, адекватности форм и методов её подачи и т. п., но и содержит весьма специфические особенности, связанные с природой аудиовизуального воздействия на аудиторию. Об этом в своё время писал М. Маклюэн. В труде «Понимание медиа: внешние расширения человека» он указывал: «...все электрические устройства – вовсе не средства экономии труда, а новые формы работы, децентрализованные и ставшие доступными каждому. Таков также мир телефона и телевизионного образа,

предъявляющий гораздо больше требований к своим пользователям по сравнению с радио или кино.

Как простое следствие этого частного и самодеятельного аспекта электрической технологии, каждый вид развлечения в эпоху телевидения отдаёт предпочтение тому же типу личностного вовлечения. Отсюда тот парадокс, что в эпоху телевидения обыватель Джонни не умеет читать, ибо чтение в том виде, в каком его обычно преподают, – деятельность слишком поверхностная и расточительная.... Проблема, следовательно, не в том, что Джонни не умеет читать, а в том, что в эпоху глубокого вовлечения Джонни не может визуализировать отдалённые цели» [16, с. 190–191].

Наглядность, доступность и сиюминутность восприятия зрелища через телевизионный канал коммуникации порождает серьёзную проблему её осмысления реципиентом на уровне индивидуальном и массовом. Здесь-то и прорывается в лидеры чувственно-подсознательное восприятие того, что видит человек на экране телевизора, в конкретный момент времени в соответствующем информационном, эстетическом и социально-политическом контексте.

Классический пример такой эфирной ситуации – экранизация произведений классической отечественной литературы, производимая либо самими каналами-мейджерами, либо по их заказу. Афоризм «Я “Войну и мир” Толстого не читал, а смотрел» сегодня стал практическим руководством к одному из магистральных направлений в развитии отечественного телевидения. Зрительский успех сериалов последних лет – «Идиот», «Мастер и Маргарита», «Преступление и наказание», «Золотой телёнок», «В круге первом», «Доктор Живаго» – был зафиксирован медиаизмерителями. Прямым следствием этого стал рост количества покупок изданий экранизированных книг после премьер сериалов, а также повышенный спрос на них в библиотеках. Аудитория предпочла удовлетворение первоначального интереса к произведениям Ф. М. Достоевского, М. А. Булгакова, И. А. Ильфа и Е. П. Петрова, А. И. Солженицына и Б. Л. Пастернака с помощью наглядной сюжетности телевидения. И только затем возникла необходимость иного, более вдумчивого, основанного на радио, осмысления увиденного, а затем и прочитанного.

¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. – М.: ГИХЛ, 1958. – Т. 10. – С. 70.

Хотя в данной ситуации немаловажным фактором был выбор объектов экранизации, каждый из которых практически имеет не только конкретный текст, сюжет, набор персонажей, но и своеобразный мифологический культурный шлейф в массовом сознании. Телевидение создаёт некий аудиовизуальный код экранизируемого текста. Его «дешифровка» (декодирование) происходит уже в момент непосредственного просмотра созданного экранного продукта в виде сериала. Можно сказать, что ситуация просмотра сериала-экранизации есть факт приобщения индивидуального сознания реципиента к господствующим темам и образам, вербализованным в образцах текстов классической литературы.

Однако данные выводы имеют всё-таки ограничения с точки зрения их возможной экстраполяции на практику традиционного кинопросмотра, так как оба фильма, которые мы рассматриваем в данной статье, были в первую очередь предназначены для показа в кинотеатрах. Но приобщение к мифологическому следу, сопровождающему бытование пушкинского текста в массовом сознании, характерно для обеих киноверсий «Евгения Онегина». Рассмотрим их в порядке появления на российском культурном горизонте.

Часть 2-я. «Онегин»: 1999 год. Важным обстоятельством для понимания контекста появления этого фильма в России являлось празднование 200-летия со дня рождения А. С. Пушкина на всём протяжении 1999 года. Пик юбилейной программы пришёлся на рубеж мая-июня того же года. Именно в это период и возникло предложение от Британского совета о проведении в Петербурге мировой премьеры фильма «Онегин». Стоит учитывать и тот факт, что к 1999 г. история экранизации романа насчитывала всего только восемь примеров, из которых только один был оригинальным игровым фильмом – уже упоминавшаяся нами немая картина 1911 г. Все остальные экранные произведения представляли собою киноверсии известных музыкальных постановок одноимённой оперы П. И. Чайковского. Кстати, тенденция эта сохранилась и впоследствии. Из известных на сегодня 17 экранизаций «Евгения Онегина» к жанру кинооперы относятся 13.

Автором и продюсером британского проекта явился английский актёр Рэйф Файнс, который и сыграл главную роль. На

тот момент он уже находился в статусе мировой звезды после номинаций на премию «Оскар» за роли в фильмах «Список Шиндлера» и «Английский пациент». Однако он не рискнул взять на себя обязанности режиссёра, поручив эту функцию своей сестре Марте Файнс. Оригинальную музыку к фильму сочинил его брат Магнус Файнс. Ещё одним принципиальным решением было назначение на роль Татьяны актрисы Лив Тайлер, также имевшей статус звезды.

Обращает на себя внимание и «сокращение» названия картины до фамилии героя – «Онегин», что, по нашему мнению, определяло уважительное отношение к литературному первоисточнику, с одной стороны, а с другой – указывало на известную самостоятельность в трактовке всего романа и, главное, – образа его центрального персонажа. Натурные съёмки фильма проходили в Санкт-Петербурге в зимний период, что в конечном счёте и предопределило визуальный образ картины: действие подавляющего числа эпизодов происходит на экране зимой, лишь некоторые сцены в природных ландшафтах были сняты на осенней натуре. Тщательно отобранные локации в петербургском мегаполисе ориентировали зрителей на эпоху, по времени соотносимую с пушкинской, и были лишены узнаваемости привычных «открыточных» видов северной столицы.

Не менее важным с точки зрения дистанцирования от привычного, оперно-стихотворного восприятия сюжета стал отказ от чтения стихотворного текста романа. Герои фильма «Онегин» произносили прозаический текст, хотя и близкий по смыслу стихотворным строфам Пушкина. С экрана стихи звучали только в эпизоде чтения взаимных писем Татьяны и Онегина. Причём эта ситуация в британском фильме была совмещена в одном эпизоде – после новой встречи главных героев в Петербурге.

Многие зрители «Онегина» заметили, пожалуй, главную особенность фильма семьи Файнс: в музыкальном оформлении картины были использованы мелодии и песни более позднего времени. Сам Рэйф Файнс на пресс-конференции, посвящённой мировой премьере картины, согласился с этим замечанием. Но в целом он определил эстетический смысл фильма как «английскую реакцию на русскую классику».

Этот взгляд отличался очевидной суровостью визуального решения, где доминиро-

вали тона тёмного колорита, размеренным ритмом повествования, напоминающим классические ленты интеллектуального кино 60-х гг. прошлого столетия, немногословностью поведения главных героев в кадре (за исключением ключевых сцен объяснений) и явным намерением продемонстрировать эстетическое родство самого текста и Онегина с общей европейской традицией подобного типа персонажей.

Заметим, что в результате зрители «считали» данный посыл автора британской версии. И поэтому отсылки к персонажам уровня Чайльд-Гарольда и Дон Жуана и возникающие смысловые параллели не выглядели чрезмерными и намеренными. Рэйф Файнс напомнил своим фильмом о том, что Пушкин и его герой есть по сути явления не только русской культуры, но и культуры европейской, где рациональность и ум являются весьма существенными факторами восприятия литературного текста. Заметим, что поэма Д. Г. Байрона «Паломничество Чайльд Гарольда» была опубликована в период между 1812 и 1818 гг. и была хорошо известна в России. В тексте самого «Евгения Онегина» встречаются упоминания байроновского героя. Сам же текст романа в стихах Пушкина стал вторым по счёту произведением подобного жанра в европейской литературе.

Фильм «Онегин» был отмечен рядом международных наград, в том числе и в самой Великобритании, что позволяет предположить адекватность его восприятия зарубежной публикой. Что же касается России, то официальные данные о количестве просмотревших его зрителей отсутствуют. Однако символическое значение, говорящее о его эстетическом признании, имеет факт показа «Онегина» в эфире ряда отечественных телеканалов, имеющих федеральный статус.

Часть 3-я. «Онегин»: 2024 год. Режиссёр этой картины Сарик Андреасян – один из самых успешных постановщиков в современной отечественной киноиндустрии. Известен как автор телесериалов, ряда популярных и кассовых кинокомедий, а также фильмов явно трагического звучания («Землетрясение», «Непрощённый»). Критиками неоднократно отмечалась некая жанровая всеядность данного режиссёра, но обращение к русской классике в его медийной и кинокарьере произошло впервые. Название фильма было также сокращено до фами-

лии главного героя, а на рекламном постере был чётко указан жанр выходящего в прокат фильма – «мелодрама».

Принципы взаимоотношений со стихотворным текстом пушкинского первоисточника были заимствованы режиссёром из московской постановки «Евгения Онегина» в театре имени Е. Б. Вахтангова. Там главную роль играл артист среднего возраста Виктор Добронравов, а стихи от автора произносил со сцены Владимир Вдовиченков. Этот же приём был перенесён и на экран. В кадре персонажи изъяснялись исключительно прозой, как будто это был перевод-подстрочник поэтического текста. Появление же в кадре «лица от автора» (Вдовиченков) было перманентным, но производило впечатление случайности, вне логики повествования.

Оба исполнителя и были приглашены Сариком Андреасяном на соответствующие роли в экранной версии «Евгения Онегина». Выбор на роль Татьяны актрисы Елизаветы Моряк окончательно разрушил стилистику картины, так как очевидно, что возраст исполнителей ролей центральной пары явно не соответствовал биографическому возрасту пушкинских персонажей. Они были очевидно старше их как минимум в два раза. Здесь необходимо понимать, что от образа Татьяны слишком многое зависит в восприятии фильма про Онегина, которому зачем-то придумали отчество «Александрович» (видимо, намек на авторство Пушкина), тогда как в оригинальном тексте Евгений так и не приобрёл никакого отчества.

Адекватным пушкинскому стилю в «Онегине» выглядела вторая пара влюблённых – Ленский (Дмитрий Прытков) и Ольга (Татьяна Сабинова). Они были в меру молоды, и в меру простоваты. Приглашение на роли второго плана звёзд отечественного кино и телевидения (Светлана Немоляева, Алена Хмельницкая, Александр Яцко, Ольга Тумайкина) ещё более влияло на восприятие фильма в дискурсе традиционного, «школьного» прочтения. Хотя вряд ли можно номинировать данную версию (впрочем, как и британский вариант) как попытку визуализировать пушкинский текст как «энциклопедию русской жизни». Скорее формат «Онегина» образца 2024 года приближался к заявленному авторами экранной версии жанру мелодрамы.

Отчасти поэтому лента была выпущена в прокат в марте 2024 г., т. е. она, в отличие

от версии 1999 г., не стала ключевым событием культурной программы празднования очередного пушкинского юбилея – 225-летия со дня рождения поэта.

На наш взгляд, немаловажным обстоятельством подобного статуса картины Андреасяна стали визуальные несоответствия обстоятельств мест действия ряда важных эпизодов тому, как они презентованы в тексте романа. Так, например, когда за кадром речь идёт об экранной «Москве», то в кадре зрители видят абсолютно «петербургские» здания Казанского собора и Капеллы. Татьяна с мужем живут в царской резиденции – Гатчинском дворце. Окончательно дезавуирует доверие к исторической достоверности фильма «Онегин» появление в кадре планов Елагиноостровского дворца в Петербурге, который номинируется по сюжету фильма как деревенская усадьба главного героя в средней полосе России.

Понятно, что при чтении пушкинских строф в сознании читателя рождается свой, личный и персонифицированный образ того или иного персонажа, обстановки, в которой он живёт и действует. Попытка же сотворить на экране визуально конкретный образ, «очерченный» обликом артиста, его поведением в кадре, ритмом и реакциями, не говоря уже о костюмах и причёсках, несёт в себе опасность дискурсивного расхождения между имманентным восприятием классики и её модернизированной интерпретацией. В подобном случае экранная культура выступает как своего рода эстетический провокатор по отношению к уже сложившейся литературной мифологии. Никуда, например, не деться от знаменитой пушкинской характеристики Татьяны Лариной – «Татьяна русскою душою». И в этом аспекте фильму «Онегин» 2024 года как раз не хватало «русскости» как некоего объединяющего фактора зрительского восприятия. Здесь можно отметить, что эстетически картина и представляет собою некое усреднённое представление о русской литературной классике.

Отчасти этому способствовал навязчивый и монотонный саундтрек фильма и его вялый ритм освоения пространства, когда герои и героини передвигаются из кадра в кадр, в буквальном смысле слова плетясь нога за ногу. Это и приводит зрителей к впечатлению парадоксальному, но доказуемому: они, по сути, увидели растянутый во времени и пространстве экранизированный

комикс с периодически клиповыми переходами и мизансценами.

Тем не менее за первый уик-энд проката «Онегин» собрал 336 миллионов рублей, и кассовая прибыль, получаемая в российских кинотеатрах, продолжает расти. И это обстоятельство позволяет констатировать: несмотря на очевидные стилистические и жанровые особенности экранной интерпретации одного из ключевых произведений русской культуры и литературы, зрители всё же заинтересовались возможностью подтвердить известный афоризм на новый лад: «Я «Евгения Онегина» не читал, а смотрел».

Обсуждение результатов исследования. Применённый нами компаративный подход для анализа двух киноверсий одного литературного произведения позволил не только выявить имманентные свойства классического текста, но и проанализировать и оценить разницу эстетических подходов авторов двух картин, названия которых идентичны друг другу. В этом различии нам видится доказательство того, что разрыв во времени премьерного показа обеих картин (25 лет) не только усугубил различие в их восприятии зрительской аудиторией, но и ещё более визуализировал смысловую дистанцию между британской и российской версией романа А. С. Пушкина.

В определённом смысле исследование позволило выявить тенденцию, которая сохраняется в отношении между экранной культурой и теми классическими произведениями, которые уже перешли из разряда номинативно-обязательных в системе образования в разряд мифологически-символических, когда смыслы и значения, заложенные автором, в контексте исторических и политических изменений обретают иной, зачастую дополнительный смысл, а то, что в предыдущие периоды казалось в литературном первоисточнике существенным и сущностным, отходит на второй план. Как, например, мы увидели практический отказ авторов обеих фильмов от концепции «Евгения Онегина» как «энциклопедии русской жизни».

Актуальность подобных выводов проведённого нами научного анализа получила за последнее время ситуативное подтверждение. Параллельно с новой версией «Евгения Онегина» в отечественный прокат вышел фильм Михаила Локшина «Мастер и Маргарита» – экранизация не менее знакового и символического текста М. А. Булгакова. На

наш взгляд, изучение феномена троекратной кинематографической и телевизионной версификации текста классика советской литературы потребует использования метода компаративистики, применённого нами в случае с киноверсиями пушкинского текста.

Необходимо также учитывать и собственный творческий опыт всех трёх режиссёров, которые предприняли попытку дать собственную аудиовизуальную версию одному из ключевых произведений российской словесности в XX в. Сопоставление имён режиссёров – Ю. В. Кары, В. В. Бортко, М. А. Локшина – с учётом их предыдущих биографий может оказаться теоретически продуктивным для выявления новых смыслов и значений в мифологизированном восприятии оригинального текста литературного первоисточника. Опыт анализа двух версий «Евгения Онегина» может вполне оказаться востребованным в теоретическом дискурсе, в дискуссии о возможных пределах вторжения авторского замысла режиссёра в первоначальный текст экранизируемого классического произведения.

Заключение. Опыт сравнительного анализа двух экранных версий классического текста А. Пушкина позволяет сделать вывод о широких границах его возможной киноинтерпретации. При этом учёт в обоих случаях возникающего юбилейного контекста лишь обостряет потребность публики в знакомстве с фильмами, предлагающими не стереотипный, а оригинальный взгляд на привычную литературную мифологию, онтологически восходящую к системе школьного образования в нашей стране. Два фильма, разделённые дистанцией в четверть века, продемонстрировали варианты и пределы парадигмы экранной культуры. Последняя

всегда опиралась и опирается не только на собственный эстетический дискурс, диктуемый многими факторами – от геополитического до технологического, но и на выявление морально-психологических смыслов, характерных для того или иного текста.

«Онегин» версии 1999 г. продемонстрировал жёсткость в отношении судьбы главного героя, тогда его экранный «тезка» образца 2024 г. явил более знакомый публике мелодраматический вариант, выстроенный на привычном для русской культуры и литературы тематическом тропе несчастной любви.

Здесь стоит вспомнить об одном экранном примере, характеризующем эстетическую заразительность и возможность смысловой инверсии «Евгения Онегина». 6 июня 2024 г. на Дворцовой площади в Петербурге состоялось литературно-музыкальное представление «Евгений Онегин», разыгранное артистами театра имени Ленсовета. Автор идеи – художественный руководитель театра Лариса Луппиан, режиссёр и автор композиции – Олег Леваков. Представление в режиме прямого эфира транслировал телеканал «Санкт-Петербург», что позволило де-факто экранизировать отношения главных персонажей и главную линию сюжета литературного первоисточника. Так, мера чрезмерной условности – на сцене идёт представление, и его транслируют в онлайн-режиме – позволила публике (и на площади, и у экранов телевизоров) более внимательно и более эмоционально воспринимать знакомый с юности любовный нарратив и фабульные повороты пушкинского текста. И в некотором смысле подвести черту в дискуссии о возможностях экрана в освоении русской классической литературы.

Список литературы

1. Гофман М. Л. История создания «Евгения Онегина» // Евгений Онегин / А. С. Пушкин; под ред. М. Л. Гофмана. Париж, 1937. 335 с.
2. Гринбаум О. Н. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: ритмико-смысловый комментарий. Главы первая, вторая, третья, четвёртая. 2-е изд., испр., доп. СПб.: СПбГУ, 2012. 328 с.
3. Фомичёв С. А. «Евгений Онегин»: Движение замысла. М.: Русский путь, 2005. 176 с.
4. Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб.: «Искусство-СПБ», 1998. 929 с.
5. Лотман Ю. М. Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин»: Спецкурс. Вводные лекции в изучение текста // Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий / Ю. М. Лотман. СПб.: Искусство-СПБ, 1995. С. 393–462.
6. Горницкая Н. С. Интерпретация пушкинской прозы в киноискусстве // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом), Ин-т театра, музыки и кинематографии. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1967. Т. 5. Пушкин и русская культура. С. 278–304.
7. Горницкая Н. С. Кино, литература, театр: к проблеме взаимодействия искусств. Л.: ЛГИТМиК, 1984. 71 с.

8. Горницкая Н. С. Зримое слово (кино и литература: диалектика взаимодействия) / отв. ред. Н. С. Горницкая. Л.: Искусство, 1985. 168 с.
9. Горницкая Н. С. Основные закономерности процесса взаимодействия киноискусства и литературы: дис. ... д-ра искусствоведения: 17.00.03. Л., 1988. 355 с.
10. Аннинский Л. А. Лев Толстой и кинематограф. М.: Искусство, 1980. 288 с.
11. Богомолов Ю. А. Курьер муз: Диалектика продуктивного и репродуктивного в творчестве на радио и ТВ. М.: Искусство, 1986. 191 с.
12. Лотман Ю. М. Об искусстве: Структура художественного текста. Семиотика кино и проблемы киноэстетики: Статьи. Заметки. Выступления (1962–1993). СПб.: Искусство-СПб, 1998. 764 с.
13. Варшавский Я. Л. Успех. Кинематографисты и зрители. М.: Искусство, 1974. 176 с.
14. Левшина И. С. Любите ли вы кино? / вступит. ст. Г. А. Капралова. М.: Искусство, 1978. 254 с.
15. Карьер Ж.-К., Эко У. Не надейтесь избавиться от книг! Интервью Ж.-Ф. де Тоннака / пер. с фр. и примеч. О. Акимовой. СПб.: Симпозиум, 2010. 336 с.
16. Маклюэн Г. М. Понимание медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева; закл. ст. М. Вавилова. М.: Жуковский: КАНОН-пресс-Ц: Кучково поле, 2003. 464 с.

Информация об авторе

Ильченко Сергей Николаевич, доктор филологических наук, кандидат искусствоведения, Санкт-Петербургский государственный университет; 199004, Россия, г. Санкт-Петербург, 1-я линия В.О., 26; tv_and_radio@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7301-3203>.

Для цитирования

Ильченко С. Н. Экранная культура и литературная мифология массового сознания (два «Онегина» – 1999 и 2024 гг.) // Гуманитарный вектор. 2024. Т. 19, № 4. С. 141–150. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-141-150.

Статья поступила в редакцию 12.09.2024; одобрена после рецензирования 15.10.2024; принята к публикации 16.10.2024.

References

1. Gofman, M. L. History of the creation of "Eugene Onegin". Pushkin A. S. Eugene Onegin. Ed. by M. L. Hoffman. Paris, 1937. (In Rus.)
2. Grinbaum, O. N. Pushkin's Novel "Eugene Onegin": Rhythmic-Semantic Commentary. Chapters one, two, three, four. St. Petersburg: SPbGU, 2012. (In Rus.)
3. Fomichev, S. A. "Eugene Onegin": The Movement of Design. Moscow, Russkii put Publ., 2005. (In Rus.)
4. Nabokov, V. V. Commentary on the novel "Eugene Onegin" by A. S. Pushkin. St. Petersburg, "Art – St. Petersburg", 1998. (In Rus.)
5. Lotman, Y. M. Novel in Pushkin's poems "Eugene Onegin": Special Course. Introductory lectures in the study of the text. Lotman Yu. M. Pushkin: Biography of the writer; Articles and Notes, 1960–1990; "Eugene Onegin": Commentary. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 1995: 393–462. (In Rus.)
6. Gornitskaya, N. S. Interpretation of Pushkin's prose in cinema. In: Pushkin: Research and materials. USSR Academy of Sciences. Institute of Russian Literature (Pushkin. House), Institute of Theater, Music and Cinematography. L: Nauka, Leningrad Department, 1967. Vol. 5. Pushkin and Russian culture. P. 278–304. (In Rus.)
7. Gornitskaya, N. S. Cinema, literature, theater: on the problem of interaction of arts. Leningrad, LGITMIK Publ., 1984. (In Rus.)
8. Gornitskaya, N. S. Visible Word (Cinema and Literature: Dialectics of Interaction). Ed. by N. S. Gornitskaya. Leningrad, L.O. Publishing House "Iskusstvo", 1985. (In Rus.)
9. Gornitskaya, N. S. Basic patterns of the process of interaction of cinema art and literature: dissertation of the doctor of art studies. Leningrad, LGITMIK Publ., 1988. (In Rus.)
10. Anninsky, L. A. Leo Tolstoy and Cinematography. M: Iskusstvo, 1980. (In Rus.)
11. Bogomolov, Y. A. Courier of Muses: Dialectics of Productive and Reproductive in Creativity on Radio and TV. M: Iskusstvo Publ., 1986. (In Rus.)
12. Lotman, Y. M. On Art: The Structure of a Literary Text. Semiotics of Cinema and Problems of Film Aesthetics: Articles. Notes. Performances (1962–1993). St. Petersburg: Iskusstvo-SPb, 1998. (In Rus.)
13. Varshavsky, Y. L. Success. Filmmakers and viewers. M: Iskusstvo Publ., 1974. (In Rus.)
14. Levshina, I. S. Do You Like Cinema? Enter. Article by G. A. Kapralov. M: Iskusstvo, 1978. (In Rus.)
15. Quarry, J.-C., Eco, U. Don't expect to get rid of books! Interview with J.-F. de Tonnaca. Transl. from French. St. Petersburg: "Symposium", 2010. (In Rus.)
16. McLuhan, G. M. Understanding Media: External Extensions of a Person. Transl. from English. M: Zhukovsky: "CANON-press-C", "Kuchkovo pole", 2003. (In Rus.)

Information about the author

Ilchenko Sergey N., Doctoral Degree (Philology), Candidate of Art History, St. Petersburg State University; 26 1st line V. O., St. Petersburg, Russia, 199004, 26; tv_and_radio@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7301-3203>.

For citation

Ilchenko S. N. Screen Culture and Literary Mythology of Mass Consciousness (two “Onegin” – 1999 and 2024) // Humanitarian Vector. 2024. Vol. 19, no. 4. P. 141–150. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-141-150.

Received: September 12, 2024; approved after reviewing October 15, 2024; accepted for publication October 16, 2024.

Рецензия**УДК 793.7+004.382:004.77-051****DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-151-161****«Многострадаальный» Одиссей в видеоиграх XXI века****Елена Николаевна Корнилова***Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия*
ekornilova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4606-8484>

В последние десятилетия активное развитие рынка видеоигр, а также стремительный рост количества потребителей игрового контента вызывают настоятельную потребность в научных исследованиях этих продуктов. В зарубежных *game studies* существует два подхода: нарратология и людология. Нарратологический подход, который основывается на разборе сюжета игрового сценария, имеет большую историю и ближе к гуманитарному знанию, в то время как людология включает цифровые аспекты видеоигр. Опираясь на первый подход, который позволяет в деталях рассмотреть разнообразные аспекты психо-эмоционального влияния на образовательный уровень пользователя игр, можно предложить некоторые рекомендации для создателей видеоконтента, а также для органов, контролирующих создание подобной продукции. В статье для анализа привлечены три компьютерные игры, в названии которых встречается имя Одиссей и в сюжете которых использовались эпизоды и детали героического эпоса Гомера «Одиссея»: квест «Одиссей» 2000 г. от французской компании Cryo Interactive (The Odyssey: The Search for Ulysses), игра 2011 г. компании Nevosoft российского производства «Одиссей. Долгий путь домой» и приключенческий экшен с многочисленными квестами от компании Ubisoft «Assassin's Creed», выпущившей в 2018 г. первую часть игры «Assassin's Creed: Odyssey». С использованием компаративных методик сопоставляются нарративы перечисленных игр с повествованием в оригинальной версии эпической поэмы Гомера «Одиссея», а также отмечаются элементы готической традиции и связанной с ней массовой культуры в сценарии геймплея. В результате исследования стало очевидным, что постмодернистский общекультурный контекст современной цивилизации и геймдизайнеры, в рекламных целях обратившиеся к древним архетипическим моделям, избрали наиболее разрушительный, варварский тип использования античных имён и нарративов. В классических сюжетах не осталось нравственных ориентиров, заложенных классическими авторами. Важным вопросом, к которому приводит проведённый анализ, является проблема ответственности разработчиков видеоигр за образовательное, воспитательное и информационное содержание предлагаемого ими контента.

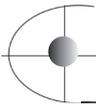
Ключевые слова: медиакоммуникация, игровая индустрия, видеоигры, креативные сценарии, греческая мифология, нарратология, Одиссей

Review**Sufferer Odysseus in Video Games of the 21st century****Elena N. Kornilova***Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia*
ekornilova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4606-8484>

In recent decades, the active development of the video game market, as well as the rapid growth in the number of game content consumers, have caused an urgent need for scientific research of these products. In foreign game studies, there are two approaches: narratology and ludology. The narratological approach, which is based on the analysis of the plot of the game scenario, has a long history and is closer to the humanities, while ludology includes the digital aspects of video games. Based on the first approach, which allows us to consider in detail various aspects of the psycho-emotional impact on the educational level of the game user, we can offer some recommendations for video content creators, as well as for the bodies that control the creation of such products. The article analyzes three computer games that have the name Odysseus in their titles and that use episodes and details from Homer's heroic epic The Odyssey in their plots: the 2000 Odyssey quest from the French company Cryo Interactive (The Odyssey: The Search for Ulysses), the 2011 game by the Russian company Nevosoft Odysseus. The Long Way Home, and the adventure action game with numerous quests from Ubisoft Assassin's Creed, which released the first part of the game Assassin's Creed: Odyssey in 2018. Using comparative methods, the narratives of the listed games are compared with the narrative in the original version

© Корнилова Е. Н., 2024

of Homer's epic poem *The Odyssey*, and elements of the Gothic tradition and associated popular culture in the gameplay scenario are noted. As a result of the study, it became obvious that the postmodernist general cultural context of modern civilization and game designers, who turned to ancient archetypal models for advertising purposes, chose the most destructive, barbaric type of using ancient names and narratives. In classical plots, there are no moral guidelines left, laid down there by classical authors. An important issue, which the conducted analysis leads to, is the problem of responsibility of video game developers for the educational, upbringing and informational content of the content they offer.

Keywords: media communication, gaming industry, video games, creative scenarios, Greek mythology, narratology, Odysseus

Введение. Более двух с половиной тысяч лет, начиная со времён Древнего Рима, греческая цивилизация является источником европейской культуры. Не стал исключением и XXI в. – век новых технологий и искусственного интеллекта. Широкое распространение компьютерной техники, массовое производство и потребление разнообразных гаджетов, усиление роли интернета как средства коммуникации привело к появлению развлекательного контента, специально предназначенного для эксплуатации на этих технологичных инструментах.

Сегодня видеоигры – это огромная индустрия, приносящая разработчикам гигантские доходы. Это сфера, которую изучают учёные многих специальностей, от философов и психологов до специалистов в области коммуникации и педагогов. В последние десятилетия появилось немало материалов, где показаны результаты влияния игровых технологий на развитие личностных качеств игроков; например, широко распространено утверждение, что «с помощью геймплея можно доносить политический и экономический месседж, а геймификация, то есть добавление игровых элементов в окружающую действительность, стимулирует образование и работу»¹. Применив приём сопоставления нарратива классического текста гомеровской «Одиссеи» со сценарием геймплея нескольких игр, где героем объявлен Одиссей, покажем, всё ли так однозначно и действительно ли компьютерные игры дают исключительно положительный эффект.

Обзор литературы. По данным ведущего аналитика DFC Intelligence Д. Коула, на мнение которого ссылаются деловые издания, включая Bloomberg, The Wall Street Journal, Reuters, USA Today и Forbes, а также СМИ о видеоиграх, включая Game Developer

¹ Геймификация всей страны. Какие задачи и для чего решает философия видеоигр: Игры: Наука и техника. – Текст: электронный // Lenta.ru. – URL: <https://lenta.ru/articles/2014/01/03/gamification> (дата обращения: 02.05.2024).

(Gamasutra), GameDaily.biz, GamesIndustry.biz, в современном мире (данные на апрель 2023 г.) видеоиграми увлекаются 3,7 млрд человек, т. е. половина населения земли². По данным отечественных исследователей, в России 60 % населения также проводит время за компьютерными играми, причём по преимуществу (74 % от общего числа) на мобильных устройствах [1]. Поэтому исследование различных аспектов влияния на потребителей компьютерных игр, их пребывания в виртуальной реальности и последствий этих увлечений является актуальной темой многочисленных научных работ, выступлений, конференций.

Большое внимание комплексному изучению видеоигр традиционно уделяют философы: А. В. Ветушинский (Московский центр исследования видеоигр на базе факультета философии МГУ)³, В. В. Савчук [1], Д. Г. Шкаев [2], К. П. Шевцов [3], Д. В. Галкин [4]. Г. Илларионов⁴, а также специалисты Лаборатории исследований компьютерных игр (ЛИКИ) при Исследовательском центре медиафилософии СПбУ⁵. На западе из последних доступных философских работ можно назвать Jonne Arjoranta, соединившего философский и филологический подходы [5].

Широкий спектр культурологических исследований представлен в сборнике «Компьютерные игры: геймдизайн культуры» (2019, № 1) [6]. Огромный интерес проблема игровой зависимости и навыков,

² Медиа – DFC Intelligence. – URL: <https://www.dfcint.com/product/global-video-game-consumer> (дата обращения: 06.05.2024). – Текст: электронный.

³ Геймификация всей страны. Какие задачи и для чего решает философия видеоигр: Игры: Наука и техника. – Текст: электронный // Lenta.ru. – URL: <https://lenta.ru/articles/2014/01/03/gamification> (дата обращения: 02.05.2024).

⁴ Илларионов Г. «Что наша жизнь? Видеоигра!»: философ СФУ объяснил феномен геймплея. – Текст: электронный // Новости СФУ. – URL: <https://news.sfu-kras.ru/node/25138> (дата обращения: 02.05.2024).

⁵ ЛИКИ: исследования компьютерных игр. – URL: <https://mediaphilosophy.ru/likii> (дата обращения: 02.05.2024). – Текст: электронный.

нарабатываемых игроками, вызывает у социологов и психологов. Например, работы О. Н. Новиковой [7], И. В. Бурлакова [8]; авторов коллективной монографии «Социология власти. Game Studies» (2020, Т. 32, № 3) [9], труды исследователей Matilda Ståhl, Fredrik Rusk [10]. Проблема насилия в видеоиграх затронута в монографии Jana Husemann “Die Problematisierung von Gewalt in Computerspielen” [11].

Возможности использования геймплея в педагогике при обучении различным дисциплинам и в приобретении определённых навыков посвящены работы следующих авторов: Н. Ю. Курчатовой [12]; М. Р. Каримовой [13], Т. А. Гольцовой и Е. А. Проценко [14], М. И. Иголкиной [15], Е. Е. Сартаковой [16], Т. И. Тиханович [17], Ю. М. Хохряковой [18], М. Hartung [19], Backe Hans-Joachim¹, J. Linderoth [20] и др.

Наконец, медиаисследования игрового опыта и его отражение в видеоблогах представлены в работах Д. А. Лапина с соавторами [21], А. В. Болотнова [22], Ю. Г. Дорониной [23] и др.

Методология и методы исследования. Широкое распространение видеоигр в США и Европе началось несколько раньше, чем в России, и исследования в сфере изучения этого коммерческого продукта за рубежом появились гораздо раньше, чем в отечественной науке. Первооткрывателями в этой области стали датчане, в 2003 г. начавшие издание журнала “Game Studies” (Center for Computer Games Research = Центр исследований компьютерных игр) при Копенгагенском университете информационных технологий (IT University of Copenhagen). Затем к ним присоединились исследователи из США – журнал “Games & Culture”, Великобритании – “The Computer Games Journal”, Польши – журнал “Homo Ludens”. Также в 2003 г. создаётся международная ассоциация Digital Games Research Association (DiGRA), занимающаяся проведением тематических мероприятий (конференций, симпозиумов) по всему миру и публикующая исследования в открытом доступе у себя на сайте.

В начале 90-х гг. игры стали изучать в рамках нарратологии, традиции которой в Европе очень сильны. Исходя из фундаментального положения постмодернизма, сформулированного Ж. Дерридой, а также

оппонирующим ему Ж. Делезом и Ф. Гваттари, сама реальность и весь мир интерпретируются как текст. Отсюда нарратологический подход к произведениям киноискусства, к телевидению, живописи, в том числе и к видеоиграм, которые, подобно текстам, организованы на основе неких сюжетов, и, следовательно, ключевым является нарратив. Однако после выхода в 1997 г. книги Э. Аарсета «Кибертекст: перспективы эргодической литературы» [24] стало понятно, что нарратология как методика исследования видеоигр должна быть расширена и дополнена другими аспектами.

В 1999 г. Гонсало Фраска из Уругвая предложил другую методику исследования – людологию (от лат. *ludus* – «игра»), что сразу напомнило о книге Хейзенги “Homo ludens”, с её глубокой философской теорией игры. Однако Г. Фраска имел в виду прежде всего геймплей, т. е. как игрок взаимодействует с игровым миром, как игровой мир реагирует на действия игрока.

Опираясь на авторитетное научное мнение К. П. Шевцова о том, что в «компьютерных играх нарративный элемент становится конструктивным компонентом игрового мира, при этом игра воздействует на рассказываемую историю» [3, с. 19], мы в исследовании используем наиболее привычный нарратологический подход, рассмотрев ряд успешных игровых коммерческих проектов как текст, основанный на сюжетах древнегреческой мифологии.

Результаты исследования и их об-суждение. Хитроумный и многострадальный Одиссей, герой эпической поэмы Гомера оказался фигурой, крайне востребованной в массовой культуре конца XX – начала XXI в. Есть по меньшей мере два художественных фильма; это франко-итальянский фильм Франко Росси «Приключения Одиссея» и телевизионная лента Андрея Кончаловского, снятая в Голливуде, а позднее в России смонтированная как художественный фильм. Первый из них ближе к экранизации, второй – скорее жанр фэнтези, голливудский микс из «Илиады» и «Одиссеи» с кинодивами и супермоделями, над которым работал всё же образованный и профессиональный режиссёр, не склонный заменить весь видеоряд на компьютерную графику. Уже в XXI столетии во Франции был сделан четырёхсерийный научно-популярный фильм «Одиссея. По ту сторону мифа», который был показан на канале Россия Куль-

¹ Backe Hans-Joachim. “Deathloop”: the Meta (modern) Immersive Simulation Game // Game Studies. – 2022. – 27 Sept.

тура в июне 2024 г.¹ Все эти киноверсии отличаются высокой степенью модернизации материала.

Создатели компьютерных игр идут дальше. При первом приближении потребителя поражает произвол и очень приблизительные знания о смысле и формах классических текстов тех, кто создаёт сценарии геймплея. В истории культуры такое отношение к памятникам мировой поэтической мысли наблюдалось в период раннего Средневековья, когда тексты античной цивилизации были единственным источником культуры, но понимались и прочитывались по-своему, исходя из особенностей жизни и представлений писателей, принадлежавших к элите варварских племён, а также их образовательных возможностей.

Несмотря на трикстерскую природу главного действующего лица, внука Автоликона, потомка Гермеса, у Гомера, рассказы которого используют создатели компьютерных игр, Одиссей – победитель чудовищ и человек, преодолевший сопротивление олимпийского бога. Но для создателей компьютерных игр такой герой, победивший самого бога и превозмогший все испытания, слишком мощная фигура. Дело в том, что герой геймплея должен быть приблизительно равен игроку, который в той или иной мере психологически ассоциирует себя с персонажем, совершающим подвиги на экране.

Увлечательных подвигов и приключений у Одиссея достаточно для любого хоррора, но сценаристы компьютерной игры заменяют классический сюжет на собственный «плоский» рассказ с элементами приключений, выпавших на долю гомеровского протагониста. Вместо Одиссея в центре нарратива поставлен придуманный персонаж, которому приписаны только те приключения, которые представляются создателям наиболее привлекательными для современного потребителя. В основном это столкновения с хтоническими чудовищами, появляющимися не только в троянской мифе, но и в любых греко-римских сказаниях, дополненные арсеналом хтоники из любой другой мифологии – кельтской, германо-скандинавской или даже из современной массовой видеопродукции. Это попытка следовать готическим предпочтениям современной поп-куль-

¹ Одиссея. По ту сторону мифа. 1-я серия в 07:30 10.01.2024 на канале Россия Культура. – Текст: электронный (визуальный) // Программа передач. – URL: qstv.ru (дата обращения: 12.05.2024).

туры, где господствует *хоррор* и *террор* англо-саксонского готического дискурса. Нечто подобное характеризует и *изобразительный ряд* геймплея, который, несмотря на доступность древнегреческого архитектурно-/скульптурно-/вазописного материала в ранних играх, чаще всего не имеет никакого отношения к Древней Греции как таковой. Хотя есть и другие примеры, скажем, аркадный платформер “Apotheon”², в котором учтены возможности культурологического подхода к древнегреческому материалу. То же можно заметить и по поводу последней рассмотренной нами игры “Assassin’s Creed: Odyssey”, где видеоряд вызывает восторги всех пользователей и даже критиков.

Начнём с квеста «В поисках Улисса» 2000 г. (в русскоязычной версии «Одиссей») от французской компании Cryo Interactive (The Odyssey: The Search for Ulysses). По версии геймдизайнеров в центре рассказа стоит некий Эритий, «по легенде» – друг Одиссея, которого Пенелопа просит отправиться на поиски пропавшего мужа.

Эритий – «светловолосый викинг» в штанах и обмотках (штаны в античную эпоху носили только варвары, а греки и римляне к подобной одежде относились с большим презрением, как к атрибуту диких, нецивилизованных племён), который пользуется летающим кораблём (возможно, аллюзия на ковер-самолёт восточных сказок).

Он отправляется под Трою, где спрашивает об Одиссее; убивает стражника тюрьмы, помогая никогда не упоминаемому в античных источниках Коппею, находит два трупа неизвестных Гомеру Микиса и Гакея, с которыми прежде разговаривал, прихватывает доспехи и бриллиант Эола, взамен установив несколько статуй богам ветров (миссия 1), после чего отправляется к Лотофагам.

Миссия 2 связана с изготовлением напитка из семян лотоса, который нужно сварить в храме Озириса, рядом с «машиной Озириса». Современные исследователи «Одиссеи» предполагают, что страна Лотофагов расположена в устье Нила, но Гомер Озириса не упоминает. Испробовав напиток, можно пообщаться с жителями города, т. е. с пожирателями лотоса, а потом догнать некоего человека, зашедшего в храм, и только после разговора с ним освободиться от нар-

² Apotheon в Steam. – URL: <https://store.steampowered.com/app/208750/Apotheon> (дата обращения: 02.05.2024). – Текст: электронный.

котического состояния. Далее герой попадает в лес, гонится за совой (зооморфное воплощение Паллады?), в результате чего получает от Афины щит. Со щитом он выходит к дворцу Горгоны (в классической мифе о Персее горгоны жили на непреступных скалах на острове), выманивает её звуком ударов мечом по щиту (как Одиссей с товарищами разоблачили Ахиллеса), дожидается, пока горгона, стреляющая в героя из лука, на секунду окаменеет (причина окаменения никак не комментируется; ведь в мифе в камень превращались те, кто встречал взгляд горгоны), отрубает ей голову. Как известно, голову горгоне Медузе отрубил Персей, герой, поколением старше Одиссея. Горгона в воображении геймдизайнеров похожа то ли на змею, то ли на улитку, ползающую на «чреве своём».

Чтобы вернуться к кораблю, Эритий должен отыскать на втором этаже дворца колодец, в который следует опустить голову горгоны, вода уйдёт, прыгнуть в него и очутиться на морском берегу. Сказочный ход, прыжок в колодец – способ перехода в иной мир. В подобном духе развиваются и следующие эпизоды, например миссия 2, эпизод 2: «Остров Циклопов». В игре некий предатель Коппей показывает место обитания циклопов, громадных, как сама гора, и упоминает о борьбе Одиссея с Полифемом. Правда, в компьютерной игре циклопы никого не пожирают, а просто мирно бродят среди овец по своему острову. Несмотря на это, зловредный Эритий превращает одного из них в камень с помощью головы мёртвой горгоны, а второго убивает из гигантского арбалета, используя в качестве стрелы огромное заострённое бревно, которое он вытащил из черепа убитого прежде циклопа (т. е. Полифем мёртв, и его палица, использованная Одиссеем в качестве орудия ослепления гиганта, послужила новому убийству).

В эпизоде 3: «Дворец испытаний» Эритий разгадывает загадки. Ему помогают мифологические фигуры, напрямую не связанные с сюжетом «Одиссеи» – Тесей, Гера, горгона, которая у Гомера только единожды появляется в XI песне «Одиссеи», когда герой стоит у входа во владения Аида и опасается, что сейчас он попадёт во власть смерти, если узрит голову «страшной Горгоны Медузы» (XI, 634).

В миссии 3: «Лестригоны» происходит странная игра с глупыми великанами, от

которых легко спрятаться в нишу, убежать в соседнее помещение, выкрасть у них пленника и убить одного из них. Кстати, в гомеровском эпосе лестригоны потопили одиннадцать из двенадцати кораблей Одиссея, спутникам которого явно было не до смеха. Эритий возвращается на корабль.

Во втором эпизоде этой миссии Эритий прибывает на остров Цирцеи, является во дворец и встречается с волшебницей, внешность которой и декорации, в которых она предстаёт, вызывают, по меньшей мере, удивление. Цирцея предлагает герою напиток, после употребления которого Эритий превращается в свинью. В этом облике он карабкается по ступеням и стропилам, чтобы спрятаться на чердаке. В это время к Цирцее прибывает враг Эрития Меропс (откуда он взялся и почему хочет убить героя, непонятно). Цирцея не выдаёт Эрития, и тогда Меропс смертельно ранит нимфу. У Кирки в лаборатории (так обозначено в комментариях к геймплею) есть спасительное зелье, но из-за раны она не может подняться по лестнице и добраться до неё. Эритий в облике свиньи с немалыми трудностями достаёт склянку и в пасти приносит её Цирцее. В благодарность она возвращает Эритию человеческий облик и советует искать Одиссея в царстве мёртвых.

Последняя миссия в загробном мире даже на фоне предшествующего хаотичного повествования, не имеющего никакого отношения к Гомеру, помимо некоторых аллюзий на имена героев и места действия, представляется на редкость запутанной. Цель Эрития – найти Тиресия и, принеся ему традиционные для греческого культа памяти предков возлияния, получить сведения об Одиссее.

Эритий по лестнице спускается в Преисподнюю, хотя гомеровский Одиссей только приблизился к вратам Аидова царства, принёс в жертву чёрную овцу и барана и ожидал появления душ, которые слетелись на жертвенную кровь, издавая звуки, подобные крикам летучих мышей. Тиресий, напившись жертвенной крови, предсказывает Одиссею будущее, говорит, что Посейдон, мстящий за ослепления своего сына Полифема, препятствует его возвращению на родину, а также советует, как избежать опасностей и гибели от чудовищ на пути домой. А в игре Эритий встречает души покойных Копея и Микиса (см. эпизод 1–2 первой миссии, вероятная

аллюзия на встречу Одиссея с Эльпенором), предстаёт перед судом Миноса, Радаманта и Сарпедона (которые, по мифу, судят мёртвых, а герой Эритий ещё не умер, он выполняет миссию поисков Одиссея).

Затем он проходит все области загробного мира: Елисейские поля, Тартар и поля Асфоделий, где добывает необходимые для жертвоприношения подземным богам ингредиенты: муку, вино, мёд, воду, кровь и пр. Всё это предоставляют ему разные герои-страдальцы. Например, кровь из печени Прометея, которую расклёвывает зевесов орёл. Кровь можно набрать только в стакан, а стакан взять у Тантала, предварительно напоив последнего водой. Воду добыть из источника данаид и т. д.

Харон в этих эпизодах подрабатывает таксистом, с ворчанием доставляющим живого героя в разные места загробного мира. Наконец приходит Тиресий, потребляет продукты и вручает Эритию три кристалла, объясняя, куда каждый из них надо вставить, чтобы вступить в диалог с Посейдоном, гонителем Одиссея, который знает, где найти героя. Всё это неуёмное фэнтези по мотивам греческой мифологии должно привести Эритию к единоборству с Посейдоном, явившимся в виде зелёного Лешего, чей облик невероятно далёк от антропоморфных олимпийских красавцев.

Эритий применяет при нападении на бога морей голову Горгоны, щит и меч Аполлона (который, как известно, был «лучезарным стреловержцем»). Посейдон падает на колени и открывает тайну, что Одиссей томится на острове нимфы Калипсо. Возникает вопрос: какие знания и навыки игрок вынес из многочасового геймплея?

Итогом подобного нарратива становится утрата основного гуманитарного смысла архетипической модели гомеровского мифа: Одиссей, подобно Гильгамешу, Дионису и Христу, проходит через испытание смертью и возрождается к жизни новой. Путём страданий, терпения и борьбы человек способен преодолеть смерть, его преследует бог, а он, благодаря своему разуму и изворотливости, всё же достигает собственной цели. Победа здесь происходит не с помощью оружия, как в игре, а благодаря терпению, упорству и стремлению человека. Подросток, отождествлявший себя с Эритием в ходе геймплея, созданного компанией Cryo Interactive, полагает, что ему всё известно о приключе-

ниях Одиссея, гомеровском эпосе и греческой мифологии в целом, а следовательно, он навсегда утрачивает смысл и гуманистические ценности, заключённые в классическом тексте.

Ещё одна более поздняя игра 2011 г. компании Nevosoft на сюжет «Одиссеи» российского производства «Одиссей. Долгий путь домой»¹ ближе к тексту героической поэмы Гомера, по крайней мере, без плоских и безудержных фантазий. Но эта история – скорее формальная оболочка для логического поиска предметов, ближе к настольным играм. Простой движок, скучное однообразное прохождение, пасьянс из картинок, с очень простыми заданиями. Видеоряд демонстрирует благопристойного героя-джентльмена, безупречно одетого и причёсанного по моде, а предметы, среди которых проводит большую часть времени игрок, напоминают то ли скатерть-самобранку, то ли пещеру Аладдина.

Наибольший интерес пользователей компьютерных игр вызывает, конечно, многоходовая серия, продолжающаяся донныне, студии Ubisoft “Assassin’s Creed”, выпустившей в 2018 г. первую часть игры “Assassin’s Creed: Odyssey”². Но прежде, чем говорить об этом продукте, следует пояснить, что в 2010 г. произошли значительные изменения в развитии компьютерных технологий: в технологическом плане большие данные (Big Data) научились сочетать с глубоким обучением, благодаря чему возникли мощные нейросети. Благодаря подобным достижениям открылись невероятные возможности для совершенствования многих параметров компьютерных игр. Так, в ролевой игре “Assassin’s Creed: Odyssey” изображение больше похоже на видеосъёмку, чем на прежние попытки сделать интерактивной рисованную мультипликацию.

Серия “Assassin’s Creed” сама по себе обширна и включает ряд самых разнообразных миссий, связанных не только с греческой мифологией, но и со скандинавской (Вальгалла), и с египетской, с историей колониальных Америк, Французской рево-

¹ Одиссей. Долгий путь домой. Игра для персонального компьютера, платформа windows. – Текст: электронный (визуальный) // Nevosoft.ru. – URL: <https://www.nevosoft.ru/game-Odysseus/platform-pc> (дата обращения: 02.05.2024).

² Прохождение Assassin’s Creed Odyssey на платформе. – Текст: электронный (визуальный) // YouTube. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=TwHDVqJXstk> (дата обращения: 02.05.2024).

люции, лондонского дна, итальянского Ренессанса и пр. “Assassin’s Creed: Odyssey” – одна из первых в этой серии, и все пользователи отмечают красоту картинки. Несмотря на название, самого гомеровского Одиссея как героя геймплея здесь нет. Сюжет исторический: в основе Пелопоннесская война, понятая довольно оригинально, опять же как фэнтези. Первый эпизод рассказывает историю знаменитого спартанского царя Леонида, задержавшего персидскую армию в Фермопильском ущелье. Но Леонида от Пелопоннесской войны отделяет более 50 лет. В результате усилий фантазии геймдизайнеров оказывается, что главные действующие лица игры Кассандра или Алексиос являются потомками Леонида, они будут выполнять свои миссии в перипетиях Пелопоннесской войны; именно они и есть ассасины, т. е. наёмные убийцы, а оттого будут убивать направо и налево, обыскивать трупы, грабить города и храмы – вот такая прекрасная и осовремененная история в красивых декорациях.

Но причём же тут Одиссей? Можно подумать, что его имя использовано как метафора странствий, да, но не совсем. Одна из локаций игры Кефалиния (т. е. Кефалония, греческие острова в Адриатическом море, среди которых находилась Итака, родной остров Одиссея). Поэтому появляется целый ряд фэнтезийных аллюзий, совсем в духе размышлений креативного директора Assassin’s Creed: Odyssey Джонатана Дьюмона, считающего мифологию частью «Греции, того, во что верили её жители. <...> Если и есть период времени, в котором тесно переплетены вместе мифы и история, то это Древняя Греция»¹. В исторический контекст включаются мифологические персонажи всё того же хтонического ряда: Циклоп (привет от Одиссея), который обладает невероятной мощью и *обсидиановым глазом* (так, видимо, эффектнее). Понятно, что одноглазый не избегнет справедливого возмездия. Пленники освобождены, казна Циклопа переходит к тайным убийцам. В этом же эпизоде герои сталкиваются с «охотниками за головами», похоже, явившимися из норвежского криминального триллера.

Во время путешествия по Кефалинии/Кефалонии некий Эльпенор (так звали од-

ного из спутников Одиссея у Гомера, погибшего на острове Кирки, который встретился Одиссею при входе в подземное царство и просил похоронить его тело со всеми причитающимися обрядами) предлагает ассасинам добыть для него «саван Пенелопы». Вероятно, имеется в виду саван, который ткала Пенелопа для своего свёкра Лаэрта. Саван надо искать в форте, который находится немногим дальше руин, оставшихся от дворца Одиссея. Для выполнения задания используется ручной орёл Кассандры по имени Икар, такой беспилотник в V в. до н. э.

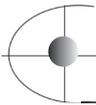
Использование мифологии здесь продолжает всё ту же линию поиска хтонических чудовищ древней фантазии, создающих ощущение «готического ужаса»; например, горгона с глазами, подобными автомобильным фарам. В дальнейшем тайные убийцы ассасины не только расправятся с заказанными им жертвами, но и зарежут заказчиков: Эльпенора, Циклопа, Волка, простых крестьян, причём от того, пощадят ли они невинных, ни в чём не замешанных людей или вырежут их до последнего, результаты игры не изменятся.

Ассасины будут служить поклонникам «культы Космоса» спартанским царям (Архидам и Павсаний), которые не иначе как стремятся управлять миром и хотят подчинить своей власти всё человечество... Вместо широко известной истории Пелопоннесской войны пользователю предлагается альтернативная, придуманная разработчиками, теория заговора, направленного на истребление человечества, и демонические герои-ассасины, призванные спасти это несчастное человечество, возможно, ценой многочисленных жертв среди представителей того же человечества [11].

Весь комплекс фэнтезийных мотивов этой жестокой игры на сюжет древней истории есть обычный приём создателей геймплея даже качества премиум в жанре Action/RPG или ролевой экшен-игры, рассчитанной на развлечение людей, не знающих ни древней истории, ни литературы, находящих удовольствие в бесконечном насилии и динамичной картинке.

Заключение. Исходя из того, что «наравне с компьютерной графикой и веб-дизайном, компьютерные игры являются техно-художественными гибридами, в которых технологическая основа служит не только инструментом создания художественного

¹ Marshalko R. Как греческая мифология представлена в видеоиграх. – URL: <https://dtf.ru/games/813434-videoigrovoi-olimp-kak-grecheskaya-mifologiya-predstavlena-v-igrah> (дата обращения: 02.05.2024). – Текст: электронный.

продукта, но включена в художественное содержание...» [2], мы попытались обсудить эстетические свойства произведения. Результат получился крайне безрадостным. Разумеется, игры имеют большое эмоциональное воздействие и, по утверждению ряда психологов, дают эмоциональную разгрузку, позволяя найти выход неконтролируемой агрессии [25, с. 291–298], хотя, по некоторым данным, усиливают её [26; 27].

Медицинские исследования фиксируют серьёзные проблемы со здоровьем у тех, кто имеет игровую зависимость [28]. Психологи говорят о росте агрессии, депрессивных состояниях, отсутствии социализации, падении интереса к обучению и познанию [29] и некой дезориентации в реальном мире (например, разрушение представления о необратимости времени) у людей, особенно у подростков, проводящих большую часть своего времени за игрой. Известно, что пользователи игрового контента на прохождение полной версии игры затрачивают от 60 до 80 часов; при этом «художественное содержание» предлагаемого разработчиками контента входит в противоречие с гуманистическими традициями мировой культуры и подрывает нередко на уровне подсознания воспитательные процессы.

С точки зрения правовых аспектов разработчики обязаны соблюдать нормы, которые распространяется на все массмедиа, и не нарушать законодательных ограничений для программного обеспечения ЭВМ (Закон

№ 436-ФЗ.). Но законодательство не уделяет внимания «художественному содержанию», а эти стороны деятельности разработчиков регулируются исключительно «пользовательскими соглашениями», которые пишут сами создатели игр. Возникает вопрос: почему до сих пор, несмотря на широчайшее распространение и потребление игрового контента и огромных денег, вращающихся в этом бизнесе, не существует контролирующих органов, регламентирующих эту сферу предпринимательской деятельности?

С первых шагов европейской цивилизации древнегреческая мифология была сокровищницей важнейших культурных кодов. Фридрих Ницше, имевший непререкаемый авторитет философа в конце XIX – начале XX в., полагал, что греческая и римская античность предоставляет категорический императив всякой культуры, т. е. являет собой высший принцип нравственности. В приведённом выше исследовании, рассмотрев только один сюжет гомеровской «Одиссеи», мы показали, какой разрушительный, варварский, средневековый тип использования античных имён и нарративов избрали для своего творчества создатели компьютерных игр. Полагаем, со временем сценарии к играм будут писать профессионалы-сценаристы, люди с глубокими гуманитарными знаниями, как в XX в. было в киноиндустрии, тем более что создатели игрового контента собираются вытеснить кино, которое не обладает интерактивностью.

Список литературы

1. Савчук В. В. Медиафилософия. Приступ реальности. СПб.: Изд-во РХГА, 2013. 350 с.
2. Шкаев Д. Г. Философия компьютерных игр. Текст: электронный // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. 2018. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-kompyuternyh-igr> (дата обращения: 08.08.2024).
3. Шевцов К. П. Границы игры // Международный журнал исследований культуры. 2019. № 1. С. 6–19. DOI: 10.24411/2079-1100-2019-00001. EDN PKNJGD.
4. Галкин Д. В. Компьютерные игры как феномен современной культуры: опыт междисциплинарного исследования. Текст: электронный // Гуманитарная информатика. 2007. № 3. С. 54–72. URL: <https://journals.tsu.ru/uploads/import/1165/files/6-galkin.pdf>. EDN PBHNNH.
5. Arjoranta J. How are games interpreted? Hermeneutics for game studies. Текст: электронный // Game Studies: the International Journal of Computer Game Research. 2022. Vol. 22, no. 3. URL: http://gamestudies.org/2203/articles/arjoranta_how_are_games_interpreted (дата обращения: 08.08.2024).
6. Шевцов К. П. Компьютерные игры как предмет философского анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2016. № 1. С. 98–103.
7. Новикова О. Н. Игровая деятельность человека в пространстве виртуальной реальности // Социум и власть. 2018. № 6. С. 16–25.
8. Бурлаков И. В. Homo gamer. Психология компьютерных игр. М.: Класс, 2000. 144 с.
9. Ветушинский А. С., Салин А. С. Game Studies в России: год восьмой // Социология власти. Game Studies. 2020. Т. 32, № 3. С. 8–13.
10. Ståhl M., Rusk F. Player customization, competence and team discourse: Exploring player identity (co) construction in Counter-Strike: Global Offensive. Текст: электронный // Game Studies. 2020. Vol. 20, no. 4. URL:

https://www.researchgate.net/publication/348097808_Player_customization_competence_and_team_discourse_exploring_player_identity_coconstruction_in_Counter-Strike_Global_Offensive (дата обращения: 08.08.2024)

11. Husemann J. Die Problematisierung von Gewalt in Computerspielen. Bielefeld, 2022.
12. Курчатова Н. Ю. Геймификация в образовании // Инновации и рискологическая компетентность педагога: материалы Шестнадцатой Междунар. заоч. науч.-метод. конф.: в 2 ч. (Саратов, 13 марта 2019 г.). Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2020. Ч. 2. С. 22–27. EDN ZKVCSP.
13. Каримова М. Р. «Геймифицируй», или почему современному образованию нужны игры (на примере студентов, обучающихся по направлениям «Социология» и «Политология») // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. 2020. Т. 10, № 1. С. 46–50.
14. Гольцова Т. А., Проценко Е. А. Использование средств геймификации в процессе обучения иностранным языкам // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 1. С. 81–89. DOI: 10.20323/1813-145X-2021-1-118-81-89.
15. Иголкина М. И., Язынина В. С. Использование элементов геймификации в обучении иностранному языку в техническом вузе // Гуманитарный вестник. 2021. № 1. С. 1–6. DOI: 10.18698/2306-8477-2021-1-702.
16. Сартакова Е. Е. Проблемы развития теории геймификации в России // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. № 2. С. 168–187.
17. Тиханович Т. И. Геймификация в системе компетентностного подхода // KANT. 2021. № 2. С. 428–432.
18. Хохрякова Ю. М. Возможности геймификации учебной деятельности студентов вуза // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. 2021. № 5. С. 27–37. DOI: 10.24412/2712-827X-2021-5-27-37.
19. Hartung M. Spielend die Schulen verändern. Текст: электронный // Die Zeit. 2018. Nr. 18. URL: <https://www.zeit.de/2018/18/gamification-schulenbildung-spielen> (дата обращения: 08.08.2024).
20. Linderoth J. Why games don't learn more: An ecological approach to games as learning environment // The Journal of Garming and Virtual Worlds. 2023. No. 17. P. 279–298.
21. Лапин Д. А., Калимулин Б. Б., Хомич Д. А. Медиатизация игрового опыта на примере российского видеоблогинга // Меди@льманах. 2023. № 5. С. 43–51. DOI: 10.30547/mediaalmanah.5.2023.4351.
22. Болотнов А. В. Стрим как новый гипермедиажанр // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2021. Т. 20, № 2. С. 111–120. DOI: 10.15688/jvolsu2.2021.2.10.
23. Доронина Ю. Г. Videоблоги как новые медиа // Альманах мировой науки. 2018. № 6. С. 97–99. EDN YVQEPZ.
24. Aarseth E. J. Cybertext. Perspectives on Ergodic Literature. L.: The Johns Hopkins University Press, 1997. 229 p.
25. Фурманов И. А. Социальная психология агрессии и насилия. Минск, 2016. 392 с.
26. Вострякова П. С., Михалькова О. А., Граф Я. И. Игровая зависимость, причины и возможные последствия // Globus. 2020. № 2. С. 51–55.
27. Северин А. П. Нейрофизиологические паттерны интернет-зависимости // Globus. 2020. № 2. С. 55–58.
28. Красильников Г. Т. Интернет в мире современного подростка: гамельнский дудочник или Млечный путь // Вестник совета молодых учёных и специалистов Челябинской области. 2016. Т. 4, № 4. С. 66–72.
29. Афанасьев О. Н., Шаламова Е. А. Компьютерная зависимость // Медицинская сестра. 2015. № 2. С. 40–43.

Информация об авторе

Корнилова Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; 125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая, 9, с. 1; ekornilova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4606-8484>.

Для цитирования

Корнилова Е. Н. «Многострадальный» Одиссей в видеоиграх XXI века // Гуманитарный вектор. 2024. Т. 19, № 4. С. 151–161. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-151-161.

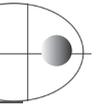
Статья поступила в редакцию 10.09.2024; одобрена после рецензирования 15.10.2024; принята к публикации 16.10.2024.

References

1. Savchuk, V. V. Media philosophy. Attack of reality, SPb: RXGA, 2013. (In Rus.)
2. Shkaev, D. G. Philosophy of computer games. Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 3, Philosophy. 2018. Web. 08.08.2024. <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-kompyuternyh-igr>. (In Rus.)

3. Shevczov, K. P. Boundaries of the game. *International Journal of Cultural Studies*, no. 1, pp. 6–19, 2019. DOI: 10.24411/2079-1100-2019-00001. EDN PKNJGD. (In Rus.)
4. Galkin, D. V. Computer games as a phenomenon of modern culture: experience of interdisciplinary research. *Humanitarian Informatics*, no. 3, pp. 54–72, 2007. EDN PBHHHH. (In Rus.)
5. Arjoranta, J. How are games interpreted? *Hermeneutics for game studies. Game Studies: the international journal of computer game research*, no. 3, 2022. Web. 08.08.2024. http://gamestudies.org/2203/articles/arjoranta_how_are_games_interpreted. (In Eng.)
6. Shevtsov, K. P. Computer games as a subject of philosophical analysis. *Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and conflictology*, no. 1, pp. 98–103, 2016. (In Rus.)
7. Novikova, O. N. Human gaming activity in the space of virtual reality. *Society and power*, no. 6, pp. 16–25, 2018. (In Rus.)
8. Burlakov, I. V. *Homo gamer. Psychology of computer games*. M: Klass, 2000. (In Rus.)
9. Vetushinsky, A. S., Salin, A. S. Game Studies in Russia: the eighth year. *Sociology of Power*, no. 3, pp. 8–13, 2020. (In Rus.)
10. Ståhl, M., Rusk, F. Player customization, competence and team discourse: exploring player identity (co)construction in Counter-Strike: Global Offensive. *Game Studies*, 2020. Web. 08.08.2024. https://www.researchgate.net/publication/348097808_Player_customization_competence_and_team_discourse_exploring_player_identity_coconstruction_in_Counter-Strike_Global_Offensive. (In Eng.)
11. Husemann J. *Die Problematisierung von Gewalt in Computerspielen*. Bielefeld, 2022. (In Germ.)
12. Kurchatova, N. Yu. Gamification in education. Innovations and risk competence of the teacher. *Proceedings of the 16th International Scientific and Practical Conference*. Saratov: Saratovskij istochnik, 2020: 22–27. EDN ZKVCSP. (In Rus.)
13. Karimova, M. R. “Gamify”, or why modern education needs games (on the example of students studying in the fields of “Sociology” and “Political Science”). *Humanities. Bulletin of the Financial University*, no. 1, pp. 46–50, 2020. (In Rus.)
14. Gol'cova, T. A., Prochenko, E. A. The use of gamification tools in the process of teaching foreign languages. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, no. 1, pp. 81–89, 2021. DOI: 10.20323/1813-145X-2021-1-118-81-89. (In Rus.)
15. Igol'kina, M. I., Yazynina, V. S. The use of gamification elements in teaching a foreign language at a technical university. *Humanitarian Bulletin*, no. 1, pp. 1–6, 2021. DOI: 10.18698/2306-8477-2021-1-702. (In Rus.)
16. Sartakova, E. E. Problems of development of the theory of gamification in Russia. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, no. 2, pp. 168–187, 2022. (In Rus.)
17. Tixanovich, T. I. Gamification in the competency-based approach system. *KANT*, no. 2, pp. 428–432, 2021. (In Rus.)
18. Khokhriakova, Yu. M. Possibilities of gamification of educational activities of university students. *Humanitarian studies. Pedagogy and psychology*, no. 5, pp. 27–37, 2021. DOI: 10.24412/2712-827X-2021-5-27-37. (In Rus.)
19. Hartung M. Spielend die Schulen verändern. *Die Zeit*, no. 18, 2018. Web. 08.08.2024. <https://www.zeit.de/2018/18/gamification-schulbildung-spielen>. (In Germ.)
20. Linderoth, J. Why games don't learn more: An ecological approach to games as learning environment. *The Journal of Gaming and Virtual Worlds*, no. 17, pp. 279–298, 2023. (In Eng.)
21. Lapin, D. A., Kalimulin, B. B., Xomich, D. A. Mediatization of gaming experience using the example of Russian video blogging. *Medi@l'manakh*, no. 5, pp. 43–51, 2023. DOI: 10.30547/mediaalmanah.5.2023.4351. (In Rus.)
22. Bolotnov, A. V. Stream as a new hypermedia genre. *Bulletin of Volgograd State University*, no. 2, pp. 111–120, 2021. DOI: 10.15688/jvolsu2.2021.2.10. (In Rus.)
23. Doronina, Yu. G. Video blogs as new media. *Almanac of World Science*, no. 6, pp. 97–99, 2018. EDN YVQEPZ. (In Rus.)
24. Aarseth, E. J. *Cybertext. Perspectives on Ergodic Literature*. London: The Johns Hopkins University Press, 1997. (In Eng.)
25. Furmanov, I. A. *Social psychology of aggression and violence*. Minsk, 2016. (In Rus.)
26. Vostryakova, P. S., Mixal'kova, O. A., Graf, Ya. I. Gaming addiction, causes and possible consequences. *Globus*, no. 2, pp. 51–55, 2020. (In Rus.)
27. Severin, A. P. Neurophysiological patterns of Internet addiction. *Globus*, no. 2, pp. 55–58, 2020. (In Rus.)
28. Krasilnikov, G. T. The Internet in the world of the modern teenager: the Hamelin piper or the Milky Way. *Bulletin of the Council of Young Scientists and Specialists of the Chelyabinsk region*, no. 4, pp. 66–72, 2016. (In Rus.)
29. Afanasyev, O. N., Shalamova, E. A. Computer addiction. *Nurse*, no. 2, pp. 40–43, 2015. (In Rus.)

Information about the author

Kornilova Elena N., Doctoral Degree (Philology), Professor, M. V. Lomonosov State University; 1 bldg., 9 Mokhovaya st., Moscow, 125009, Russia; ekornilova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4606-8484>.

For citation

Kornilova E. N. Sufferer Odysseus in Video Games of the 21st century // Humanitarian Vector. 2024. Vol. 19, no. 4. P. 151–161. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-151-161.

**Received: September 10 2024; approved after reviewing October 15 2024;
accepted for publication October 16 2024.**

Рецензия
УДК 81-114.2

«Язык как он есть»: сборник трудов¹

Сабрина Ханалиевна Шихалиева

Московский университет им. А. С. Грибоедова, г. Москва, Россия
sabrinishkhalieva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1567-9071>

В сборнике статей «Язык как он есть» освещается широкий круг вопросов, связанных с развитием межкультурного и научного сотрудничества в сфере современных исследований по филологии, распространению русского языка и знаний о национальной культуре и литературе в России и в мире. В нём отмечены новые лингвистические эксперименты, институционально обобщены вопросы языков России, отражающие многообразие современных исследований по типологии лингвистики. Сборник статей выстраивается вокруг эмпирических проблем и теоретических решений, над которыми работал директор Института языкознания А. А. Кибрик, а сама книга – результат совместных усилий его коллег и друзей из двух организаций, с которыми он связал свою жизнь – это Институт языкознания РАН и МГУ имени М. В. Ломоносова. Андрею Александровичу Кибрику, директору Института языкознания РАН и профессору кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова исполнилось 60 лет. Данное собрание коротких статей посвящено этой дате. Когнитивный подход к языку в сборнике отражает, с одной стороны, обширную эмпирическую область, рассматривающую язык в ряду когнитивных систем, а с другой – систему теоретических воззрений, настаивающую на том, что понимание устройства языка невозможно без обращения к информации об этих системах. Цель обзора – показать маргинальность критического разделения лингвистики, обобщить проблемы соотносённости языка, систематизировать многообразие экспериментов, связанных с анализом дискурса, продемонстрировать применение методов корпусной лингвистики. Теоретическая значимость состоит в том, что сборник освещает ряд экспериментов по корпусной лингвистике в условиях межкультурного сотрудничества, обобщает типологию дискурса. Сборник статей предоставляет читателю новую научную литературу, отражающую современные практики по формированию единого пространства лингвистики XXI в. Благодаря взаимодействию двух профессиональных картин по корпусной лингвистике на страницах сборника сформировалась познавательная лингводидактическая среда. Практическая значимость сборника заключается в том, что факты и наблюдения, представленные в нём, типизируют описания исследований корпусной лингвистики. Составляющие его 78 статей посвящены дискурсивному анализу, референции, языковому многообразию, когнитивному подходу к языку, социолингвистике и многим другим теоретическим и эмпирическим аспектам изучения естественного языка.

Ключевые слова: дискурс, лингвистика, английский язык, корпусная лингвистика, межкультурная коммуникация

Review

“Language as It Is”: Collection of Works

Sabrina Kh. Shikhalieva

Gryboyedov Moscow University, Moscow, Russia
sabrinishkhalieva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1567-9071>

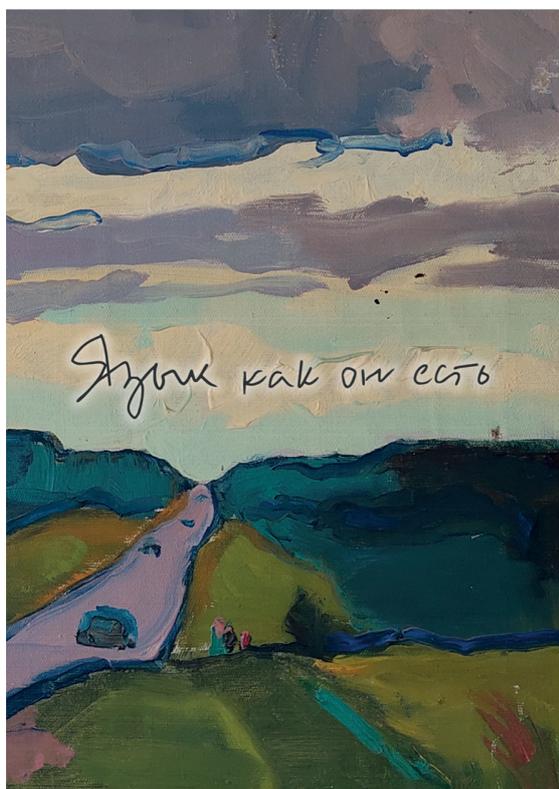
The collection of articles “Language as It Is” covers a wide range of issues related to the development of intercultural and scientific cooperation in the field of modern philological research, dissemination of the Russian language and knowledge about national culture and literature in Russia and the world. It notes new linguistic experiments, institutionally generalizes questions of Russian languages, reflecting the diversity of modern studies on typology of linguistics. The collection of articles is built around empirical problems and theoretical solutions, on which the director of the Institute of Linguistics A. A. Kibrik worked, and the book itself is the result of joint efforts of his colleagues and friends from two organizations, with which he connected his life, i. e. the Institute of Linguistics (Russian Academy of Sciences) and Lomonosov Moscow State University. Andrey Aleksandrovich Kibrik, director of the Institute of Linguistics (Russian Academy of Sciences) and professor of theoretical and

¹ Рецензия на «Язык как он есть» / ред.-сост. Т. И. Давидюк, И. И. Исаев, Ю. В. Мазурова, С. Г. Татевосов, О. В. Федорова. – М.: Буки Веди, 2023. – 564 с.

applied linguistics at the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, turned 60. This collection of short articles is dedicated to this date. The cognitive approach to language in the collection reflects, on the one hand, a vast empirical area considering language in a series of cognitive systems, and on the other – a system of theoretical views. Understanding the language structure is impossible without looking at information on these systems. The aim of the review is to show the marginality of critical division of linguistics, to summarize the problems of language correspondence, to systematize the variety of experiments related to discourse analysis, to demonstrate the application of methods of corpus linguistics. The theoretical significance is that the collection covers a number of experiments on corpus linguistics in the conditions of intercultural cooperation, summarizes the typology of discourse. The collection of articles provides the reader with new scientific literature reflecting modern practices in forming a unified space of linguistics of the XXI century. Thanks to the interaction of two professional pictures on corpus linguistics, a cognitive linguistic environment has been formed on the pages of the collection. The practical significance of the collection is that the facts and observations presented in it typify the descriptions of the research of corpus linguistics. Its 78 articles cover discursive analysis, linguistic diversity, cognitive language approach, sociolinguistics and many other theoretical and empirical aspects of natural language learning.

Keywords: discourse, linguistics, English language, corpus linguistics, intercultural communication

Выход из печати сборника статей «Язык как он есть» является, безусловно, важным шагом в деле освещения вопросов анализа дискурса и корпусной лингвистики XXI в. Актуальность темы не представляет сомнений, поскольку дискурсивный анализ – это важнейший феномен, место которого в мировом культурном наследии. Этот феномен корпусной лингвистики, формировавшийся в течение десятилетий, не только является своеобразным олицетворением России, но и представляет важную часть лингвистики, который дополняется различными малоизвестными подходами, имеющими непосредственное отношение к структурному, семан-

тическому анализу дискурса. Цель обзора данного сборника статей – показать marginalность разделения классической и корпусной лингвистики, обобщить проблемы соотношения языка с инновационным многообразием практик в рамках зарубежных школ. Тем самым обобщение, во-первых, восполнит пробелы, связанные с исследованием дискурса в рамках конкретных зарубежных течений, во-вторых, сформирует в дискурсивных исследованиях представление когнитивных методов (количественных, структурных). Всё это создаст картину описания исследований дискурсивных практик, отражающих многообразие аспектов типологии языков, позволит сориентироваться в потоке соответствующей литературы по поддержке и сохранению языков.

Во вводной части сборника статей освещается ряд интересных аспектов типологии романских и германских языков (английский, испанский, итальянский, французский, датский, норвежский), обобщается опыт по поддержке малых языков России. Эти два аспекта интегрируются в семи разделах книги: I. Дискурсивный анализ (с. 13–95); II. Референция (с. 95–149); III. Языковое многообразие (с. 149–251); IV. Когнитивный подход к языку (с. 251–301); V. Социолингвистика (с. 301–365); VI. Miscellanea (с. 365–419); VII. Наука и жизнь (с. 419–499).

Коллектив авторов – Т. И. Давидюк, И. И. Исаев, Ю. В. Мазурова, С. Г. Татевосов, О. В. Федорова – описывает развитие лингвистики в России (с. 5–11). Оригинальность данного сборника статей заключается в том, что концепция типологии лингвистики расширяется не только списком германских и романских языков, но и списком языков народов России (ижорский, башкирский,

цузский, абазинский, даргинский, агульский, удмуртский, тувинский, хакасский). Отдельного внимания заслуживает статья «Лингвистические карты А. А. Кибрика», в которой перечислены исследования А. А. Кибрика по поддержке и сохранению языков России.

Первый раздел сборника статей «Дискурсивный анализ» отражает главную исследовательскую мысль коллегиальной работы – противопоставление концепции корпусной и компьютерной лингвистики. В этом разделе дискурсивный анализ текстов приобретает черты эмпирической науки, оснащённой процедурами компьютерной лингвистики. Тринадцать статей, опубликованных в этом разделе, составляют статьи о теории компьютерной лингвистики – таксономии дискурса, взаимодействии дискурсивных единиц с единицами субдискурсивных уровней. В статье Ю. М. Дёминой описывается дискурс повседневной коммуникации в языках Юго-Восточной Азии – сложная система частиц диалектов китайского языка. В статье Ю. В. Мазуровой обсуждается звуковой корпус устных текстов языка куллуи, распространённый в штате Индии. Корпус текстов на языке куллуи создан на основе полевых материалов, собранных сотрудниками Института языкознания РАН и Института востоковедения РАН.

Не менее информативен второй раздел сборника «Референция»: в нём очевидна тематическая составляющая – многочисленные исследовательские статьи о решении референциальной неоднозначности. Восемь статей этого раздела развивают идеи средства референции в корпусной лингвистике, распространяют новый материал и поднимают новые исследовательские вопросы. В статье О. И. Беляева «Референциальный выбор в системе указательных местоимений... осетинского языка: к постановке проблемы» сделаны попытки описания фрагмента референциальной системы осетинского языка. Несмотря на то, что был рассмотрен небольшой фрагмент референциальной системы, автору удалось выявить закономерности поддержания референции при развёртывании дискурса, с которой сталкиваются участники коммуникации. В статье В. Ф. Выдрина обсуждаются «Редуцированные средства референции в бама-на». Автор отмечает, что в баманской прономинальной парадигме нет недоразличения форм 2 лица: в обеих позициях прономи-

нальной парадигмы употребляются и сильные, и слабые формы референции. Статья Л. Гренобл – это вклад в изучение референциальной структуры эвенков, живущих на обширной территории Сибири и северо-восточной России. В статье Ш. Израэли анализируются средства референции в иврите, обсуждается их презентативная функция. Интересной и новой оказалась информация, представленная в статье Д. И. Эдельман «К динамике субъектной референтности глагола (памирский ареал)». Автор поделилась наблюдениями об общности средств референциальной структуры глагольных форм в языках шугнано-рушанской группы.

Третий раздел посвящён ключевому лингвистическому направлению «Языковое многообразие» в общности маркирования субъекта и объекта. В статье А. П. Выдрина «Дифференцированное падежное маркирование объекта в ягнобском языке» отмечено, что падежное маркирование прямого объекта зависит прежде всего от одушевлённости объекта и в меньшей степени от референтности. В статье И. С. Рябовой, К. Н. Прохорова обсуждаются аспекты средств выражения каузатива в языках нигер-конго.

Четвёртый раздел «Когнитивный подход к языку» и помещённые в него восемь статей отражают, с одной стороны, обширную эмпирическую область, рассматривающую когнитивную систему языка, усвоение, хранение и обработку информации, а с другой – систему теоретических воззрений и понимание, что устройство языка невозможно без информации о языковом многообразии мира.

В пятом разделе «Социолингвистика» представлено десять статей о языковом сдвиге и языковых контактах. Языковое многообразие унифицируется: те языки, которые ещё вчера не внушали ни малейших опасений исчезновения, сегодня нуждаются в институциональной поддержке. В статье Л. И. Куликова «Кентавры, гандхарвы, цербер и их возможные северокавказские корни» обсуждается концепция контактов индоевропейцев на Ближнем Востоке в древности.

Шестой раздел «Miscellanea» – это статьи на английском языке. Здесь обсуждаются статьи, связанные с проблемами синтаксиса, грамматики и грамматической семантики.

Из текстов седьмого раздела «Наука и жизнь А. А. Кибрика» вырисовывается образ А. А. Кибрика – руководителя, учителя,

коллеги, друга. Завершает сборник статей Список трудов (с. 499–532), Сведения об авторах статей (с. 532–554) и Авторские благодарности (с. 554).

В сборнике статей очевиден широкий фон лингвистических проблем, выводящий их за границы узкой специализации. Обозреваемый сборник статей представляет собой научный труд с систематизированными работами по типологии лингвистики. В них обобщаются факты опыта узкой специализации: актуализируются островные свойства китайского языка, языка куллуи, систематизируются дискурсивные маркеры каузатива пяти нигеро-конголезских семей – банту, догон, атлантических, манде и гур, содержательно описывается референциальная система в бамана, иллюстрируются различные подходы к анализу коллокаций в иврите, отмечаются островные свойства

древнеиндийского дискурса, перечисляются дискурсивные маркеры глагольных форм в языках шугнано-рушанской группы.

Сборник статей «Язык как он есть», несомненно, больше, чем сборник научных трудов – это необычная летопись разных лингвистических школ XX–XXI вв. Благодаря взаимодействию двух разных школ – российской и международной, двух профессиональных картин мира на страницах сборника статей сформировалась особая познавательная лингводидактическая научная среда.

Книга получилась содержательной, информативной, научно ценной. Её особенность в том, что каждый анализируемый язык обогащает методологию научного исследования, расширяет границы профессиональной картины мира в преподавательской деятельности.

Сведения об авторе

Шихалиева Сабрина Ханалиевна, доктор филологических наук, Московский университет им. А. С. Грибоедова; 111024, Россия, г. Москва, ул. Энтузиастов, 1-я, 6; sabrinashikhalieva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1567-9071>.

Для цитирования

Шихалиева С. Х. «Язык как он есть»: сборник статей // Гуманитарный вектор. 2024. Т. 19, № 4. С. 162–165.

Статья поступила в редакцию 10.09.2024; одобрена после рецензирования 20.10.2024; принята к публикации 23.10.2024.

Information about the author

Shikhalieva Sabrina Kh., Doctoral Degree (Philology), Griboyedov Moscow University; 6/1 Entuziastov st., Moscow, 111024, Russia; sabrinashikhalieva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1567-9071>.

For citation

Shikhalieva S. Kh. "Language as It Is": Collection of Works // Humanitarian Vector. 2024. Vol. 19, no. 4. P. 162–165.

Received: September 10, 2024; approved after reviewing October 20, 2024; accepted for publication October 23, 2024.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Редакция принимает **не опубликованные ранее** материалы объемом до 1 п. л. (40 000 знаков с пробелами) на русском, английском, китайском языках, выполненные в жанре научно-исследовательская статья, научный обзор, научное сообщение, рецензия. Все поступающие материалы проходят проверку на оригинальность в лицензионной программе «Антиплагиат». Оригинальность разделов «Результаты исследования», «Обсуждение результатов», «Заключение» должна быть не менее 80 %.

Один автор в одном номере может опубликовать только одну статью.

В редакцию НЕОБХОДИМО ПРЕДСТАВИТЬ:

1. Электронный вариант статьи. В имени файла указываются фамилия автора(-ов) и название статьи.
2. Электронный вариант заполненного **лицензионного договора**.
3. Личную карточку автора – сведения об авторе(-ах).

Структура статьи, представляемой в редколлегию журнала

Отрасль науки. Название рубрики журнала.

Код: УДК, ORCID.

Инициалы, фамилия автора приводятся на русском и английском языках. Количество соавторов в статье может быть не более 5. При наличии соавторов первым указывается ответственный/основной автор. На русском и английском языках даётся описание вклада в исследование каждого автора (по 1 предложению).

Город, страна – на русском и английском языках.

Место работы (постоянное и при наличии – место выполнения научного проекта) – на русском и английском языках.

Почтовый адрес – на русском и английском языках.

Название статьи – на русском и английском языках строчными буквами (не заглавными). Название должно быть компактным и достаточным для понимания содержания статьи (не более 10 слов).

Аннотация: 200–250 слов на русском и английском языках. Аннотация должна отражать содержание статьи и включать **следующие блоки:**

1. Введение (актуальность, новизна, постановка проблемы, цель и гипотеза исследования).
2. Материалы и методы исследования.
3. Конкретные результаты исследования.
4. Обсуждение результатов исследования.
5. Выводы и перспективы исследования.

Аннотация не должна содержать каких-либо ссылок.

Ключевые слова или словосочетания (5–7 терминов/понятий или маркеров проблемы, отражают содержание и концепцию статьи) отделяются друг от друга запятой. Приводятся на русском и английском языках.

Основной текст статьи должен содержать следующие блоки: введение, обзор литературы, методология и методы исследования, результаты исследования, обсуждение результатов, заключение – выводы. **Название блоков выделяется полужирным шрифтом.**

Статья должна иметь внутритекстовые ссылки на цитируемые источники. Ссылки приводятся в квадратных скобках с указанием порядкового номера в списке литературы и страницы, например [1, с. 25]. Несколько источников отделяются друг от друга точкой с запятой, например [1; 3; 4].

По возможности нужно использовать **наглядный материал:** диаграммы, карты, рисунки, таблицы и др. Необходимо указывать авторство всех иконических данных, полученных из других источников (рисунки, таблицы, диаграммы и др.), сопровождая их соответствующей ссылкой и названием на русском и английском языках.

Ссылки на грант, организации и людей, оказавших финансовую поддержку в подготовке статьи, указываются в **разделе Благодарности** – на русском и английском языках.

Список литературы указывается по мере цитирования (упоминания в тексте статьи) и должен включать не менее 25 источников, включая за последние 4 года – не менее 15, иностранных – не менее 10. При наличии в источнике указывается DOI.

Учебные пособия, публицистика, архивы, справочные, словарные и законодательные материалы являются **источниками**, не входят в список литературы и выносятся в текст статьи в виде подстрочных ссылок (сноски внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра, нумерация – постраничная.

Список литературы оформляется согласно ГОСТу Р 7.0.5-2008. Для каждого источника обязательно указываются издательство, общее количество страниц.

Необходимо повторить русскоязычный список литературы также на английском языке, оформить **References** согласно следующим требованиям:

1. Автор/ы (транслитерация в формате BSI, BGN).
2. Название работы/ источника (перевод на английский язык).
3. Выходные данные: город, издательство, год, том, диапазон страниц (транслитерация).
4. Указание на язык источника (In Rus.)

Самоцитирование допускается в объеме не более 10 % от общего количества источников в списке литературы.

Технические параметры статьи

Рабочие языки: русский, английский, китайский.

Общие требования: формат – А4, ориентация – книжная.

Параметры страницы: верхнее и нижнее – 2 см; левое и правое – 2,5 см. Шрифт – Arial, кегль – 14, интервал – 1,5 строки. Отступ первой строки – 1,25 см. Текст – без переносов, выравнивание – по ширине. При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи следует представить их в редакцию. При наличии в статье других языков необходимо дублировать статью в формате PDF.

На последней странице статьи указывается, что «статья публикуется впервые», ставятся дата и ФИО автора(-ов).

Особенности набора слов, цифр, формул, единиц измерения.

Единицы измерения отделяются от символов и цифр, к которым они относятся.

Следует различать: О (буква) и 0 (ноль), 1 (единица) и I (римская единица или буква «и») и т. д. Необходимо отличать дефис (-) и тире (–).

Не следует заменять букву «ё» на «е».

Таблицы оформляются в формате Word, должны быть озаглавлены и иметь сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами, например *таблица 1*, в тексте ссылки нужно писать сокращённо, например *табл. 1*. Содержание таблиц не должно дублировать текст. Слова в таблицах следует писать полностью, переносы должны быть расставлены верно. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

Рисунки оформляются только в чёрно-белом варианте (графики, диаграммы – формат Excel, схемы, карты, фотографии), приводятся со сквозной нумерацией (арабскими цифрами) и везде обозначаются сокращённо, например *рис. 1*. Представляются в формате jpg (разрешение – не менее 300 т/д) отдельными файлами с указанием его порядкового номера, фамилии автора(-ов) и названия статьи. Размер рисунка – 170×240 мм. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться. Все **подрисуночные подписи на русском и английском языках** прилагаются отдельным списком в конце статьи. Рисунки, полученные из других источников, должны сопровождаться соответствующей ссылкой.

Объём рисунков не должен превышать ¼ объёма статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Авторы несут полную ответственность за ссылочный аппарат, подбор и изложение фактов, представленных в статье.

Приём статей, их редакторская подготовка и публикация бесплатны для авторов.

Пакет документов, необходимый для опубликования материалов, отсылается по электронной почте: zab-nauka@mail.ru.

Адрес редакции

672007, Россия, Забайкальский край, г. Чита, ул. Бабушкина, 129

Забайкальский государственный университет

Редакция научных журналов (каб. 126).

Ответственный секретарь

Седина Елена Витальевна

e-mail: zab-nauka@mail.ru

Тел. +7 (3022) 35-24-79

MANUSCRIPT SUBMISSION PROCEDURE

The Editorial Board accepts manuscripts which **haven't been previously published**. Manuscripts prepared in Russian, English or Chinese should not exceed 40,000 characters with spaces and are to be written in the genre of research article, scientific review, scientific report, review. The sent articles are checked for originality by the anti-plagiarism software. The originality of the sections "Research Results", "Discussion of Results", "Conclusion" should be 80%.

One author can publish only one article in the issue.

Submission Package

Authors should enclose the following documents in the package:

1. Electronic copy of the article. The name of the file should contain the author's name and the title of the article.
2. Data of access and publishing agreement.
3. Information about the author.

The Structure of the Paper Submitted to the Editorial Board

Branch of science (journal section).

Code: UDK, ORCID.

Initials, author's surname (in Russian and English). The number of co-authors should not exceed 5 persons. If there is more than one author, the name of the main author should be given first. There should be information on the author's contribution in Russian and English (one sentence long).

City, country (in Russian and English).

Affiliation (place of work) in Russian and English.

Mail address.

Sources of financing (if there are any) in Russian and English.

Title of the paper in **Russian** (lowercase letters only) and **English** (in title capitalization the first and last words and all nouns, pronouns, adjectives, verbs, adverbs, verbs, and subordinate conjunctions (*if, because, as, that, etc.*) are capitalized).

Abstract (200 to 250 words) in Russian and English. The abstract should reflect the main outcomes of the research and include the following parts:

1. Introduction (relevance, novelty, problem statement, purpose and hypothesis of the research).
2. Materials and research methods.
3. Specific results of the study.
4. Discussion of the research results.
5. Conclusions and perspectives of the study.

The abstract should not contain any references.

Keywords or word combinations (5–7 terms/concepts or problem markers, reflecting the content and concept of the article, separated by a comma. They are given in Russian and English).

The main text of the article should contain the following parts: introduction, literature review, methodology and research methods, results of the study, discussion of the results, conclusion – resumes. The titles of the parts are given in bold type.

The article should have in-text references to cited works. References are given in square brackets, indicating the source number in the reference list and the page number as well, e. g. [1, p. 25]. Several sources are separated by a semicolon, e. g. [1; 3; 4].

If possible, it is necessary to use visual material: diagrams, maps, figures, tables, etc. It is necessary to indicate the authorship of all iconic data obtained from other sources (figures, tables, diagrams, etc.), accompanying them with the appropriate reference and title in Russian and English.

References to the grant, organizations and people, who provided financial support in the preparation of the article, should be indicated in the Acknowledgements section – in Russian and English.

The list of references is given as cited (mentioned in the text of the article) and should include not less than 25 sources, including the sources for the last 4 years – not less than 15, foreign ones – not less than 10. If available in the source DOI is indicated.

Textbooks, publicism, archives, reference, dictionary and legislative materials are **sources**, which are not included in the list of references but are included in the text of the article as footnotes (footnotes at the bottom of the page). The footnote marker is an Arabic numeral; the numbering is according to the page number.

The reference list should be compiled according to the Russian State Standard (GOST) R 7.0.5-2008. For each source the publisher, the total number of pages must be specified.

It is necessary to repeat the Russian-language list of references also in English, to form **References** according to the following requirements:

1. Author/s (transliteration in BSI, BGN format).
2. Title of the work/source (translated into English).
3. The output data: city, publisher, year, volume, page range (transliteration).
4. Indication of the source language (In Rus.).

Self-citation is allowed in the volume of not more than 10 % of the total number of sources in the list of references.

Article Format Requirements

Languages of publications: Russian and English, Chinese

General requirements: Margins of the A4-size page (book orientation) should be: top and bottom – 2 cm, left and right – 2.5 cm. The main text should be Arial 14 pt with 1.5 spacing. First line indent – 1.25. The text should not include automatic hyphenation; it should be centered on the width.

If using additional fonts, consult the editor.

The last page of the manuscript should contain the note “The article is published for the first time”, the date and the author’s signature.

Words, figures, formulas, measurements

Units of measurement are repulsed from characters and numbers to which they relate.

A clear distinction should be made about o (letter) and 0 (zero), 1 (one) and I (Roman unit or the letter “I”), a hyphen (-) and a dash (–).

Don’t use letter “e” instead of “ë”.

All **tables** must be created in Word, be titled and marked with Arabic numbers (e. g. Table 1). Within the body of the text, references to tables should be abbreviated (e. g. tab. 1). The content of the table should not duplicate the text. The words in the tables should be written in full with correct hyphenation. The table cell should not include a dot at the end of the sentence.

Black-and-white drawings (graphs, diagrams – Excel format, charts, maps, photos) should have Arabic numbers, the word “figure” should be always abbreviated (e. g. fig. 1). Illustrations are submitted in jpg format (with a minimum 300 dpi resolution or higher) as separate files, indicating their number, author’s name/authors’ names and the title of the article. Image size 170×240 mm. When reducing, all details of the image should be distinguished. All captions in Russian and English are included in a separate list at the end of the article. Figures obtained from other sources should be accompanied by an appropriate reference. Figures must not exceed 1/4 length of the article text.

The articles that do not meet the above mentioned requirements will not be accepted.

The authors are fully responsible for the accuracy of quotations and references.

Payment for the author’s copy postage.

Article submission, processing and publication are free of charge.

The complete package should be sent to the following address:

129 Babushkina st., Chita, 672007, Russia
Transbaikal State University, Editorial Board (Room 126)

Executive Secretary

Sedina Elena V.

e-mail: zab-nauka@mail.ru

Tel. +7 (3022) 35-24-79